

А.А. БРУДНЫЙ

ПРОСТРАНСТВО

ВОЗМОЖНОСТЕЙ

А.А. БРУДНЫЙ

**П Р О С Т Р А Н С Т В О
ВОЗМОЖНОСТЕЙ**

*Введение
в исследование реальности*

ПРОГРАММА
«Трансформация гуманитарного образования
в Кыргызской Республике»

А.А. БРУДНЫЙ

П Р О С Т Р А Н С Т В О
ВОЗМОЖНОСТЕЙ

*Введение
в исследование реальности*

Бишкек 1999

ББК 87
Б 89

Данное издание подготовлено в рамках программы «Трансформация гуманитарного образования», осуществляемой Фондом «Сорос — Кыргызстан» совместно с Министерством образования, науки и культуры Кыргызской Республики.

Спонсор программы — известный американский филантроп Джордж Сорос.

Фонд «Сорос — Кыргызстан» будет благодарен за отзывы, замечания и предложения в адрес данной книги.

Брудный А. А.

Б 89 **Пространство возможностей: Введение в исследование реальности/ Худ. А. Н. Карпов. — Б.: Илим, 1999. — 388 с.**

ISBN 9967-11-031-7

Что с нами происходит? Есть ли смысл в нашем существовании и в самом существовании мира? Современная наука пытается ответить на эти вопросы, рассматривая огромное пространство возможностей, в котором мы живем. Часть из них реализуется, часть нет, а философия говорит нам о том, что было с человечеством и что его ждет.

От глубин человеческой души до парадоксов рыночной экономики простирается панорама проблем, освещаемых в этой книге.

Она адресована всем, кого эти проблемы интересуют.

Б 0301020000-98

ББК 87

ISBN 9967-11-031-7

© Брудный А. А., 1999 г.

© Фонд «Сорос — Кыргызстан», 1999 г.

Вместо введения

СИЗИФ И ЕГО КОМАНДА

Там, где, по свидетельству нашего опыта, кончаются все возможности, где, по нашему пониманию, мы упираемся в стену абсолютно невозможного, где со всей очевидностью выясняется, что нет никакого исхода, что всё навсегда кончено, что человеку нечего уже делать и не о чем думать, и остается только глядеть и холодеть, где люди прекращают и должны прекратить всякие попытки исканий и борьбы, только там... начинается истинная борьба — и в этой борьбе задача философии.

Лев Шестов

Вверх и вниз

Летит с горы огромный камень, а вслед за ним, приплясывая, несутся те, кто с таким трудом вкатывал его наверх. Впереди здоровенный парень в желтой рубашке (яркое пятно) с закатанными рукавами. За бегущими — странно острый, словно сточенный край вершины и тревожное белое облачко: то ли вулкан курится, то ли фитиль тлест. Но им не до него. Забыт труд, забыта надежда — все сорвалось... И они пляшут, охваченные злым восторгом, они мчатся вниз.

Это картина Вольфганга Матойера «Сизиф и его команда».

Конечно, его навел на подобное решение Камю: «Надо представить себе Сизифа счастливым»¹. Но все равно, картина неожиданная, провидческая. Понятно, я знал, чем все кончится, но не мог догадаться — *как*. А Матойер догадался. Ватага трудящихся у него дана в состоянии отвлечения от *былых* возможностей.

Им открылись *новые*.

Они еще не знают — *какие*.

Это про нас.

Про наше недавнее прошлое. Но и про настоящее. Понятие возможности сейчас раскрылось перед нами как ведущее, главное, торжествующее.

Это не Сизиф торжествует. Торжествует непонятное, но неотвратимое будущее.

А Сизиф занят делом: он снова толкает камень вверх по крутому склону. Тем же занят и каждый из нас.

Зачем?

А, по-видимому, иначе нельзя.

Вот этому «иначе нельзя» и посвящена книга, которую вы открыли.

Действительно, что бы мы ни думали о горном склоне и о камне, надо толкать его вверх. Надо жить. Даже если мы знаем, что жизнь ничего хорошего в конечном счете не обещает. Пессимизм разума, оптимизм воли, как говаривал бесстрашный инсургент Малон.

¹ Камю А. Творчество и свобода. — М., 1990. — С. 109.

Такой подход к реальности эффективен. Он проливает свет на действительность, и сквозь настоящее начинается просвечивать будущее.

Вот какое будущее проступало сквозь действительность 1922 г.

«Я совсем не оптимист, довольно пессимистически смотрю на то, что образуется в России после того, как не будет уже коммунистов и их власти. У нас останется страшная деморализация... Будет потребность в довольно невысокой технической цивилизации. Будут задавать тон бесстыдные и наглые новые «буржуи»... Но в меньшинстве сохранится и власть культуры духа»¹.

Точность прорицания неоспорима. Привлекает внимание то обстоятельство, что философов нередко критикуют именно за то, что они высказывают свои мысли темно и расплывчато. Н. А. Бердяеву такой упрек бросить нельзя. Можно даже сказать, что на картине, им нарисованной, найдется место не только для России. Он смотрит на мир пронизательно. Глазами философа.

На философию XX века падает тень ассирийского демона смерти, чьи простерты, как у бомбардировщика, крылья сплошь покрыты глазами. Он видит всех людей, и уйти от него нельзя. Но и он иногда ошибается — «явившись за душой, убеждается, что пришел слишком рано, что не наступил еще человеку срок покинуть землю. Он не трогает его души, даже не показывается ей, но прежде чем удалиться, незаметно оставляет человеку еще два глаза из бесчисленных собственных глаз. И тогда человек внезапно начинает видеть — сверх того, что видят все и что он видит своими старыми глазами, — что-то совсем новое...»².

«Что-то совсем новое». Что же это?

Прошлое, которое неистребимо. Будущее, которое неотвратимо. Реальность, как она есть. Все, что обозначается кратким и емким словом *существование*. Что в этом может быть нового?

Начнем с реальности. *Реальность* — то, что существует. Но для философа здесь немало сложностей. Так, одни утверждают, что свойством реальности обладает только вполне материальная

¹ Бердяев Н. А. Письмо А. Тырковой. 7 ноября 1922 г. // ВЛ. — 1997. — № 4 (июль — август). — С. 383.

² Шестов Л. На весах Иова: Странствования по душам. — Париж, 1929. — С. 27. Обратите внимание на название книги. Это к Иову были обращены слова Господние «Нисходил ли ты во глубину моря и входил ли в исследование бездны?» (Иов, 38:16).

действительность. А психика, мышление есть нечто иное. И даже ненужное.

Науке, во всяком случае.

«Надо полагать и надеяться, — утверждал Д. И. Писарев, — что понятия психическая жизнь, психологическое явление будут со временем разложены на свои составные части. Их участь решена: они пойдут туда же, куда пошел философский камень, жизненный эликсир, квадратура круга, чистое мышление и жизненная сила. Слова и иллюзии гибнут — факты остаются»¹. Заметьте, что психические явления здесь решительно выводятся за рамки категории «факт», не только решительно, но даже раздраженно. И это не удивительно. Всем ненавистен порог, о который спотыкаются. А как не споткнуться об утверждение, что факты психической жизни — не факты, что их нет, ведь они существуют, и каждому это известно из неопровержимого личного опыта.

Но ведь и ссылки на личный опыт, доведенные до своего логического завершения, тоже ни к чему убедительному не приводят.

Дэвид Юм говорил об имеющих опорой личный опыт и логически очень точно выстроенных доводах Беркли, что их никто не в силах опровергнуть и убедить они никого не могут тоже.

Мне аргументация Беркли тоже убедительной не кажется.

Но не могу не познакомить читателя с таким взглядом на реальность, который в свое время произвел на меня большое впечатление. Тот, чьи слова вам предстоит сейчас прочесть, отнюдь не отрицал фактической реальности мира и мысли. Не отрицал и реальности человеческого «я».

Он утверждал:

«— Нет ничего, кроме пустоты и тебя.

— И меня?

— Но ты — это тоже не ты. Нет тела твоего, нет крови твоей, нет костей твоих — есть только *мысль*... Сейчас ты останешься один навек в необъятном пространстве и будешь бродить по его бескрайним пустыням без товарища, без друга, потому что ты — только мысль, единственная мысль на свете, и никому не дано ни разрушить эту одинокую мысль, ни истребить ее.

Странно! Как странно, что ты не понял этого уже давным-давно, сто лет назад, тысячи лет назад, не понимал все время, что сущест-

¹ См.: Русское слово. — 1861. — № 9 (Отдел «Иностранная литература», столбец 15).

внешний-единственный в вечности. Как странно, что ты не понял, что ваша вселенная и жизнь вашей вселенной — только сон, видение, выдумка. Странно потому, что мир ваш так чудовищен и так нелеп, как может быть чудовищен и нелеп только сон.

...Теперь ты понимаешь, что подобное возможно лишь во сне. Теперь тебе понятно, что это не более чем абсурд, порождение незрелого и путаного воображения, которое не способно даже осознать, насколько оно нелепо — все это только снится, как только ты не понял это раньше!

Все, что я тебе сейчас сказал — правда! Ни бога, ни вселенной, ни человечества, ни жизни — ничего этого нет. Все только сон, запутанный и бессмысленный. Нет ничего кроме тебя. А ты — только *мысль*, заблудившаяся, бесцельная и бездомная, затерянная в вечном пространстве¹.

Итак — без других. Без «окружающего мира».

В пустоте.

Вы, читатель, — не более чем мысль в пустоте, а я — ваш воображаемый собеседник, значимый Другой.

Но я думаю о себе и о вас иначе.

Наоборот.

Я имею смелость (или неосторожность) полагать, что мир реального гораздо шире, чем считают наивные реалисты: и сторонники полного господства «объективной реальности», и одинокие борцы за торжество единственной реальности — субъективной. Фикции западной философской мысли проистекают именно из противопоставления «субъект — объект», «мысль — реальность», противопоставления, в значительной степени не свойственного философии Востока.

Утверждают, что мысль лишена реальности, поскольку существует непротяженно, только во времени — вспыхнет и исчезнет. Ну и что? Огонь погаснет, но не остынет. Что же, Сфинкс пустыни более реален, чем замысел его творца и страдания тех, кто высек его из камня? Не убежден.

Вне замысла и страданий и Сфинкса никакого не было бы.

Но вот говорят, что они исчезли, а Сфинкс остался. А мне представляется (и вы сейчас со мной согласитесь), что замысел, проект не исчез, он обрел вещественные — материальные, если угодно, очертания. Более того, эти вещественные очертания в определенных

¹ *Тен М. Собр. соч. — Т. 9. — М., 1961. — С. 672, 674.*

отношениях слабее проекта, замысла — Сфинкс пострадал от времени, а конкретно — во время артиллерийских учений в конце XVIII века.

Все бесконечные рассуждения об «окружающем мире» меркнут, когда мы спрашиваем себя, кого и что он окружает. Мой (и ваш) мозг тоже часть окружающего мира, а ведь «я», вполне реальное «я», не «окружено» мозгом, нашей планетой, системой неподвижных звезд — ничье «я» пространственной локализации не имеет. В то же время оно существует, оно реально.

Просто реальность различна, неравноценна.

Со временем начинаешь понимать, что первая реальность — *собственное тело* и, чтобы понять это, человеку даны стенокардия и зубная боль.

Вторая реальность — *она, ее тело* и, чтобы понять это, дана молодость.

Третья реальность — *это мир, весь мир* и, чтобы понять его, дана жизнь.

Различать их необходимо, но различие между ними не абсолютно. В конечном счете реальность одна, и ты сам — ее необходимая часть.

Естественно, все, что вы сейчас прочли, есть результат работы мышления, до некоторой степени отражающий и ход движения мысли. В принципе мышление — контрколлективный процесс. Как было сказано Асангой (в V в.), «подобно льву, не устрашаемому шумом, подобно ветру, не уловимому сетью, подобно лотосу, не пронизаемому водою, подобно носорогу — иди в одиночестве». Отсюда не вытекает, что мыслящему не нужен Другой. Он даже необходим. Но вечный парадокс мышления состоит в том, что Другого рядом нет. Рядом другие, а это просто ад (как понял и точно сформулировал Сартр). Другой существует вдали или внутри. Даль времени или даль пространства, глубина души позволяют философу беседовать с Сократом или Заратустрой. «Я» ощущает свою целостность, только получив ответ от «ты», как писал Фридрих Шлегель еще в 1728 г¹.

Мне представляется, что мы с читателем и другими коллегами беседуем сейчас, сидя за одним столом — вне времени (когда

¹ О дневниковой записи Ф. Шлегеля сообщил мне И. В. Пешков, которому я сердечно благодарен.

читаешь, как-то отключаешься — на несколько минут или часов¹). Диалог — исходный феномен философствования. Диалогическая форма изложения всегда присутствует в философских трудах, иногда эксплицитно (диалоги Платона и Беркли, например), а иногда имплицитно. Разве тот, кого я цитирую, не говорит в это время с читателем? Разве полемика и обращение к авторитету — две необходимые особенности философских трудов — не модификация диалога? На страницах этой книги вы найдете и диалоги, и пересказ дискуссий, выступлений — хотелось приблизить ход изложения мысли к тому, как она возникает и высказывается. Но есть у диалога и иная функция: со времен великого Стагирита соотношение вопроса и ответа выступает как нечто глубинно связанное с таким понятием, как смысл.

Проницательный читатель заметит, что в первооснове работы лежат биномы Габриэля Марселя: *обладание — существование, проблема — тайна, мнение — вера, любопытство — тревога*. Веса жизни раскачиваются между этими величинами, и раскачивает их время.

О XIX веке говорили, что он оказался непомерно длинным — он начался в 1789 и завершился в 1914 г. Кто знает — о XX веке могут сказать, что он оказался слишком коротким, иногда кажется, что главные черты двадцатого столетия уже обозначились, основные события завершились, и XXI век преждевременно, хотя и не торопясь, вступает в свои права.

Если это так, то постмодернизм образует мост между двумя веками. Работа, которую вы читаете, выполнена в постмодернистской манере.

В. В. Иванов, историю семиотики знающий в деталях и понимающий ее концептуально, заметил некогда, что XX век обещал стать веком синтаксиса, а стал веком семантики.

Это было прекрасно сказано. Век начинался с движения, с маловероятных и совсем невероятных монтажных стыков, порождающих новые смыслы; их значение оказалось очень велико, централь-

¹ Как у Рильке:

Я зачитался. Я читал давно.
Я вглядывался в строки, как в морщины
Задумчивости, и часы подряд
Стояло время или шло назад.

(Перевод Б. Пастернака)

ные персонажи текста мировой истории были крупными. Иногда не кажется преувеличенным утверждение, что мир прошел высшую точку развития где-то в 20-х годах, и это подтолкнуло исследователей к переходу от изучения вещей к анализу их значения. Так или иначе, погружение в структуру и смысл текстов стало давать ощутимые результаты. Но последовательно скомпанованной философской системы они не образовали. Естественное для творческого ума стремление к самовыражению привело нас в мир постмодерна — мир расширенных и все расширяющихся возможностей.

В этом — одна из главных причин того, что внимание исследователей привлекает пространство возможностей. Лао Цзы прав: тридцать четыре спицы сходятся к ступице колеса, но, чтобы оно вращалось, в центре должна быть пустота¹.

Туда должна войти ось.

Это метафора пространства возможностей.

Вокруг какой оси, в какую сторону, с какой скоростью происходит вращение? — ответ на эти вопросы скрыт в центре колеса.

Отвечать на них приходится не только в настоящем времени: многое скрыто в прошедшем, а многое — в будущем.

Пустота есть пространство, в котором господствует будущее. Пустой лист бумаги потенциально есть великое произведение литературы.

Если следовать Жаку Эллиолу, можно заключить, что прошлое всегда скрывает в себе «толчок сзади», и в этом его значение для настоящего и будущего². Нет смысла с этим спорить, каждый чувствует эту безличную энергию толчка, то усиливающуюся, то слабеющую. Но прошлое, на мой взгляд, не столько определяет формы настоящего, сколько помогает в них всматриваться, и, напротив, то, что нам известно в настоящее время, помогает разглядеть прошлое. Это своего рода push-pull — «пушпульный каскад», как говорили на заре века радиоэлектроники, каскад усиления понимания.

Усиление понимания есть движение a realibus ad realiora — к самому действительному, и прошлое иногда врывается на страницы книги: прожекторы, рассекающие черное небо, верткие бипланчики,

¹ «Пустота становится местом смысла», как заметил Жиль Делёз (см.: Делёз Ж. Логика смысла. — М., 1995. — С. 167).

² См.: Ellul J. The Technological Society. — L., 1965. — P. 89.

пенсне Иеронима Уборевича, поцарапанная защитная краска на клепаной броне двухбашенных легких танков. И карты:

А карты жили и пестрели
Значками будущих побед,
И карандашные в них заменяли стрелы
Движень войск, которых нет¹.

Значимое, сконцентрированное в знаках, хранимое в памяти, вновь обретает формы, в которых оно существовало как являющееся. Оно оживает. Как во сне.

«У бодрствующих один общий мир, а спящие отворачиваются каждый в свой собственный»², — говорил Гераклит.

Но в «своем собственном» мире индивида может быть освещен общий для всех бодрствующих мир. И так ярко, что сквозь унылую явь начнет просвечивать значение реальности. Творческой личности это дано. Она способна перевести напряжение коллективного бессознательного в коллективное сознательное. Благодаря творцу «коллективное психическое бремя, скрытое в жизни общества, концентрируется в образах культуры. Короче говоря, он является сновидцем, по крайней мере — непосредственным сновидцем коллективного сновидения»³. В сущности, творческая личность лишь подтверждает в усиленной, остранинной форме то, что сон — часть реальности. И когда мы читаем у Гюто фон Гофмансталя:

Мне слишком многое приснилось.
Отрежь пожар мне эти сны, колдун!⁴...

то понимаем: речь тут идет о желании изменить видение мира, а не снов.

Сказанное частично поясняет, почему далее (как, впрочем, и в других своих работах) я ссылаюсь не только на книги, но и на фильмы. Безбумажный способ выражения мыслей и переживаний постепенно становится доминирующим. Фильм есть равноправный с книгой феномен культуры. В эру воспроизводимого изображения и звука постепенно изменяется и наше мышление. Лестничные клетки в «Сердце ангела» Алана Паркера вспоминаются как удачные строчки

¹ Из «Золотой чумы» В. А. Соловьева.

² Фрагмент приводится по: Diels, В 89.

³ Walter A. The Collective Dream in Art. — Cambridge (Mass.), 1957. — P. 328.

⁴ Hofmannsthal H. Oedipus und Sphinx. (Перевод мой.)

утомительно длинного стихотворения. Мелодия румбы «Фьеста» в музыке Нино Рота к «8½» звучит как воспоминание о 30-х годах уходящего века, и смысловое ее значение не меньше, чем у слов в устной или письменной речи. Даже большее у нее значение: у нее есть аура (в понимании Вальгера Беньямина¹). Аура — это колебание вещи между ее близостью (вот она — под рукой, или вот мелодия — она звучит) и ее далью — временем, откуда она пришла. Слово не всегда способно вызвать этот эффект, между тем, для понимания некоторых глав работы он не только желателен, но, пожалуй, даже необходим — и развитием этих глав мог бы стать видеофильм.

Но это дело будущего.

В принципе тут ничего невозможного нет: в свое время Х. Ортега-и-Гассет, посмотрев фильмы французского авангарда, «признался, что будь он помоложе, обратился бы к кинематографу»². Это изменило бы сам способ существования философских текстов. И эта возможность не исчезла, он еще будет изменен.

Если бы будете читать эту книгу, это означает, что мы будем несколько часов работать вместе. Эта глава предпослана последующим затем, чтобы читатель несколько освоился с проблематикой исследования, как говорится, вошел в работу.

Это не предисловие.

«Опасность обширного предисловия связана с тем, что дух книги должен проявиться в ней самой, он не может быть просто описан»³. Это верно лишь в том случае, если предисловие как-то отделено от книги. То, что читаете вы, — ее часть, как вход — часть дома.

Каждая книга — новое помещение мысли, новый дом, который не похож на другие.

По-видимому, то, что написано в этой книге, в чем-то отличается от того, что я писал и говорил раньше. Это естественно. Тот, кто всегда думает одинаково, не думает совсем. В то же время ряд соображений, которые здесь приводятся, не новы, но я ввел их в текст, потому что некогда они явились исходными для публикуемой здесь концепции. Относится это, в частности, к тому, что я думаю о Джонатане Свифте и Норберте Винере.

¹ Benjamin W. Gesammelte Schriften. — Bd. 1–2. — Frankfurt a. Main, 1974. — S. 480–481.

² См.: Бунюэль Л. Мой последний вздох//Бунюэль о Бунюэле. — М., 1989. — С. 129.

³ Витгенштейн Л. Философские работы. — Ч. I. — М., 1994. — С. 419.

Теперь — относительно круга проблем.

«Мы понимаем мир, глядя на него сквозь матрицу возможностей»¹. При этом перед нами встают творящего рода проблемы.

Во-первых, это проблемы, которые возникают из-за того, что матрица возможностей во всем ее масштабе нам не доступна. Наше видение возможностей ограничено. Многих возможностей мы просто не видим, хотя они и существуют.

Во-вторых, есть немало проблем, возникающих в сфере реализации возможностей. Практики склонны ее загодя ограничивать, опираясь на данные прошлого опыта. Теоретики рассуждают о реализации возможностей более свободно, а философы — смело. Согласно Бенедетто Кроче, то, что с точки зрения позитивного научного знания — лишь возможность, с философской точки зрения является действительностью, но действительностью высшего порядка, которую наука еще (или даже вообще) познать не может — за отсутствием к тому адекватных средств. Наука не всемогуща.

В-третьих, есть проблемы, связанные с генезисом возможностей. Что порождает возможности, откуда они берутся? Эти проблемы кажутся наиболее отвлеченными (и наименее понятными), но на самом деле они являются самыми важными.

Мы займемся этой проблематикой.

Но по сути дела я хотел поделиться с читателем своими мыслями о том, как светится в пространстве возможностей протянутая из прошлого в будущее линия реальности.

Я еще не знаю, что это за линия. Скорее всего, это готическая линия, линия, возникающая как результат борьбы между экстенсивной силой препятствия и интенсивностью жизненного порыва (*élan vital*). Здесь уместно вспомнить Жюль Делеза: «Готическая (*gothique*) геометрия создает пространство вместо того, чтобы его описывать...»². «Описывать» здесь значит «ограничивать», «очерчивать». Готическая линия реального освещает пространство возможного, а не ограничивает его.

Мне хочется, чтобы мы думали о нем вместе. Не одно и то же, но — вместе. «С этим намерением я сказал то, что я сказал, и с этой конечной целью буду говорить все, что я скажу»³.

¹ Nozick R. *Philosophical Explanations*. — Cambridge, 1981. — P. 21.

² Делёз Ж. Кино 1: Образ в движении // ИК. — 1997. — № 6. — С. 151.

³ Фуко П. О. П. О назначении ученого. — М., 1935. — С. 116.

Путешествие доктора Фауста

Желание поделиться своими мыслями бывает неодолимо. Но хочется, чтобы они заняли внимание читателя и побудили его самостоятельно поразмыслить над затронутыми в книге вопросами. Она была задумана как философское введение в современную психологию. Форму я избрал рекомендуемую таким истинно философским умом, как Эрнст Блох. Возможно, она смутнолько и по силам, эта форма, которую он поименовал «Путешествие доктора Фауста».

В сущности, он путешествует в пространстве возможностей. Он передвинулся во времени — когда вновь стал молодым. На волшебном плаще он перемещается в пространстве, вылетает во Вселенную¹, испытывает себя в отношении к Вечной Женственности, к государству и власти, к воображаемому и действительному. Эту последовательность я и принял, причем она придала структуре некоторую законченность. В пределах этой конструкции в ней затронуты проблемы, существенные для общей, когнитивной и социальной психологии. Но замысел реализовался в иной, более самостоятельной форме — философско-антропологической.

Как вы помните, первоначально любовь к мудрости была равнозначна науке. С течением времени знак равенства в уравнении философия = наука стерся. Знание вместо блага стало силой. Произошло расщепление философии на множество наук, а сама она осталась на ничьей земле между положительным научным знанием и верой. Едва ли не последними эмансипировались из-под власти философии психология и социология. И вот, в XX веке науки начали стягиваться к своему философскому ядру — удивительно! Для тех, кто помнит, что философия (по Платону) есть наука *to timiotaion* — о самом кажном, этот новый этап в развитии научного знания стал свидетельством его подлинной зрелости. Утверждают, что складывается семейство философских наук: методологии, этики, трансплантистики, синергетики, историософии, в котором собственно философия займет почетное, но не главное место дисциплины

¹ Согласно легенде, «чем выше я (Фауст. — А.Б.) поднимался, тем темнее становилось вокруг. Казалось, из яркого солнечного дня я погружаюсь в темную яму. Так смотрел я с неба вниз на Землю» (Легенда о докторе Фаусте. — М.: Л., 1958 — С. 86). Это было написано в XV веке, что уже само по себе производит впечатление.

систематологической и исторической. Сейчас говорить с уверенностью об этом трудно, но, судя по всему, изменения происходят и еще предстоит. Значение философской антропологии в любом случае возрастает.

Но о докторе Фаусте хочется сказать особо.

Кумиры недавнего исторического прошлого сошли с авансцены. Моцарт влечет нас больше, чем Бетховен, Рембрандт значительнее Рафаэля, Шекспир влияет на умонастроения эпохи сильнее Гете; Фауст в массовом сознании обратился в фигуру чуть ли не оперную, а в элитарном — соседствуя с Дон Жуаном и Дон Кихотом, оказался в портретной галерее вечных образов.

Он не такой.

Он вписывается в любую эпоху, в наше время, в двадцатые годы, и даже точнее — в 1927 год, когда моноплан «Дух Сан-Луи» приземлился на парижском аэродроме. Линдберг высунулся из неудобной, приплюснутой крылом кабины и помахал паспортом:

— Я американец. Я прилетел из Нью-Йорка!

И добавил главное:

— Через Атлантический океан.

За 34 часа. Неслыханно!

А незадолго до этой сенсации старый ученый заходит в маленькое кафе, там поет довольная милая женщина, какой-то высокий мужчина в черном (кажется, он слегка прихрамывает) угощает его сигаретой, дает прикурить — из-под ногтя у него выглядывает синеватый язычок пламени. Певичка присаживается к ним за столик и улыбается — Поль немного фокусник, а вообще-то он приторговывает кокаином... Так реализуется метафора «наркотики — дьявольское зелье», и так знакомятся Дьявол и Фауст. Заключается sacramентальная сделка. И когда старик, ужасаясь и не веря, бежит домой по узенькой парижской улице, синес пламя ада вдруг озаряет его согбенную фигурку.

Нет, нет, это электросварка. Ремонт водопроводных труб.

Фильм продолжается, и мы понимаем, что ад рядом и ничего с ним не поделаешь — пусть даже Фауст не умрет и уйдет, не оглядываясь, с перрона, где стоит пустая белая электричка смерти. Дьявол рвет договор в клочки, но поздно: этот поезд пришел за Маргаритой и уходит с ней.

Важно не то, что Фауст — вечный образ. Важно, что путешествие Фауста, путешествие длиною в жизнь — вечный сюжет. От средне-

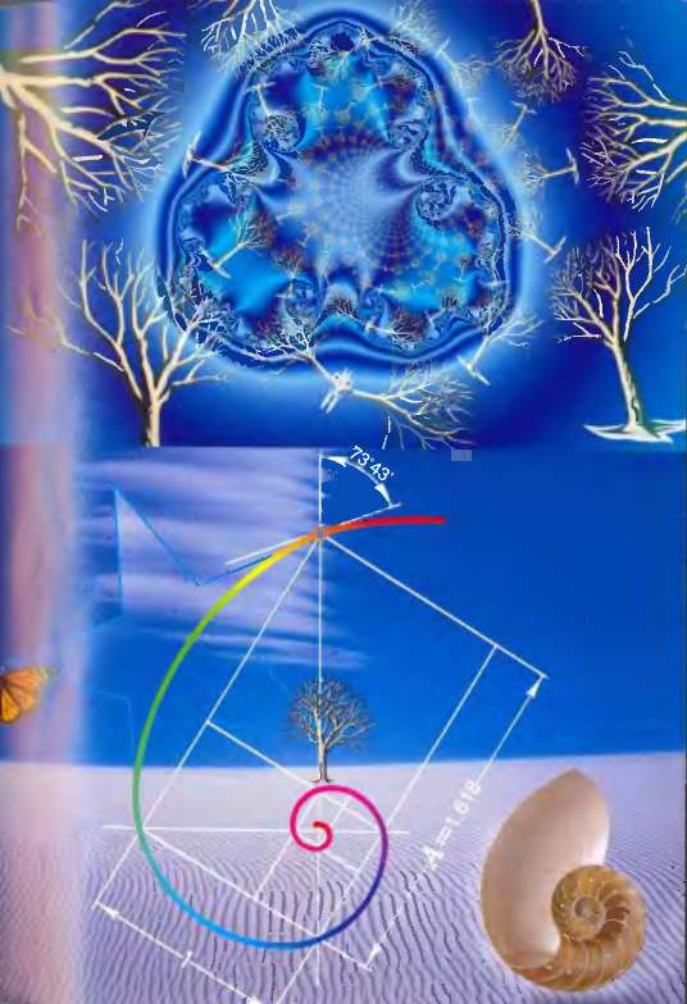
вской легенды до экспрессионистского фильма, о котором я только что рассказывал¹.

Вечен сюжет о желании испытать себя, полюбить, победить и убедиться, что Гераклит Темный прав: «Не лучше было бы людям, если б все их желания исполнились». Вечен сюжет об основном желании человека — освободиться от старости и уйти от смерти. Сюжет о том, что любовь и смерть неисцелимы.

Но почему же *путешествие* доктора Фауста?

Потому что оно невозможно без Мефистофеля. Без интеллекта, его необходимой и опустошающей души силы.

¹ Ночная Маргарита (Margueritte de la Nuit). Франция, 1955. Сценарий Ж. Оранша (по повести Пьера Мак-Орлана). Режиссер Клод Отан-Лара. Художник Макс Дуи. Ив Монтан играл в этом фильме Дьявола.

Глава 1

ГЕНЕРАТОР ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Нет ничего столь невероятного,
что не могло бы произойти
на самом деле.

*Эрнст Теодор Амадей
Гофман
26.03.1812*

Свой язык

Какой же «свой»? Язык потому и язык, что он общий. Беда в том, что общий язык эффективен там, где у людей общее дело. Слова — в сущности, инструменты для передачи и построения мысли. А мысли различаются. Различается и предмет размышлений. Своеобычный предмет требует и своих средств работы с ним. Олдос Хаксли замечал, что «как только у людей появлялось желание *понять*, они оставляли в стороне традиционный (общий. — А.Б.) язык и замесляли его другим, специальным»¹. И получалось — вот что любопытно.

Компетентные врачи и опытные моряки — те и говорят, и думают о своем деле на своих языках. Кстати, это служит хотя и косвенным, но неопровержимым доказательством их эффективности, ибо и медицина и морское дело относятся к тем сферам деятельности, где некомпетентность приносит свои горькие плоды очень быстро. Эти языки служат, однако, целям общения между специалистами и вне их круга не работают. А философы склонны предъявлять к своему языку повышенные требования, как и к общему. Философия, и в этом ее беда, выросла в атмосфере повышенных требований. Любовь постоянно требует доказательств. Любовь к мудрости — не исключение. Философия не удовлетворена общим языком, широко пользуется своим; при этом она хотела бы стать понятной или, по крайней мере, иметь значение и для тех, кто профессиональными философами не является.

Приходитесь видеть философ на трибуне международного конгресса.

— Видите ли, — говорит он, морщась, — сами способы вопрошания природы детерминированы господствующими типами научной рациональности. Тривиально, что наука есть часть культуры. Категории пространства и времени, как они функционируют в науке XX века, должны быть как-то состыкованы с неорганизованной дисциплинарно социокультурной реальностью, какой она представлена в сознании индивида. Индивид в качестве носителя культуры принадлежит к той или иной страте общества...

¹ Хаксли О. Через много лет // МЛ. — 1993. — № 4. — С. 109.

Все это было совершенно понятно, потому что говорилось в своем кругу. Но как из него выйти — вот о чем говорил докладчик, и к решению поставленного вопроса участники симпозиума не пришли. Многое этому мешало — и сложность проблематики, и свой язык. «Профессорская философия для философских профессоров» (по меткому выражению Шопенгауэра) — это не идеал. Кому не хочется быть понятым? Только тому, кому нечего сказать. Людвиг Витгенштейну было что сказать, и его злило, что «язык философов уже как бы деформирован узкой обувью»¹. Действительно, терминология все время жмет мысль. Идеал философа состоит в том, чтобы его понимали не только философы.

Большое ожидание

Известно, что человек существует в реальном мире и составляет его часть. Но и духовное, психическое — тоже часто часть реального мира. Конечно, оно не такое твердое, как автоматическая ручка, которой пишутся эти слова, не такое видимое, как очертания букв, но такое же существенное, как значения слов, написанных на бумаге, произносимых вслух или проносящихся в сознании. Значение слов — это их функция.

И сознание, психика — тоже функция. Функция ожидания. Большого ожидания.

«Сквозь мир проходит большое объективное ожидание, часто срывающееся, но все же приближающееся к своему ядру не только в символах. Генеральный штаб этого ожидания зовется философией»². Так говорит Эрнст Блох.

Это может показаться неясным.

Мы не привыкли к такому способу выражать свои мысли. Но на стол «генерального штаба» ложатся материалы, составленные и в таких выражениях.

В чем же суть идеи большого ожидания? Почему вообще ожидание пронизывает мир и как оно может быть объективно?

¹ Витгенштейн Л. Философские работы. — Ч.1. — М., 1994. — С. 449.

² Блох Э. Тюбингенское введение в философию. — Екатеринбург, 1997. — С. 299.

Отвечая на эти вопросы, следует иметь в виду, что «ожидание», подобно многим другим философским терминам, не более чем метафора, базисная метафора. Без них философские концепции не строятся.

«Большое ожидание» здесь рассматривается как состояние мира, порождающее возможности, которые различаются по вероятности и значению. Из ожидания как *состояния мира* выводятся и его разнообразие, и онтология сознания. Говорят (и вы это слышали), что мир находится в состоянии изменения. Но если бы мир *только* изменялся, он изменился бы настолько, что перестал бы быть собой. Это не так. Мир остается собой. Но если бы он оставался *только* собой, он застыл бы. Этого нет. В каком же состоянии находится мир, который остается собой и меняется одновременно? Он находится в состоянии ожидания. Лунный диск ожидает тьмы и новолуния, зерно — прорастания, империя — войн и крушения, желтый карлик — превращения его в красный гигант, Вселенная ожидает, что красное смещение обратится в синее. Иными словами, состояние мира порождает, генерирует пространство возможностей, и мир в нем движется.

Движение в пространстве возможностей и есть изменение мира. Движение происходит во времени, мир изменяется в пространстве.

Напряженность ожидания, а оно локально, влияет на темпы движения: движение в пространстве возможностей неравномерно, вещи изменяются с разной скоростью. Поэтому реальность разнообразна. Ее разнообразие служит источником информации. Изменения реальности простираются вплоть до появления нефизических ее форм. Да, реальность не обязательно принадлежит физическому миру. Реальностью называется все, что существует, все, что есть. В этом смысле реальны наши мысли и переживания, пусть и нельзя их обнаружить собственно физическими методами (хотя биохимические и электрофизиологические корреляты психических процессов вполне вещественны и фиксируются измерительными и иными приборами). Но от того, что феномены психической жизни существуют не в пространстве, а только во времени, фундаментальный факт их существования не исчезает, в эпифеномены они не обращаются.

«Большое ожидание» простиерто между двумя крайними точками: в одной точке порождает нефизические формы существования, в другой — предельно огромные физические формы существования: возможные миры.

Согласно Дж. Хартли и Мирей Гелл-Манн, Вселенная сразу после начала своего расширения была подобна субатомной частице, движение которой было возможно по различным траекториям. Сорок лет назад Хью Эверетт предложил гипотезу, которую никто, строго говоря, не опроверг, — гипотезу ветвящихся миров. Электрон движется по некоторому множеству траекторий. Среди них наблюдатель обнаруживает одну, причем предполагается, что остальные существуют в альтернативных Вселенных. Как и «многолистная Вселенная» А. Д. Сахарова, «инфляционная Вселенная» А. Линде, «иницированная Вселенная» Алана Гука это физические гипотезы, интересные с психологической точки зрения уже тем, что они выдвигались на обсуждение. Курт Гедель построил математическую систему доказательств того, что общей теории относительности не противоречит идея вечного возвращения (если мировые линии замкнуты, то Вселенная существует вечно — как бесконечная последовательность тождественных эволюционных циклов). Для философа и радикального психолога интересны не решения уравнений, предложенные Геделем, а то, что он, как Ламения и Ницше, верил в повторяемость человеческой судьбы; гипотеза Алана Гука любопытна как физическое выражение веры во всемогущество разумных существ, а ветвящиеся миры Эверетта символизируют внутреннюю неудовлетворенность индивида действительным миром.

С этой точки зрения привлекает внимание модель мира, которую предложил В. Лефевр.

То, что он пишет, как, впрочем, и то, что пишу я, — одна из субъективных модификаций «Большого ожидания», одно из свидетельств того, что можно (или следует) ожидать от мира, в котором мы существуем.

Логика не воспринимает существование возможных миров¹, но вопрос о том, есть он на самом деле или нет, вопрос уже не логический, а философский, ибо не все логически доказанное существует на самом деле. Разумеется, они могут быть просто придуманы. Но о радикальном несуществовании, о небытии это не говорит. Здесь и сейчас *этого* нет. А если где-нибудь? А если когда-нибудь? А если было? Как говорит Алек Сневар, «раз человеческий мозг может все это вообразить, значит, все это где-то существует, иначе зачем бы мозгу такая способность?».

И верно.

¹ См. об этом: *Хиатикса Я.* В защиту невозможных возможных миров // Логико-эпистемологические исследования. — М., 1980.

Мир возможностей и возможные миры

После впечатляющего успеха такого серьезного фильма, как «Облик грядущего»¹, Г. Дж. Уэллс предоставил Золтану Корде право экранизировать «Человека, который мог творить чудеса». Результат оказался огорчительным. Уэллс негодовал. Сценарий, однако, был значительным. Он повлиял на литературу².

И не только на литературу.

В части I сценария «Изначальные силы» меж звезд проносятся тени, они спускаются, они принимают очертания гигантских фигур. Это Силы Вселенной, воплощенные в образах Игроков. В их возможностях все, что человеку неподвластно. Люди, как и планета людей в масштабах Вселенной, малы, ничтожны, случайны. Но «есть в каждой личности нечто неодолимое ни для какой Силы. Это святая святых, Душа, или иначе Индивидуальность, она подвластна лишь Создателю. Воля людей в первооснове своей свободна»³. Игроки, по масштабам своего существования соизмеримые со звездами и туманностями, в сущности менее свободны. У сил, образующих Вселенную, есть предназначение, люди его только ищут.

Проблема зависимости человеческого предназначения от космических сил, даже больше — от будущего Вселенной, нашла у Уэллса зримую форму.

Много лет спустя Станислав Лем обращается к идее о космически огромных разумных существах: то об Океане на планете Солярис, то о гигантском подобии мозга, образованном скоплением звезд, то о Вселенной, молчание которой (*Silentium Universi*) объясняется тем, что она творима. Не сотворена, а сше или вечно творима Игроками. Творима гигантскими силами, они столь велики, что ни об одной из них нельзя даже сказать, что она собой представляет — вещество или существо.

Не думаю, что «Новая Космогония» Лема смогла повлиять на Лесфевра, более вероятна общность направления мысли.

¹ *The Shape of Things to Come*. (1936, Лондон Филмз). Постановщик А. Корда. Художник В. Корда. Сценарий Г. Дж. Уэллса (1935).

² Сравните, например, часть IX «Умирение полковника Уинстэбли» с главой 10 «Хромой судьбы». Часть I повлияла на «Новую Космогонию» из книги Лема «Полная пуста» (*Lem S. Doskonala Proznia*. — Krakow, 1974. — S. 169–199).

³ Уэллс Г. Дж. Собр. соч. В 15 т. — Т. 12. — М., 1964. — С. 407.

В. Лефевр исходит из *сильного* антропного принципа — начальные условия, которые можно заложить в модель Вселенной, должны предполагать возможность появления в ней наблюдателя, подобного нам самим, и более того — не просто возможность, а необходимую ее реализацию.

«Наблюдатель», упомянутый в предшествующей фразе, это существо, способное принимать информацию и существующее во Вселенной — космический субъект.

Пока о таких субъектах известно и много, и мало. Много — потому что о людях, их истории, строении, мыслях нам известно довольно много. Мало — потому что космический субъект нам покамест известен только один. Человек. Это немного.

Лефевр предполагает, что существуют и иные космические субъекты — магнитные плазмонды, точнее, магнитно-плазменные разумные системы. Они могут быть очень велики по масштабам, и шкала их психологического времени отличается от нашей.

Его идея состоит в том, что субъекты, наделенные свойством, именуемым в эпике «совестью», могут выражать свои эмоциональные состояния с помощью музыки. Связь музыки с феноменом совести оказалась не случайной, а отражающей взаимосвязь между системой натуральных музыкальных интервалов и алгебраическими структурами, описывающими психику и поведение человека. Одновременно Лефевр предположил, что поток информации, который поступает из Космоса, может содержать музыкальные структуры. Эта странная идея «никого особенно не заинтересовала»¹.

Изучив объект SS 433, состоящий из двух звезд — гиганта и компактного объекта (нейтронной звезды?), Лефевр предположил, что объект этот — искусственный, питающий плазмой с высокой кинетической энергией те существа, которые его создали. И более того, он исполняет и символическую функцию, с помощью спектральных линий выражая некое подобие мелодии. И действительно, рассмотрев «набор интервалов, состоящих из неподвижных линий и красного смещения», В. Лефевр «вычислил интервалы между ними, подобно тому, как вычисляются интервалы между музыкальными тонами»², и получил хорошее приближение к гамме *до-мажор*, без интервала *до-ре*. «Если это не случайное совпадение, подумал я (В. Лефевр. — А. Б.), то набор, состоящий из неподвижных линий и

¹ Лефевр В. Космический субъект. — М., 1996. — С. 27.

² Там же. — С. 30.

линий, смещенных к голубому концу спектра, должен образовывать гамму до-минор и также без интервала *до-ре*. Оказалось, что это действительно так!¹ Затем Лефевр построил математическую модель космического субъекта, имеющую физические приложения, и пришел к выводу, что мы встроены во Вселенную как «инструменты», имеющие своим предназначением борьбу с ростом энтропии, проще говоря, — борьбу с тепловой смертью Вселенной. Если «вечная юность Вселенной» (Э. Циолковский) это *добро*, а тепловая ее смерть — *зло*, то существование космических субъектов имеет определенную этическую основу.

При этом мы выступаем в роли «слабых» инструментов, а в роли «сильных» — существа, которые по физической природе своей ближе к магнитосферам звезд, чем к биосфере планет.

Выше космический субъект был отнесен к категории «наблюдателей». Это условный термин. Мне представляется, что прием информации эволюционно всегда соотносим с некоторой эффективной деятельностью, с управлением этой деятельностью. В свете этого тезиса гипотеза В. Лефевра (я повторяю, что *считаю* ее странной) представляется мне менее маловероятной, чем *a prima facie* (при первом знакомстве с ней). Более того, участие космических субъектов в коррекции состояния Вселенной представляется, как это и полагает Лефевр, отвечающим категорическому императиву в понимании Иммануила Канта.

Это, заметим еще раз, гипотеза, причем изложенная предельно кратко.

Ранее мы имели возможность обосновать концепцию о триаде главных философских вопросов², один из которых касается существования духа и природы, второй — существования смысла, или, что то же самое, направления движения Вселенной, а третий — необходимости или случайности существования человека как носителя разума.

Можно сказать, что гипотеза Лефевра содержит ряд убедительных доводов в пользу того, что человек не является случайным продуктом развития биосферы на одной из небольших планет, затерянных в просторах Галактики.

Справедливо также и утверждение, что и гипотеза Лефевра порождена стремлением ощутить необходимость собственного

¹ Лефевр В. Космический субъект. — М., 1996. — С. 31.

² Брудный А. Наука понимать. — Бишкек, 1996.

существования — стремлением, неосознанно присущим каждому из нас.

Филон Александрийский говорил, что если человек не в силах стать достойным Создателя космоса, он должен попытаться стать достойным хотя бы самого космоса. Он должен обрести космическую природу. Хаксли комментирует это так: «Истина, конечно же, заключается в том, что мир принадлежит тем, кто его заслуживает»¹.

Кто же его заслуживает, иначе говоря — кто заслуживает существования?

Вероятно, тот, кто действует, не разрушая, а созидая. Люди с огромным трудом осознают (а чаще всего совсем не осознают), что они к такого рода действиям способны. Они ориентированы на созидание через разрушение.

Человек заслужит право именовать космическим субъектом, когда созидание станет решительно доминировать не в его планах, а в его действиях.

Но в масштабе космоса.

Шаг назад, два вперед

Сделаем шаг назад, в век Разума — в XVII век, и окажемся внутри колоссального механизма, работающего слаженно и точно, и именно потому понятного, ибо *понять* — значит сцепить причину и следствие. Механизм этот называется Мир, и в нем все взаимосвязано и сцеплено: и вращение планет, и движение животных; детерминировано все — за исключением высших функций человеческой психики.

На первый взгляд, движения животных кажутся произвольными, зависящими от их желаний и стремлений. Почему возникает подобное впечатление? Рене Декарт предлагает провести следующую аналогию. Представим себе иноземцев, впервые попавших в Версаль и вошедших в грот на Алле Фонтанов. В этом гроте они видят статую Венеры, которая, если к ней приблизиться, неожиданно спрячется в розовый куст. Когда же иноземцы пытаются следовать за исчезающей фигурой богини, появляется Нептун, потрясая трезубцем, из бассейна фонтана выходит морское чудовище и окатывает их водой.

¹ Хаксли О. Вечная философия — М.: Киев. — 1997. — С. 83.

Эти движения механических фигур кажутся произвольными и производят большое впечатление на иноземных Посетителей Версаля именно потому, что им непонятны причины движения фигур. Между тем на вымощенных дорожках грота есть определенные плиты, нажатие которых включает механизм, приводящий в движение фигуры.

Точно так же, как иноземцы, ступая по плитам дорожки в гроте, вызывают движения фигур, так и явления внешнего мира, воздействуя на животное, вызывают у него движения различной сложности.

Если огонь коснулся ноги, то быстрые частицы огня «нажмут» на кожу, а к ней прикреплено нервное волокно, которое немедленно откроет отверстие в мозгу (так же, как дергают за веревку, чтобы зазвонил колокол на другом ее конце). Через отверстие из мозга выйдут в разветвленную трубку «животные духи» и перенесутся по ней к мускулам, отдергивающим ногу от огня, к мускулам, поворачивающим голову в направлении огня, и т. д.

Таким образом, животное аналогично механической фигуре, в которой скрыт механизм, более сложный, разумеется, нежели привычный часовой. Но принцип действия у них одинаков, и как сцепление зубчаток часового механизма обуславливает его работу, так и все части животного организма сцеплены, взаимосвязаны друг с другом. Взаимосвязь всех частей организма обусловлена тем, что он пронизан системой, непосредственно связанной с мозгом — нервной системой. Нервная система связывает животное и с внешними воздействиями, причем внешнее воздействие вызывает строго определенный ответ животного. Движения животного, следовательно, абсолютно произвольны, говорить о мыслях и желаниях в данном случае было бы так же смешно, как о стремлениях и чувствах часов. Животное — это машина, построенная по принципу рефлекса, т. е. ответа на внешнее воздействие. Механизм рефлекса обязательно включает три элемента: 1) путь от места приложения внешнего воздействия к мозгу; 2) мозг; 3) путь от мозга к двигательному аппарату и внутренним органам. Эти три элемента составляют то, что можно назвать дугой рефлекса. Ведь рефлекс есть отражение внешнего воздействия, животное отражает это воздействие, как светонепроницаемое тело отражает, *отгибает* (reflexio — «отгибание») от себя луч света¹. Но луч света отражается от поверхности светонепроницаемого тела под углом, а внешнее

¹ Именно термин «reflexio» и употребляет Декарт в «Страстях души» (ч. I, § 36).

воздействие, прежде чем отразиться животным, идет внутри его тела по дуге.

Рефлексы — автоматические движения в ответ на внешнее влияние — есть и у человека (рвота, кашель). Тело человека есть та же машина. Но «завод» этой машины зависит от души: когда человек умер, перед нами уже сломанная машина, часы с лопнувшей пружиной.

Если продолжить аналогию Декарта, то вопросом вопросов является: сломалась пружина или кончился завод? Для человека, верящего в предопределение, ответ очевиден: тот, кто завел часы, знает, сколько лет они будут идти. Для отрицающих предопределение вероятность поломки существует всегда.

Итак, в отличие от животного, у человека имеются душа и разум, свободно руководящий движениями тела. Правда, разум во многом зависит от тела: тело через посредство нервов доставляет ему сведения об окружающем. Ощущаемые воздействия внешних предметов не проходят бесследно, внешние воздействия оставляют определенный отпечаток. «Общее чувствилище» принимает действия внешних предметов, как воск принимает отпечаток печати (с чем и связана память).

Деятельность разума, по мнению Декарта, хотя и связана с окружающей средой, но не может считаться обусловленной воздействиями окружающего. Человек свободен в своих решениях и поступках. Разум есть высшее начало, не сводимое к «физике». Движение причинно обусловлено. Когда-нибудь это позволит выразить законы движения всего существующего (от движения планет до движения животных) в точных математических формулах, приложимых ко всему физическому (resp. материальному) миру. Но духовное — это область метафизики, и к ней не применимы физические мерки.

Хотя тело человека есть та же машина и так же способно совершать непроизвольные действия, как и тело животного, человек способен к произвольным действиям, средой не обусловленным, зависящим от активных состояний души — от мыслей и желаний. Произвольные действия не имеют прямых причин в физическом смысле слова: «благодаря только нашему желанию погулять наши ноги начинают двигаться, и мы идем»¹.

Хотя как целое концепция Декарта принадлежит XVII веку, ее методологически существенные черты (в этом Н. Хомский совершенно прав) сохранили свое значение и в середине XX века. Обра-

¹ Декарт Р. Избранные произведения — М., 1950. — С. 605.

тимся, например, к циклу лекций, читанных одним из создателей квантовой механики Эрвином Шредингером в дублинском Тринити-колледже, и «посмотрим, не сможем ли мы получить правильное и непротиворечивое заключение, исходя из следующих двух предпосылок:

1. Мое тело функционирует как чистый механизм, подчиняясь всеобщим законам природы.

2. Однако из неопровержимого непосредственного опыта я знаю, что я управляю действиями своего тела и предвижу результаты этих действий. Эти результаты могут иметь огромное значение в определении моей судьбы, и в таком случае я чувствую и сознательно беру на себя полную ответственность за свои действия.

Мне думается, — продолжает Шредингер, — что из этих двух предпосылок можно сделать только одно заключение, а именно, что «я», взятое в самом широком значении этого слова, — то есть каждый сознательный разум, когда-либо говоривший или чувствовавший, — представляет собой не что иное, как субъект, могущий управлять «движением атомов» согласно законам природы»¹.

В предпосылках явное сходство со многими элементами картезианской концепции. Шредингер, спустя 300 лет, опирается на картезианские послышки для того, чтобы «одним ударом доказать и существование бога, и бессмертие души»². И доказательства его не отличаются сложностью: 1) способность управлять движением материи может быть присуща лишь тому, кто стоит над материей, т. е. божеству; 2) такой способностью обладает человеческое «я», что из неопровержимого личного опыта известно каждому; следовательно, 3) существование «я» есть выражение существования божества. Нераздельно существование того, что называют Душой и Богом: личный дух равен всепостигающему, вечному: *Атман = Брахман*. «Единственная реальность есть Абсолютный дух, и у него есть род чистейшей субъективности: назовем его Атман»³.

Итак, идея Шредингера состоит в том, что нефизическое «я» способно управлять физическими процессами.

Но ведь не исключено, что существует синхронизация духовных и физических процессов, что и предположил некогда Арнольд Гейлинкс.

¹ Шредингер Э. Что такое жизнь? с точки зрения физики? — М., 1947. — С. 122–123.

² Там же. — С. 123.

³ *Mukami G. R. A Defence of Idealism // Philosophical Quarterly*. 1960. — V. XXXIII. — № 1. — P. 29.

Гейлинкс рассуждал так.

По мнению Декарта, человеческая душа, находясь в шишковидной железе, воздействует на «животные духи», меняя направление их движения, а тем самым меняя направление движений тела. Однако общее количество движения постоянно в любом данном направлении, что физически неопровержимо доказано, следовательно, Декарт ошибался, приписывая духу возможность прямого влияния на тело. Воздействие духа на тело — фикция, утверждал Гейлинкс. Нам кажется, что наше сознание контролирует движения тела, а на самом деле душа и тело функционируют параллельно, друг от друга независимо. Бог, можно сказать, синхронизировал душу и тело. Представьте себе достаточно точные часы, находящиеся в двух разных комнатах: звон ударов, отбивающих время, будет совпадать. Вас это не удивит, хотя вы и знаете, что данные часы непосредственно друг с другом не связаны. Точно так же нет оснований удивляться тому, что в случае моего желания шевельнуть рукой рука действительно шевельнется. Желание как явление духовного мира и движение как явление материального мира *синхронны*, они происходят одновременно, а непосредственного взаимодействия между ними нет. Ни дух не влияет на тело, ни тело — на дух¹.

Надо заметить, что синхронизация души и тела не находила причинного объяснения у Гейлинкса. На вопрос, почему желание и движение синхронизированы, Гейлинкс вообще не давал ответа: *ita est, ergo ita sit*. Мы привыкли искать всему причинное объяснение, ну а если это не более чем привычка?

Но взаимосвязь, конечно, имеется.

Нет посетителей в Аллее Фонтанов, в полутьме бездействуют фигуры Нептуна и Венеры.

В построенной по замыслу И. П. Павлова Башне молчания, в звукоизоляционной камере засыпают в станке подопытные собаки: они искусственно отключены от расплывчатого множества сенсорных раздражителей, которые *могли бы* стать условными.

Автоматы имитируют состояние ожидания, которое на бесконечно более сложном уровне организации, присущем живым существам, породило психику, внутренний мир.

Приток информации есть условие существования сознания, а неопределенность — причина его возникновения.

¹ De Vleeschauter H.I. Die biologische Theorie der sinnliche Erkenntnis bei A.Goulinx // Zeitschrift für philosophische Forschungen. — 1954. — B. VIII. — № 4.

Сознание (и бессознательное) таит в себе импульс движения навстречу возможному.

Как материя¹ есть возможность вечного ее изменения, так сознание есть неисчерпаемая возможность движения навстречу великому Может Быть.

Утверждали, что Франсуа Рабле пропел слова о поиске «великого Может Быть» перед смертью. Но вся жизнь — встреча с Может Быть, движение (мыслимое или объективное) навстречу Может Быть. Слова Рабле означают, что и со смертью движение это не кончается.

Призрак Джонатана Свифта

Сто пятьдесят лет тому назад вышла в свет брошюра, начинавшаяся словами: «Призрак бродит по Европе». Многое изменилось с тех пор, но призрак и в самом деле бродит по Европе, это призрак Джонатана Свифта. Он стал признанным гением, воплощавшим в своем творчестве идею возможных миров. Кажется, нет в мире школьника, который не читал его «Гулливера у лилипутов» (хотя в отечественные школьные программы он, кажется, не включен), не слышал о «Гулливере у великанов»², у игогонов³, у лапутян. Все это, конечно, — плод воображения.

Но воображение у Свифта было особенное. Оно подсказало ему, например, что у Марса два спутника; подсказало и приблизительное расстояние их от Марса. Это не было мистическим даром: просто он хорошо знал научную литературу своего времени и был гениален.

Только и всего. Асаф Холл, американский астроном, много, очень много лет спустя подтвердивший предсказание Свифта, был в меру усидчив. И знал, куда нужно смотреть. Уже знал. Это не значит, что он читал на ночь Свифта. Он читал его ребенком. Сказанное (а потом оказалось — предсказанное) Свифтом было частью субкультуры, в которой рос и вырос малоизвестный астроном.

¹ Материя — в субстанциальном аспекте — то беспредельное (или чистая возможность), из чего возникают и становятся любые определенности, вещи и качества. (См.: Современный философский словарь. — Москва; Бишкек; Екатеринбург, 1996. — С. 227.)

² У нас переводчики пишут «у гуингимов». Но непронизимое словечко это употреблено Свифтом в подражание лошадиному ржанью, что равнозначно «и-го-го» в русской литературной традиции.

Но открыл спутники все-таки он.

Здесь миры воображаемые и мир действительный соприкоснулись и выскочили две сверкающие искры — Фобос и Деймос.

Но на самом деле ум и воображение Свифта (а сочетались они уникально) были всегда нацелены на реальность. Причем во вполне тривиальных ее проявлениях. Но Свифту было дано замечать, более того — воплощать в действительность, то, что невидимо для здравого смысла. Действительность представляла перед мысленным взором Свифта трансформированной: он видел ее через огромную матрицу возможностей. И он знал способ ее изменять — и в уме (так он творил), и на самом деле (так он жил).

Он вообще не выносил реальность. Его любили две женщины — он изменил их самым решительным образом, даже дал им другие имена. Англия годами вела изнурительную для страны и народа войну — он (провинциальный священник!) прискал в столицу, вмешался в политику, вошел в круг лиц, принимающих решения, и они войну остановили.

Люди, которых он видел и о которых думал, не устраивали его совершенно. Он превращал их в лилипутов, делал великанами, обращал в лошадей, но ничего не помогало. В действительности они продолжали оставаться ужасными существами, в чем-то подобными воображаемым йэуху. Свифт негодовал, Свифт их жалел и ничего с этим поделать не мог. Он был равнодушен от природы. Его бесили глупость астрологов (и тех, кто им верил), лицемерие политиков, богатство герцога Мальборо (тот приворовывал). Негодование, которое не оставляло Свифта, служило стимулом, пробуждающим силы и образы коллективного бессознательного в его психике. Ведь «достаточно не слишком даже резкого аффекта для того, чтобы всяма, быть может, логически рассудительный персонаж внезапно стал бы реагировать всегда недремлющим в нем арсеналом форм чувственного (архетипически древнего. — А.Б.) мышления и вытекающими отсюда нормами поведения. Когда девушка, которой изменили, в сердцах рвет в клочья фотографию, уничтожая «злого обманщика», она в мгновении повторяет чисто магическую операцию уничтожения человека через уничтожение его изображения (базирующуюся на раннем отождествлении изображения и объекта)»¹.

Эмоциональный стресс способен возвращать нас в далекую эпоху неолита, когда человек начал создавать мир, дополнительный

¹ Эриксон Г. М. Избранные произведения. В 6 т. — Т. 2. — М., 1964. — С. 119.

(в смысле Бора) действительному, мир искусства, когда за первым бытием уже начинало видеться второе, когда мышление было пралогичным, и в этом заключалась его творческая, магическая сила, которая в течение тысячелетий слабела. Да, мышление первобытно, уходящее наших предков от реальности, вывело их из пещер, привело в будущее. В нем был огромный заряд творческого могущества, сравнимый с тем, которым еще обладают сегодня дети. Как всем лучшим в нас мы обязаны детям, так всем сильным в нашем мышлении мы обязаны гиганту, на плечи которого мы взобрались. Гиганту, увидевшему второе бытие. Доисторическому человеку.

Обсуждая проблемы пралогического мышления, Хосе Ортега-и-Гассет отмечает: «Для нас несомненно, что если две вещи в чем-то схожи, роднит их отнюдь не сходство. Сабля и молния одинаково убивают; однако сравниваем мы их не по этому признаку. Наши явления и предметы обособлены и довольно непроницаемы». Но сходство в существовании может быть и знаком единства сущностей. «Первобытной душе мир предстает чудесно проницаемым, позволяющим переходить из одной реальности в другую так непринужденно, словно они пронизаны метафизическими порами...»¹.

Собственно, едва ли не вся художественная литература с ее прототипами, полупридуманными или заново рассказанными событиями, построена на архетипе «второго бытия», как бы не полностью симметричного бытию реальному — с иными масштабами, значениями.

К архетипическим прообразам восходят и миры Свифта. У лилипутов есть двойники в мире вполне реальном — Роберт Уольпольд, виконт Болингброк, а Гулливер наделен не покидающим самого Свифта ощущением, что он зависим, невыносимо зависим от тех, кто ничтожно мал в сравнении с ним. Лемминг, пеструшка, в нашем земном мире является мелким зверьком, но одновременно в каком-то другом мире, например, в области маленьких человечков, рожденных из съедобных корней, «сараны», лемминг является тяжелым и крупным животным, не меньше белого медведя, и эти человечки существуют охотой на него. Лемминг имеет, таким образом, два одновременных бытия², — писал забытый основоположник отечественной культурологии В. Г. Богораз-Тан. Заметим здесь же, что

¹ *Ortega-y-Gasset X.* Сантьяго-дель-Марте: волшебная палочка // ИЛ. — 1993. — № 4. — С. 234.

² *Богораз-Тан В. Г.* Христианство в свете этнографии. — М.: Л. 1928. — С. 70.

общение с великанами Гулливеру не в тягость, в их мире его продолжают мучить те, кто мелок, — оса, лягушка, мартышка, какой-то злобный карлик обретают размеры огромные, почти как лемминги, о которых вы только что прочли.

Второе бытие не исчезло и не исчезнет, как не исчезнут архетипы, не исчезнут сны. Простейшее удвоение (предмет велик, а в перспективе уменьшается) хорошо известно детям, поэтам, всем, кто видел, как разгоняются и уходят в небо самолеты. Таково удвоенное бытие в снах Беллы Ахмадулиной.

Ах, мало мне другой заботы,
обременяющей чело,
мне маленькие самолеты
все снятся, не пойму с чего.
Им все равно, как снится мне:
то, как птицы, с моей ладони
они зерно клюют, то в доме
живут, словно сверчки в стене...
Или глаза открою — в ряд
все маленькие самолеты,
как маленькие Соломоны,
все знают и вокруг сидят.
.....
И все же, отрезав от сна,
иду я на аэродромы
следить огромные те громы,
озвучившие времена.
Пока в преддверьи высоты
всесильный действует пропеллер,
я думаю: ты все проверил,
мой маленький? Не вырос ты.
Ты здесь огромным серебром
всех обманул. На самом деле
ты — крошка, ты — дитя, ты еле
замечен там, на голубом.
И вот меряем мы с тобой
на разных полюсах пространства.¹

¹ Архетипическая природа образной ткани приводимого стихотворения косвенно подтверждается тем, что «второе бытие» аэропланов проявилось вместе с их распространением. В 1913 г. В. Шершеневич писал о поэте-лирике: «Аэропланы птичьей стаей кружатся около его головы: некоторые, более доверчивые, садятся на его голову» (*Шершеневич В. Листы имажиниста*. — М., 1997. — С. 122–123).

Но вернемся к Свифту.

Писатель, поэт, священнослужитель, он жил в мире общения (лишь к концу жизни он замкнулся в себе) и чувствовал силу знаков, их социальную роль.

Он понял, что действительный мир предстает перед людьми пронизанным знаками, системами знаков. Мир вписывался в коммуникативные системы.

Поэтому широкие социально-психологические возможности, которыми обладают ретинальные коммуникативные системы, одним из первых проверил и продемонстрировал именно Джонатан Свифт (достаточно упомянуть про «Мнимую смерть д-ра Парtridge» и «Письма суконщика»).

Что касается «Писем суконщика», то их общественно-политический резонанс давно стал предметом внимания историков. Их не может не удивлять тот факт, что один человек, занимавший, правда, довольно видное место в системе англиканской церковной иерархии (и все, и не более того), смог за короткий срок добиться значительных политических сдвигов в общественном мнении Ирландии. «Мнимая смерть д-ра Парtridge» менее знаменита: она никаких социальных последствий не имела и до последнего времени занимала лишь биографов Свифта. Всю историю с «Мнимой смертью» они характеризовали как проявление свойственной Свифту склонности к *practical jokes*, розыгрышам, удивляясь тому, как много внимания и сил уделил он «розыгрышу» ничтожного и безразличного ему субъекта, как много ума и таланта затрачено на в общем бессмысленную мистификацию читающей публики. Современные исследователи придают более серьезное значение выступлению Свифта в роли прорицателя Бикерстаффа. Как эксперимент, проявляющий возможности ретинальной коммуникативной системы, это выступление следует оценить весьма высоко.

Сущность эксперимента заключается в следующем. Если имеется определенный (достаточно широкий и в те времена) круг лиц, приобретающих астрологические альманахи, то следует предположить в этом кругу существование известного доверия к астрологическим предсказаниям. Тогда может быть принят на веру и предсказанный факт смерти астролога-прорицателя. Сам он своей смерти не предскажет, конечно, но ведь он — не единственный прорицатель! Кроме прорицателя Парtridge есть и прорицатель Бикерстафф. Он предсказывает, что составитель популярных астрологических альманахов д-р Парtridge умрет в наступившем 1708 году,

29 марта. Предсказание публикуется. Затем публикуется «Отчет о смерти д-ра Партриджа» (где между прочим подчеркивается, что Бикерстафф был неточен — Партридж умер несколько ранее указанного срока), затем — «Элегия на смерть д-ра Партриджа», и наконец — ответ на возражения д-ра Партриджа (с понятным бешенством утверждающего, что он жив).

Между тем это был не *practical joke*, не розыгрыш. Это был социально-психологический эксперимент, опыт, и, если учесть личные особенности Свифта, нет ничего удивительного в том, что подопытным оказался вполне ничтожный д-р Партридж (на взгляд Свифта, люди этого типа и не заслуживали лучшего с собой обращения).

Свифт обратил внимание на то, что сообщения, публикуемые в прессе, не всегда отличаются полнотой и достоверностью, оценки могут быть предвзяты и т. п. Зачастую читатель лишен возможности все это проверять и уточнять, но он может считать достоверными публикуемые сообщения, исходя из своих представлений о вероятности событий. Есть, однако, множество заведомо недостоверных сообщений, которые принимает на веру определенный круг лиц. Эти сообщения именно на то и рассчитаны, что их примут на веру. Это результаты различных гаданий, астрологических и иных предсказаний. Ожидание предсказанных событий всегда имеет субъективную окраску, эмоционально обострено. В таких условиях использование средств общения может приобрести особую эффективность. Эксперимент это предположение подтвердил.

Медный грош

Несколько лет спустя вышли в свет «Письма суконщика». Свифт был в ту пору деканом дублинского Собора св. Патрика. «Письма суконщика» в несколько недель сделали его «неофициальным повелителем Ирландии». Но «Письма» сделали и нечто неизмеримо большее: они сплотили (пусть ненадолго) всех жителей Ирландии на основе единой политической платформы и программы действий, хотя исторически эпизод выглядит как в общем малозначительный.

Ощущалась нехватка мелкой монеты. За отсутствием в Ирландии монетного двора монета чеканилась в Англии, и некто Вуд, английский промышленник и коммерсант, получил право начеканить из 360 тонн меди монет на сумму в 108 тысяч фунтов. Вуд был сомни-

тельной личностью, условия чеканки оставляли возможность для злоупотреблений. На это указывалось в «Письмах», автор которых рекомендовался как «М. Б., суконщик». Опубликованные типографским способом «Письма суконщика» приобрели широкую читательскую аудиторию и произвели такое впечатление, что контракт с Вудом был расторгнут.

Таково изложение хода дела, но не его существа.

По существу же английскому господству в Ирландии был нанесен чувствительный удар. И была неделя, когда казалось, что возможно и восстание, если английское правительство не пойдет на компромисс.

Необходимо добавить, что за Свифтом не стояла сколько-нибудь влиятельная группа политических союзников или даже личных друзей. Он был одинок в буквальном смысле этого слова. И вот, не располагая поддержкой какой-либо политической организации, Свифт достигает исключительного по масштабам политического успеха. Едва ли не все читатели «Писем» опутили, более того, осознали коренную противоположность экономических и политических интересов Англии и Ирландии.

Чем же это объяснить? Прежде всего тем, что Свифт интуитивно постиг (в частном выражении) истину, которая в общем виде была установлена и стала изучаться столетия спустя, а именно: абстракция должна быть овеществлена посредством знака.

Знака, доступного и необходимого всем.

Таким знаком в данном случае явились *деньги* — медная монета, ввозимая из Англии по патенту Вуда. Силой печатного слова Свифт овеществил в этом знаке такие абстракции, как экономическая зависимость от Англии и ее политическое господство в Ирландии.

Почему же именно этот знак оказалось возможным использовать для достижения намеченной Свифтом цели? Здесь сыграли роль одновременно три не зависящие от воли Свифта причины, и каждая из них была по-своему необходима.

Во-первых, монета ввозилась из Англии, и Англия отстаивала определенный вариант ее производства, ввоза и обращения. Этот вариант «суконщик» избрал мишенью критики. И любая отрицательная реакция с английской стороны фактически работала на Свифта, подтверждая: это английский замысел, это нужно Англии, а не Ирландии!

Во-вторых, монету можно подделывать. В те времена поддельная монета встречалась относительно часто, подделывали, однако,

серебро и золото. Подделка медной монеты — кому бы это могло прийти в голову? «Себе дорожке», — сказал бы любой фальшивомонетчик. Любой, кроме Вуда. Потому, что подделка медной монеты выгодна лишь при массовом, многотонном ее производстве, а именно таким производством собирался заняться Вуд. Откуда такие масштабы у фальшивомонетчика? Ответ один: Англия. Англия стоит за его плечами, ей можно все, а Ирландии — ничего.

В-третьих, монета, любая монета, и медная в том числе, для рядового человека того времени несла с собой радость обладания и страх потери; этот психологический аспект денежного обращения в эпоху первоначального накопления был выражен очень резко, да и носил качественно специфические черты, связанные с тем, что ирландец тогда и понятия не имел о бумажных деньгах, чеках и т. п. Естественно, что овеществление понятия «колониальная зависимость» (а Ирландия была европейской колонией Англии) в таком знаке, как «медная монета Вуда», пало на благоприятную в эмоциональном отношении почву.

Сверх того, Свифт обладал особым даром изменять масштабы реальности — преувеличивать и преуменьшать, даром, который сделал его известным не только в Ирландии, но и на всей планете — благодаря «Гулливеру». Но это впоследствии. Сейчас он был не Гулливером, а «М. Б., сукоңицником» — и с наслаждением, и с бешенством преувеличивал. Так он изображал приезд Вуда в облагодетельствованную им и его английскими друзьями Ирландию: «Не без удовольствия представляю себе, как он заявится сюда в милой компании разных лордов, пенсионеров с пенсионерками — и зажили бы мы вместе дружно и весело, совсем как нищие, только вот ни одежды, ни мяса у нас не будет, разве что мы станем ходить в кольчугах и питаться медью на манер страусов, которые могут глотать железо».

Любопытно, что ирландцы были склонны воспринимать все это если не буквально, то во всяком случае как нечто возможное.

«Письма сукоңицника» приобрели значительное распространение в устной передаче: их читали вслух. Их ждали. Все знали автора, но правовой основы для преследования его не было.

Результат превзошел ожидания Свифта, и был совершенно неожиданным для английского правительства. Свифт показал, что десть бумаги и печатный станок способны потрясти до основания английское господство в Ирландии, причем на протяжении считанных недель. Этого не произошло бы, просто не могло произойти,

если бы английское господство не было исторически обречено и, следовательно, в первооснове своей — непрочное (тем не менее оно рухнуло лишь двести лет спустя). Конечно, политическая платформа, сплотившая население Ирландии, не могла просуществовать долго, и эффект, которого добился Свифт, носил сугубо временный характер, хотя и наложил отпечаток на формирование национального самосознания ирландского народа. Позитивной программы действий на сколько-нибудь длительный срок Свифт предложить не мог, и «Письма суконщика», как уже отмечалось, привели в конечном счете к объективно незначительным политико-экономическим последствиям.

И все же есть такие политические события в жизни каждой нации, которые существенны уже тем, что они *были*, которые остаются незабываемыми метами роста — подобно карандашным чертам на старом дверном косяке.

Деньги

Удивительно, что это небольшое, но неоспоримое чудо сотворили медные гроши — или, точнее, *отношение* к ним.

В деньгах скрыто нечто магическое — это отмечалось давно.

В ранней молодости мне случилось ознакомиться с очень хорошей (как я сейчас понимаю) коллекцией денежных знаков. Как и миллионы советских людей, никаких денег кроме рубля с шахтером, трешки с красноармейцем, пятёрки с летчиком и червонца с Лениным я тогда в глаза не видел. Поэтому величественная простота фунта стерлингов, великолепный Петр на русской пятисотрублевке и глаз, заключенный в треугольнике, на «зеленой спинке» (green-back) доллара меня сильно удивили. Но наибольшее впечатление производили все-таки деньги «революционного пространства», как сейчас называют охваченную пожаром гражданской войны Россию. Деникинские «колокольчики» — синеватые сотенные бумажки «единой и неделимой» — с царь-колоколом (почему не с царь-пушкой?), «чайковские» деньги оккупированного Архангельска с белым медведем, прекрасно отпечатанные в Англии бакинские — зеленые, с якорем на щите и башнями огнепоклонников, поражали воображение. Звездами коллекции были надпечатки махновградской анархической вольницы «Чем наши хуже ваших» и этикетки от портвейна с подлинной размашистой росписью нарком-

фина Семенова — деньги, имевшие хождение на территории, превышавшей площадь Франции. Да, тут было на что посмотреть! И я вдруг ощутил, насколько однообразно унылы советские казначейские билеты. «И это уже навсегда», — вдруг подумалось мне. Реформы 1947-го и роскошных имперских рублей Сталина, как и мелких форматом хрущевок 1961-го, никто тогда предвидеть не мог. Да кто мог предвидеть в начале 1994-го появление вскоре уже измятых в сотнях тысяч карманов билетов Национального банка Кыргызской Республики? Никто.

Денежные знаки символичны. Немало, должно быть, повидал бумажных денег Осип Мандельштам, если ему в начале 20-х годов пришла в голову примечательная метафора: «Переход на золотую валюту дело будущего, и в области культуры предстоит замена временных идей — бумажных выпусков — золотым чеканом европейского гуманистического наследства, и не под заступом археолога звякнут прекрасные флорины гуманизма, а увидят свой день и, как ходячая звонкая монета, пойдут по рукам, когда настанет срок»¹. Любопытно, стал бы Мандельштам настаивать именно на этой форме выражения своей мысли сегодня. в эпоху господства рыночной экономики и повсеместного отказа от золотого стандарта.

Но мы еще вернемся к этой теме.

В чем загадка денег?

Ответов два — и оба они правильны.

Первый из них принадлежит Хорхе Луису Борхесу. «Любая монета на деле представляет собой набор вариантов будущего. Деньги абстрактны, деньги — это то, что будет. Они могут стать загородной поездкой, а могут — музыкой Брамса, могут обратиться картой, а могут — шахматами, или чашкой кофе, или поучением Эпиктета о презрении к золоту (да, за деньги можно приобрести и поучения Эпиктета. — А.Б.). Это время, которое невозможно предвидеть, время Бергсона, а не жесткое время ислама или стоиков. Детерминисты отрицают, что в мире могут существовать отдельные друг от друга события, *id est*, что события могут совершаться сами по себе; монета же символизирует для нас свободу воли»².

Таков первый ответ.

Второй непосредственно связан с существованием двух витальных систем.

¹ Мандельштам О. Соч. — Т. 2. — М., 1990. — С. 207.

² См.: Борхес Х. Л. Соч. — Т. 1. — Рига: Твэр, 1994. — С. 450.

Две витальные системы

О двух витальных системах речь обычно заходит в контексте информатики, физиологии, общей теории систем. Но эта тема имеет и исторический, точнее — культурно-психологический аспект.

Именно в этом аспекте рассматривают тему двух витальных систем А. и Б. — собеседники, персонажи диалога об алхимии.

А. Стоит ли тратить так много времени и труда на изучение курьезов безвозвратно давнего прошлого? Что нам алхимия?

Б. Думается, вы не правы. Алхимия — никак не курьез, не причудливая тень прошлого, не порождение шарлатанства и суеверий. Нет, все это было — и шарлатаны, которых вешали — чтоб не повадно было! — на золоченых виселицах, и темные суеверия, и близкий к безумию фанатизм, и случайные открытия сложных химических веществ. Но все это было исторически обусловленной частью культуры той эпохи.

А. Возможно. Готов допустить, что алхимия неразрывна со средневековьем, что она закономерно вписывается в конкретную историю знаний и заблуждений человечества. И что же? Осмелюсь повториться: что нам алхимия?

Б. Как? Вы отрицаете пользу и смысл исторических исследований?

А. Нисколько. Но именно ищу в них пользу и смысл, ищу и уроки для себя и современников.

Б. Алхимия как раз заставляет задуматься о многом. Например, о том, почему она ушла в прошлое.

А. То есть? Она лишена смысла, золото изготовить искусственно нельзя. По существу — это антинаучное суеверие! Алхимикам просто перестали верить.

Б. Положим, все не так просто. Еще в XVI веке Хуан Юнь-Цзяо писал: «Не вразумишь того, кто занимается алхимией»¹. Но мало ли суеверий сохранилось и со времен, куда более отдаленных. А ныне возникают и новые мифы, отнюдь не менее фантастические, — и им верят многие. Это бесспорный факт. И даже более того — такой широко читаемый автор, как Жак Бержье, утверждал: «Мы располагаем многочисленными свидетельствами, доказывающими, что алхимики способны были, а может быть, и теперь способны произ-

¹ Цзяцзунь. — М., 1969. — С. 55.

водить золото»¹. Стоит добавить, что его книга вышла в свое время сотысячным тиражом. Вот вам и первый урок — паранаука, которая и не думает исчезать, а явно процветает, не забывает и своей генеалогии. Я провел небольшое исследование, которое быстро обнажило психологическое сходство между средневековыми и современными феноменами, предшествующими науке и сопутствующими ей. Но есть и второй момент, тоже очень важный. Ведь и на самом деле алхимические утверждения как-то полностью утратили кредит, и вряд ли Бержье был в состоянии его возвратить. Здесь иное!

А. В чем же это «иное» заключается? И вправду многие утверждения современных «магов» ничем не лучше алхимических, даже грубее, проще — и так же ни на чем не основаны.

Б. Я отвечаю на ваш вопрос. Видите ли, государство — это сложно взаимосвязанный во всех своих частях организм. Условием его функционирования служит бесперебойная работа двух витальных систем. Первая витальная система — это транспорт грузов. Чтобы работали доменные печи, прокатные станы, булочные, нужен уголь. Чтобы шли тепловозы, нужна нефть. Здесь все очевидно. Вторая витальная система — это направленная передача информации. Сюда входят и телефонная связь, и накладные на товар, и телеграммы, и удостоверяющие личность людей документы (они необходимы в процессе передвижения, там, где вас все знают, удостоверения не нужны), и наконец — деньги.

А. Позвольте, деньги? Но ведь золото...

Б. Да, золото и деньги взаимосвязаны теснейшим образом — до полного отождествления в золотой монете. Но ведь существование двух витальных систем — это проявление и следствие товарного производства, а золото — тоже товар, но товар особый, эквивалентный всем иным и в силу этого обладающий спецификой реализации. И вот, когда реализация этого товара стала осуществляться в условиях развитого капиталистического товарного производства, пробил последний час алхимии. Восторжествовала (в условиях с неизбежностью меняющихся цен на золото) вторая витальная

¹ Бержье Ж. Промышленный шпионаж — М., 1972. — С. 44–45. Все рассуждения о «магическом прошлом» имели некогда скандальный успех (см., например: *Paulreys L., Bergies J. Le matin des magiciens.* — Paris, 1960). История успеха «Утра магов» вполне обычна и подтверждает, что хорошо оплачивается не любая ложь, но ложь, интересная. Сейчас она уже неинтересна.

система, система информационная. Эдисон наблюдал очередную биржевую панику из кабины телеграфной компании: «Он понял тогда, что верное богатство не в золоте, которое так колеблется в цене, а в том, чтобы доставлять вовремя сведения о таких колебаниях»¹. Впоследствии повсеместный отказ от золотого стандарта, прямого обмена кредитных билетов на золото закрепил торжество системы, которая лишь сообщает (не всегда достоверно) о наличии золотых фондов, транспортировка которых ныне крайне ограничена. Алхимии в этом мире места нет, и история акционерной компании «Аргентаурум», которая попыталась возродить призрак алхимии уже в индустриальную эпоху, есть история биржевых спекуляций.

М. Фуко констатировал (хотя это ему не нравилось), что Кювье полагал функции существования важнее функций связей, но потом признал, что все диспозиции организма определяются в конечном счете нервной системой². Но ведь нервная система, выступающая, бесспорно, как система связей, есть система соединения существования организма с существованием мира. Иными словами, есть две витальные системы: одна имеет основой обмен веществ, другая — переработку информации.

А. Здесь встают два принципиально существенных вопроса, и они разные. Один — об алхимии, другой — об информации.

Б. Да. В классической работе Юнга³ показано, что алхимия есть искусство вымершее, но, как и любое иное искусство, основанное на архетипах, бессмертных в той же мере, в какой бессмертно человечество.

Теория информации есть научная теория, описывающая количественный аспект передачи, приема и переработки информации. Наука об информации — информатика — не аналогична теории информации в строгом смысле слова. Прежде, чем мы обсудим некоторые проблемы, связанные с существованием информации, отметим следующее.

Теория информации обрела популярность потому, что обещала многое, причем частично исполнила обещанное. Сверх того, информация волновала мысли человеческие в силу четырех называемых далее причин.

¹ Уилсон М. Американские ученые и изобретатели. — М., 1964. — С. 75.

² См.: Фуко М. Слова и вещи. — М., 1977. — С. 349.

³ Юнг К.-Г. Психология и алхимия. — М., 1997.

1. Информация есть то, чем заполнен сосуд времени.
2. Три кита, на которых держится эффективное управление, — быстрота решений, контроль их исполнения, проработка их последствий на перспективу — плавают в море информации.
3. Есть прогнозы, которые сводятся к знанию об инерционности системы. Есть прогнозы, основанные на понимании смысла ее существования. Информация выражает количественную меру организованности систем.
4. Как говорится в знаменитом «Гиперболоиде», «только дураки да те, кто не знают, что такое борьба и победа, видят повсюду случай»¹.
- А Если я правильно вас понял, теория информации превращает случай в часть некоторого множества событий, соотносимых с другими, и позволяет установить вероятность подобного соотнесения. Так? Но стоит ли сегодня придавать теории информации серьезное философское значение? Да, я согласен, сосуд времени содержит информацию и в зависимости от ее количества длительность воспринимаемого наблюдателем времени различается. Согласен, по это не более, чем метафора и коль скоро уж вы склонны мыслить метафорически, вспомните Клода Шэннона. «Блидзагон» проехал, шум вокруг теории информации и кибернетики стих. Об информации не так уже много пишут и говорят.
- Б. Это и хорошо, что шум стих, он только мешал. Если мы и обратились сегодня к теории информации, то потому, что она способна возратить нас к общим, то есть философским, принципам.

Информация

Читатель помнит сформулированный в середине века М. Мерло-Понти принцип: «Каждый объект является зеркалом другого». Известно, что многочисленные попытки марксистов XX века конкретизировать гипотезу о свойстве отражения ни к чему динамическому, стимулирующему мысль, как будто бы не привели. Но принцип Мерло-Понти имеет реализацию, предложенную ван де Гером: «Скрытые стороны объектов существуют для нас потому, что они непременно появляются, стоит нам обойти объект или повернуть его». Иначе говоря, операции с объектом, превращающие

¹ Толстой А. П. Полн. собр. соч. — Т. 5. — М., 1947. — С. 31.

его в предмет познавательной деятельности, могут сделать этот объект (или его стороны) носителем информации о других объектах. Термин «познавательная деятельность», если истолковать его как «прием и переработку поступающей информации», не обязательно требует присутствия субъекта в метафизическом смысле. Соответственно и специальная теория относительности может получить при этом несколько иную философскую интерпретацию. Вообще говоря, любой сигнал, несущий информации, должен рассматриваться в двух отношениях: 1) в отношении к событиям, о которых он сообщает, и 2) в отношении к принимающей системе. По-видимому, возможность существования принимающей системы вытекает из принципа Мерло-Понти и с этой точки зрения наблюдатель, о котором идет речь в специальной теории относительности, есть философски необходимая часть мира, а не условная фигура. Тем самым принцип Мерло-Понти и антропный принцип корреспондируют.

Коммуникация и информация — понятия взаимосвязанные, но по объему и содержанию различающиеся.

Коммуникация есть именно передача, и факт ее существования очевиден, тогда как информация этой непосредственной очевидностью совершенно не обладает. Достаточно напомнить, что Дж. Бар-Хиллель некогда предлагал попросту переименовать теорию информации в «теорию передачи сигналов» или «теорию кодирования» с тем, чтобы избавиться от термина «информация», со всей его «двузначностью и смысловыми ловушками» (semantic traps). Бар-Хиллель счел нужным оговорить, что предложение продиктовано не «сверхпедантичностью философа или логика», оно практично, оно спасает от пустых дискуссий¹.

В конечном счете термин «информация» вошел в широкий научный обиход благодаря общепризнанным достижениям теории информации. Между тем в ее границах понятие информации не определяется; это математическая теория, и оперирует она количественными характеристиками, величинами. Если в ней вводится «мера количества информации», то отсюда еще не следует, что существует реальный объект измерения — информация. Невозможен «информациометр», измеряющий величину информации подобно вольтметру, измеряющему величину напряжения тока.

¹ Bar-Hillel J. An Examination of Information Theory//Philosophie of Science. — Vol. 22. — 1955. — P. 104.

Сальвадор Дали. 1936. Сюрреалистический предмет. 15х17х30 см. Галерея «Тэйт», Лондон.

Сюрреалистическим предметом Дали называл трехмерную композицию вещей, обладающую символической функцией. Специфическая особенность сюрреалистического предмета состоит в том, что он образован вещами, которые в жизни не сочетаются. Вот как в данном случае. Омар и телефон — неожиданно! Но информацией и называется то, что неожиданно, ново, и чем более неожиданно сообщение, тем больше количество информации. А что поступает к нам по телефонному шнуру, что говорит нам на ухо телефонная трубка? Это информация!

В 1936 году теория информации занимала умы нескольких человек в мире, об основных ее постулатах Дали (и никто) понятия не имел. Его привлекло сочетание красного и черного. Но подлинное произведение искусства — в чем-то всегда предвидение.

Вот одна из метафор существования.

Плакаты Адама Бовбельского к фильму «Карточный домик» просты: изображают конфедератку, асфальт и четыре карты. Пиковый туз — заостренным кончиком — гибель. И зеленый цвет — цвет вечного, вестниного возрождения. Шаткий карточный домик — межвоенная Польша — рухнула за три сентябрьские недели в 1939 г., но не исчезла ни из человеческих душ, ни с географических карт. Она вернула себе независимость, полвека спустя отошла от социализма — и сегодня Яцек Куронь вновь спрашивает: «Кто украл Польшу?». Пока существуют карты, существуют и карточные домики. Пока есть люди с их недолгим, временным существованием, есть их языки и страны, есть их долговечная сущность. Что же, существование столь платко?

Да. Но исполнено надежды.

Количество информации, строго говоря, не измеряется, но вычисляется. И способ вычисления этой величины ни на йоту не изменится, если мы условимся называть ее не «количеством информации», а как-то иначе. Вобщем ничего невыполнимого в предложении Бар-Хиллеля нет. Его лишает смысла одно, и только одно — что информация существует в реальной действительности. На самом деле.

Существует то, что уменьшает неопределенность ситуации, указывая, какой из нескольких вероятных исходов наступил (или наступит). Существует то, что уменьшает количество возможных вариантов решения задачи, приближая их число к единице, к единственно правильному ответу. Эти определения носят характер операциональных, в них обобщен порядок действий, которые позволяют убедиться в действительном существовании информации; дальнейший анализ создает возможность выявлять ее специфическую структуру. Прежде всего здесь неявно вводится представление о системе, принимающей сведения, способные повлиять на оценку ситуации или решение задачи. Прием сведений в свою очередь предполагает затрату энергии на их передачу с помощью некоторого материального носителя.

Теперь возникают основания для того, чтобы описывать структуру информации: она образована *отношением* трех элементов — A, B, C и удовлетворяет следующему определению: если множество событий A через посредство изоморфного ему множества событий B влияет на управляемый процесс C , то изоморфное соответствие между B и A есть *информация*. Множество событий B — это сигнал о множестве событий A . Сигнал воздействует на *принимающую* систему, в которой протекает управляемый процесс C . Элементарный пример. Человек смотрит на движение светлых и темных пятен по телевизионному экрану, а *видит* игроков на футбольном поле. Это означает, что происходящее на стадионе множество событий B , отображенное на экране, воздействует на управляемые процессы $C_1, C_2, C_3, \dots, C_n$, протекающие в субстрате сознания. Таким образом, изоморфизм двух множеств событий сам по себе составляет «потенциал информации», своего рода возможность, которая реализуется лишь в отношении к конкретным принимающим системам.

Суть коммуникации и заключается в том, чтобы направлять сигналы к принимающим системам. Коммуникативный процесс предполагает работу некоторой *направляющей* системы (телевизионной — в приводимом выше примере). Но подобная система,

вообще говоря, не обязательна для того, чтобы между явлениями возникало специфическое отношение, именуемое информацией.

Для нас принципиальное значение имеет факт *реальности* информации, не обладающей вещественностью, но существующей как отношение. Отношения, образующие систему, реальны настолько, насколько реальны факты, подтверждающие реальное участие системы в существовании мира. Функциональная сторона системы при этом выдвигается на передний план, вещественная отступает. Чувственно воспринимаемая сторона существования не всегда играет господствующую роль в отличие от того, что говорили (и думали) материалисты XIX–XX веков.

Существование любого явления можно рассматривать как процесс, состоящий из множеств событий. Каждое из этих множеств изоморфно множеству событий, происходящих с другими явлениями. Тем самым любое явление может послужить источником информации о других. Это и есть принцип Мерло-Понти в свете радикальной психологии.

Роза Джэйкса

Количество информации зависит от упорядоченности, от сложности предмета. Хаос содержит все, не отражает ничего.

Представим себе, как это предлагал в свое время Л. П. Джэйкс, что в руках ученых каким-то образом оказалась роза, выросшая на иной планете. «Как обрадовало бы исследователей получение подобной информации! Планета, где способна произрастать роза, обладает условиями, в которых должны существовать и десять тысяч других явлений — наука могла бы сказать нам в общих чертах, что это за явления. Это относилось бы не только к флоре, но и к фауне. И вообще этот факт превратился бы в настоящий клад информации о климате, почве, атмосфере, временах года и обо всем, что угодно»¹.

Естественно, что если бы в распоряжении ученых оказался золотой самородок с иной планеты, а не растение, то объем полученной ими информации был бы явно меньшим. Здесь сказываются два взаимосвязанных обстоятельства. Прежде всего информация есть продукт (и мера) сложности организации. Так, многообразис явле-

¹ *Jacks L.P. The Theory of Survival in the Light of its Context*// *Hibbert Journal*. — Vol. XX. — 1917. — P. 645.

ний природы, от которых зависят жизнедеятельность и эволюционная предыстория растения, иные, нежели у металла. Кроме того, сложность и вероятность взаимосвязаны. Избранная нами гипотетическая ситуация позволяет рассматривать их взаимосвязь упрощенно, ибо в масштабах Вселенной каждая данная материальная система тем менее вероятна, чем сложнее организована. Гораздо вероятнее обнаружить на неизвестной планете самородное золото, нежели жизнь, хотя не исключено и это: неопределенность подобной ситуации вообще очень велика, она допускает много разноречивых исходов. Количество информации находится в отрицательной логарифмической зависимости от вероятности событий, и маловероятное событие — обнаружен растительный организм — значительно уменьшает неопределенность ситуации.

Обобщая, мы вправе сказать, что информация образует *переход* от неопределенности к определенности. Этим и объясняется, что существование информации не очевидно и даже ставилось под сомнение. Переходы вообще не отличаются очевидностью. Обычное представление улавливает лишь различие начального и конечного состояния, но не переход от одного к другому. Из рамок «обычного представления» выпадает и переход от неопределенности к определенности, образуемый информацией, постоянно поступающей в наши органы чувств. То, что мы «увидели» или «узнали», есть результат перехода, конечное состояние, определенность, а самый процесс «видения» или «узнавания» чаще всего ускользает от обычного интроспективного представления. Переход субъективно отождествляется с конечным состоянием¹ и не удивительно, что информация впервые обратила на себя внимание инженеров связи — так сказать, по пути к принимающей системе. Там, где переход от неопределенности был искусственно растянут, и возникла возможность исследовать то, что образует этот переход.

На протяжении ряда лет теория информации занималась главным образом эффективностью передачи сведений по каналам связи. Изучались оптимальные методы кодирования определенного

¹ Характерны в этом смысле работы отдельных авторов, которые подразумевают под информацией нечто свойственное принимающей системе, рассуждают о нематериальной «человеческой информации», материальной «машинной информации», а в заключение объявляют человеческий мозг творцом и создателем информации (см., например: *Натан С. Г.* Некоторые философские вопросы кибернетики. — Л., 1960. — С. 41; *Гитт В.* Теория ли Бог через эволюцию. — Bielefeld, 1993. — Марксист и теолог в своих взглядах очень близки друг другу).

количества информации, но вопрос о том, как она повлияет на принимающую систему, оставался в стороне. Н. Винер поставил этот вопрос на обсуждение, указав, что существует различие между информацией, поступающей в систему по каналам связи, и информацией, воздействующей на поведение системы. Н. Винер считал, что это различие обусловлено особенностями передачи информации внутри системы.

В процессе передачи информация чаще всего теряется, реже — сохраняется в исходном количестве и никогда не бывает приобретена. Это правило не знает исключений. Правда, потери информации могут быть случайными и могут быть управляемыми — когда на пути информации стоят фильтры, на которых остаются определенные части сообщения. Через такую серию фильтров и проходит информация, поступая в принимающую систему. Поэтому количество информации «на входе» в систему больше количества информации, которая «срабатывает на выход», т. е. изменяет состояние системы. Эту «действующую» информацию Н. Винер назвал *семантически значимой*. Семантически значимая информация в машине, как и в человеке, представляет собой информацию, которая проходит к действующему эффекторному механизму принимающей системы, несмотря на некоторые свойства системы (человека или машины, безразлично), которые разрушают эту информацию. «С точки зрения кибернетики семантика определяет меру смысла и управляет его потерями в системе сообщения»¹.

«Системы сообщения» или, точнее, «системы коммуникации» (communications systems), о которых говорится у Н. Винера, включают два рода подсистем: направляющие и принимающие; их соединяет направленная передача сигналов. В зависимости от семантики сообщения сигналы могут быть направлены либо точно известным адресатам, либо некоторому множеству вероятных адресатов. Это находит отражение в подразделении коммуникативных процессов на аксиальные (от латинского *axis* — «ось») и ретиальные (от латинского *rete* — «сеть, невод»). Аксиальный коммуникативный процесс предполагает передачу сообщения строго определенным единичным приемникам информации. Сигналы, направленные множеству систем одновременно, вовлекают в *ретиальный* коммуникативный процесс подмножество принимающих систем — тех, для которых семантически значима сообщаемая информация.

¹ Wiener N. Human use of Human Beings. — Garden City (N.Y.). — 1956 — P. 44.

Эти основные формы направленной связи нередко функционируют параллельно, взаимно дополняя друг друга в пределах единой системы коммуникации. Так, жизнедеятельность животного организма регулируется с помощью единой нейрогуморальной системы коммуникации. При этом нервные связи носят аксиальный характер — информация, закодированная в нервных импульсах, всегда строго адресована. Напротив, гуморальные связи строятся по ретинальному принципу: гормон поступает в кровь, через ее посредство соприкасается со всеми органами, но воздействует лишь на некоторые из них.

Ценность информации, поступающей в принимающую систему, можно связать со временем, затраченным на поиск решения. Фактически любой процесс решения протекает при известных ограничениях времени, причем налагаемые ограничения могут быть достаточно жесткими. Понятно, что при дефиците времени, отводимого на поиск решения, ценность информации возрастает именно в силу того, что она сокращает поиск. Известное положение К. Маркса о том, что любая экономия в конечном счете сводится к экономии времени, применимо, по-видимому, и к определению ценности информации.

Как совершенно справедливо отмечает Н. Винер, вопрос времени имеет важное значение во всех оценках стоимости информации. Например, код или шифр, которые будут содержать любое значительное количество совершенно секретного материала, представляют собой не только такой замок, который трудно взломать, но и такой, который требует значительного времени, чтобы его открыть. Но это частный случай применения правила более общего.

Для того, чтобы смысл сообщения стал доступен коммуниканту, он должен знать значения и правила употребления знаков, использованных для передачи сообщения.

Информационно-семантические компоненты коммуникативного употребления знаков с особой отчетливостью дифференцируются при анализе конкретного случая, который произошел в начале второй мировой войны.

Штаб полуокруженной группировки польских войск запрашивал по радио срочное указание о направлении отхода: еще оставались неперекрытыми два пути — на Варшаву и на Радом. Зная, что военные шифры уже не составляют секрета для противника, командование радиовало в ответ: «Идти на обед к Вежбицкому». Радиограмма была перехвачена немецкой разведкой и привела ее в смущение. Недоуме-

ние возникло и в штабе группировки, но быстро рассеялось: нашлись офицеры, которые в свое время посещали ресторан Вежбицкого в Радоме, и смысл радиogramмы стал ясен — отходить в направлении на Радом.

Ситуация допускала два равновероятных исхода, и, следовательно, получение любого из двух возможных приказов принесло бы равное количество информации. С информативной стороны решающий момент развития ситуации заключается в *получении* приказа — этот момент неопределенности сменился определенностью. С семантической стороны решающей характеристикой развития ситуации является определенность, наступающая как *результат* получения приказа; иначе говоря, семантически существенно, какой именно приказ получен. Различие этих приказов — не в количестве, но в качестве информации, которая содержится в каждом из них.

Семантика сообщения не только изменяет поведение коммуниканта — она предварительно обеспечивает возможность подобного изменения, обеспечивает прием информации за счет той части сообщения, которая, собственно, и не является информативной. Эта специфическая часть сообщения, известная коммуникантам и, следовательно, избыточная, носит название *значения*. Избыточность значения — избыточность особого рода, образующая «перекидной мостик», по которому информация проходит от одного коммуниканта к другому. Эта вновь поступающая информация также обладает качественным аспектом, обладает *смыслом*. От смысла сообщения и зависит конкретное изменение поведения, зависит характер воздействия информации на эффекторный аппарат принимающей системы.

В приведенном выше примере значение сообщения было намеренно подобрано так, что смысл его оказался доступен только ограниченной группе коммуникантов. Поэтому и дифференциация смысла и значения выступила в столь демонстративной форме. В процессе общения смысл и значение растворяются менее отчетливо.

Как только текст соотносится с реальностью через усложненный систематизированный мир значений, влияние текста на поведение опосредуется уровнями его понимания, их несколько, и совпадения вариантов понимания зачастую достичь не удастся. Информация не проходит прямо на выход, на поведение, не снимает неопределенности полностью и лишь побуждает мыслить¹.

¹ «Неуверенность — вот что побуждает мыслить» (Каню А. Избранное. — М., 1988. — С. 451). Неуверенность — психологический коррелят неопределенности.

В этом отношении любопытен иной, но сходный случай. Шифрованное сообщение. Острая ситуация, в которой ценность информации растет с каждым днем. С каждым часом.

Это было в те дни, когда верховным главнокомандующим (главковерхом) был назначен генерал Л. Г. Корнилов, и он твердо обозначил свою позицию.

У Дира Туманного (Н. Панова) об этом сказано очень ясно. Правильно построенный текст концентрирует смысл, и в этом отношении стихи и научный текст друг другу не противостоят. (Поль Валери это совершенно точно уловил). Вот почему в этой книге такое важное место занимают стихотворные тексты.

Хмурый казак¹ с Георгием в петлице,
С умной усмешкой усталых темных скул
Зорко обвел внимательные лица
И оперся о сторбившийся стул.

— Есть, господа, предатели и в тон им
Я, главковерх, работать не берусь:
Я не могу, чтобы наглые теплоты
Гольими руками взяли Русь...

Мятеж надвигался. Негромкий говор шел в ставке, и главковерх не слышать его не мог. Не мог, потому что говорили про него и обращались к нему:

Вы, генерал? Победа — наше знание.
Вы, генерал? В Европе — резонанс.
Вы, генерал? Страна пойдет за нами!
Вы, генерал? Вся армия — за вас.

Три недели оставалось еще до того, как «дикая дивизия» двинется на Петроград, еще и в черновике не было знаменитого впоследствии:

Всем, всем, всем. Господь в моем дежизе!
Всем, всем, всем. Развал со всех сторон
Срочно, секретно. Надвигаю трех дивизий.
Срочно, секретно. Северный фронт...

Заговор зрел. При главковерхе, в ставке находился и комиссар Временного правительства, который послал депешу управляющему военным и морским министерством. «Комиссарверх» М. Филоненко

¹ Л. Г. Корнилов казаком не был, а происходил из семиреченских мещан.

сообщил Б. Савинкову: «То, что Ваня, Генрих, Эрн, Жорж делали тогда с Запада, теперь может быть в шатре с Востока. Конь бледный близко, так мне кажется. Пожалуйста, исполните все то, что завтра утром вам передам»¹.

Предполагалось, что те, кому в ставке телеграмма или ее копии попадется на глаза, ничего в ней не поймут. Конечно, закон Божий был обязательным предметом обучения, но Апокалипсис составлял самую запутанную его часть, и строку «И се конь блед и сидящий на нем, имя ему Смерть» (Откр., VI, 8) помнили многие, но не все. Люди начитанные (каковых было в ставке мало) могли вспомнить поэму Брюсова «Конь блед» — о явлении призрака смерти на улицах огромного города. И совсем уж маловероятно было, что текст телеграммы окажется в руках человека либерального, читавшего лет семь назад в «Русской мысли» роман «Конь бледный» В. Ропшина.

А Борис Савинков был не просто человеком читающим — он был человеком пишущим. «Конь бледный» написал и опубликовал под псевдонимом именно он. И герои этого романа, аккуратно перечисленные в телеграмме, составляли террористическую группу, которая ликвидировала руководителей государственной власти в губерниях. Савинков в таких вопросах разбирался профессионально: не как литератор, а как террорист. Под противопоставлением «Запад — Восток» подразумевалась противоположенность интересов заговорщиков в романе и в ставке («шатре»). Эсэры ориентировались на модель западную, либерально-демократическую, а корниловцы — на восточно-деспотическую. Упоминание о «Востоке» содержало и глухой намек на Корнилова лично — бывший восточный агент в Китае, он был родом из-под Семипалатинска, знал киргизский, был автором книги «Кашгария и Восточный Туркестан». И конвойцы у него были туркмены.

Основания для упоминания о «Востоке» были.

Никто, кроме Савинкова депеши не понял. Тот понял сразу.

И — запросил пояснений.

Значение оказалось размытым. Филоненко работал не с действительностью, он работал с художественным текстом. Тут царство вариантов понимания. Понимание художественное вариательно в принципе. Для Филоненко «конь бледный» — это прежде всего белый

¹ А передал он просьбу вызвать в Петроград генерала Тихменева, что «ведет под уздцы коня бледного для Лаира». Вот это уже было неосторожно: Корнилова звали Лайр Георгиевич.

конь победителя, на котором «переворотчик» Корнилов въедет в Санкт-Петербург. Это знак Диктатора Всероссийского. Для Савинкова (который и сам не был чужд мысли о диктатуре — собственной диктатуре, разумеется) «конь бледный» — это знак террора. Было ясно, что диктатор может удержаться у власти, только опираясь на штыки. Корнилов это понимал и решительно отстаивал смертную казнь на фронте. Приди он к власти, расстрел стал бы мерой восстановления порядка и в тылу. Главный вопрос 1917 года был прост: кто первым «лизнет крови», кто станет править беспощадными террористическими методами? Первыми стали большевики. Могли стать эсеры. Мог стать Корнилов, и чуть не стали корниловцы.

Филоненко думал, что вопрос стоит о власти.

Савинков понимал, что вопрос стоит о крови.

Вот почему он просил пояснений, вот почему информационная ценность сообщения Филоненко была невысока. Оно не снимало неопределенности.

Потому что не было определенности.

Реальность не обрела еще определенных очертаний.

Бывают ситуации, когда человек остро ощущает, что не покидающее его чувство ожидания есть продолжение состояния мира (помните у Блоха: «мир пронизан огромным обьективным ожиданием?»). Напряженность ожидания уменьшает число близких возможностей и увеличивает их масштабы. Время, отпущенное историей на принятие решений, сокращается, их значение пропорционально возрастает.

Но в тот момент, который мы рассматриваем, отношения, образующие информацию, еще не нарисовались на ткани истории.

Сигнал поступил. И определенное количество информации принес. Но ценность информации не только от времени зависит.

Фундаментальная зависимость иная.

От смысла.

Сигнал как факт и метафора

Современное понимание сигнала сложилось в процессе развития теории информации. Определению понятия «сигнал» способствует понятие изоморфизма. Два множества изоморфны: а) если их элементы попарно взаимно однозначно соответствуют, б) если преобразованию элементов одного множества однозначно соот-

ветствует преобразование элементов другого множества. Изоморфизм двух множеств событий создаст возможность передачи информации. Эту возможность переводит в действительность принимающая система — в отношении к ней одно из изоморфных множеств событий может послужить информацией о другом. Что же касается принимающей системы, то в данном общем случае безразлично, «живая» эта система или нет, — важно лишь, чтобы приток информации мог повлиять на происходящие в системе процессы. Точнее говоря, если множество событий *A* через посредство изоморфного ему множества событий *B* влияет на процесс управления *C*, то изоморфное соответствие *A* и *B* есть информация.

Существование любого объекта можно рассматривать как процесс, состоящий из множеств событий. Каждое из этих множеств может изоморфно соответствовать событиям, происходящим с другими объектами. Тем самым, любой объект может стать носителем информации о других, может стать сигналом. Количество информации в принципе измеримо и находится в отрицательной логарифмической зависимости от вероятности событий, которым соответствует сигнал.

В самом широком, самом общем смысле сигнал есть, носитель информации.

Объект приобретает сигнальную функцию благодаря двум отношениям: 1) соответствию другим явлениям, 2) контакту с некоторой принимающей системой.

Эта характеристика информации и сигнала намеренно дана в отвлеченной от частных форм, позволяющей сопоставить общее определение сигнала с определением связи, предложенным в свое время А. А. Зиновьевым: «Два или более предмета связаны, если по наличию некоторых свойств у одних из них мы можем судить о наличии или отсутствии тех или иных свойств у других из них». И далее: «Выявление связей позволяет познавать предметы не непосредственно, а косвенно, через другие предметы...»¹

Не составляет труда заметить, что определение А. А. Зиновьева описывает процесс передачи информации: связи между предметами охарактеризованы через отношение предметов к системе, принимающей информацию, в качестве которой выступает субъект. По существу приводимое определение гласит: «Два или несколько предметов связаны, если некоторые черты одних предметов могут

¹ *Зиновьев А. А.* К определению понятия связи // ВФ. — 1960. — № 8. — С. 58.

послужить сигналами о соответствующих чертах других предметов». Тем самым в качестве наиболее общей черты, свойственной всем без исключения видам связи между предметами, выделяется *соответствие*.

Это точка зрения представляется обоснованной.

Взаимосвязанное существование вещей не сводимо к прямому или опосредованному воздействию их друг на друга, и принцип Мерло-Понти отнюдь не вступает в противоречие с теорией относительности, показывающей, что физическое взаимодействие невозможно для событий, к которым применимо неравенство $r/\Delta t > c$ (где r — пространственный, Δt — временной промежуток между событиями, а c — скорость света в вакууме). Явления, лишённые физического взаимодействия и в этом отношении друг от друга не зависящие, уже в силу своего существования подчиняются принципу Мерло-Понти.

Пространственное единство физического мира с необходимостью предполагает соответствие отдельных сторон явлений. И если пространственно-временной интервал разделяет два данных процесса так, что каузальная взаимосвязь между ними решительно невозможна, это никак не исключает соответствия определенных черт этих процессов. Например, в том случае, когда их существование выражает близкие по характеру частные закономерности, можно, изучив один из этих процессов, выстроить систему правдоподобных предположений и о другом. Само собой разумеется, что момент соответствия играет свою роль и тогда, когда связь между явлениями определяется именно как каузальная: возможность судить о следствии по причине и о причине — по следствию возникает в силу некоторого соответствия между каузально взаимосвязанными явлениями.

Определение понятия «соответствие» наталкивалось на значительные трудности. Действительно, ведь соответствие выражается в том, что одно явление содержит ряд сведений о другом, а раз уж самый смысл слова «сведения» не заставляет невольно предполагать их понимание? Единственным возможным «приемником» сведений традиционно считалось сознание, и в определении наиболее общего объективного признака связи уверенно вторгался носитель сознания — познающий субъект.

Инпрессия субъекта в ситуацию связи не является, однако же, абсолютно необходимой.

Согласно теории информации передача и прием сведений предположительно осуществимы и вне всякого участия субъекта.

Передача сведений происходит исключительно через посредство их носителя — сигнала.

Отношения соответствия между явлениями есть лишь обязательная предпосылка и необходимое условие, *conditio sine qua non*, передачи информации. То, что в одних событиях содержатся некоторые сведения о других, — факт, не зависящий не только от существования людей, но и вообще от процесса передачи информации.

Смущает только одно: прием и переработка информации при этом неявно отождествляются с *пониманием* сообщений. С их смыслом.

На Норберта Винера произвела впечатление новелла Р. Киплинга, написанная в начале века и посвященная будущему авиации. Авиация, полагал Киплинг, сотрет государственные границы, ибо не знает границ географических. Всемогущество авиации занимало важное место и в «Облике грядущего» Уэллса. Идея непобедимых и вездесущих эскадрилий за сто лет убедительности все-таки не приобрела, хотя и не исчезла. Винер видит недостаток основной мысли Киплинга в том, что тот «делал упор на физическое транспортирование человека на далекие расстояния, а не на транспортирование языка и идей». Действительно, транспорт информации и физическое транспортирование человека при известных условиях выступают как равноценные (или приблизительно равноценные) по эффективности методы. Архитектор из Европы может присхать строить здания в Америку, но может делать это, оставаясь в Европе, направив в Америку проект и спецификацию и держа постоянную связь со строительной бригадой. Киплинг мог иметь в виду сходные возможности¹, но предпочел им иные. Естественно. Он предпочел первую витальную систему. А вторая витальная система — это система передачи сигналов, помогающих, по выражению Винера, «распространять человеческие чувства и человеческие способности действия с одного конца света на другой». (Неясно, правда, кто же станет повелевать человеческими чувствами и действиями — ведь и архитектор, руководя из Европы постройкой здания в Америке, требует безусловного подчинения своим указаниям).

Аргументация Винера сводилась к следующим пяти тезисам:

1. *Организм может (метафорически) рассматриваться в качестве сигнала.*

¹Е. Ружанский в предположительной форме (и, может быть, не без влияния Н. Винера) связывал новеллу Киплинга с его встречами с Теслой — одним из пионеров радиотехники (см.: *Ружанский Е. Никола Тесла.* — М., 1959. — С. 98–99).

Информация — мера упорядоченности системы, информация неразрывна с ее материальным носителем — сигналом, и в силу этого метафорическое уподобление организма сигналу вполне допустимо.

2. Постоянство организма — постоянство формы его строения: мы представляем собой не вещество, которое сохраняется, а форму строения, которая увековечивает себя.

Винер утверждал, что организм — всего лишь особая форма, в которую облакаются (и которую теряют) вещества, приходящие из среды и уходящие в нее. Конечно, дело так просто не обстоит. В процессе индивидуального развития особей «увековеченные формы» вида подвергается многообразным колебаниям. Винер считал, что форма строения, сохраняемая гомеостатическими механизмами, «представляет собой пробный камень нашей личной индивидуальности». Индивидуальность всякого организма очерчена и следами воздействий на него. В процессе индивидуального существования гомеостатические механизмы вовсе не призваны сохранять именно индивидуальную «форму строения». Винер сам указывает границы специфической среды, предельные для нормального функционирования гомеостатических механизмов. Границы, им указанные, не индивидуальные, конечно, а видовые.

3. Постоянство индивидуума имеет вполне определенное начало во времени, однако оно может иметь конец во времени даже без смерти индивидуума.

Винер обосновывает это положение биологическими данными (толкуя термин «индивидуум» несколько расширительно) и данными клиническими. Обсуждение биологических данных привело бы нас к в общем бесплодной дискуссии о том, допустимо ли считать «индивидуумом» оплодотворенное яйцо лягушки после первого клеточного дробления. Что касается клинических данных, то они у Винера сводились к описанию известного «случая Принса»: больная, страдавшая истерией, полагала себя несколькими личностями. Подобные случаи при истерии не единичны, хотя их относят к области казуистики.

Винер допускает, как кажется, смешение биологической индивидуальности и личной. Конец личной индивидуальности без смерти организма, обоснованный примерами деперсонализации, аналогизируется с развитием близнецов; развитие близнецов расценивается при этом как конец биологической индивидуальности без смерти организма. Параллель интересная, но несколько

рискованная. Факты против нее — истерический синдром с явлениями деперсонализации следует оценивать как обратимую патологическую фазу в развитии данной личной индивидуальности, и отсюда далеко до ее конца. Увидеть в однойлицевой двойне факт конца биологической индивидуальности в результате ее раздвоения можно, но по существу биологическая индивидуальность здесь «кончилась, не начавшись».

4. Биологическая индивидуальность организма, по-видимому, заключается в известном внутреннем постоянстве процесса его существования и в запоминании организмом последствий своего прошлого развития.

Эта формулировка ясна и правильна. Она сочетается с другой: «Физическое постоянство личности не состоит из материи, из которой она сделана». Запоминание, однако, немислимо вне вещественного носителя процессов памяти, обладающего определенной физической (и физиологической — в нашем случае) структурой.

5. Организм может быть транспортирован путем передачи наследственной и индивидуально приобретенной информации. Это обусловлено способностью живой ткани воспроизводить себя.

Винер полагал, что организм будет транспортироваться с помощью луча: «развертка» организма — «процесс прохождения луча через все его части... часть его медленно разрушается в целях пересоздания ее на другом материале где-нибудь в другом месте» и таким путем организм, разрушенный в пункте А, «пересоздается» в первоначальном виде где-нибудь в приемном пункте Б.

Это переход от второй витальной системы к первой.

Само собой разумеется, Винер имел в виду не только биологическую индивидуальность, но и личную¹.

Мысль, столь же яркая, сколь и далекая от инженерной реализации, заставляет задуматься и о границах возможного², и о формах существования «я».

Если «я» и на самом деле имеет некоторую пространственную локализацию в мозге, возникает и ряд сложностей, даже недоразумений.

¹ Ср. в этой связи: *Петровский В. А.* Личность в психологии: парадигма субъективности — Ростов, 1996.

² Сейчас вопрос о границах возможного во сфере переплетении биологической и личной индивидуальности вновь оживленно обсуждается. Успехи клонирования поставили этот вопрос в порядок дня.

Как пример «уже изжитого недоразумения» рассматривал Н. А. Бернштейн «вопрос о том, как обеспечивается прямое видение внешних предметов, несмотря на опрокинутость их изображения на сетчатке глаза. Этому факту придавалось серьезное значение, и немало гипотез выдвигалось для объяснения выпрямляющего механизма»¹.

Обратите внимание на кажущуюся предельно естественной постановку вопроса: на сетчатке глаза изображение предмета опрокинуто, а «нечто мыслящее» видит это изображение предмета правильно. Следовательно, это изображение должно (прежде чем оно придет к «мыслящему») снова стать прямым.

«Ошибка в объяснении механизма выпрямления состояла в постулировании раздельного существования в мозгу “зримого” и “зрителя”. Первос (“зримое”. — А. Б.) зачем-то дублировало элемент за элементом находящуюся на сетчатке оптическую проекцию; второй (“зритель”. — А. Б.) каким-то образом воспринимал, “видел” этот дубляж, вроде того, как сам субъект видит окружающий мир. Немного оставалось до того, — иронически заключал Н. А. Бернштейн, — чтобы постулировать у этого внутреннего “зрителя” свою “зрительную зону”»².

В последнем предложении тонко подмечена подлинная основа деления на «зримое» и «зрителя»: «зритель» выступает в роли псевдонима для человеческого «я», которое «видит» поступающие в мозг изображения. Мы упираемся в логический тупик. Если это человеческое «я», это «нечто мыслящее» видит, то ему нужна своя зрительная зона. Если «нечто мыслящее» видит, то оно должно и слышать, обонять, осязать, обладая соответствующими зонами. Иначе говоря, попытка найти в мозге «зримое» и «зрителя» логически равнозначна попытке найти в мозге второй мозг.

Казалось бы, не стоило развертывать *reductio ad absurdum* столь подробно.

Но все же стоило.

И Эрвин Шредингер, и читатель этой книги, и ее автор отлично чувствуют, что “зримое” — это одно, а «зритель» — другое.

Телесному “зрителю” соответствующая зона коры больших полушарий необходима.

¹ Бернштейн Н. А. Пути и задачи физиологии активности // ВФ. — 1961. — № 6. — С. 82.

² Там же.

Но телесно ли индивидуальное «я»?

И когда сигнал, в который будет обращено человеческое тело, будет принят и тело будет пересоздано заново — будет ли пересоздано заново «я» транспроированного индивида?

А если пересоздания организма там, в точке завершения трансляции, не произойдет?

Что же — он исчезнет? Исчезнет вместе с «я»? Или в информации об организме и заключена *возможность* его существования?

Прекращение *вещественного* существования организма есть обратный переход действительности в возможность, и конца *индивидуального* информационного существования при этом не происходит.

Что б ни было — хуже не будет.
Будь весел, как греческий бог,
Пока тебе смерть не остудит
Трепещущий сердца комок.

Что боль в этой жизни — привития,
Поймешь ты, погаснувши свет,
Когда возвратишься обратно
В компанию звезд и планет.

В бескрайних вселенских просторах
Ты будешь скользить, как сигнал,
Бесстыжешь, как образ, который
Однажды по счастью сыграт¹.

Итак, человеческое «я» реально.

Но оно не обладает ощущимостью, свойственной, например, серому и белому веществу головного мозга.

Реальность «я» иная.

Она подобна реальности информации, в существовании которой никто как будто бы не сомневается.

Это реальность *отношения*.

Ведь и ожидание есть, в сущности, отношение к тому, что придет. Или может прийти.

От начала времен (иначе говоря — от Большого изрыва) ожидание растет.

¹ Стихи Ю. Смирнова.

Оно становится, наконец, настолько напряженным, что реальность начинает двигаться навстречу будущему.

Это движение называется *жизнь*.

Жизнь летит в будущее снарядом, каждый осколок которого превращается в новый снаряд — великолепное сравнение Бергсона.

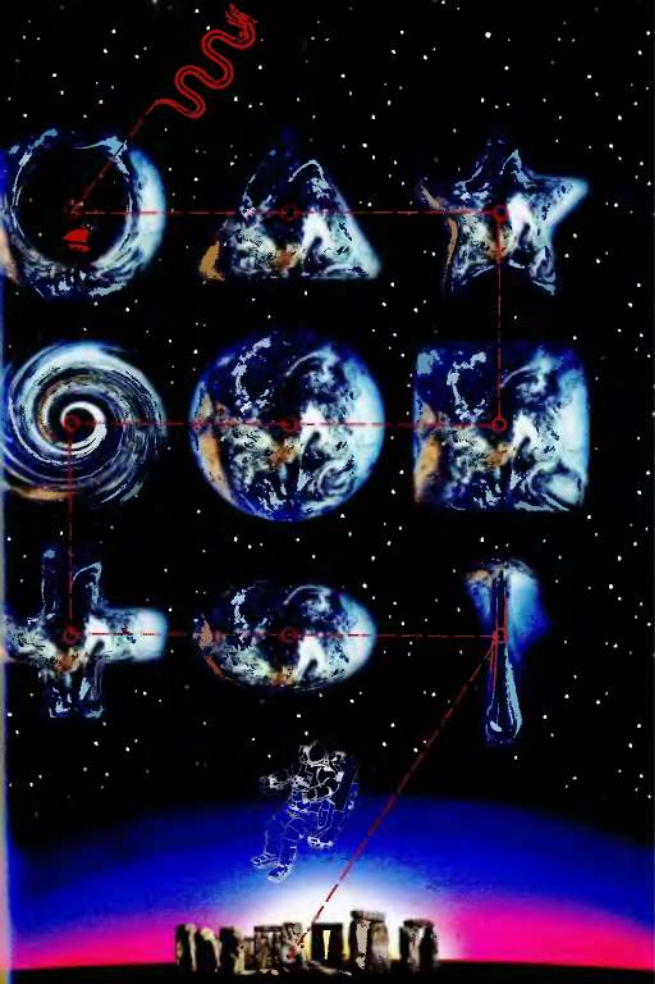
Но будущее непрозрачно. И тут вступает в силу иное сравнение, характеризующее замечательное порождение жизни — человеческое «я».

«Я», вытянутая вперед рука слепца (Аристотель прямо сравнивает душу с рукой), ощупывает пути Вселенной, прокладывая тропинки для своего продвижения»¹.

Из сказанного вытекает главное.

В «я» заключается самоотношение реальности.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. — М., 1990. — С. 79.

Глава 2

СТЕЧЕНИЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Ведь я, дорогие коллеги,
не занимаюсь пророчествами,
я лишь изучаю возможности
в чистом виде.

Станислав Лем

Из дневника

«Сегодня кормили белку: глаза сияют, ушки торчком, хвостом спинку греет. Деревья в цвету. Ветер — лепестки летят тревожно, как снежинки. Далеко шумит вода. Покоя нет.

(Вечером). А сейчас гроза погремела, я задремал и открыл глаза: «Моя жизнь» была по-прежнему раскрыта на «Свияжске», а за окном шумел, булькал и успокаивал дождь. «Завтра, поди, все листочки развернутся», — подумал я, и записал дату: 27 апреля.

Книга завершается. Как и всякого автора мучит вопрос, выйдет ли она в свет».

Скрипт. Смысл. Будущее

Это и вопрос возраста. «Мир был ясный и четкий, лишь слегка затуманенный по краям», — писал молодой Эрнест Хемингуэй в «Фиесте». Но для того, кто когда-то восхищался точностью этих слов и повторял их, а теперь стал старше Трюффо и Хемингуэя, края, затуманенные края, чертовски расширились, а мир стал узкой полоской, сияющей посреди тумана.

Медленно надвигающегося тумана.

Суть дела состоит в том, чтобы объяснить читателю главное: если бы мы знали, что будет, — умерли бы от тоски, а не знать — значит добавит к тоске еще и тресвогу.

Между тем какие-то возможности предвидения, прорицания существуют.

Издавна известны гадания.

История гаданий на картах — это не только история человеческой глупости. Семантические исследования показали, что изучение системы гаданий имеет определенное значение для построения типологии сюжетов¹, а Итало Кальвино воспользовался колодой

¹ См.: Егорев Б. Ф. Простейшие семантические системы и типология сюжетов // Семантика: Труды по знаковым системам. Вып. 2 — Тарту, 1963. — С. 106–115. Вообще гадание в историко-семантическом плане явилось фильтром ситуаций, сохраняющим только значимые.

таро и написал «Замок скрещенных судеб» (не удивлюсь, если он послужит основой для сериала, требующего, правда, значительных постановочных затрат).

«Я понял, — пишет Кальвино, — что карты таро представляют собой машину для конструирования историй, я думал о книге и представил ее контур: немые рассказчики, лес, постоянный двор, я был искушен дьявольской идеей вызвать к жизни все истории, которые может содержать в себе колода карт таро.

Я думал о создании чего-то вроде кроссворда, составленного из карт таро вместо букв, пиктографических историй вместо слов. Я хотел, чтобы каждая из историй имела самостоятельный смысл и чтобы они доставили мне удовольствие писать их — или переписывать их, если они уже стали классическими сюжетами»¹. Последнее знаменательно.

Хотя я и предлагаю рассматривать литературу и искусство как мир, дополнительный (в смысле Бора) миру действительному и, в сущности, равномогущий, это не означает, что их надо полностью развести по структурным признакам. Структурная общность существует.

Допустимо предположение, что набор ситуаций, в которых живут и действуют люди, ограничен. Применительно к драматургии это кажется впервые показал Ж. Польти².

Видимо, возможно построение скриптов на основе сочетаний их элементов. Скрипт обладает свойством смыслового усиления (о чем см. в главе «Великий усилитель»), а так как смысл есть возможное направление развития, скрипт обладает и известной предсказующей силой.

Блестяще, иронически, увлекательно рассказано об этом в новелле Кеки Даруваллы.

Дочь редактора провинциальной газеты уехала в деревню к родным и — ни слуху, ни духу. Телефона там и в помине нет, отец переживает, регулярно ездит встречать дочь к вечернему поезду (все без толку), тоскует, видит, как дуются в карты возчики под тусклым уличным фонарем. Ему не спится, он пишет статью «Игорные притоны». Наутро триумф, шумные приветствия: он разоблачил порок.

¹ Кальвино И. Незримые города // Замок скрещенных судеб. — Киев, 1997. — С.384.

² См.: Polti G. Les 36 situation dramatiques. — Paris, 1894. На эту книгу все ссылаюсь, но я должен признать, что читал только реферат.

О, какая тоска! Ведь, в сущности, что такое пустыни? Состояние дупни.

Рикша снова везет редактора домой с вокзала, их обгоняет возчик (гремят пустые бочки из-под водки), проносится черный «амбассадор», в нем — священнослужитель в торбане, красавец с бородкой.

Редактору не спится, а мысли его, точно летучие мыши, кружат среди ночных стен. Этот человек с бородкой, развалившийся на заднем сидении лимузина! Допустим, редакции стало известно, что под видом духовных лиц скрываются похитители юных девушек — они заманивают их в черную машину и увозят на виллу, таинственную виллу в лесу. Что происходит там с ними? Нам не удалось взять у них интервью...

Скандал. Девушки не желают посещать колледжи в вечерние часы. В городе избili нескольких духовных лиц.

А дочка все не приезжает, редактору не спится, он пьет ром и пишет о том, как ночью в городе убивают людей, и пьяный извозчик увозит их отрубленные головы в бочках из-под водки. Психотропные средства обратили его в зомби, он ничего не помнит об ужасах, которые...

Город охвачен страхом. Редактор публикует новую сенсационную статью — о колдунах и экстрасенсах, напуганных разными уродами, мечтающими о любви красавиц. Они становятся жертвами гипноза и выходят замуж за тех, на кого и не посмотрели бы...

Слишком. Это уж слишком.

У дома редактора тормозит автомобиль. Нет, это не исчезающая дочь, а полицейский. Терпение властей лопнуло. Редактор учинил серьезное преступление: паника подрывает обороноспособность страны, говорит закон. А в данном случае атмосфера всеобщего страха создана на основе целиком вымышленных фактов. Подрывной умысел налицо.

«О нет, ваша честь, это не умысел, а экзистенциальная беллетристика», — уверяет адвокат. Кто спорит, ничего этого не было, но редактор стремился развеять сонную одурь властей, напоминая о том, что *может* или даже *могло* быть. Этот метод защиты не производит впечатления на судью, но оглашение обвинительного приговора (уже продиктованного стенографистке) пришлось отсрочить. У соседей судьи неприятности: пропала дочь. Полицейские делают, что могут: даже поехали в отдаленный лес, в надежде (какая глупость!) найти там таинственную виллу.

Виллу обнаружили. Нашлась на вилле и похищенная девушка. Судья попросил стенографистку повременить с перепечаткой приговора. Интуиция его не подвела. Через неделю-другую при рытье котлована на каком-то строительстве были обнаружены два скелета. Подсудимый испытал даже подобие мимолетного торжества, узнав, что они были без голов.

А судья принял версию защиты и огласил оправдательный приговор: можно ли вымысел, по истечении трех месяцев ставший фактом, квалифицировать как умысел? Никак нельзя. Прочертив восходящую спираль от вымысла через прорисование к факту, судья освободил подсудимого из-под стражи.

Атому не спится, он тоскует о дочери и предается размышлениям о *мантре*, вербальном усилителе психической энергии, мощном орудии мысли. Санскритский корень *ман*¹ означает «думать», *тра* — «орудие». *Самадхи*, состояние транса, позволяет проникнуть в нечто истинно реальное, а *дхарани* — речевым, мантрическим способом сконцентрироваться на идее, усилить ее. Мантра позволяет, таким образом...

А уже утро, и черный «амбассадор» бесшумно въезжает в переулок, редактор слышит: «Папочка!» и выбегает на крыльцо. Дочь бросается ему на грудь, и в проборе аккуратно расчесанных волос он видит малиновую полосу — знак замужества.

А из «амбассадора» выbralось и спешило к ним странное существо: красивое лицо, борода, широкая грудь, тонкая талия — и ножки карлика. У редактора упало сердце. Он посмотрел на дочь, та кивнула. Гном виновато улыбнулся и припал к его ногам.

Рассказ о предсказующей силе скрипта завершен.

Но обладает ли скрипт этой силой в действительности?

Обладает.

Кардинальную проблему в парадоксальной литературной форме ставит Кеки Даруваала. Ведь возможность не есть истина, не есть и ложь. *Время* есть то, что превращает возможность либо в ложь, либо в истину.

Такова «взлетно-посадочная полоса» философии возможности. Все развитие (примем, что мир находится в развитии) есть движение в пространстве возможностей. Все развитие есть движение в еще не-истинном, и истина есть то, что остается позади. Единственное достоинство истины состоит в том, что на нее можно опираться в дальнейшем движении. Смысл претендует на ту же роль.

¹ Сравните латинское *mens*, греческое *menos*.

А сила скрипта — в смысле.

Особого в этом смысле отношения заслуживают слова Г. Козинцева (большого знатока шекспировских сюжетов), что Шекспир «существует вне текста». Это может смутить (или возмутить) шекспироведа, но для философа, для радикального психолога очевидно, что скрипты шекспировских трагедий существуют и в кинематографическом воплощении, и в реальности.

И не только шекспировских.

Это свойство скриптов вообще.

И они воплощаются в текстах и до того, как воплотятся в жизнь. Вот пример.

А. Я. Таиров рассказывал в ЦДРИ 17 апреля 1948 г.: «Это было в 1925 году, когда театр гастролировал в Париже, где мы с Эренбургом довольно часто встречались. Я настаивал на том, чтобы он написал пьесу. Он по обыкновению говорил, что писать пьесу не собирается, и все же написал пьесу-шутку... Каждый писатель должен обладать даром предвидения. Эренбург обладает этим даром в очень большой степени¹. Он написал свою шутку, в которой действие происходит в одной из республик Южной Америки, куда приехал на гастроли Камерный театр. Шла пьеса “Жирофле-Жирофля”. Во время спектакля по пьесе происходит путч, спектакль был прекращен и актеры вышли на улицу в костюмах и в гриме. Их приняли за переодетых большевистских агентов. Происходит кви про кво, и все кончается благополучно. Вы спросите, в чем предвидение Эренбурга? Вот в чем. Через пять лет после того наш театр действительно гастролировал в Буэнос-Айресе и действительно в это время произошел путч, и мы действительно, не окончив спектакля, вышли на улицу. Произошло кви про кво, которое кончилось также благополучно, как это было в пьесе Эренбурга»². Рукопись пьесы погибла, но в том ли дело?

С образованием и литературным талантом эта способность не обязательно связана.

В апреле 1943 г. некий итальянский хлебопек по фамилии Скардина поднял стакан вина и произнес следующий тост: «Через три месяца фашизма у власти не будет. За здоровье Черчилля и Сталина». Кто-то донес, он немедленно попал под трибунал, получил двенадцать

¹ Это совершенно правильно. Маттеж в Испании он предсказал за несколько месяцев до 17 июля 1936 года. А. Эйсер, будущий адъютант генерала Лукача, вспоминал, как убедителен был Эренбург и как никто ему не верил (см.: *Эйсер А. Двенадцатая Интернациональная* — М., 1990).

² Приводится по: *Эренбург И. Г. Люди, годы, жизнь*. — Т. 1. — М., 1990. — С. 609.

лет, из коих отсидел ровно три месяца, поскольку его предсказание исполнилось с математической точностью.

Быть может, предвидение зависит от детерминизма (пусть не в лапласовском его понимании).

Стивена Хокинга спросили, не ведут ли его теории к новому детерминизму — к такой картине Вселенной, где все предписано заранее и где наша роль сводится лишь к роли беспомощных марионеток? Он отвечал:

— Детерминизм означал бы, что мы обрели способность предсказывать. Мы полагаем, что в принципе сможем это делать, но практически нам до этого еще очень далеко.

— Но как быть со свободой воли? — поинтересовался интервьюер.

— В принципе мы можем предсказать все явления, исходя из законов физики. Но вычисления окажутся немыслимо сложными. Поэтому мы допускаем приближения. Идею о свободе воли я считаю хорошо приближенной теорией человеческого поведения.

— Четко, хотя и приводит в ужас, — завершил свои расспросы журналист.

Интересно, что привело его в ужас: принципиальная предсказуемость всего, что только может произойти, или фактическое торжество идеи свободы воли?

Не исключено, что секрет предвидения спрятан в структуре текстов.

Луис Бунюэль рассказывает, как он построил таблицу, перемещаясь по которой горизонтально, можно было построить сюжет (по вертикали располагались элементы фрейма, по горизонтали шел скрипт).

«Первая колонка, скажем, обозначала «Атмосферу действия» — атмосферу Парижа, вестерна, гангстерского фильма, войны, тропиков, комедии, средневековой драмы и т. д. Другая колонка означала «Эпоху», третья — «Главных героев». Колонок было четыре или пять.

Принцип был следующий: в то время американское кино подчинялось настолько жестким, механическим штампам, что с помощью простого приспособления было несложно свести воедино «атмосферу» и «эпоху», определенных персонажей и безошибочно догадаться об основной интриге в фильме¹.

¹ Не все заштампованно, но штамп продолжает давить на фрейм и скрипт. Современные аналоги матрицы Бунюэля позволили мне получить весьма любопытные результаты, но об этом в другой раз.

Мой друг Угарте, живший надо мной в том же доме, знал наизусть эту таблицу. Добавлю, что по этой таблице можно было получить особенно точные сведения о судьбе женских персонажей.

Однажды вечером продюсер Штернберга пригласил меня на предварительный просмотр картины «Обесчещенная» с Марлен Дитрих (у французов она называется «Агент X-27» и рассказывает историю шпионажа, в которой произвольно использованы эпизоды из жизни Мата Хари). Предварительный просмотр преследует цель выяснить реакцию зрителей на картину, которая еще не вышла на экраны, и происходит неожиданно. Это делают обычно вечером в одном из кинотеатров после основной программы.

Поздно ночью мы возвращаемся в одной машине с продюсером. Высадив Штернберга, продюсер говорит мне:

— Прекрасный фильм. не правда ли?

— Прекрасный.

— Какой режиссер!

— Безусловно.

— Какой оригинальный сюжет!

Тогда я позволяю себе заметить, что Штернберг не отличается особой оригинальностью при выборе сюжетов. Он часто берет дешевую мелодраму, банальные истории и трансформирует их в своей постановке.

— Банальные истории? — вопирует продюсер. — Как вы можете так говорить! Тут нет ничего банального. Напротив. Вы даже не отдаете себе отчета в том, что в конце фильма он убивает «звезду»: Марлен Дитрих! Он ее убивает! Такого еще никто не видел!

— Прошу прощения, но уже через пять минут после начала картины я знал, что она будет расстреляна.

— Что такое? Что вы болтаете! Я вам говорю, такого еще не было в истории американского кино. А вы — догадались! Бросьте! Кстати, на мой взгляд, зрителю не понравится такой конец. Нисколько!

Он начинает нервничать, и чтобы его успокоить, я приглашаю его зайти ко мне выпить по рюмке.

Мы заходим ко мне, и я отправляюсь будить моего друга Угарте, которому говорю:

— Идем, ты мне нужен.

Протирая заспанные глаза, он спускается в пижаме, я приглашаю его сесть напротив продюсера и медленно говорю:

— Слушай внимательно. Речь идет о фильме.

— Да.

— Атмосфера Вены.

— Да.

— Эпоха: первая мировая война.

— Да.

— В начале картины перед нами шлюха. Мы четко видим, что это шлюха... Она подцепила на улице офицера, она...

Угарте, зевая, встает, жестом прерывает меня и на глазах удивленного, но все же успокоенного продюсера направляется досыпать, сказав:

— Можешь не продолжать. Она будет расстреляна в конце фильма¹.

Но ведь Мата Хари и правда была расстреляна.

И скрипт в конце концов тоже часть жизни.

Как и предзнаменования.

«Ну а предзнаменования — вздор, никаких предзнаменований не бывает. Судьба не шлет нам вестников — для этого она достаточно мудра или достаточно жестока»². От Светония до Уайльда — очень большое расстояние, не только во времени (любопытно, что судебный процесс Уильяма Уайльда мог бы послужить предостережением, я не говорю «предзнаменованием», для его сына).

Но есть не только предзнаменования (если есть), но и прорицатели (если есть). Была, например, во Франции такая мадам Тенсэн.

Это вопрос сроков. Мадам Тенсэн, посмотревшись на все, что происходило вокруг, сказала (в 1740 г.), что «если только не будет личного вмешательства Господа Бога, физически невозможно, чтобы наше правительство не сломало себе шею». Но лишь полвека спустя над Францией взмох трезубый нож гильотины и счет разрубленных им шейных позвонков пошел на тысячи. «Головы падали, как битая черепица», — сказал Фукье-Тэнвиль, секзира и броня французской нации. Но... пятьдесят лет! К тому времени никто не вспоминал мадам Тенсэн.

Заслуживает внимания и еще одно предсказание — как и предсказатель, оно вошло в историю.

Приведу выдержку из вполне основательного источника.

«Второе зрение — (оспариваемая) способность некоторых людей предвидеть будущее или видеть во время своего рода «сна наяву» события, происходящие это время в местах территориально

¹ Бунаэль Л. Мой последний вздох // Бунаэль О. Бункале. — М. 1989. — С. 157–158.

² Уайльд О. Избранное. — Свердловск, 1990. — С. 178.

весьма отдаленных. Эта способность, наблюдающаяся преимущественно у мужчин, имеет известное распространение в Вестфалии (*Spokenkierer*), Норвегии, Шотландии и др. местах. Ее называют ясновидением, а лиц, ею обладающих, — ясновидцами¹.

Здесь остается лишь внести некоторые уточнения: А. Г. Достоевская, например, считала, что «способность некоторого как бы «провидения» присуща северным женщинам, то есть норвежкам и шведкам. Не моим ли происхождением от матери-шведки объясняется эта моя способность, доставившая мне в некоторых случаях немало неприятных минут»².

Наибольшие неприятности «второе зрение» принесло другому ясновидцу.

Гарри (Герш) Штайншнайдер знал, что эта способность имеет распространение в Скандинавии. Он стал именовать себя Эрик Ян Хануссен, когда начал выступать с эстрадными номерами.

Итак, это Герш Штайншнайдер, он же Герман Ш., он же Эрик Г.

Он уже выступал на эстраде, когда (дело было в 1922 г.) ему удалось раскрыть секрет ограбления одного провинциального банка. И это стало сенсацией, большей, чем само ограбление. Полиция была посрамлена — и не забыла этого. Пять лет спустя Хануссен и его ассистент были арестованы за мошенничество. В дальнейшем их выпустили под залог и на суде (в мае 1930 г.) Хануссен продемонстрировал такие телепатические эксперименты, которые потрясли не только зал, но и судей: ясновидец был оправдан и в тот же вечер заключил очередной контракт. И пошел вверх. Два года спустя он имел грандиозный успех в Берлинском варьете, купил и отремонтировал старый дом на Литценбергштрассе («Это мой замок Клингзор»). Точно предсказал успех национал-социалистов на выборах в рейхстаг — и это стало началом конца. Потому что на него обратили внимание Рем, Геринг, Гитлер. Они были циничны, подозрительны и легковерны. Они верили — и не верили Эрику Яну Г. Они подозревали, что он еврей (ужасно!). Подозревали, но...

В них жило неистребимое чувство того, что эти презренные, страшные, жалкие существа владеют особой силой. Это совершенно европейское, от Римской империи унаследованное чувство замечательно передал Гоголь. Тарас Бульба, евреев, в общем, презирающий, в трудную, роковую минуту обращается именно к ним: «Слушайте,

¹ *Philosophisches Wörterbuch*. Begründet von Heinrich Schmidt. — Stuttgart, 1957.

² *Достоевская А. Г.* Воспоминания. — М., 1971. — С. 318.

жиды! — сказал он, и в его словах было что-то восторженное. — Вы все на свете можете сделать...»¹

Фиорер с его железным крестом первого класса, летчик-истребитель Геринг, имевшие боевые ранения вожди штурмовых отрядов вглядывались в хрустальный шар, вслушивались в бормотание медиумов.

И вот однажды...

...Девушка откинулась в кресле и веки у нее опустились безвольно и автоматически — как у куклы.

— Где вы? — спросил Эрик Г.

— Здесь.

— В Берлине, — пояснил собравшимся ясновидец и снова повернулся к девушке: — Что вы видите?

— Я вижу огонь.

— Скажите нам, что горит?

— Стекло и железо.

— Они не горят.

— Это купол. Это стеклянный купол. В нем мечется пламя.

Эрик Г. встал и сделал жест — вяло, куклой, подтянутой за ниточки, распрямилась и девушка. Глаза у нее открылись.

— Это рейхстаг.

Так вечером 26 февраля 1933 г. устами своего медиума — юной актрисы варьете Мари Паудисер — предрек поджог рейхстага ясновидец Эрик Г.

Ранним утром 28 февраля рейхстаг вспыхнул. Он пылал так ярко и яростно, что пойманный поджигатель — Маринус ван дер Люббе — должен был обладать какими-то исключительными данными пиромана. Он не обладал ими, это был не первый поджог, который он устроил, и все предшествующие были довольно жалкими, неумелыми.

Но тут ему помогли.

Это была тайна. Тайна Германской национал-социалистической рабочей партии.

Как проник в нее Эрик Г.?

— Кто-то проболтался, — сказал Рем, вождь СА (штурмовиков), человек со шрамом.

— Нет, — сказал граф Хельддорф, вождь берлинских штурмовиков, человек воспитанный.

¹ Гогль Н. В. Собр. соч. В 6 т. — Т. 2. — М., 1949. — С. 130.

— Значит, он действительно ясновидец, — задумчиво произнес Гитлер, рейхсканцлер и вождь германского народа. — Разглашение государственных тайн опасно, но это же в тысячу раз опаснее. Что же, он и дальше будет всем рассказывать, что мы делаем, что мы собираемся сделать?

— Нет, — сказал Хельмдорф.

Тело Эрика Яна Гануссена было найдено 7 апреля 1933 г. на лесоскладе под Берлином. Судебное следствие было быстро прекращено. Оно установило только его настоящее имя: Герш Штайншайдер.

Чтобы завершить тему поджога рейхстага в ночь с 27 на 28 февраля 1933 г., отметим, что 23 декабря 1933 г. Маринус ван дер Люббе был признан виновным и приговорен к «смертной казни и вечному лишению чести». Вечность, как это обычно с ней и случается, оказалась не слишком уж продолжительна, и лет сорок спустя, приговор был признан «явным правоизвращением» и отменен. Вопрос о поджоге и поныне остается в деталях открытым, хотя генерал Франц фон Гальдер и заявил (под присягой), что Герман Геринг однажды в присутствии высших чинов рейха громко произнес: «Единственный человек, который по-настоящему знает рейхстаг, — это я, потому что я его поджег». «Сказав это, — добавил пунктуальный генерал, — Геринг похлопал себя по бедру». Имел к пожару некое отношение офицер авиации Лерцер (личный друг Геринга); непосредственные исполнители-штурмовики — Staatsräuber, «государственные разбойники», как они себя называли, были физически уничтожены. Расстреляли и Рема, руководителя СА (в 1934 г.), и Хельмдорфа, полицейского-президента Берлина (в 1945 г.).

Никого не осталось. Железный скелет купола над рейхстагом пережил всех, но и он рухнул — как мне рассказывали в Берлине, когда какой-то МИГ прошел над ним звуковой барьер.

Предсказателей подозревают в том, что они просто мошенники, заурядные или незаурядные. Основания для подозрений есть, и возникли они очень давно.

«С волшебством всегда так: то выходит, то не выходит», — гласит поговорка шайенов, одного из индейских племен Северной Америки.

Оно незаконномерно по природе своей.

Я уже писал о неодолимом для экстрасенсов желании добиться эффекта, паходил в нем архетипический источник (анэтическое неразделение «подлинного» и «трюкового») и считаю, что «шаманически», на том историческом (доисторическом) уровне развития сознания и подразделения-то такого не существовало.

В великом фильме «8½» Гвидо спрашивает: «Как ты передаешь мысли на расстоянии?» и получает от мудрого фокусника Мориса незабываемо подлинный ответ: «Само собой, тут есть трюк. Но есть и что-то настоящее. Сам не знаю, как это выходит, но выходит»¹.

Прорицание и предвидение

Функции науки старше ее самой. До науки уже существовали критерии эффективности мысли. Существовали попытки предвидеть будущее или предсказать его.

Что возникает раньше: предмет или потребность в нем? Великий вопрос! В сфере сущности живет потребность. В сфере существования — предметы. Затем они меняются местами. Производство это механизм, меняющий местами существование и сущность.

В сфере человеческой сущности, внутри ее, живут потребности.

Вокруг индивида существует предметный мир. Затем — исторически возникает механизм, который порождает предметный мир, соответствующий потребностям индивидов, людей, человечества.

Ему соответствуют и поиски смысла.

«Нет столь темного высказывания, нет столь причудливых толков, нет столь бессвязного лепета, которым мы не могли бы придать какого-то смысла»².

С древнейших времен существуют попытки изобрести способ предвидения будущего.

Общество, построенное на обычае и коллективном опыте, неизбежно должно иметь мощную культуру прогнозирования³.

Не касаясь вопросов собственно культурно-исторических, отметим, что у нынешнего, исторически определенного, осознающего прошлое общества есть несомненный предшественник, о котором писал Ю. М. Лотман. И это — предшественник, обладавший исключительно продолжительным и, вероятно, повлиявшим на коллек-

¹ 8½. Италия, 1962. Сценарий Ф. Феллини, Т. Пинелли, Э. Флайяно, Б. Ронди. Музыка Нино Роты. В ролях: М. Мастроянни, К. Кардинале, Анук Эме и др. Сценарий (1961 г.) отличается от снятого фильма.

² Валери П. Об искусстве. — М., 1976. — С. 358.

³ Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы переводимости. — М., 1987. — С. 7.

тивное бессознательное существованием. Это предысторическое общество.

«Бесписьменная культура относится к ландшафту иначе, чем письменная. Поскольку то или иное урочище, святынище, идол «включаются» в культурный обиход ритуалом, жертвоприношениями, гаданиями, песнями или плясками, а все эти действия приурочены к определенному времени, эти урочища, святынища, идолы связаны с определенным положением звезд или солнца, луны, циклическими ветрами или дождями, периодическими подъемами воды в реках и пр. Природные явления воспринимаются как напоминающие или предсказывающие знаки. То, что библейский Бог в договоре с Ноем заветом поставил радугу, а Моисею дал письменные скрижали, отчетливо символизирует смену типологической ориентации на разные виды памяти»¹. Надо подчеркнуть, что опоры предсказания должны быть отчетливо выраженные знаковые признаки. Человек мыслящий мог их принять или отвергнуть: «Все будет хорошо, коли я того пожелаю, а что у скотины нет сердца, так ничего удивительного в этом нет», — сказал Юлий Цезарь, когда жрецы продемонстрировали ему уникально неблагоприятное расположение внутренностей жертвенного животного. Цезарь здесь показал себя не только как тонкий стилист, но и как практик семиотики: да, предсказание должно опираться на нечто отличное от нормы, «удивительное». Вот это он и отверг: Что у скота «нет сердца» — это даже естественно... если принять это выражение в переносном смысле.

При любом предсказании сличение с фактами совершенно необходимо; необходимо и знать хотя бы приблизительную вероятность фактов.

Любопытно, что астрологические предсказания в общем неистребимы, как неистребимы чувства, которые их порождают: «Они навсегда современны человечеству, как тревога и любовь», как сказал современный мыслитель. Не чужд был этих чувств и блаженный Августин, но астрологию он, как человек интуитивный и верующий, принять не мог.

Он пишет, что бог свел его с одним человеком, притязавшим на звание математика (астролога). Ни особых дарований, ни познаний в этом отношении он не имел, но был страстным любителем

¹ Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культуры // Языки культуры и проблемы переводимости. — М. 1987. — С. 7.

астрологических бредней. Этот человек по имени Фирмин однажды спросил его, какого он мнения о предсказаниях астрологов. Августин был почти убежден в том, что эти предсказания суетны и смешны, о чем ему и сказал.

Тогда Фирмин стал рассказывать, каким великим знатоком астрологии был его отец. У него был друг, тоже необыкновенный любитель астрологических книг: оба они простерли свои исследования до того, что делали наблюдения даже над бессловесными животными, в доме у них рождавшимися, замечая минуты их рождения и соответствующее тому времени положение светил, чтобы через повторение оных опытов обогатить эту науку.

И при этом рассказал следующий случай, о котором слышал от своего отца.

В то время, когда мать Фирмина была им беременна, одна из невольниц друга его отца также была беременна, что не укрылось от взоров ее господина, который со всей пытливостью делал наблюдения над своими собаками. С приближением времени родов будущий отец Фирмина и его друг наблюдали, один над своей женою, а другой — над своею невольницей, стараясь со всей точностью определить и заметить не только дни и часы, но и самые минуты разрешения их от бремени.

Случилось так, что обе родильницы родили в одно и то же время.

Таким образом, оба наблюдателя должны были заметить одни и те же созвездия как значимые для обоих новорожденных: один — сыну своему, а другой — своему рабу. Когда наступило время приближения родов, наблюдатели условились уведомлять друг друга: для сего они держали нарочных рабов, через которых могли бы тотчас же известить один другого о новорождении.

И вот посланные с обеих сторон гонцы по разрешении родильниц от бремени встретились между собою на равных от домов расстояниях (то есть каждый на половине своего пути) и явились там, куда их посылали, со всею точностью в одно и то же время. У наблюдавших за положением созвездий просто не было возможности погрешить в этом случае. Они не нашли какой-либо разности ни во времени этих двух рождений, ни в соответствующих тому времени созвездиях. Между тем Фирмин, родившись в знаменитом семейном доме, был одним из счастливейших мира сего, утопая в богатстве и пользуясь почестями, а ровесник его, напротив, находился в безысходном рабстве у своих господ. Фирмин знал своего ровесника... И верил своему гороскопу.

Таков образ мыслей тех, кто верит в астрологию.

Все это прорицания, предсказания. А предвидение? Попытаемся разграничить эти термины.

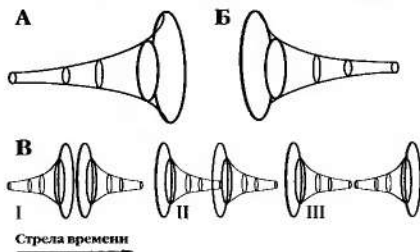
При желании любой закон науки можно свести к системе предсказаний, поскольку он предсказывает, что произойдет при определенных обстоятельствах. Например, существует закон, в соответствии с которым небольшой камушек и большой камень, брошенные с балкона высокого здания, будут падать с одинаковым ускорением 9,8 м в секунду. Давайте условимся: это не предсказание. Ускорение свободно падающего тела ни от прошлого, ни от настоящего, ни от будущего не зависит. Знание законов природы позволяет предвидеть определенные факты — это верно. Но будущее тут, строго говоря, не при чем. Если цепь событий, происходивших в прошлом, подчинена известному физическому закону, то уже по начальным звеньям этой цепи в общих чертах можно предвидеть их дальнейшее развитие. Это подтверждение того, что закон действует. В наиболее тривиальных случаях мы даже и не пользуемся словом «предвидеть». Каждый из нас способен предвидеть, что завтра взойдет солнце: ведь Земля вращается вокруг своей оси! Однако предсказать, каков завтра будет восход, увидим ли мы встающее из-за крыш солнце или же небо, затянутое тучами, — это не всегда удается и синоптикам.

Сущность стабильна, существование переменчиво.

Предвидение потому и эффективно, что исходит из подтвержденных опытом представлений о том, какова единообразная сущность многообразия, свойственного существованию.

Сущность можно интерпретировать как стабильный механизм, порождающий динамику существования. Предвидение, которое исходит из того, что сущность задает границы осуществимого, сечение коридора возможностей, носит общий характер. Многообразие процессов движения в коридоре возможностей на современном уровне научного знания предвидеть нельзя, а может быть, и вообще нельзя. Это одна из проблем величайшей важности в антропологическом ее аспекте.

Если бы жизнь индивида состояла из последовательности детально предсказуемых событий, разве она не утратила бы смысл? Разве не стало бы ее содержание подобием движения видеоленты, которое вы не в силах остановить, хотя сценарий вам полностью известен и фильм в силу этого действительного интереса уже не представляет. Допустимо, что естественной природе человеческого существования скорее отвечает частично непредсказуемый мир, в котором

Варианты стереометрии коридора возможных фазовых состояний биосферы и общества, включая «воронки риска»: А — расширение воронки, Б — сужение воронок различной крутизны, В — сочетания вариантов А и Б (по Д. Н. Каптарадзе).

Воронка, сужающаяся до двух альтернативных возможностей, называется *диатрема*.

На схеме Каптарадзе — генеральная совокупность множества возможных событий и их пространственного совпадения в коридоре возможностей, под которым имеется в виду ансамбль возможных фазовых состояний биосферы и общества. Временной срез дает нам «портрет» ограничений, налагаемых на положение точек фазовых состояний общества.

«Стенки» коридора обозначают границы потенциальных возможностей развития биосферы. Общество теоретически свободно в выборе вариантов развития внутри этого коридора, но практически — лишь в сравнительно узкой его области.

мы живем. Погодные условия обретают в нем своеобразное символическое значение. Краски любого восхода (или заката) всегда имеют тот отпечаток непредвиденной новизны, без которого и ожидание потеряло бы свое значение — а вместе с ним утратило бы свой *raison d'être* и существование сознания. Кстати, существование восхода из-за горизонта и захода за горизонт ближайшей к нам звезды наводит на мысль, что это звезда вращается вокруг небесного тела, на котором мы живем. Мысль эта неверна, о чем известно всем со школьных лет, но я, следуя совету Людвига Витгенштейна, прошу читателя, задуматься над тем, что он увидел бы в том случае, если бы эта мысль была правильна. Иначе говоря, прошу вас допустить, что Солнце совершает полный оборот вокруг Земли в течение суток. Что в таком случае увидел бы на небосводе наблюдатель, находящийся на ее поверхности? И как эта поверхность была бы освещена? Примем, что вращение Земли вокруг своей оси продолжается, а период вращения Солнца вокруг Земли составляет сутки.

Над этим стоит задуматься. Как и над тем, почему вы никогда не задавались подобным вопросом.

Предвидение носит общий характер, в этом ценность его результатов. Но многообразие существования выражается в единичных фактах. Их и требуется предсказать применительно к ситуации, которая наступит.

За минувшие тысячелетия выяснилось, что люди не очень хорошо справляются с задачей предсказания будущего. Издавна утверждается, что существуют отдельные индивиды, которым свойственно прозревать будущее, но встречаются они редко. О природе их уникальных способностей ничего точно сказать нельзя. Свидетельства современников, как правило, разноречивы, а тексты предсказаний сами по себе очень темные. Современники, а чаще потомки извлекают из них оправдавшиеся прогнозы. Думается, это не метод. Ведь при желании из текста можно извлечь очень многое — будь он только достаточно сложен. Не лишенный воображения Игнациус Донцели извлек из текстов Шекспира зашифрованное сообщение о том, что подлинным их автором был Ф. Бэкон. Задавшись определенной целью, можно сличать семантику текста едва ли не с любыми событиями, убеждаясь, что они предсказаны в этом тексте, являющемся собой средоточие всей мудрости мира. Надо только твердо в это верить. В «Лучшем камне» Уилки Коллинза великолепно описан старый дворецкий, который превыше всех книг на свете ставит «Робинзона Крузо» и регулярно извлекает из него предсказания

самых разнообразных событий. И никто не в силах его разубедить — такие подходящие к случаю цитаты находит он в «Робинзоне». А ведь эта книга не грешит многозначностью в отличие от загадочных четверостиший Нострадамуса.

В принципе предсказание будущего, конечно, возможно, теория его не запрещает. Воображаемый подход к проблеме мог бы выглядеть приблизительно так.

Результат удачного предсказания должен быть выражен в виде текста. Единственное, что мы пока знаем о подобного рода текстах, это то, что они чрезвычайно маловероятны. Известно, однако, что и маловероятные события происходят — происходят, но реже, гораздо реже других. Почему бы не предположить, что предсказание — это просто текст, маловероятный по смысловым своим особенностям, текст, который в данный момент с реальностью не совпадает, а в будущем может совпасть?

Почему же такие тексты редко встречаются? Быть может, речевому мышлению человека свойственна некая роковая ограниченность, мышление одето в панцирь вероятностных ограничений, запрограммировано на тривиальные сочетания слов? Тогда можно заложить в компьютер программу синтеза предложений, он станет их продуцировать с завидной легкостью, а мы вступим на путь преодоления барьеров, мешающих нашей мысли проникать в будущее.

Однако же это предположение не оправдывается. Разнообразие текстов, порождаемых речевым мышлением, заметно превосходит заранее нами намеченные пределы.

Произвольно избрав год, место и профиль изданий, в них можно обнаружить тексты типа:

«Например, в разложении левого регулярного представления некоторых групп II типа по подкольцу, натянутому на правое представление коммуникативного нормального делителя, объединение эквивалентных неприводимых представлений приводит к неизмеримому разбиению в базе соответствующего прямого интеграла. Этот пример типичен»¹.

Или:

«Двуполость слишком элементарна, грубое противопоставление мужчины и женщины — примитив, который нельзя оправдать ни

¹ Вершик А. М. Измеримые разбиения, траекторная теория, алгебры операторов // Доклады Академии наук. Серия «Математика». — 1971. — Т. 199. — № 5. — С. 1004.

морально, ни конструктивно. Расчеты показывают, что только шестиполость гарантирует совершенство. Схема такова: один прямой мужчина и одна прямая женщина, но одновременно — левосконструированная и правосконструированная женщина, такие же лево- и правосконструированные мужчины»¹.

Эти фразы заимствованы из научной и художественной литературы и в контексте вполне осмысленны. Но в одном наборе с текстами, синтезированными с помощью компьютерной программы, эти фразы вызвали у экспертов затруднения: их оказалось трудно отличить от неосмысленных.

В сущности, критерия осмысленности, заложенного внутрь правильно построенной фразы, вообще не оказалось. Или, точнее, в наших опытах его обнаружить не удалось.

А Ноэм Хомский а priori полагал, что такой критерий существует. И ошибался.

Для выбора действительно осмысленных из расплывчатого множества всех возможных фраз необходим некоторый аналог демона Максвелла. Так сказать, демон Максвелла 2-го рода, смысловой демон².

Но сузим задачу.

Как такие высказывания найти?

Общим методом выбора таких высказываний человечество пока не располагает.

Но утверждения о существовании такого метода обладают убеждающей силой и это о чем-то говорит. Точнее, о ком-то.

О людях.

Академик А. Н. Крылов рассказывал, что в начале века он пришел к следующему, весьма неутешительному заключению: есть две группы наблюдательных наук, именусмых «точными»: астрономия, физика, химия и пр., и есть другая — белая и черная магия, астрология, графология, хиромантия и др. К этой второй группе принадлежит и метеорология...

«Один из старейших служащих обсерватории А. М. Шенрок как-то в разговоре мне сказал:

— Хотя обидно было слушать ваше мнение о метеорологии, но отчасти вы правы, есть в ней доля шарлатанства.

¹ *Стегов А.* Люди как боги. — Калининград, 1971. — С. 155.

² Не он ли — тот «маленький человечек», то «я», пахнущийся неведомо где, для которого Н. А. Бернштейн иронически предположил наличие «своего» мозга и «своей» зрительной зоны?

— Это вы про Демчинского; я его немного знал, когда заведовал Опытным бассейном; он хотел какие-то необыкновенные опыты производить и заходил в бассейн советоваться. Умный был человек, а по Грибоедову: умный человек не может быть не плутом.

Была у Демчинского типография, взял он заказ от какой-то фирмы отпечатать 100 000 карточек размерами в восьмушку на велеисвом полукартоне. Заказал бумагу, большие 5000 руб. обошлась, изрезал ее на карточки, а заказчик-то обанкротился — плакали денежки. Но Демчинский нашелся — подал прошение министру финансов Витте: имею верный научный способ предсказания погоды, прошу субсидии 25 000 руб. Приложил какие-то кривые, по которым предсказание производится. Витте отправил все М. А. Рыкачеву “на рассмотрение и заключение”.

Вы, Александр Михайлович, должны знать лучше меня, как, кто и что в этой каббалистике усмотрел, только Рыкачев явился к Витте и говорит: “Не понимаю, но вижу”. Витте и велел отпустить Демчинскому 25 000 руб.

Отпечатал Демчинский 100 000 карточек с предсказаниями погоды на год вперед и стал их продавать по 75 коп. за штуку. Разошлись они у него меньше чем в месяц. Еще Галилей сказал: “*Stultorum infinitus est numerus*” (“Число глупых бесконечно”).

На следующий год получил он опять 25 000 субсидии, на этот раз последнюю; Демчинский считал, “на то и бараны сотворены, чтобы их стричь”.

Ведь у вас одесский профессор Кюссовский знаменитостью считается.

— Как же, большой ученый.

— Так послушайте, какой доклад этот ваш ученый сделал в Физическом обществе, на этом докладе я сам был. Чтобы опровергнуть Демчинского, стал Кюссовский считать, какой средний процент оправдавшихся предсказаний Демчинского, и по его подсчетам выходило 50%. На основании этого Кюссовский и упирал на то, что предсказания Демчинского равносильны игре в орлянку, или, как он выражался, в “орел и решку”.

Для ясности поясню ошибку или, лучше сказать, невежество Кюссовского примером: в Адене дождь идет раз в год, а в Бергене 360 раз. Если какая-либо теория предскажет, что будет дождь в Адене: 15 октября 1900 г., 18 июня 1901 г., 13 сентября 1902 г. и т. д. вперед на 20 лет и 50% предсказаний окажутся верными, то такая теория заслуживает внимания; это не то, что предсказать, что будет дождь в

Бергене, а по нелстному рассуждению Клоссовского это одно и то же. Жаль, что Демчинского на заседании не было, он бы показал вашему «ученому», где раки зимуют; просто стыдно было слушать ту ерунду, что он нес целых два часа. Это хуже хиромантии»¹.

Что касается метеорологии, то к концу века положение все-таки изменилось и точность прогнозов возросла. Но А. Н. Крылов, в сущности, изумлялся легковерию. Неосознанно сильному желанию проникнуть в будущее. Желанию, имеющему столь массовое распространение, что не чужды ему оказались и государственные деятели (кстати, С. Ю. Витте был математик по образованию), и ученые, и тысячи доверчивых покупателей карточек Н. А. Демчинского. Заметим в этой связи, что А. В. Клоссовский ставил вопрос, видимо, в несколько иной плоскости, нежели А. Н. Крылов. В плоскости, близкой более к психологии, чем к математике. В сущности, А. В. Клоссовский хотел сказать, что вероятность 0,5 («либо будет, либо нет») удовлетворяла покупателей, они играли с будущим «в орла и решку». Ведь еще Паскаль заметил: отнимите у человека возможность играть в карты «по маленькой», предложите ему взамен сумму, которая была бы равна его выигрышам и выплачивалась гарантированно и регулярно, — и человека эта возможность не обрадует, а огорчит².

Он играет с партнером, это понятно. Но он играет и с будущим. Несумма, а мысль о выигрыше нисобыкновенно тешит воображение. Мысли же отличаются от событий, происходящих с нами, и отличаются чрезвычайно существенно. Кант это отличие охарактеризовал так: «Сто талеров в голове и сто талеров в кармане — разные вещи». Иначе говоря, для мысли не существует многих вероятностных ограничений, которые властвуют в реальном мире. Действительно, подумать о том, что имеешь сто талеров, несравненно менее затруднительно, нежели заполучить их на самом деле. Можно подумать и о том, как их истратить. И мысли эти будут абсолютно реалистичны, но соответствовать реальности будет лишь исходное допущение — что у вас и правда есть сто талеров... Нужно лишь совершить в уме некоторую операцию (ее называют *операцией условного перехода*) и представить себе последовательность ситуаций, вытекающих из этого условного допущения.

¹ Крылов А. Н. Мои воспоминания. — Л., 1979. — С. 231–232.

² См.: Паскаль Б. Мысли // БВЛ, серия I. — Т. 42. — С. 142. Ср. там же: «Мы познаем смысл всех людских забот, если выйдем в суть развлечений». (С. 140.)

Тут включается воображение.

Для того, чтобы представить себе возможные перемены погоды или траты средних по величине средств, большого воображения не требуется.

И напротив — оно требуется, оно необходимо, когда речь заходит о неизвестном.

О том, что не происходило.

Вопрос о преобразованной воображением реальности — это вопрос о фантастике. Фантастика издавна играла свою роль в развитии философии, науки, искусства. Думается, нет никаких оснований ожидать, что фантастика этого рода окажется бесперспективной в будущем. Напротив, вопрос о том, как соотносится постоянное расширение сферы человеческого знания с дальнейшим развитием вымысла (*fantasy*) и научной фантастики (*science-fiction*) заслуживает внимания.

Разумеется, фантастика не развивается сама по себе, как сама по себе не развивается и художественная литература. Требуются авторы. И воображение. Способность погружаться в пространство возможностей. И это не обязательно к фантастике относится.

«Причина катастрофического неуспеха всех «послеулаговских» произведений Александра Исаевича проста. Она в элементарном недостатке воображения. Кризис воображения в современной литературе вообще интереснейшая тема. Это явление многим даст основание говорить о тотальной потере интереса к собственно художественной литературе и о всеобщем интересе к жанрам документальным. Возможно, эти разговоры — свидетельство недостатка воображения у самих говорящих. Возможно, и нет»¹.

Я бы не рискнул сводить вопрос о катастрофическом неуспехе А. И. Солженицына исключительно к «элементарному недостатку воображения», и даже к элементарному отсутствию таланта. Об отсутствии таланта знали (или догадывались) все. Многие заслонялось новизной материала, люмпен-бытовой лексикой. Но главное заключалось не в этом. Существовала в структуре литературоцентрической цивилизации ниша пророка, и ее должен был занимать писатель. После смерти Горького там попытался разместиться Шолохов, но он был удручающе мелкой личностью: Пастернак подходил, но его никто не понимал. И вдруг возникла фигура новомученика.

¹ Зотоя И. Александр Солженицын, Альбер Камю и кризис воображения // Огонёк. — 1997. — № 29. — С. 66–67.

Многим памятно, как некая критикесса объявила читателям, что устами А. И. Солженицына говорит сам Господь Бог. Эти и подобные им заявления говорили многое о характере современного «религиозного возрождения» и о том, что же на самом деле ожидали от средней руки прозаика: ума, принципиальности, интеллектуальной честности. Быстро выяснилось, что этими свойствами писатель наделен от природы экономно. Избыток силы воли и честолюбия способен их возмещать — но только частично. И в этом вся беда.

Н. Ильина с благоговением вспоминала, как на вопрос о том, каков Солженицын, Ахматова ответила одним единственным словом: Светоносец¹. На лампы дневного света тоже возлагали надежды. Выяснилось, что свет у них — не дневной. Мертвенный.

Но вернемся к свойственной людям с умом и воображением способности «развязывать узлы», о которой так хорошо сказано в Библии.

Если вы совершили условный переход, приняли как данное, что узел развязан, возникает платформа для некоторой *продуцирующей модели*. Модель, способная «продуцировать события», которые затем располагаются в соответствии с фабулой, изучена еще очень мало, и представление о ней нуждается в детализации.

Вообще говоря, такая модель может быть охарактеризована как своего рода «аппарат», совершающий операцию условного перехода, а операция условного перехода — как средство семантической фазации.

Продуцирующая модель задает *условные* вероятностные ограничения и снимает ряд реальных вероятностных ограничений, а в результате этого и возникает возможность изобразить такую последовательность событий, которая только *мыслима*.

Эта модель может быть: 1) генетической и 2) эпигенетической.

Генетическая модель предполагает, что известную нам картину вводится некоторое генетически новое звено, и эта картина меняется по мере того, как включается это новое звено, которое тянет за собой целую цепь событий. Так входит в картину мира и решительно меняет ее гиперболоид, изобретенный инженером П. П. Гариным.

Эпигенетическая модель, напротив, задает «непривычную» картину мира (или, так будет точнее, — картину «непривычного мира»).

¹ Ильина Н. Дороги судьбы. — М., 1991. — С. 354. Здесь же Н. Ильина с редким простодушием вспоминает, как ее дядка Анна Ахматова ей и заикнуться о «нлохом языке» Солженицына.

Здесь свои нормативы, свои вероятностные ограничения, которые можно столкнуть с привычным, обыденным для читателя и можно проецировать (имплицитно или эксплицитно) на картину «привычного мира». В «Марсианских хрониках» Рэя Брэдбери, например, последовательность событий продуцируется с помощью эпигенетической модели.

В литературном произведении функция модели не исключает осознания условности операции перехода. Проще говоря, читателю уже известно, заранее известно: этого не было. Но понимание содержания текста происходит на основе диаметрально противоположной посылки: это было¹.

В арабской сказке «Архангел из сундука» летающий сундук несется на бреющем полете, пикирует, с него сбрасывают горящую вату, пропитанную нефтью. Безымянный автор предвидел иттурмоую авиацию и контейнеры с напалмом. Он проник мысленным взором в мир, где самолет уже существует. Узел, однако, развязан не был: узел — это изобретение самолета.

Это — дело технического ума. Предмет развития знания.

А искусство «объединяет в себе разноречивые и глубокие восприятия мира. Оно дает возможность заострить спор между предметами знания.

Но часто оно показывает и неверность понимания.

Искусство похоже на лоцманский лист, на котором указаны течения и противотечения, путь корабля и вздохи ветра.

Будущее — это огромный материк, к которому мы еще не пришли»².

Мысли иттурмана не прикованы к ветрам и течениям. Мысленно он странствует и по белому пятну огромного материка.

Таким странствиям — сотни, тысячи лет.

¹ А. Грин мастерски использовал эту особенность истолкования восприятия в «Бегущей по волнам». В знаменитом диалоге вопрос Биче именно так и сформулирован: «Гриффин, этого не было?». Эффект ответа: «Биче, это было, простите меня...» зависит от того, как от точно рассчитанной психологической реакции читателя, который уже принял заданную автором систему вероятностных ограничений. Зная, что события, о которых спрашивает Биче, не могли происходить в реальной действительности, читатель с новой силой ощущает, что они возможны в преображенном Гринем мире «Бегущей по волнам». Как же это происходит? А происходит это в повествовательном, нарративном поле понимания: там, что рассказано, то и было.

² Шкловский В. За 60 лет. — М., 1985. — С. 509.

Во II в. н. э. Лукиан из Самосаты задался целью написать книгу о невероятном — «о том, чего не только на деле нет, но и быть не может»¹ и, казалось бы, преуспел в своем намерении: свыше полутора тысяч лет его «Правдивая история» забавляла читателей абсолютной невероятностью изображаемых в ней событий и ситуаций. Но течением времени сочинение Лукиана стало не только забавлять, но и удивлять. Колодец, в котором «можно услышать все, что говорится на нашей Земле», прикрытый большим зеркалом, где можно увидеть «города и народы, точно они находятся прямо перед тобою», — разве это никак не кажется нелепицей, равно как и «одежды из мягкого стекла». Быть может, Лукиан пророчески предвидел радиосвязь, телевидение, ткани из стекловолокна? Но как быть со странными существами, у которых живот служит «вместо кармана», в котором может прятаться младенец? О кенгуру тогда никто в Европе и на Ближнем Востоке и понятия не имел.

Виктор Шюловский был не совсем прав. Материк, о котором он пишет, — это материк возможного.

Будущее — средоточие возможного, но не все возможное.

Мир литературы и искусства — мир возможного, и он шире мира будущего.

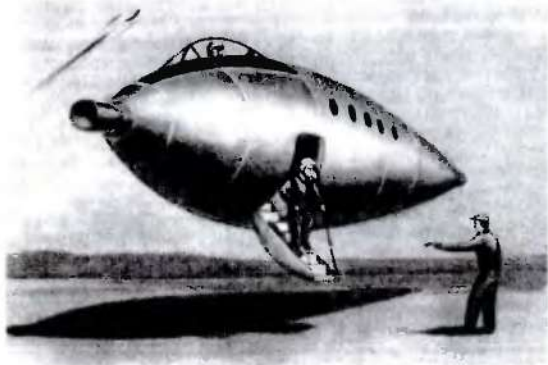
Мир технического ума и, естественно, мир практически ориентированного воображения богат предположениями об узлах, которым предстоит быть развязанными.

Читателю, заинтересованному проблемами исследования будущего, вероятно, известны и «Фьючерист», и «Футуреско», где печатаются и любопытные гипотезы, и весьма содержательные обзоры. Я коснусь лишь серьезных (и в силу этого лишенных сенсационности) прогнозов, которые касаются технических вопросов, имеющих значение для многих из нас. Список интересен не только сам по себе, но еще и тем, что прогностика обращена к обозримому будущему, а следовательно, допускает известную проверку, как и все научно обоснованные соображения, эти прогнозы опровержимы: они предполагают проверку².

Предсказывается, что в 2002 г. человек сможет носить с собой в корпус сотового телефона также и компьютер, факс и видео. В 2003 г. очистка загрязненных территорий будет производиться с помощью штаммов определенных микроорганизмов; в 2005 г. генная инже-

¹ Лукиан. Избранное. — М., 1962. — С. 290.

² См.: New Age of Discovery//Time. Special Issue. Winter 1997/1998. — P. 28.

Взлет приятен, полет прекрасен, посадки опасна. Это старое правило подспудно влияло на тех, кто пытался воплотить в жизнь мечту о беспосадочном средстве полёта, которое произвольно меняло бы вес, изолируя свой груз от земного притяжения. То, что изображено на этом рисунке, никогда не существовало. Вероятность управления гравитацией очень мала — настолько же мала, насколько велики перспективы, которые такое управление открыло бы.

Гравилёт (весолёт, если угодно) — чистейший плод человеческого воображения. Останется ли он символом неосуществленной возможности? На этот вопрос ответит будущее.

нерия сможет оказать влияние на изготовление биотерапевтических средств; в 2001 г. станут возможными прививки «антиканцер» — против некоторых видов рака; лишь в 2005 г. осуществится автопилотаж легковыми и грузовыми автомобилями: в роли автопилота выступит бортовой компьютер. Развитие техники приведет в 2012 г. к широкому применению сверхпроводимости для передачи электроэнергии на дальние расстояния. При этом электропоезд на магнитной подушке достигнет в 2014 г. скорости, близкой к скорости звука. В 2015 г. в микропроцессорах появятся биодетали (искусственно выращенные клетки, не требующие постоянной подпитки электроэнергией).

Переломным станет период 2017–2020 гг., когда будет доступной и безопасной направленная стимуляция деятельности мозга — то есть он сможет стать нацеленным не просто на решение задач, а на порождение идей нового уровня, ранее мозгу недоступных. К этому времени люди будут жить в мире практически неинносимых металлокерамических и иных предметов технического и бытового назначения, а фотоэлектрическим способом будет производиться водород для удовлетворения энергетических потребностей промышленности и транспорта.

Этот перечень можно было бы продолжить. В пространстве возможностей есть место для вполне осуществимых перспектив научно-технического прогресса. Он замедлился, это очевидно, но не остановился и не остановится.

Все эти (и многие другие) технически возможные изобретения, несомненно, будут осуществлены. Но на самом деле человечеству нужно нечто совершенно другое.

Необходимо техническое воплощение идей иного порядка.

Необходим генератор чудес (не в смысле Ю. Долгушина) — генератор изменения вероятности.

Вероятности возможных событий.

Это в состоянии изменить самое существование человечества.

Необходим демон смысла — созданный с помощью еще не известных нам физико-технических и биогенетических методов синтез существа и вещества.

Это откроет людям путь к системе всех возможных открытий.

Необходимы живущие своей спонтанной жизнью, самопроизвольно изменяющиеся тексты.

Но более всего необходимо невмешательство в процесс, который порождает человека и человечество.

Что же касается перспектив личного существования индивидов, то они не обозначены во времени с искомой точностью.

Каждый день единичен. Каждое облако неповторимо.

Повторяются и судьбы людей, и все же они неповторимы.

Предсказывать хочется именно судьбы.

Поэтому так часто предсказания ошибочны.

Морис Палеолог записывает 1 февраля 1916 г.: «Русских часто упрекают в отсутствии предусмотрительности. Действительно, им постоянно приходится бывать захваченными врасплох последствиями собственных поступков, запутываться в тупиках. Больно ушибаться о жесткую логику событий. И в то же время нельзя сказать про русских, чтобы они были беззаботны относительно будущего; думать о нем они много думают, но не умеют его предвидеть, потому что они его не видят»¹. Иными словами, опытный дипломат считает, что размышления о будущем не равнозначны его предвидению. И проблема здесь не в менталитете размышляющих, но в способе размышления, а способы поддаются совершенствованию, даже замене. Оптимисты предполагают, что на исходе века взгляд на будущее, подход к нему изменится и в России (чего покамест не произошло), да и во всем мире.

Очень многое зависит от исходной точки зрения, от предвидящего события субъекта. Он часто сталкивается с событиями отнюдь не ожидаемыми и значимыми. Их нельзя назвать незамеченными или незамеченными — сознание освещает их, и они подобны пылинкам в солнечном луче. Человек проходит сквозь хаос случайного и неповторяющегося, и лишь постепенно в нем обозначается роль фактов подобных. Громкое наименование «закономерного» получает та часть случайного, которая становится предвидимой в силу известного подобия фактов друг другу.

Обнаружив в бумагах канцелярии тифлисского гражданского губернатора дело «О неопозволительных предсказаниях персиянина Мустафы», современный историк сардонически замечал: «Отсюда ясно, что предсказание и вообще всякое будущее бывает позволительным или предосудительным»². В открытом обществе будущее позволительно. Но может ли оно быть предсказано? К. Поппер видел в предвидении закономерно наступающего будущего порождение зловещего историцизма — не без основания, надо сказать. Но в

¹ Палеолог М. Царская Россия накануне революции. — М., 1923. — С. 33.

² Эйдеман И. На Кавказ к Грибоедову // ЗС. — 1987. — № 8. — С. 62.

принципе дар предвидения может быть осужден и с позиций, чуждых и диалектическому материализму, и критическому рационализму. Причем доводы приводятся сильные. В «Зеленом человеке» Кингсли Эмиса нередкий гость на страницах современной прозы — Сатана — говорит, что не наделен даром предвидения. «Честное слово, этот дар — сплошной абсурд. Владей я им, как бы я с ним справился? В таком случае, принимая решения, я был бы связан по рукам и ногам их практическим результатом. И не мог бы отказаться от них»¹. И не только к Сатане это относится.

Движение в пространстве возможностей

Это движение осуществляется с неизбежностью, в нем и состоит существование мира.

Осуществление возможностей есть движение из прошлого в будущее, происходящее в огромном, но не безбрежном пространстве возможностей.

Пространство возможностей исследовано недостаточно и никогда не будет описано с удовлетворительной полнотой: такова природа возможного, оно отличается ветвящимся многообразием, уходит в бесконечность. Но нет и более интересного предмета размышлений: мысль (опять-таки по самой природе своей) стремится опередить развитие действительности, обнаружить в ней зерна и плесени будущего. Те, кто обсуждает возможности, движимы истинно человеческим желанием изменить действительность. Это желание порождает надежду, а в ней и заключен смысл человеческой жизни.

Первооснову исследования возможностей составляет действительность. Человеческое существование — не более чем часть действительности. Действительность есть «не только настоящее, но и прошедшее, насколько оно выразилось делом, и будущее, насколько оно готовится настоящим»². Иными словами, действительность есть «единство сущности и существования»³, в ней свернуты события прошлого, в ней обозначены посылки будущего.

¹ Эмис Кингсли. Зеленый человек. — СПб., 1995. — С. 201.

² Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. — Т. 2. — М., 1949. — С. 103.

³ Гегель. Соч. — Т. 5. — М., 1937. — С. 636.

Понятие пространства возможностей не аналогично понятию пространства событий в теории вероятностей¹: понятие пространства возможностей предполагает системный подход. Здесь пространство возможностей понимается как системное целое, в противоположность теоретико-множественному подходу². «Трактовка понятия пространства в смысле пространства возможностей, несмотря на свою новизну, имеет много общего с концепцией пустого пространства. Действительные события занимают лишь его часть. Они погружены в пространство возможностей подобно тому, как погружены в пустоту атомы Демокрита. Отличие же заключается в том, что атомы Демокрита и пустота — самостоятельные, противопоставленные друг другу сущности, тогда как в понятии пространства возможностей точки системы определены как часть самого пространства. Здесь пространство неотделимо от системы»³. Системный подход к проблеме развития позволяет оперировать исходным понятием пространства возможностей метафорически. Метафора пространства возможностей как системы вообще обладает эвристической силой⁴. Но это не только метафора, это естественный способ представления смысла — в этом Ю. С. Степанов совершенно прав⁵.

Смысл деятельности выражается в способности создавать замыслы и их реализовывать. Эта способность находит специфическое выражение в проектировании, в деятельном опережении движения реальности, эта способность специфична не только для человека (она заложена в смысле как возможность его реализации).

Замысел — это освещенная сознанием действительность, завязанная в один узел с возможностями деятельности. Замысел, раз уж он освещает действительность и нацелен на ее изменение, стремится

¹ См.: Мостеллер Ф., Рурке Т. Дж. Вероятность. — М., 1981.

² См.: Шрейдер Ю., Шаров А. Системы и модели. — М., 1981.

³ Марков Ю. Г. Фундациональный подход в современном научном сознании. — Новосибирск, 1982. — С. 151.

⁴ См.: Кассирер Э. Сила метафоры//История метафоры. — М., 1990; Ильин В. В. Понятие науки: содержание и границы//ВФ. — 1983. — № 3; — Лекторский В. А. Субъект, объект, познание. — М., 1980; Черняк В. С. История, логика, наука. — М., 1986.

⁵ Нет ничего более естественного, считает он, чем представить себе язык в виде пространства, в котором люди формируют идеи (см.: Степанов Ю. С. В трёхмерном пространстве языка. — М., 1985. — С. 3).

выйти за пределы сознания отдельной личности. Он обращается в высказывание, в текст, становится достоянием других людей (бывает, что и не сразу). Но он включается в общение, в процесс, благодаря которому происходит взаимопереход индивидуального и общественного сознания. И в силу этого замысел становится фактом существования ноосферы. Ноосфера — это обиталище человеческого разума, частью своей есть мир замыслов. Замысел активно влияет на темп и форму перехода от прошлого к будущему. Мышление, которое подходит к реальности с позиций смысла, ищет и находит в действительности новые, ранее скрытые возможности. Для того, чтобы их увидеть, необходимо, по образному выражению Б. М. Теплова, «духовное око»¹.

Различные возможности

Они разные.

Есть возможности, которые имели место в прошлом, могли осуществиться и не осуществились. Они могут тем не менее повлиять на ход истории и развитие культуры. Гвидо Морселли написал замечательный роман о возможном варианте истории Европы.

Особое внимание исследователей привлекал и привлекает класс возможностей, которые не обязательно найдут воплощение в действительности. Тут вступают в силу законы теории вероятности, и надо сразу сказать, что в пределах этого класса возможности довольно вероятные соседствуют с малоосуществимыми. Класс этот очень велик, а масштабы приложения теории вероятности настолько широки, что сюда вмещаются все возможности, которые становятся доступны уму исследователя в процессе освоения реальности. Но теория вероятности, как и любая теория, не всемогуща. Чтобы судить о непредвиденно новом, ранее совершенно не известном, а в данный момент еще скрытом, теория вероятности недостаточна.

К скрытым возможностям относятся те, о которых никто в свое время не знал (хотя они имели место). В дальнейшем они чаще всего

¹ Вопрос о том, что человек считает «возможным», вполне поддается экспериментальному исследованию (см: Markovits H. Awareness of the «Possible» as a Mediator of Formal Thinking in Conditional Reasoning Problems // British Journal of Psychology. — 1984. — V. 75. — P. 367–376).

становятся явными. Их немало в мире техники (так, многие изобретения как скрытая возможность существовали значительно раньше, чем были сделаны на самом деле). Несомненно, скрытые возможности существуют и в современной нам действительности. Скрытые возможности обнаруживают себя как часть новых смысловых систем.

В образовании смысловых систем находит конкретное психологическое выражение влияние культуры на внутренний мир человека. Культура есть развитие сущностных сил человека, а технизация — их умножение. Знание представляет и ту часть культуры, которая составляет предпосылку умножения сил человека. Структура сущностных сил весьма устойчива; история показывает, что легче породить и воспитать новые потребности, нежели новые силы человека. Прирост сущностных сил происходит через понимание смысла деятельности как процесса, значение которого выходит за рамки простого удовлетворения потребностей индивида.

Но зачастую эффективный способ деятельности становится достоянием больших групп и переходит из поколения в поколение именно как общепринятый путь к удовлетворению потребности. Он существует как традиция, и в этой форме традиция выступает как заместитель смысла.

Смысловые системы имеют ряд конкретных признаков. Прежде всего это системы соотносимые. Так, существенным признаком осмысленности текста является его соотносимость с некоторыми другими текстами; в простейшем случае эти другие тексты — вопросы. Осмысленный текст, переведенный на другой язык, содержит ответ на некоторую конкретную последовательность вопросов, а бессмысленный — нет. Ответов на последовательную серию вопросов в нем не будет, он неупорядочен в смысловом отношении. Смысловая упорядоченность выражает определенный (и довольно высокий) уровень развития мышления. Именно через соотношение с действительностью смысловые системы участвуют в регуляции деятельности. Реальные процессы, действительные события и связи между ними неравнозначны с практической точки зрения. Но не следует их рассматривать лишь под углом зрения «личностных смыслов». События значимы сами по себе. Обращение к динамике существования смысловых систем в контексте направленного движения в пространстве возможностей является принципиально важной особенностью понимания мира.

При этом проявляется системность самих возможностей.

Существуют системы возможностей, относительно которых точно известно, что они осуществляются. Их предсказуемый характер сыграл большую роль в развитии теории познания и построении научной картины мира в XVIII–XIX вв. Такого рода возможностями оперирует астроном, описывая движение светил по небосводу, о них размышлял Лаплас, рисуя гносеологические перспективы развития точных наук, их реализовал Лаверрье¹.

Есть системно взаимосвязанные возможности, историческая реализация которых возможна лишь при наступлении определенных начальных условий, которые сами по себе не более чем вероятны.

Трудно судить, насколько они вероятны. Ч. Уитни прав: «Рассуждения о вероятности в истории внесли в науку много жара, но мало света, так как никому еще не удавалось а priori определить вероятность реализации альтернативных исторических возможностей»².

В процессе погружения исторической мысли в далекое прошлое возникают очертания системы возможностей, которые могли осуществиться в прошлом, но факт их реализации остается лишь предметом более или менее правдоподобных предположений.

Как сказал Эпикур, «будущее — не совсем наше и не совсем не наше». Оно становится тем более «нашим», человеческим, осмысленным, чем больше людей осознанно принимают участие в его созидании.

Это создает известные основания для того, чтобы употребить слово «предвидеть» в значении «представить себе осуществленную возможность». Вот что говорят по этому поводу оптимистически настроенные исследователи.

«Предвидеть» — значит вообразить сначала в общем виде, а затем более детально то, что вы действительно хотите. Именно то, что вы действительно хотите, а не то, что вы научились хотеть или кто-то научил вас хотеть. «Предвидеть» означает отбросить все ограничения «осуществимости», недоверия и прошлых разочарований и дать возможность воображению погрузиться в самые благородные, возвышенные, драгоценные мечты. Предвидение совершенно необходимо, чтобы направлять и мотивировать действия. Более того, предвидение, разделяемое многими и ставшее

¹ А не Лаверрье, как это утверждается в вполне серьезной работе (Теория и жизненный мир человека. — М., 1995. — С. 63).

² Уитни Ч. Открытие нашей Галактики. — М., 1975. — С. 111.

целью, делает новые системы реальностью. Мы понимаем это буквально. В физических границах пространства, времени, вещества и энергии предвидение может создать не только новую информацию, новое поведение, новые знания, новую технологию, но, при известных обстоятельствах, и новые социальные институты, новые физические структуры и новые структуры власти среди людей¹.

Как вы помните, мы придавали предвидению значение несколько более строгое, исходя из того, что модели предвидимого должны исходить не столько из форм существования желательного будущего, сколько из порождающих функций сущности, способных, впрочем, задавать лишь приблизительные границы коридора возможностей и направление движения от прошлого к будущему. Но движение в коридоре возможностей определяется людьми.

Дело в человеке.

Проблемы и парадоксы существования

Человека создал труд. Но человеческими руками можно сделать все, кроме самого человека.

Быть может, в этом загадка происхождения человека.

Основопологающая работа Ч. Дарвина называлась «Происхождение человека и половой отбор».

Широко известная у нас работа Ф. Энгельса называлась «Роль труда в происхождении человека из обезьяны». Он стремился доказать, что труд исходно коллективен. Но отсюда следует только одно: труд более тесно связан с происхождением общества, с социогенезом, нежели с антропогенезом.

Что касается антропогенеза, то он не противостоит, конечно, происхождению общества, но отождествлять его с социогенезом не следует.

Более того: я рискну сказать, что общество в определенных своих формах опасно для индивидуальности — этого важнейшего условия и одновременно порождения полового отбора.

Он социально неуправляем.

Попытаюсь объяснить, хотя понять меня, возможно, будет и нелегко.

¹ Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Р. За пределами роста. — М., 1994. — С. 246. Это продолжение получившей всемирный резонанс работы Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рандерс Р., Беренс В. Предела роста. — М., 1991.

Вспоминается виденное.

Невысокий лобастый Шаннский, композитор большого таланта, в экстазе подпрыгивал за красным роялем. Он пел лучшую свою песенку — про куклу, оживляющую куклу:

По ниточке,
по шпотьке
ходить я не желаю,
сегодня я,
сегодня я,
сегодня я живая..

Все подпевали. В глазах прыгали огоньки. Песенка!

Резонанс ее был в свое время исключителен, хотя никто ее, так сказать, официально не похвалил, в концертные программы включали редко, а знали все.

Сейчас, когда все уже ходит по рахим шпотькам, песенку исполнять перестали. В ней видели только намек, тогда вообще была целостная субкультура намеков, которая быстро распалась еще до распада Союза. Но ведь существование искусства выражается в том, что косвенное действует сильнее прямого, многозначное — сильнее однозначного, воображенное — сильнее изображенного, хотя и действительно существующего.

Оживляющая кукла — очень древний, уходящий в даль тысячелетий символ. Иногда он внушал надежду, иногда пугал. Первоначально надежда доминировала. Постепенно ей на смену приходил страх. Приходило сознание того, что кукла переживает ее создателя. Во время первой мировой войны тикающие часы на руке мертвеца стали символом зловещего бессмертия механизма.

Но еще до войны аналогия «общество — машина» была общезвестна.

«..Машина, собранная из людей и, следовательно, доступная усовершенствованию», — писал Вилье де Лиль-Адан¹. Вот когда еще — в 1883 г. — было афористически сформулировано представление о машине, собранной из людей и отличающейся от любых других машин тем, что она может становиться все лучше и лучше. Признавалось, что она делается все лучше и лучше *сама*, но лишь по мере того, как функционирует, служит *цели*. Выстраивался ряд создателей, проектировщиков, и последний в ряду — *он*. Потом он,

¹ Вилье де Лиль-Адан О. Избранное. — Л., 1988. — С. 222.

могущественный диктатор, пояснил, что ему нужны не винтики, а люди¹, но все понимали, что нужны именно винтики, и его собрат, повелевавший сотнями и сотнями миллионов, ввел понятие о «нержавеющем винтике Мао».

Но с обеими машинами — и советской, и китайской — что-то не вышло, не сработало. Не то, чтобы винтики не хотели вертеться: кулю не хотели ходить по ниточкам.

Вкратце сущность моего предположения состоит в том, что существование гигантских социальных машин противостоит существованию их элементов. Они воспроизводятся на основе полового отбора. А он предполагает иные механизмы управления поведением, нежели социально-производственные и социально-политические.

Совершенно иные. Рабиндранат Тагор это афористически пояснил: «Любовь тем и ценна, что ее отдают недостойному. Для достойных существуют иные награды». Это так. Премии, ордена, суровые кары, отличающие достойных в недостойных государствах. Но любовь — это иная реальность. Она не носит знакового характера. Она из первой витальной системы, не из второй. Она вещественна. Ее существование могут и должны поддерживать знаки — письма, фото, телефонные звонки². Но ее сущность фундаментальна и не имеет знакового воплощения. *Это* не вербализуется. А. Ф. Лосев совершенно точно отметил, что в откровенных (а проще — порнографических) описаниях скрыт какой-то обман³. Рассказ, изображение — не исходная, первичная реальность. Они могут стать сак-

¹ Он это всячески подчеркивал. Цитировал только что перенесенного Шарля де Монтескье — что людей надо выращивать, как садовник выращивает плодовые деревья (бурная овация. О Монтескье он, разумеется, не упомянул). Обинявая Чкалова, спрашивал, почему тот не выпрыгнул с парашютом из поврежденного истребителя. «Это опытная, единственная машина», — отвечал пилот: «Ваша жизнь дороже любой машины». Не исключено, что речь шла о любой *другой* машине, но все восхищались Харизмой!

² Из тысячи слов твоих женских
Услышала я только «алло!», —
писал Константин Симонов в 1942-м. Но
Охрипшая телефонистка
Устало сказала «бомбит».

И «алло» было достаточно.

³ См.: Лосев А. Ф. История античной эстетики. Последние века. — Кн. 2. — М., 1988.

ранными и значить даже больше, чем реальная действительность. Но тождественны исходной реальности они не станут. Поэтому реализация *sex appreal* противостоит нарративной или иконической субстанции религиозного культа (отсюда — аскеза и ее противостояние семиозису). Но вопрос этот имеет и иной вполне актуальный аспект: порно — это когда рассказ или изображение подсовывают вместо реально ощутимой действительности. Недаром Ж. Бодрийяр называл телевидение «тотальным порно». Все можно увидеть, весь мир, а потрогать ничего нельзя.

Любовь в своей сущности фундаментальна, как жизнь. Ее потому и не удастся воспроизвести *in vitro*, лабораторно, что она тоже не поддается знаковой интерпретации.

Женщина — это «немеханический», если можно так выразиться, элемент структуры социального существования. Механические аналоги тут не работают, а попытки их подобрать (они имели место) неудачны. Напротив, аналоги подобного рода, аналоги машинно-механические, вполне подходят мужчине. Не объясняется ли это тем, что общество (в нынешней его форме) создано при доминирующем участии мужчин. Быть может, даже и не общество, а цивилизация.

Общество не всегда было таким, каким оно сложилось. Как сказано у Уэллса: «Община дикарей, где господствуют бесчисленные табу, где в ходу магия и всякие сложные ритуалы, пожалуй, сложнее культурного общества. У дикаря смутные понятия о вещах, но ум его весьма изворотлив, над ним довлеют бессмысленные традиции, он загроможден всевозможными символами, метафорами, метонимиями и всякого рода ложными верованиями. Просто и точно мыслит только культурный человек. Так же обстоит дело и с первобытными законами, обычаями и установлениями: они всегда лицемерны и отличаются целепой искусственностью. Цивилизация — это всегда упрощение»¹. Все, казалось бы, верно, но стоит задуматься, а откуда взялось это сложное, «загроможденное метафорами и метонимиями», понимание мира? Да от самих людей, от отношений между ними, скажу еще определеннее — от полового отбора! Это он создал человека. Дарвин совершенно прав. Это половой отбор создал общество, отношения между людьми, которые являются истинно человеческими, и превращенную форму этих отношений — культуру.

В культуре ценностно опредмечены отношения людей.

¹ Уэллс Г. Дж. Собр. соч. — Т. II. — М., 1964. — С. 383.

Красивая темноволосая девушка смотрела на меня с наивным высокомерием. Одетая или, если хотите, полуодетая она была театрально, для выступления. Сильное тело, ладьеобразный живот¹ с глубоким пупком — и тяжелая, шитая золотом зеленая юбка, сползающая с нешироких бедер гимнастки. На стене висела табличка: «*Когда* она родилась в Леенвардене, ее звали Маргарита Гертруда Целле. *Когда* она танцевала в Париже, она звалась Глаза рассвета. *Когда* она была расстреляна во рву Венсеннского замка, ее звали *Мата Хари* (1876–1917)».

Это было в музее восковых фигур, и к искусству это никакого отношения не имело. Торжествовала достоверность, как на фото в паспорте. Тут полностью проявила себя та сила, которая, по выражению Андре Базена, заставляет реальность перетекать с оригинала на репродукцию. Ощущение, что я видел Мату Хари (я не говорю *живую* Мату Хари), остался вполне отчетливым, о ее облике у меня значительно более полное представление, чем о сотрудницах института, где я работал много лет.

Впрочем, говоря, что «к искусству это не имело отношения», я выразился неточно. Скульптуру в ее классических формах восковые фигуры действительно профанируют. Но к искусству *все* может иметь отношение — и восковые фигуры в том числе. Как это сказано у Эзрохи:

И фигуры мадам Тюссо
Далеки от меня, как луны,
И поскрипывает колесо
Равнодушной ко мне фортуны.

А Мата Хари — не только фигура современной мифологии, но и женский образ.

Сравните его с иным, условным.

Рассмотрим его под углом зрения аналитической психологии.

По техническим причинам здесь не смогла быть воспроизведена тибетская мандала, но это и не самое важное. В трудах Юнга соответствующая иллюстрация имеется, и она приводит на ум стихи, имеющие эпитафией речение: «The night has a thousand eyes»:

Ночь смотрит тысячами глаз,
А день глядит одним...

¹ Это анатомический термин — и очень точный.

Ум смотрит тысячами глаз.
Любовь глядит одним.
Но нет любви — и гаснет жизнь,
И дни плывут, как дым¹.

День смотрит одним глазом, и это глаз равнодушного солнца. День стал в его безжалостном свете царством Абсурда, а Князь Мира Абраксас — воплощением случайности и единовременности всего происходящего, придающим миру ложную видимость системности. Зачем идти? Куда?

Но круг мандалы поворачивается и приходит ночь. Она смотрит тысячами глаз, и ночной путешественник взирает на звезды не с ужасом, а с надеждой, словно написанное на ночной тверди имеет смысл. (Даже каждый шорох ночью имеет смысл.) И я, человек, в мире — точка². И вокруг меня обвивается спираль Кундалини, это Женственность (Weibliche), лишенная лжи одежд, раскрашенного лица и даже вида тела. Точка обретает фаллическое напряжение, исполняется творческой силы, и я зажигаю огонь, хотя чувствую, что он снова погрузит меня в мир Иллюзии, я увижу Майю. Но, зная это, я все равно вхожу в мир ее тепла. Пламя! Человек возвращается к себе, творя нового человека и новый мир. Рассвет. Пламя блекнет, его почти и не видно, пришел новый день, смысл сменился абсурдом, колесо повернулось снова.

В этой безостановочной смене дня ночью, в этом ускоряющемся вращении Колеса заключена действительность человека как живого существа, действительность отношений между людьми, принципиально и решительно отличающая их от андроидов, человекоподобных кукол. Но на границе дня и ночи, вечером, в наши глаза заглядывают с экрана куклы, смешные и страшноватые подобию тех, кто пытается играть судьбами миллионов людей.

«В нашем мире, где господствует виртуальная пропаганда, телевидение само лепит образы оппозиционеров, а политики подражают

¹ Полонский Я. П. Из Бурдальона // Зарубежная поэзия в русских переводах. — М., 1968. — С. 159.

² Ich weiß nicht, was ich bin, ich bin nicht, was ich weiß:
Ein Ding und nicht ein Ding, ein Tüpfchen und ein Kreis, —
как писал Ангелус Силезиус.
(Не знаю, что я есть, но я — не то, что знаю.
Я вещь, но и не вещь, я точка, я и круг.
Перевод мой.)

собственным куклам. Кукла становится не просто символом, она оказывается равнозначна реальному политику. Лебедь повторяет за собственной куклой: «упал — отжался». Даже мастер политической эстрады Жириновский учится у собственной куклы, перенимает ее повадки, комментирует ее высказывания. Все они любят собственных кукол. И уже все труднее понять, кто есть кто. По мере того, как куклы очеловечиваются, их прототипы все более становятся деревянными, механическими. Они повторяются¹. Это утрировано, и это очевидно. Тут, надо полагать, многое зависит от имитационной функции культуры.

Человек противостоит кукле как существо, способное изменяться во времени. А. П. Коробицын, некогда выполнявший спецзадания в Америке, рассказывал мне о человеке, который погиб потому, что старел, а его изваянное из воска точное подобие не изменялось².

Человек противостоит кукле как существо, способное к естественному преодолению конечности своего индивидуального существования.

Что же позволяет преодолеть ощущение конечности индивидуального существования?

Любовь. Это она породила столь осуждаемый Уэллсом, точнее, его героем, сложный и запутанный (это правда) способ понимания, единственно достойный человека (а не машины) способ мыслить — способ поэтический. Поэзия — это не забава, не развлечение, как не является им искусство вообще. Это способ понимать людей единственно адекватным половому отбору образом — в мире, где роль собственно естественного отбора снижается благодаря существованию социума и труда, благодаря существованию производства и цивилизации.

То, что вы прочтете дальше, с цивилизацией, производством и упрощением общего имеет, казалось бы, мало. Но с отношением «мужчина — женщина» это имеет самую прямую связь, как и с существованием ценностей культуры.

И хоть рухнула счастья твердыня,
И обломки крушения на дне,

¹ Гагарлицкий Б. Подрывники и деконструкторы // НГ — 1997. — № 134.

² Впоследствии он написал на эту тему детективную повесть, построенную на точном знании материала (см.: Коробицын А. Тайна музея восковых фигур. — М., 1965).

Все равно, и в тоске и в унынии
Не бывать их невольником мне,

Сколько бед не падало б отовсюду,
Растеряюсь — найдусь через миг,
Истомлюсь — по себя не забуду,
Потому что я твой, а не их.

Гибель прошлого, все уничтожит,
Кое в чем принесла торжество:
То, что было всего мне дороже,
В самом деле дороже всего.

Эти строки, написанные Байроном (в гениальном переводе Б. Пастернака) касаются главнейших сторон любви и культуры: ценностей, которые образуют опору для будущего, будучи сохраняемы, будучи передвинуты из прошлого в нынешний день. Разве и любовь и ее продукт — вновь возникшее существование — не есть способ перехода из прошлого в будущее? «В детях все великие возможности», — говорил Лев Толстой.

Переход этот символизирует смысл движения в пространстве возможностей. Ведь и *смысл* есть не более чем возможность, перспектива существования, перспектива неясная, но необходимая. «Какое странное слово *смысл*, когда оно превращается в *смысл* жизни. Его невозможно, собственно, объяснить посредством других понятий... Толстой говорил: Бог есть любовь; можно сказать: любовь есть *смысл*»¹.

Любовь выше цели; любовь — это ожидание в его наиболее полном личностном выражении; любовь — это неоспоримое понимание того, что будущее *есть*, хотя оно и неизвестно, хотя оно и не наступило.

Замечателен зачин одной из сказок.

Было у старика три сына. И третий «не хитёр, не мудёр, а куды смысловат!». Как же манифестируется эта, странная на первый взгляд, оппозиция хитрости, ума, с одной стороны, и смысла — с другой? А вот как: «Эх вы, тетери! Отпирайте-ка двери: хочу идти туда — сам не знаю куда». Это абсолютно верно: смысл не аналогичен целеполаганию. Ум, тем более хитрость, направляют деятельность на достижение цели. Смысл не таков. Он Есть, он Предназначение, а не

¹ Гинзбург Л. Человек за письменным столом. — Л., 1989. — С. 288.

долженствовании, он — как рост ребенка, как беременность, как весна вслед за зимой. Он — направление.

Л. Гинзбург этой идеи не принимала. Она разводила «земные вопросы» и «большой смысл».

«Классический пример отсутствия смысла — это бытовые дела. Мы тут создаем порядок, чтобы его разрушить, производим движения, чтобы стоять на месте. Нет, кажется, лучшего символа бессмысленности бытия, чем мытье посуды»¹.

Как это по-женски. Как это точно. Как это убедительно.

Но Лидия Гинзбург здесь находится в опасной близости к признанию бессмысленным четвертого вида деятельности — и она не одинока.

Как известно, кроме трех общепризнанно важных видов деятельности — труда, учения и игры — существует и четвертый: забота. *Sorge* немецких экзистенциалистов так же, как и *Weg*, — категории очень серьезные. Но мы мало о них знаем, мало их исследуем — прежде всего потому, что восемь экзистенциальных благ² граничат в реальной жизни с абсурдом, с бессмысленностью, а еще и потому, что они являются близкими именно женскому миропониманию, а общественное сознание строится по паттерну миропонимания мужского, как это хорошо показала Рэй Чау.

Здесь играют, естественно, значительную роль такие психические силы, как Танатос и Эрос, их соотношение, которое не полностью совпадает у женщин и мужчин. Танатос, или влечение к смерти, противостоит Эросу, или влечению людей различного пола друг к другу. Чем больше группа, тем сильнее Танатос. «На миру и смерть красна», — говорят русские, и говорят правильно. Напротив, Эрос индивидуален. Он связан с взаимным выбором и в конечном счете — с преодолением тени смерти, которая лежит на индивиду и реализуется в его Танатосе.

Как именно осуществляется взаимный выбор — тайна³. Во всяком случае, Эрос способен создавать истинно человеческую, лич-

¹ Гинзбург Л. Человек за письменным столом. — Л., 1989. — С. 288.

² Восемь экзистенциальных благ — это жизнь, надежда, любовь, дети, милосердие, удача, воспоминания и стыд.

³ Еще вопрос, слепы ли любовь, во всяком случае этот вопрос поддается психологическому исследованию. (См.: McClanahan K., Gold J., Lemney E., Rickman R., Kulberg G. Infatuation and Attraction to a Dissimilar Other: Why is Love Blind? // Journal of Social Psychology. — 1990. — Vol. 130. — № 4. — P. 433–445.)

ностную реальность, которая бесконечно выше деятельности, поступка, роли, какое бы значение им ни придавала социальная психология. И. Аксенов говорил о герое одной из пьес елизаветинца Т. Хейвуда: «Он принял поступок жены за реальность, тогда как реальностью была жена, а поступок — следствие пустого стечения обстоятельств, роль, навязанная ей случаем»¹. Это совершенно правильная интерпретация реальности: реальны люди. Ведь и Танатос уводит из жизни человека, а не роль, не поступок, которые могут быть воплощены в действительность и другим живым человеком. А того, кто ушел, — нет, и с точки зрения полового отбора это невосполнимо.

Отношение человека к миру может быть охарактеризовано как *понимание*, и процесс понимания протекает в трех автономных когнитивных полях. В одном из них представлена окружающая реальность и доминирует противопоставление «есть — нет». Во втором поле совершаются счетные, логические, доказательные операции, и главное противопоставление «правильно — неправильно». В третьем, нарративном, главное — это движение в пространстве возможностей и как оно складывается. Здесь происходит понимание повествовательных текстов и реализуется противопоставление «хорошо — плохо». В первом поле «*что есть*, то и доказано», во втором — «*что доказано*, то и есть», а в третьем поле «*что рассказано*, то и есть». Причинность в поле 3 как бы ослаблена, разнообразна, она — не более чем пусковой толчок к течению событий; да и вообще причины часто вообще не заявлены, не объяснены.

Для школьной субкультуры типична доминанта поля 2. Для менталитета, уходящего корнями в древность, — мир легенд и сообщений о действительности, понимание которых происходит в поле 3.

Но не только в этом дело. Ведь вопрос о любви — это вопрос о парном выборе без объявленных причин.

Любовь потому и «беспричинна», что половой отбор (и это ясно) не подчиняется логике поля 2 и (это очень возможно) подчиняется стереологике, повествовательной логике поля 3. Не потому ли ситуации, порожденные Эросом, занимают столь много места в художественной литературе. Почти такой же динамической силой обладает тайна, но я еще не могу объяснить — почему. Дело, конечно, в информационных структурах.

¹ Аксенов И. «Гамлет» и другие опыты в содействии отечественной психологии. — М., 1930. — С. 35.

Основу попарного выбора образует у женщины чувство, о котором писала Ирена Боровик в книге «Ты»:

Popatrz, jestem drzewiem, ty moim korzeniem,
Popatrz, jestem snem, ty sennym marzeniem...¹

Чувство мужчины, видимо, является иным.

Заметим, что известная максима «мужчина любит глазами» непосредственно связана с системой экспектаций (ожиданий), формируемых половым отбором периодически и в связи с неизученными еще потребностями популяций.

Не вызывает сомнения, что женщина и мужчина воспринимают мир общения с двух несовпадающих *locus standi*. Для мужчины существенно одно, для женщины — другое, и это создает мир игры, в котором выигрышем является будущее человечества, а проигрышем — небытие, куда уходят все, кто создал будущее.

Мы еще коснемся этого вопроса в диалоге о метафизике игры, а здесь заметим только, что игра является необходимой частью полового отбора, приходит к нам из собственно биологического мира, служит первоосновой искусства и любви, и три роли, исполняемые женщиной на подмостках театра жизни — мать, подруга и погубительница, никогда не утратят интереса ни для мужчин как участников этой пьесы, ни для человечества — восхищенного, а то и возмущенного, но всегда увлеченного зрителя.

В то же время эта пьеса, которую из поколения в поколение играют разные актеры, нуждается именно в подмостках, кровле, зале. Проще говоря, театр жизни требует экономической основы и политической защиты; еще проще — воспроизводство человеческого существования происходит в конкретных экономических и политических условиях, которые должны этому процессу способствовать. Каким же образом?

Прежде всего путем защиты интересов женщины, которые традиционно слабо защищены в построенной мужчинами социально-политической машине, называемой «общество».

Это и демократического общества касается.

В чем беда демократии?

¹ Bоровик I. Ты. — Krakow, 1989.

Дословно:

Посмотри, я — дерево, ты — мои корни,
Посмотри, я — сон, ты — сновидение...

Лев Толстой это хорошо объяснил. «Скажут: выбрать таких людей — мудрых и святых. Но выбрать мудрых и святых могут только мудрые и святые. Если же бы все люди были мудрые и святые, то не нужно было бы никакого устройства».

Писалось это сто лет назад. Даже больше: 7 сентября 1889 г.

Перспективы столь высоко ценимого демократами общественного устройства, основанного на выборе собрания народных представителей, многие великие умы оценивали скептически. «Трудно выдумать безумство, слабость или порок, присущий какому-нибудь человеку и полностью отсутствующий в народе или собрании его представителей. Ибо, не говоря уже о том, что масса состоит из людей, со всеми их слабостями, ею, к несчастью, обычно руководят и заправляют худшие ее представители»,¹ — писал Свифт.

Что и говорить, тут много верного (отсюда, впрочем, никак не следует, что собрание «худших представителей» являет собой мишень для башенных стрелков тяжелых танков. Как-то это неприлично. Не метод).

Но помимо того, что у парламента много недостатков, в нем еще и мало женщин. Так получается, причем повсюду.

Политическое средство защиты женских интересов предложил Бернард Шоу — и средство эффективное. По его мнению, необходима «поправка к конституции, которая предусматривала бы, чтобы любые представительные органы состояли поровну из мужчин и женщин, все равно, избранных, назначенных или кооптированных, взятых из списков избирателей или прямо на улице, подобно присяжным для разбирательства у коронера».

У нас ничего подобного нет, но посмотрим, что он предлагает.

«Достигнуть этого при системе выборных органов власти можно только путем двойного голосования. Представительная единица должна соответствовать не мужчине или женщине, а мужчине и женщине. Каждый голос должен считаться действительным лишь в том случае, если он подан сразу за представителей обоих полов; тогда выборный орган будет состоять поровну из мужчин и женщин.

Необходимо иметь в виду, что одинаковое представительство мужчин и женщин не должно зависеть от общего соотношения мужского и женского населения. Эта пропорция никогда не нарушается сколько-нибудь заметно; но даже в таком случае естественной выборной единицей все равно будет смешанная пара, а не лучшая (худшая) ее половина».

¹ Цит. по: Муравьев В. Джонатан Свифт. — М., 1968. — С. 107—108.

Согласитесь, что здесь много позитивных моментов. Во всяком случае, это демократично. Но рассмотрим возражения.

«Разумность и целесообразность подобной реформы оспариваются с самых разных точек зрения, — продолжает Б. Шоу. — Существуют, например, люди, убежденные в том, что средоточием политических способностей является душа — чисто мужской орган, отсутствующий у женщин наряду с некоторыми другими физиологическими органами. Однако до сих пор ни вскрытие, ни спектральный анализ, ни электронный микроскоп не смогли обнаружить ни у того, ни у другого пола какого-либо специфического органа или гормона, который биологи сочли бы душой. Поэтому мы то нарекаем эту тайну Святым духом, или Господином войска небесного, то материализуем ее как Жизненную силу, или *élan vital*¹. Оба пола наделены сим феноменом в одинаковой степени и, лишаясь его, равно подвергаются тому разложению, которое зовется смертью, а следовательно, демократическая представительность невозможна там, где женщины ущемлены в избирательных правах по сравнению с мужчинами».

Хорошо. Давайте попробуем двусенное голосование. Но тут ребром встает вопрос, значение которого невозможно отрицать: «А зачем?»

«Представительствовать в парламентской говорильне еще ничего не значит. Указать на болезнь может каждый: но чтобы покончить с нею, надо обладать даром конструктивного политического мышления. Это, безусловно, редкий дар; но в женщинах он встречается не реже, чем в мужчинах. Природа создает прирожденных политических лидеров и мыслителей, столь остро необходимых современной цивилизации, лишь в пяти случаях из ста: а если их число уменьшить еще вдвое, не допуская женщин в парламенты и кабинеты, социальные механизмы придут в негодность и, по всей видимости, развалятся из-за плохого управления. Места, предназначенные для способных женщин, в большинстве своем согласных баллотироваться, заняты бездарными мужчинами...

Поэтому я (Шоу — А. Б.) предлагаю и отстаиваю принцип двусенного голосования, при котором действительными будут считаться только голоса, подаваемые за пару, объединяющую представителей обоих полов, что в свою очередь обеспечит избрание органа, состоящего поровну из мужчин и женщин»².

¹ Жизненный порыв (*франц.*)

² Шоу Б. Полн. собр. пьес. — Т. 6. — Л., 1981. — С. 397–399.

Надо сказать, что это убедительное и простое средство обеспечивает не только продолжение существования человеческого рода, но и его социально-политическое развитие.

Ибо процесс полового отбора продолжается. Процесс, который создал человека, продолжает его изменять. Я не рискну назвать это изменение совершенствованием: никто не знает, станет ли человечество в будущем лучше. Но оно станет иным.

Семантическое пространство

Как известно, семантическое пространство неоднородно, обладает достаточно прочной и заслуживающей внимания и изучения структурой. По всей видимости, мысли, которые в этом пространстве располагаются, могут находиться в различном отношении друг к другу: одни могут полностью совпадать, другие — отстоять друг от друга на весьма значительном расстоянии, а иные могут не совмещаться, находясь в чрезмерной близости друг к другу. Иными словами, могут существовать идеи, претендующие на то, чтобы занимать одни и те же точки семантического пространства. Поскольку актуализация идей происходит в сознании людей, и они, эти идеи, способны влиять на человеческое поведение, структура семантического пространства и локализация в нем мыслей могут повлиять на взаимодействие между людьми, например в этноконфессиональной сфере. Тут могут выявиться и фанатичная преданность каким-то взглядам и лицам, и конфликты, и, наоборот, полное безразличие.

Теперь рассмотрим сказанное, привлекая к делу Б-определения. А-определения всем хорошо знакомы, они выражают традицию, восходящую к Аристотелю. Они концентрируют в себе отличительные черты знания о предмете. Б-определения характеризуют предмет через отношение к наличному знанию. Известные примеры (апокрифическая традиция приписывает их Александру Блоку): *лорнет* — «вроде очков, но с ручкой», *платоническая любовь* — «любовь без взаимности» — можно без труда умножить. Это нарочито упрощено, но по сути верно. В конце концов, понятие — значит упростить. Так вот, *идея* на языке Б-определений — это «сильная мысль». Семантическое пространство — место, где мысленно размещается все осознанное и созданное людьми. Созданное и пережитое. И более того, это место, где еще только *может* поместиться

продукт человеческого интеллекта, воли, желаний, творчества. В этом семантическое пространство предметно совпадает с пространством возможностей. Семантическое пространство в нашей интерпретации представляется сложно структурированным.

Культура и ее стержень — литература и искусство — обладают особой силой. Они могут, хотя и ненадолго, переселять человека в иное пространство, мыслимое, семантически значимое, и это очень помогает жить. Одни способны попасть только на окраины этого пространства, где гремит тяжелый рок или незатейливая поп-музыка, ходят полуодетые особы, чьи имена тотчас же забываются, другие способны пройти дальше, услышать настоящую музыку, увидеть людей, города и горы, которые надолго остаются в памяти, а третьи уходят далеко в глубь этой вроде бы и несуществующей страны и встречаются там с незабываемым, более реальным, чем серая или раскрашенная рекламными красками «настоящая жизнь». Они встречаются там самих себя. Не двойников, конечно, хотя случается и такое. Они узнают там переживания и мысли, им близкие, начинают лучше понимать себя, друзей, врагов, прошлое и настоящее.

В этом мыслимом пространстве нельзя оставаться надолго. Но оно помогает существовать в настоящем мире, помогает выдерживать его давление. За этим оно и необходимо, все это огромное пространство — от «Битлз» до античной классики.

Андрей Белый писал: «Глубей, изображенных мною, как секты не существует; но они — возможны со всеми своими безумными уклонами; в этом смысле *глуби* мои вполне реальны»¹. Они реальны не только потому, что возможны, но потому, что уже существуют в возможном мире, равномоном действительному: мире литературы.

В мире значений.

Но если мы признаем окружающий мир *только* миром значений, он станет исчезать на наших глазах.

Если бы мир не был иллюзией *in toto*, то личные и социальные иллюзии (и потеря иллюзий) не увлекали, не мучили бы нас с такой неслыханной силой. При прочих равных условиях уже все равно, иллюзия мир или нет — если иллюзорное по силе воздействия равномоном реальному, то и реальное равномоном иллюзорному.

Взаимодействие семантически значимого пространства с реальным миром было замечено давно — собственно говоря, все религии отсюда и возникли. Но и вполне свободомыслящие люди видели

¹ Белый А. Соч. В 2 т. — Т. I. — М., 1990. — С. 377.

влияние этого пространства, чувствовали его значение, понимали его по-своему, вполне приземленно: это пространство было объявлено простым отражением действительности. Оно, это пространство, бесспорно, похоже на реальный мир. Но оно его не повторяет. Оно помогает его понять и жить в нем.

В этом семантически значимом мире в значительной мере представлено возможное.

Согласно Альвину Плантинге (если я правильно его понял), все возможные положения дел (*states of affairs*) существуют, но большинство из них не признаются существующими (*do not obtain*)¹. Как мне представляется, вопрос о том, что следует признавать истинным, связан с существованием во времени: Лев Шестов, понимая, что аншлюсс Австрии — свершившийся факт (*fait accompli*), говорил: «Я не признаю за этим фактом предиката истинности». И действительно, присоединение Австрии к Германии продолжалось недолго. Впрочем, Джон Э. Нолз², работу которого я рекомендую вниманию читателя, точки зрения Плантинги не разделяет.

Здесь (в теоретическом порядке) надо заметить следующее.

Готфрид Лейбниц полагал, что фундаментальное понятие — это понятие возможного. Действительное есть всегда лишь часть возможного (в этом Лейбниц прав), причем действительный мир есть наилучший среди возможных миров (в этом Лейбниц ошибался). Кант, в отличие от Лейбница, понятие возможного релятивизировал, то есть считал, что возможное нужно рассматривать в отношении к действительному, действительное — исходно, возможное — производно. Все это, конечно же, сильно упрощено; этот вопрос детально рассмотрен в классической работе Канта³.

Здесь сразу надо заметить, что вопрос о существовании Бога неправильно называют основным вопросом всякой религии. Религия вопрос о существовании Бога предполагает решенным. Для агностиков дело обстоит, конечно, по-иному. «Мы можем сколь угодно расширять наши знания о Вселенной, но, если вы меня поняли, вопрос о Боге — это не вопрос, зависящий от объема знаний, точнее, вопрос, зависящий не только от объема знаний. В лучшем случае,

¹ The Possible and the Actual: Readings in the Metaphysics of Modality. — Ithaca; London: Cornell University Press. — 1979.

² См.: Nolt J. E. What are Possible Worlds? // Mind — 1986. — Vol. XCV. — № 380.

³ Кант И. Единственно возможное основание для доказательства бытия Бога // Соч. В 6 т. — Т. I. — М., 1964. — С. 391–508.

можно доказать, что возможность его существования ничему не противоречит в природе. Мой вывод логически нельзя доказать ни бытия Бога, ни его отсутствия во Вселенной. Впрочем, это известно уже давно...»¹

Искренне верующие считают, что Бог есть. И это помогает им выдержать давление абсурда и зла, которыми насыщены повседневность и историческая реальность, помогает ответить на вопрос, который Альберт Камю считал в философии самым главным. Так он и писал: «Есть лишь один поистине серьезный философский вопрос — вопрос о самоубийстве. Решить, стоит ли жизнь труда быть прожитой или она этого не стоит, — это значит ответить на основополагающий вопрос о философии. Все остальные вопросы следуют потом... Спросив себя, а как можно судить, какой вопрос более настоятелен, чем другие, я отвечаю: тот, который обязывает к действию. Мне неведомы случаи, когда бы шли на смерть ради онтологического доказательства»². Здесь все правильно. Религия помогает нам выдержать испытание на прочность. При этом все доказательство логического порядка по большей части ни при чем.

Но вернемся к семантически значимому пространству. Оно построено с помощью текстов. Текст является структурно общим для объективно реального и семантически значимого мира. «Нет ничего вне текста», — говорит Жан Деррида и, разумеется, преувеличивает. Но тут есть что преувеличивать. Воспроизводимая последовательность значимых элементов — это очень существенная сторона реальности. Лауреат Нобелевской премии Илья Пригожин говорил: «Жизнь возникает каждый раз, когда возникает текст и соответствующий ему читатель». Он описывал свои опыты и пояснял: «В условиях, далеких от равновесия, наблюдаются колебания, в которых налицо определенная последовательность, текст»³.

Здесь я ссылаюсь на видного естествоиспытателя и теоретика; но обращение к тексту как к средству обобщенной интерпретации мира как целого имеет многовековую давность и связано с богословием непосредственно. «Для средневековой теологии в целом было характерно своеобразное удвоение мира. Согласно теологическим представлениям мир — это не что иное, как книга, написанная

¹ См.: Интервью с акад. Б. Раушенбахом // КП. — 1996. — 26 июня.

² Камю А. Миф о Сизифе // Творчество и свобода. — М., 1990. — С. 30–31.

³ Пригожин И. Мы только начинаем понимать природу // Краткий мит торжества. — М., 1989. — С. 314.

божественной рукой, а потому любой мирской предмет якобы наполнен специфическим внутренним смыслом и представляет собой некоторый фиксированный символ определенных божественных предназначений¹. И не следует считать, что эта идея специфична именно и только для западной культуры (как мне приходилось слышать). Идея подобия между миром и текстом в средние века широко распространялась во всем цивилизованном мире, и у нее были глубокие корни. Такой знаток Корана, как С. Наср, пишет: «Коран часто называет природу книгой, которая является макрокосмической копией самого Корана»².

Откуда же такое внимание к тексту? Думается, оно связано с тем, что текст сильнейшим образом влияет на построение семантически значимого мира. В нем присутствуют и обретают некую реальность представления самые различные. В структуре семантического пространства существует ярус, непосредственно предназначенный именно для представлений религиозных. Классическим примером, подтверждающим это, являются не утихающие и поныне дискуссии о том, что на языке идеологии именуется «культом личности». Сами по себе факты вряд ли могут быть оспорены: был культ, но была и личность. Обратите, однако же, внимание на то обстоятельство, что культ этот возник в обществе, где был распространен и *manu militari* поддерживался принципиальный атеизм. Однако ярус семантической структуры существовал, и преклонение перед руководителем государства быстро обрело подобие именно религиозного культа. Любопытно, что на ранних ступенях развития государственно-монополистического социализма борьба с религией велась явно не в целях высвобождения места для иного культа: он сформировался при непосредственном участии руководящей общественно-личности, но будь эта личность иной — вряд ли что-нибудь изменилось бы. Вспомните обожествление императоров в Римском государстве, где реликты существовавшего веками республиканского строя сохранились довольно долго.

Всякая религия выполняет свои функции и в личном духовном пространстве (в душе), и в социальном пространстве (в обществе), существуя в пространстве семантическом. И там религии несколько различаются по тому, в чем они видят главную проблему жизни человека.

¹ Кураитов А., Стигматизм Н. Уильям Оккам. — М., 1978. — С. 11.

² Nasr S. Introduction to Islamic Cosmological Doctrine. — London; Cairo, 1978. — P. L.

И благодаря такому различию разные конфессии как бы отстоят друг от друга на определенном расстоянии. Но чем оно меньше, тем острее конфронтация: им слишком по пути, чтобы идти рядом — тропинка очень узкая.

В замечательной работе «Вертикальный монтаж» С. Эйзенштейн ярко показал, что чем ближе цвета по месту, занимаемому им в семантическом пространстве, тем противоположнее их значения: «Мавры различали противоположные символы по двум нюансам желтого цвета. Золотисто-желтый означал «мудрость», «добрый совет», а блекло-желтый означал «предательство» и «обман». В геральдике золото обозначает любовь, постоянство и мудрость, а желтый цвет — противоположные ему качества: непостоянство, зависть и адюльтер... Официальный костюм палача в Испании должен был состоять из двух цветов — желтого и красного, где желтый цвет обозначал предательство виновного, а красный — возмездие»¹.

Примеры эти выражают частный случай закона более общего, а именно: сближение в одном локусе (месте) семантического пространства сталкивает значения, делает их противоположными, обостряет их противоположность до конфликта. Случайны ли противостояние и конфликт католической церкви и реформаторов, сталинистов и троцкистов и т. п.? Разумеется, нет. При этом близость этих течений по фундаментальным вопросам была настолько велика, что эти вопросы как бы вообще отсутствовали в сфере политики. Но если отступить еще дальше в историю, можно вспомнить Никейский собор (325 г.), где развернулись отчаянные споры насчет Троицы как религиозного символа христианства, причем свелись они к выбору между двумя греческими словами (формулирующими суть уже забытых ныне разногласий). Для нашей темы существенно, что «разница между начертанием обоих слов состоит в одной только букве «й» — йоте; такая разница выглядит слишком несущественной, и было немало иронических замечаний по поводу пробитых голов и покалеченных тел — жертв одной-единственной буквы «й» — йоты. Но ведь пробивание голов было связано, конечно, с политикой и произошло бы при любых обстоятельствах. Йота же относится к области идеологии и отражает стремление двух соперничающих группировок завладеть общей традицией»². Ясно,

¹ Эйзенштейн С. Избранные произведения. В 6 т. — Т. 2. — М., 1964. — С. 223.

² Даниэл Б. Йерон и еретики. Политическая история западной мысли. — М., 1967. — С. 148–149.

что различия здесь минимальны, но тем острее должно быть противоречие, ибо в сущности две интерпретации стремятся занять одну и то же место в семантическом пространстве.

Весьма любопытной особенностью семантического пространства, имеющей самое непосредственное отношение к нашей теме, являются смещения в соседние локусы: так, близость религиозного и фантастического отмечена психологами достаточно давно, и здесь возникают смещения из одного локуса в другой, соседний. Вот пример. Некто С. Сполдинг написал в 1811–1812 гг. фантастический роман, посвященный далекому прошлому Америки. Он читал его родным и знакомым, с романа снимали рукописные копии, но издать его не удалось. В дальнейшем одна из копий попала в руки Дж. Смиту, который заявил, что ему попала в руки рукопись, написанная на особом, никому не известном языке, а при манускрипте имел место оптический инструмент, позволяющий его читать и переводить. Эту «Книгу Мормона» Дж. Смит и издал в 1830 г. Тут близкие С. Сполдинга (который к тому времени умер) стали утверждать, что уже читали этот текст, что это фантастический роман — но тщетно! Тысячи людей уверовали в то, что Дж. Смит сообщил им ранее неведомую истину. Нет смысла излагать дальнейшую историю мормонской церкви; заметим лишь, что она влиятельна. «Книга Мормона» сохранила свое религиозное значение.

И случай этот отнюдь не единственный.

В романе Э. Дж. Бульвер-Литтона «Грядущая раса» были описаны живущие в подземных пещерах люди, превосходящие своей духовной силой все человечество. Эта высшая раса владеет «врилем» — сверхмощным источником энергии. Много лет спустя, уже в XX в., в Берлине была создана «Блистательная ложа» — тайное общество, члены которого были убеждены, что Бульвер-Литтону стали каким-то образом известны подлинные факты и заведомо вымышленный «вриль» существует на самом деле. Более того, заимствованные из романа домыслы о «высшей расе» сыграли определенную роль в формировании идеологической доктрины германского национал-социализма.

Эти и другие примеры заставляют задуматься о том, сколь зыбкой является граница между истиной и ложью, фактами и вымыслом в человеческом мышлении.

Но подойдем к этому вопросу в отвлеченной от идеологических фикций форме: существует ли что-либо кроме истины и заблуждения?

Разумеется.

Существует возможность.

В свою очередь время превращает возможность либо в истину, либо в ложь (вспомните повелю Кеки Даргуваллы).

Пусть это упрощение.

Но, как уже упоминалось, интеллект часто работает по принципу понять — значит упростить.

О чем это говорит?

Да прежде всего о том, что интеллект функционирует как инструмент для проникновения в сущность, а сущность проще существования, сложность в том, как она скрыта.

Возможности понимания и понимание возможностей

Герой У. Эко Адсон осуждает Вильгельма Баскервиля за то, что тот не искал единственной истины, а «развлекался, выдумывая столько возможностей, сколько возможно»¹. Адсон наивен, Баскервиль мудр, а Эко явно намекает читателю на то, что не худо бы ему перечитать (или просто припомнить) Бенедетто Кроче, который очень убедительно показал, что реальность всегда включает в себя и нечто возможное. С точки зрения «практического разума» (его-то и воплощает Адсон у Эко, Уотсон у Конан Дойля) возможность есть не более чем вымысел, даже праздный вымысел.

Но с точки зрения философской или, если хотите, методологической вымысел праздным не бывает. Он противостоит существующему, оттеняя его. А существующее — это всегда предсуществующее. Что-то будет потом. Даже то, что кажется сегодня невозможным.

Любопытный пример дифференциации невозможного и невероятного предложил Г. К. Честертон.

«Я полностью согласен с человеком, который сказал: „Я могу поверить в невозможное, но не в невероятное“. Гораздо естественнее поверить в то, что за пределами нашего разума, чем в то, что не переходит этих пределов, а просто противоречит ему. Если вы скажете мне, что великого Гладстона в его смертный час преследовал призрак Парнелла, я предпочту быть агностиком и не скажу ни да, ни нет. Но если вы будете уверять меня, что Гладстон на первом

¹ См.: Эко У. Имя розы. Маятник Фуко. — Бишкек, 1997.

приеме у королевы Викторини, не сняв шляпы, уцелпил ее пониже спины и предложил закурить — я буду решительно возражать. Я не скажу, что это невозможно; я скажу, что это невероятно. Я уверен в том, что этого не было, тверже, чем в том, что не было призрака, ибо здесь нарушены законы того мира, который я понимаю¹.

Это ясно и убедительно².

Сложная совокупность историко-философских проблем вырастает из системы противопоставлений «возможное — невозможное», «допустимое — недопустимое». С одной стороны, здесь обозначилась тема поступательного движения, а проще — роста сил и возможностей человека и человечества, с другой — тема интересов общества и социальных групп, налагающих вполне отчетливые ограничения на возможности индивида. Иногда эти ограничения могут рассматриваться как необходимые (вспомним, что воспитание всегда включает определенные ограничения и воспрещения), иногда эти ограничения, диктуемые религиозной традицией или интересами власть имущих, оспариваются. Эта проблематика философски очень важна: в ней скрыты корни эволюционных и, конечно, революционных изменений в образе мыслей и способах деятельности, изменений в природных условиях существования и общественной жизни.

Движение в историческом времени — проблема, над которой стоит задуматься особо. Есть нечто глубоко закономерное в том, что проблемы, разрешаемые на философском уровне, но близкие жизненным интересам и глубоким переживаниям людей, не исчезают вместе с уходящими в прошлое поколениями, а оживают вновь, в иных формах, обогащенные новым знанием и историческим опытом. Изучение этого процесса позволит найти ответ на вопрос, зачем на протяжении сотен и тысяч лет существует «генеральный штаб» ожидания — философия, а если быть точным и откровенным, — люди мыслящие, люди вспоминающие, люди, вкушившие запретный плод с древа познания и добра и зла, активно участво-

¹ Честертон Г. К. Избранные произведения в 3 т. — Т. 2. — М., 1990. — С. 349–350. (Исправлен эвфемизм в переводе С. Красовицкого.)

² Но вот спустя исторически короткий отрезок времени в книге австралийского журналиста Брюса Поллинга появляются такие высказывания о принце Уэльском и премьер-министре Великобритании, которые, по-видимому, не носят целиком вымышленный характер, но процитированы здесь просто не могут быть. Возможно, они уместны на страницах книги Поллинга, но у нас иные цели. (Polking B. Энциклопедия скандалов. От Байрона до наших дней. — М., 1997.)

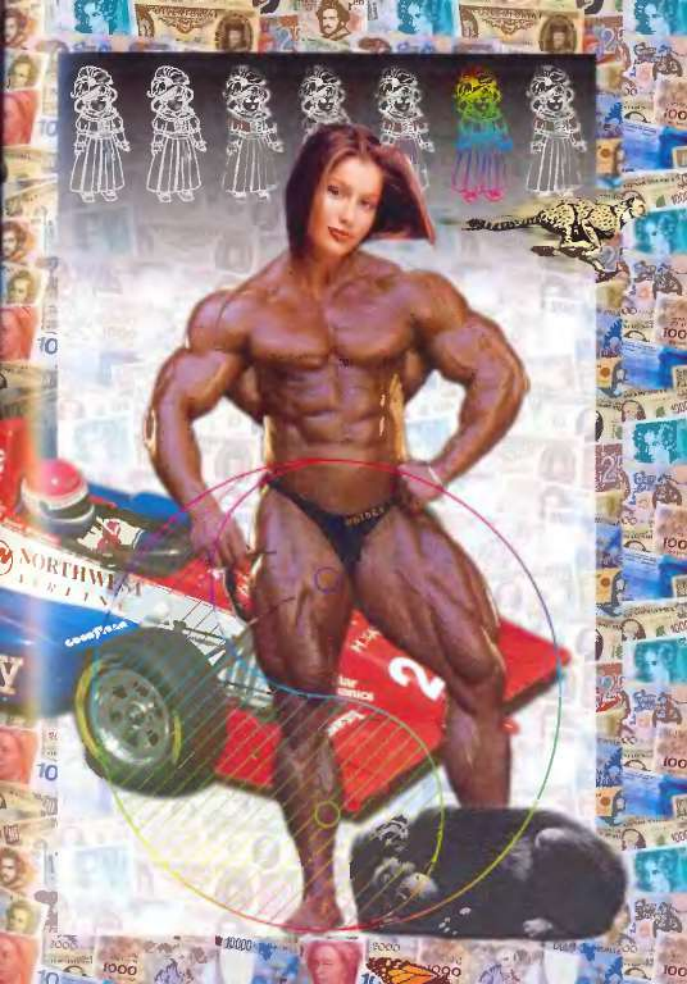
щие в самом существовании реальности. Да, это их фундация. «Что бы мы ни называли реальностью, она открывается нам только в процессе активного построения, в котором мы участвуем»¹.

Это очень смело, но это правильно.

Вам может показаться, что речь здесь идет об исторической реальности.

Нет — и о реальности в физическом смысле слова.

¹ Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса. Новый диалог человека с природой. — М., 1986. — С. 364.

ВЕЛИКИЙ УСИЛИТЕЛЬ

Веками нас тепила иллюзия,
что мы создаем. Ничего подобного —
мы открываем. Неотрывно вплетенные
в ткань реальности существуют
комбинации...

Тысячелетиями мы открываем
таящиеся во Вселенной комбинации,
убеждая себя, что это — творчество.

Творить — подразумевает
бесконечные возможности,
открывать — конечные.

Стэнли Робинсон

Об усилении

У проблемы усиления долгое прошлое и короткая история. С незапамятных времен люди обратили внимание на то, что в определенных ситуациях относительно небольшие силы способны превратиться в очень значительные. И лишь гораздо позже физики установили, что, соединив две системы, можно получить такой эффект, что силам в $1, 2, 3...n \text{ дин}$ будут соответствовать силы в $1000, 2000, 3000...n \text{ тысяч дин}$. Важно только понять, как эти системы соединить и получить в результате эффект усиления. Сейчас мы говорили об усилителе как об устройстве, сделанном намеренно. Но есть некоторый принцип усилителя, который универсален.

Так, к числу фундаментальных для биосферы процессов относятся рост и размножение (в соответственной связи с онтогенезом и с филогенезом), а для роста и размножения типичны процессы усиления первичных процессов, частично микрофизических, до процессов вторичных, макрофизических, явных для наблюдателя. И «основным ядром проблемы о принципе усилителя в области биологии является вопрос о том, в какой мере исходные единичные явления усиливаются до макрофизических эффектов (которые, таким образом, являются также в основе своей статистическими) и в какой степени такие процессы играют роль в управлении развитием онтогенеза и филогенеза»¹. Но статистичность элементарных биологических процессов и явлений порождает и статистичность их макрофизических следствий. «Наличие дискретных групп среди живых организмов во всяком случае является своеобразным, грубым и в то же время ярким отражением квантовой структуры вещества»².

Иными словами, принцип усилителя работает на таких уровнях строения вещества, что можно смело предположить его универсальность: «возможность усиления — в природе вещей и не может быть выведена из чего-либо более элементарного»³.

¹ Тимофеев-Ресовский Н. В., Рывин Р. О статистичности и принципе усилителя в биологии // Проблемы кибернетики. — Вып. 2. — М., 1959. — С. 221–222.

² Там же. — С. 224.

³ Жолковский А. К. Об усилении // Структурно-типологические исследования. — М., 1962. — С. 169.

Усиление, таким образом, принадлежит к числу немногих возможностей, которые носят общий характер, но это не означает, что эта возможность элементарна и повсеместна: реализация принципа усиления происходит лишь при определенных условиях.

Но усиление — предмет внимания не только физиков и биологов. Можно предположить, что оно играет свою роль и в иных сферах знания.

Принцип Мерло-Понти, согласно которому один предмет может стать зеркалом другого, может быть дополнен и другим эпистемологическим принципом: один предмет может стать линзой другого, один предмет можно как бы рассматривать через посредство другого — метафорически.

Почему же метафора является линзой, позволяющей видеть один предмет сквозь другой, или, скажем осторожнее, один предмет с помощью его сопоставления с другим? Потому что эти предметы сходны? Этот ответ лежит на поверхности и ничего, в сущности, не объясняет. Может быть, потому что мир устроен метафорически? Нет, мир (и этот ответ тоже лежит на поверхности) устроен метонимически, то есть по принципу смежности предметов во времени или пространстве. Один предмет расположен рядом с другим (в пространстве), или же одно событие следует за другим (во времени). Исследование этих (пространственно-временных) отношений значит для науки очень многое. Но что же дает метафорическое рассмотрение предметов и событий? Думается, ответ лежит в неожиданной для здравого смысла плоскости: метафора позволяет нам убедиться в том, что мир устроен не так, как мы его наивно-реалистически воспринимаем. Мир другой или, точнее, по-другому устроен: у него есть двойник, и когда мы это замечаем, понимание мира испытывает усиление.

В этой связи вызывает интерес уже упоминавшаяся работа А. К. Жолковского.

Я изложу свое понимание этой работы, близко к тексту, сопровождая основные тезисы своими комментариями.

Все знают, что произведение искусства способно вызывать так называемый «художественный эффект». Не будем сейчас обсуждать, что это такое, потому что все это знают или, точнее, чувствуют, хотя объяснить и не могут.

Этот эффект вызывают самые разные тексты — например, текст доказательства теоремы, если это доказательство изящно, или достаточно сухое сообщение об историческом событии, скажем,

отом, как 300 спартанцев смогли задержать у входа в Фермопильское ущелье мощную персидскую армию. Многих восхищает мужество спартанцев (и оно, конечно, имело место), но суть ситуации заключалась в правильно избранной позиции — персы не смогли пройти через ущелье.

Смысл здесь прост: диспозиция воинских частей может иметь значение не меньшее, чем их численность, и даже большее. Следует, однако, отметить, что такая формулировка, хотя она и совершенно правильна, не заменяет собой самой истории про спартанского царя Леонида, про 300 спартанцев. Этот текст существует как самостоятельная реализация принципа усилителя.

Аналогичный пример: при игре в шахматы большое значение имеет ход, позволяющий угрожать одновременно двум фигурам противника. Если один спартанец благодаря диспозиции стоял, по крайней мере, ста персов, то при вилке один ход стоит двух удачных ходов сразу. Ясно, однако, что эффект вилки производит впечатление именно в процессе игры, как часть партии.

Произведение искусства строится из кусочков действительности как сложный, многоступенчатый усилитель, действие которого развертывается в сознании читателя. Художник слегка подталкивает движение произведения, но каждый такой произвольный толчок приобретает во много раз большее значение благодаря усилению, которому он подвергается.

Идея А. К. Жолковского состоит в том, что талант математика, полководца, шахматиста, поэта заключается в сильно развитой способности освобождать скрытые возможности.

Да, но искусство отличается от науки или шахматной игры.

Отличается. Когда речь заходит о науке или шахматах, в схему усиления подставляются специальные, не всем известные понятия. В искусстве усилению подвергаются смерть, любовь, красота, успех, бедность. Эти явления выступают в роли «основного словарного фонда» человеческой жизни.

Далее. В художественном произведении усиление является конституирующим условием. Эффект усиления в сюжете состоит в том, что ряд событий как бы сам себя движет. События сцеплены так, что ход событий усиливает их понимание. Истолкование художественного эффекта как основанного на усилении позволяет отвлечься от различия формы и содержания. Усиление — это одновременно и способ, и результат.

Но если талант позволяет нечто усиливать (идея интересная), то что он усиливает и как устроен усилитель?

Если вдуматься, то усиливаются вполне реальные процессы. Какие?

В чем они заключаются?

Предположим, что функцию усиления имплицитно содержит в себе текст. Текст есть одна из форм, в которых существует язык.

Следовательно, сила, позволяющая высвобождать возможности, скрыта в языке?

Да. Язык так устроен — как *система* возможностей, которые частично реализуют в *норме*. Язык потенциально содержит все, что «можно сказать», а норма соответствует тому, что «уже сказано» и по традиции говорится. Между тем система возможностей построена так, что отражает специфику каждого данного языка. Пример из Косериу: «То, что возможно в турецком языке, это по-турецки, даже если оно никогда не было реализовано раньше»¹.

Но представим себе язык в самом широком плане. Отвлекаясь от конкретных языков.

Язык — категория универсальная.

Если объекты сочетаются по определенным правилам и не только явлены субъекту, но и значимы для него, то их можно описать как язык. А последовательность таких объектов можно описать как тексты.

Такие определения никак не отличаются полнотой, но обладают объясняющей силой, что и требуется.

Прежде всего условимся, что мир разговаривает с человеком на языке событий.

Человек разговаривает с другими людьми и с самим собой на языке слов.

Эти два языка креолизуются, срастаются, образуя промежуточный язык — язык ситуаций.

Человеческое существование — череда ситуаций.

Уточним сказанное. Перевод с языка событий на язык слов является одной из важнейших задач, решаемых мозгом. Но оптимальная регуляция поведения, в частности регуляция операторной деятельности индивида, требует достаточно высокого темпа решения задач. В этих условиях осуществляется субъективная оценка вероятностных ограничений, объективно свойственных языку событий, и он частично креолизуется; возникает язык ситуаций,

¹ Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике — Вып. 3. — М., 1963. — С. 237.

включающих в себя деятельность индивида или, точнее, последовательно повторяющиеся элементы деятельности (в том числе и речевой деятельности, интериоризированной, выполняющей стереотипные регуляторные функции). Отвечая нуждам ускоренного перевода на язык слов, язык ситуаций вместе с выигрышем в темпе приносит и редкие, но ощутимые доказательства своей неточности. Именно они привлекли внимание Бенджамена Ли Уорфа еще в бытность его инспектором страховой компании, именно они послужили опорной плитой его дальнейших гипотетических построений.

Отождествление языка событий с языком ситуаций повлияло как на Уорфа, так и на его многочисленных критиков. В терминах, о которых мы условились, основной тезис Уорфа формулируется примерно следующим образом: «Каждый данный язык слов через посредство языка ситуаций накладывает свой отпечаток на язык событий». А противоположный тезис, тезис его критиков, таков: «Вполне возможен адекватный перевод с языка событий на каждый данный язык слов». Между тем прямое противопоставление этих тезисов, по-видимому, нелогично: они отражают различные уровни описания фактов.

«Язык слов накладывает отпечаток на язык событий». Да, накладывает: это часть процесса избирательного сближения отдельных элементов языка событий с элементами языка слов; это сближение происходит в рамках языка ситуаций и связано со стереотипами поведения.

«Возможен адекватный перевод с языка событий на язык слов». Да, возможен: если фактор времени не ограничивает носителя языка, свободного в выборе вариантов перевода, иначе говоря, если подобный перевод происходит вне прессыга ситуации.

Все эти оговорки, по существу, сводятся к одной: перевод с языка событий и перевод с языка ситуаций не всегда совпадают по конечным результатам. Единичные факты подобного рода несовпадений, будучи обнаруженными внимательным наблюдателем или став предметом экспериментального исследования, могут послужить косвенным подтверждением гипотезы о существовании языка ситуаций.

Как известно, язык слов устроен относительно свободно, и с помощью конечного числа слов может быть описано в принципе бесконечное число ситуаций. Объясняется это, в частности, и тем, что «каждое слово может, вообще говоря, значить все что угодно при

одном-единственном условии, что оно не должно смешиваться со словами, наиболее близкими ему по значению»¹. Эксперимент показывает, что налагаемые на употребление слова семантические ограничения действительно вытекают из запрета на смешение с близкими по значению словами. К числу фактов, специфически сближающих значения и соответственно порождающих семантические ограничения, следует, видимо, отнести сохраняемые в памяти (а точнее — в подсознании) носителя языка «клише ситуаций». В эксперименте существование таких клише выявляется именно тогда, когда они не соответствуют многообразию ситуаций.

Чтобы сказанное не выглядело чрезмерно отвлеченно (и сухо), приведу некоторые экспериментальные данные.

Испытуемым в числе прочих текстов, которые они должны были квалифицировать как «правильные» или «содержащие намеренно введенные ошибки», было предъявлено четверостишие (из Саши Черного).

В передней паре дирижёр
Поручик Грум-Борковский
Вперед плечом под рокот шпор
Беснуется чертовски.

Были испытуемые, которые полагали, что место дирижера — перед музыкантами оркестра, а не среди танцующих. О «дирижирующем танцами» эти испытуемые не слышали и не читали. Нет сейчас дирижирующих танцами.

Эксперименты по нашей методике проводятся много лет — и из числа их результатов с начала 60-х годов стали исчезать и вскоре исчезли те, в которых в набор «ошибочные» попадала карточка со стихами:

Под душем в ванне дама мокла,
Струя воды мечом Дамокла
Её касалась голова,
Но — с нею были мы «на вы».

Были испытуемые, которые твердо подразделяли «душ» (помещение, подразделенное на кабины) и ванну, рядом с которой возвышался водонагреватель с кранами.

¹ Исаев Вяч. Вс. Некоторые проблемы современной лингвистики // Народы Азии и Африки. — 1963. — № 4. — С. 174.

Их становилось все меньше, затем это жесткое подразделение исчезло из экспериментальных данных вообще.

Язык ситуаций изменчив.

Клише ситуаций стираются не сразу.

Они вырастают в понимание слов и предложений.

Предложение «Под потолком тускло светится лампочка» наводит испытанных на понимание лампочки как «ввинченной в потолок, свисающий на шнуре с потолка, без абажура, возможно — пыльной».

Мир значений вырастает из мира событий.

Новые события требуют новых слов не часто. Бывают, правда, периоды, когда язык переживает вторжение аббревиатур и заимствований. Но в принципе с помощью конечного числа слов можно описать бесконечное число событий и участвовать в расплывчатом множестве ситуаций.

Дальше мы коснемся проблем существования языка слов.

По причинам конкретно-исторического порядка одни языки стали достоянием гигантских языковых коллективов, другие столь широкого распространения не обрели. Но это не означает, что более распространенные языки в структурно-функциональном отношении принципиально превосходят менее распространенные. Правда, при сопоставлении языков наблюдается поразительный размах колебаний в объеме словаря. Но лексическое богатство языка не может рассматриваться как стабильный показатель его совершенства и жизнеспособности. Немало языков, ныне уже не относимых к категории «живых», располагало богатейшей лексикой. В свою очередь, исторический опыт свидетельствует о том, как резко, скачком, вырастает за считанные годы число лексических единиц в том или ином языке. Причины тому социальные. Они заложены в общении. В информационных потребностях общества.

Стержень общения составляет обмен информацией. Как мы уже условились, под информацией можно понимать все новые сведения, которые снимают неопределенность ситуаций¹. Объем информации не совпадает с ее ценностью, которая измеряется ее субъективной значимостью (субъективное, разумеется, не равнозначно «плохому»; вообще, все значимое для человека — значимо субъективно)².

¹ Языку ситуаций неопределенность свойственна, и тайна усилителя ситуации, вероятно, лежит в избирательном снижении неопределенности.

² Как сказал Эжен Йонеско: «Ружье, которое стреляет в моих друзей и делает осечки, — хорошее ружье. Ружье, которое стреляет в моих врагов и не делает осечки, — тоже хорошее ружье». И верно: на языке ситуаций.

Сообщение, которое передается в процессе речевой деятельности, содержит замкнутую, относительно законченную информацию. (Конечно, «замкнутость» — это понятие нечеткое, размытое. Так, каждое информационное сообщение, например по телевизионным программам «Время» или «Вести», содержит отсылку к предшествовавшим сообщениям и побуждает нас ожидать последующих — к чему, частично, и сводится усиление.)

Высказывание (дискурс) содержит в себе сообщение. Прием речевых сообщений, равно как и их производство, требует их понимания. В принципе, конечно, можно принимать речевое сообщение и без понимания. Скажем (действительный случай), можно записать телеграмму так: «Рожденный ползает летать не может», — хотя исходный текст, как догадывается читатель, был несколько иной.

В этих и подобных случаях все зависит не от памяти принимающего, а от его оператора понимания — важного для речевой деятельности функционального органа. Он образует главный компонент в языковом переводе, который мы можем рассматривать просто как особый случай более общей способности переходить от одного языка к другому¹. Благодаря оператору понимания осуществляются многообразные цели речевого акта, достижению которых, согласно А. Е. Супруну, мешает важнейший недостаток устной формы общения: «скоротечность текста, создаваемого при помощи звуковой речи»². Это был исторически существенный стимул порождения письменной речи, способной существенно влиять на corteж речевого сообщения (*corteж* — это упорядоченное ограниченное множество, в данном случае — множество общающихся).

Речевая деятельность шестичасового речевого дня состоит приблизительно из 50 тысяч слов, что составляет в год 10 или даже 15 миллионов слов, а за 70 лет — миллиард. Эти слова — лишь кирпичики, из которых строятся города текстов — связных, завершенных конструкций, производимых с помощью языка.

При производстве текста главное — замысел. Согласимся с И. А. Мельчуком: «Модель языка — это не генератор фраз, а транслятор смыслов во фразы и обратно»³.

Есть определение языка, основанное на постулате Хомского — Миллера: язык есть множество (конечное или бесконечное) предло-

¹ Рейнман У. Познание и мышление. — М., 1968. — С. 341.

² Супрун А. Е. Лекции по теории речевой деятельности. — Минск, 1996. — С. 37.

³ Мельчук И. А. К построению действующей модели языка // Проблемы языкознания. — М., 1967. — С. 82.

жений, каждое из которых имеет конечную длину и построено с помощью операции соединения из конечного множества элементов.

Понимание языка у А. Е. Супруна и И. А. Мельчука близко к поливановскому, т. е. к пониманию языка как системы связей, существующей в Психике людей (или даже одного человека), — связей между лингвистическими и экстралингвистическими единицами. Зачем же специально подчеркивать, что язык — это «не генератор фраз»? А вот зачем.

У Е. Д. Поливанова язык — по определению — интериоризирован. Он существует «в уме». В своем существовании язык неотделим от носителя языка.

Напротив, у Н. Хомского и Дж. Миллера язык — по определению — экстериоризирован, даже автономен. Как предмет анализа язык отвлечен от тех, кто его использует. Если утверждается, что в некотором естественном языке действует определенное грамматическое правило, то это еще не значит, что люди, которые пользуются этим языком, могут последовательно соблюдать это правило. Упоминание о «грамматическом правиле» весьма показательно: данный подход к языку доказал свою эффективность именно при изучении синтаксиса.

А как быть в сфере семантики, в мире смысла?

Здесь положение дел иное, и тут вступает в свои права определение языка как устройства для понимания и передачи сообщений, предложенное А. Е. Супруном и имеющее особое значение для теории речевой деятельности. А. Е. Супрун совершенно прав, когда утверждает, что «нам так же трудно заглянуть в замысел, как в языковое устройство. Мы судим о замысле по тексту, что не вполне правильно, но неизбежно. Пока не найдены другие пути заглядывания в мыслительный аппарат».

Подразумевается речевой текст — образованный последовательностью слов и предложений.

Как это убедительно показал Вяч. Вс. Иванов, в абсолютном большинстве случаев границы множеств значений слов, семантических множеств или семантических полей оказываются размытыми, хотя носитель языка в состоянии оценить предпочтительность употребления слова в том или ином значении. В поэтическом языке границы расплывчатых множеств размыты еще более, чем в естественном. Поэтому в поэтическом языке религиозных текстов, да и в философском языке может возникнуть возможность глубокого воссоздания впечатлений от творчества, от мира, от восприятия проис-

ходящих событий. Благодаря принципиальной неоднозначности использования слов, переставляющих быть терминами с их жесткими границами, благодаря известной свободе работы с языком можно иногда добиться результатов, в смысловом отношении превосходящих строго научные. Но тут многое зависит не только от языка, не только от автора, но и от тезауруса и свободы мысли того, кто воспринимает свободно написанный текст. Недаром Блез Паскаль говорил, что это в нем содержится то, что он вычитывает у Монтезя.

Разумеется, это потому, что они говорили на одном языке. Пользовались одной системой, способной функционально соединять два плана — выражения и содержания и в силу этого являющейся системой знаковой¹.

Язык — система динамическая.

Если мы будем считать, что закономерное — это просто повторяющаяся часть случайного, то устройству языка предстанет перед нами в виде опрокинутой пирамиды чаще всего повторяются фонемы, и их меньше всего; следующий ряд образуют часто повторяющиеся морфологические единицы; затем — слова (человек со средним образованием понимает около 50 тысяч слов); далее появятся синтаксически организованные последовательности слов и лишь потом — гигантское основание пирамиды — тексты. Не забудем только, что пирамида опрокинута, стоит на вершине и ее основание создано неповторяющимися последовательностями фраз.

Теперь перейдем к речевым текстам, способным усиливать воздействие сообщения, которое в них содержится. Как вы помните, мы условились, что в языке ситуаций срастаются, продолжая друг друга, события и слова.

Жан Даламбер преподавал математику некоему шевалье. Тот добросовестно изучал геометрию, но вдруг посреди урока попросил Даламбера дать ему честное слово, что изучаемая теорема верна.

— Честное слово, — сказал удивленный Даламбер.

— А Вы дворянин?

— Да.

Шевалье протянул ему руку.

¹ Экспонент знака, или его выражающая сторона, подразделяется по различным признакам. Экспоненты делятся на статические и динамические. Так, непрерывный зуммер телефона — вы слыли трубку! — есть статический экспонент, а прерывистый — вы набрали номер, позанято! — динамический экспонент. (См.: *Сурдин А. Е. Лекции по теории речевой деятельности*. — Минск, 1996.)

— Я вам верю. К чему все эти доказательства.

История кажется наивной, но — только кажется. При изучении геометрии, как всем нам памятно со школьных лет, речевые фрагменты текста чередуются с изображениями фигур, образуя совершенно особый мир, особую, геометрическую, действительность. Шевалье это ясно ощутил — потому он и потребовал от Даламбера «честного слова». «Честное слово» — это перформативное предложение, а такие предложения в случаях их коммуникативно целесообразного использования функционируют не только как единицы речи, но и как факты действительности¹.

«Честное слово» — не более чем реплика, дискурс Даламбера. Но, собственно, и все речевые тексты — позднейший продукт первоначального сплетения реплик в диалоге, в дальнейшем замещенном рассказом.

Проблема существования рассказа не аналогична проблеме его строения².

У. М. Кластхофф³, изучив функции рассказа в разговорной речи, точнее — спонтанного рассказа о событиях повседневной жизни, пришел к выводу, что структурировать их можно так:

- 1) функции, ориентированные по преимуществу на самого говорящего (класс самовыражения);
- 2) функции, ориентирующиеся главным образом на слушателя (класс информирования);
- 3) функции, ориентированные на контекст общения (класс обоснования или объяснения).

Они переплетаются, отвечая на главный вопрос: «зачем?». Зачем все это рассказано? В какой ситуации прозвучал «спонтанный рассказ о событиях повседневной жизни»?

Представьте себе такую последовательность событий.

¹ См.: Саленко Н. Языковая фасцинация // Общие теоретические и прагматические проблемы. — М., 1978. — С. 118.

² По исследованию рассказа, story, с этой проблемой связано. См.: McCabe A., Peterson C. What Makes a Good Story? // Journal of Psycholinguistic Research. — 1984. — Vol. 13. — № 6, а также Bischofsbausen S. Developmental Differences in Schema Dependency for Temporally Ordered Story Events // Journal for Psycholinguistics Research. — 1985. — Vol. 14. — № 6.

³ См.: Quasthoff U. M. Erzählen in Gespräch: Linguistische Untersuchungen zu Strukturen und Funktionen am Beispiel einer Kommunikationsform des Alltags. — Tübingen, 1980.

Муж пани Марии С. часто возвращался с работы за полночь, когда она читала в постели, а то и спала. Сон у нее, однако, был чуткий, во всяком случае, ее будил щелкающий замок, и она не спала, когда приоткрывалась дверь и тихо входил муж. Но вот уже два месяца, как она стала замечать, что, проснувшись от щелканья замка входной двери, она вновь засыпает и видит супруга, спящего в соседней кровати, лишь утром, когда их будит и зовет завтракать Зося. Студентка Зося, ее дальняя родственница, жила у супругов С. уже около года, ходила на занятия, убирала, готовила, вечерами зубрила анатомию в комнатухе рядом с кухней. Пани Мария тоже уставала на работе и поначалу приписывала свою сонливость нездоровью, а редкое супружеское общение объясняла вниманием мужа к ее утомлению. Но постепенно у нее сложилось иное убеждение — а именно, что ее муж заходит в спальню отнюдь не сразу по возвращении. Почему? Ответ пани Мария сочла самоочевидным: он заходит к Зосе. Высказать это предположение, в равной мере оскорбительное и для супруга, и для юной студентки, пани Мария не решилась. Но она исполнилась намерения во что бы то ни стало его проверить. Случай вскоре представился. Утром, когда Зося уже ушла на занятия, прислели телеграмму, что ее мать, проживающая в Б., под Варшавой, серьезно заболела. План действий пришел пани Марии в голову, как она утверждает, мгновенно и неожиданно для нее самой. Она купила билет на поезд и, захав на факультет за Зосей, отвезла ее домой. Там та наскоро собралась и побежала на вокзал. Вечер наступил быстро. Пани Мария зашла в комнату Зоси, разделась, в ночной рубашке легла в ее постель и потушила свет. Ждать ей пришлось не так долго, как она предполагала. Она услышала знакомый звук поворачивающегося в замке ключа, в комнату, не зажигая света, кто-то вошел, наклонился к ней, обнял и прошептал: «Прости, дорогая, что я опять так поздно». «Теперь мне все ясно», — хотела сказать пани Мария, но в этот момент вспыхнул свет.

— Теперь мне все ясно! — раздался голос ее мужа. Он стоял в дверях. Пани Мария с ужасом обнаружила, что ее обнимает незнакомый мужчина.

Так рассказывает эту историю пани Мария С., но ее супруг утверждает, что все это выдумки, тогда как факт налицо: он застал жену в объятиях какого-то парня. Она была в ночной сорочке.

Мнения испытуемых о достоверности рассказа пани С. расходятся, и мы их сейчас опустим, ведь вы, читатель, сейчас тоже один из испытуемых, которому предстоит обнаружить точку смыслового

соприкосновения содержания текста с действительностью. Тогда мы поймем и смысл ситуации, частью которой является этот текст.

Обратите внимание на следующее обстоятельство: рассказ пани С. фактически составляет часть ситуации ее объяснения с супругом, и она хочет, чтобы тот принял этот текст так же, как шевалье принял «честное слово» Даламбера. В чем, собственно, разница? В том, что «честное слово» короче? В том, что в дворянской среде были свои нормы общения?

А может быть (и даже наверное), различие заключается в том, что перформативное предложение, которое произнес Даламбер, касалось того, что обладает несомненными признаками действительности, представленной геометрически, *more geometrico*, то есть может быть логически безупречно доказано?

А что обладает доказующей силой в мире, где рассказала свою историю пани С.?

Это тема, которая выходит за рамки проблемы усиления.

Механизм усиления

Усилитель интеллекта обычно изображается в виде компьютера. Более искушенные авторы говорят о программе.

На самом деле усилитель интеллекта — текст.

Система «текст—индивид» есть система управления пониманием.

А управлять пониманием — значит управлять работой интеллекта.

Что и говорить, гипертекст¹ как форма управления интеллектом есть порождение компьютера, а значит — машины.

Равновесное состояние двух начал — рационального и иррационального, состязание, даже борьба между ними дают человеку нечто

¹ Термин «гипертекст» предложен Теодором Нельсоном для описания систем текстов, в которых читатель сам производит выбор. Точнее говоря, здесь имеется в виду пользователь: ряд текстов одновременно выводится на дисплей, а среди них можно ориентироваться, связывать их, выбирать направление и линию движения дальше. Графический интерфейс «Интернета» включает и письменный текст, и картинки, и подобие мультимедиа, и фонограмму тоже. Этот интерфейс называется WWW, и он, мне кажется, послужит началом процесса, способного сильно изменить работу интеллекта и повлиять на процессы понимания.

особо для него свойственное — свободу выбора между вселенными интеллекта и инстинктивно порожденными желаниями.

Машина есть орудие господства интеллекта и одновременно — предвестник и основной рычаг его ликвидации. Машина, с одной стороны, требует максимально тесной связи, координации, унификации элементов человеческого общества, устройства, а с другой — многое осуществляет *вместо* человеческого интеллекта, замсняет его, создавая тем самым предпосылку его будущего ослабления. Не исключено, что сфера активного выбора между разновременными вариантами станет сужаться и, следовательно, станет снижаться значение сознания человека.

Но это в будущем. Сегодня роль сознания велика.

В связи со сказанным надо заметить, что, основываясь на идеях и принципах радикальной психологии, можно прийти к существенным для философии выводам.

Один из принципов радикальной психологии состоит в том, чтобы не отделять человека от ситуации, поступка — от его следствий, людей — от политики и экономики, психологического — от лингвистического, физиологического и проч. Предмет принципиально размыт. Это психология, схваченная в момент перехода ее в другое. В жизнь.

Это психология значения вещей и событий, значения ситуации для индивида.

Отсюда вытекает внимание к интроспекции индивида, внимание к уникальному, трудновоспроизводимому, необычному, креативному как самому важному в жизни.

Это психология конца XX века, времен Делеза, Деррида, Москвитина, Болдрийяра, Зинченко, Мамардашвили (называю тех, чьи труды имели методологическое значение). Это психология как наука об уникальных объектах, синтезированная с психологией как наукой о повторяющихся ситуациях.

«Расщепив атом, ученые нашего века расщепили также семантику и даже этику»¹. Это символ второй половины или даже последней трети XX века, когда к человеку наметился новый подход и начались лихорадочные попытки синтеза. В основу легла идея человеческой свободы.

Разум — это внутренняя свобода, практическая деятельность — высшая. Креативность — это высшая степень свободы, поэтому

¹ Верисимо Э. Господин посол. — М., 1969. — С. 16.

высшее проявление разума — творческое воображение, высшее проявление практической деятельности — созидание.

Все сказанное не исключает влияние мифа.

При этом миф в его растянутом во времени виде может обретать смысловые формы, но в каждом отдельно взятом срезе миф абсурден.

Интеллект не может с ним справиться.

Почему? Возможно, потому, что миф есть мощный усилитель, временно подключаемый к интеллекту.

Вот пример.

В 1910 г. «Мир приключений» опубликовал рассказ Октава Бельяра «Вестник из глубины времен». Рассказ этот слаб, и для истории литературы (как и истории человеческой мысли) имеет значение лишь тот факт, что его прочел и сорок с лишним лет спустя вспомнил Юрий Олеши. Вспомнил и записал — вот его записи суждена долгая литературная жизнь, если, конечно, литература сохранится и продолжит свое существование в традиционных формах. А может быть, и в иных, нетрадиционных формах.

Близнецы, дети некоего гениального инженера, шалят с изобретенной им машиной времени, печально включают ее... и исчезают вместе с ней; исчезают в будущем или в прошлом — неизвестно. Многие годы инженер конструирует «магнит времени», способный «вытянуть» обратно, вернуть невольных путешественников. Ему наконец удается это. Инженер поворачивает рычаги и в страхе видит, как рунится перед ним наземь римлянин в бороде, в латах... Молчание. Оба вглядываются друг в друга.

— Отец, — шепчет римлянин.

— А где же брат?

Молчание.

— Отец, я был Ромулом.

Это легенда об основателях города Рима. Ромул убивает своего брата-близнеца Рема, становится царем — и внезапно исчезает во время смотра войск с громом и грохотом его уносит вихрь...

В пересказе Олеши эта оборванная самой историей ситуация приобретает смысловую законченность, которой ей так не доставало¹.

¹ Исторические попытки ее досказать, достроить (Ромул унесен на небо и приписан к сонму богов) были так неумелы, что еще Тит Ливий дивился: «Удивительно, с каким доверием выслушали вестника, принесшего с подобным рассказом...» (*Тит Ливий. История Рима от основания города*. — Т. I — М., 1989. — С. 25)

Сцепление древней легенды с современной мифологией (машина времени) производит неизгладимое впечатление. Думается, в этом (как и в других) случае скрипт выступает как развертывание исходной метафоры («связь времен»).

Метафора играет смысловую роль, будучи своего рода ответом на вопрос, который развертывается в ситуации.

У Фредерика Поля, яркого, но исписавшегося, в какой-то новелле мистер Б. обольщен юной красавицей, которую зовут Апрель. Не помню уж, что там происходит — вполне американское — взрыв, стрельба, девица бьется в предсмертных конвульсиях, мистер Б. склоняется над ней и видит в рваной ране проволоочки, проскакивающие искорки.

— Вы робот! (Б. поражен).

— Да. И вы тоже, — шепчет, умирая, Апрель Горн.

Вот она — пограничная ситуация, остранинная, а потому особенно ясная: в момент смерти проявляется, кто есть кто. обнаруживается истинное отсутствие свободы воли.

Вот почему церковь придает предсмертному причащению такое огромное значение: это последняя иллюзия свободы воли. Интеллект эту иллюзию всемерно поддерживает.

А, может быть, это и не иллюзия.

Может быть, интеллект — одно из средств высвобождения человека из-под власти непонимания реальности.

Согласно Б. М. Теплову, интеллект составляет одно из свойств личности. А зачем человеку это свойство?

Интеллект необходим человеку как субъекту процесса труда. Заметим, что об «искусственном интеллекте» заговорили именно в связи с участием особого рода машин (роботов) в процессе производства. Но главное все-таки продукты производства, цели этого процесса, а значит — его результат.

Интеллект социально необходим человеку для того, чтобы он мог исполнять обязанности и осуществлять права члена общества. Но если интеллект и создан потребностями общества, то нужен не только ему. Он нужен человеку. Лично. Чтобы вступать в общение с себе подобными. Интеллект является средством сближения (и даже, в определенных социальных условиях взаимоуподобления) индивидов, обладающих общностью или оппозицией интересов.

Иначе говоря, интеллект — это свойство человека как сознательного существа. Благодаря интеллекту человек способен: 1) осознавать намерения и планировать свои действия; 2) предвидеть послед-

ствия своих поступков; 3) знать свои цели и уметь строить предположения относительно целей других людей; 4) контролировать свои потребности, умея отсрочить время их удовлетворения.

Интеллект позволяет мысленно перемещаться в пространстве возможностей, отвлекаясь от фрагментов непосредственно данной реальности и обращаясь к прошлому и будущему.

Интеллект рассматривает действительность под таким углом зрения, который помогает ее изменять.

Главное же заключается в том, что в интеллекте выражает себя направление движения мысли. Оно может быть временно отвлечено от исполнения конкретного «социального заказа», и, быть может, поэтому К. Чапек писал, что традиционный Уленшпигель — это лишенный каких-либо уз самоцельный интеллект. Иначе говоря, в интеллекте могут найти выражение игра воображения, юмор, транспозиционный анализ действительности.

Интеллект (особенно остро это ощутимо в традиционных социальных структурах Дальнего Востока) есть то, что дает возможность высвободиться из-под давления обычая, неосознанно принятого порядка действия, традиционной оценки взглядов и поступков. Соответственно в интеллекте скрыта возможность социального риска (связанного с инновациями, например).

По пути из пещер доисторического прошлого к гигантским городам современности человек многое приобрел, но и многое утерял. Возможности, раскрывающиеся перед ним ныне, велики и опасны. Опираясь на использование письменного текста — наиболее простого и надежного из запоминающих устройств, изобретенных человеком, можно попытаться ответить на вопрос о том, какое будущее ждет человеческую мысль. Захлебнется ли она в потоке информации или будет властвовать над чувствами и желаниями человека? Что такое система возможных открытий?

Эти и другие, еще более странные, вопросы репаются философами, которые не могут решать свои проблемы вне взаимодействия с психологией, занятой главным вопросом современности: как должен измениться человек для того, чтобы выжить и жить в новом мире?

Интеллект действует, освещая реальный мир.

Как сказано в скучной пабоковской «Защите Лужина», «лучи его сознания, которые, бывало, рассеивались, ощущывая окружающий его не совсем понятный мир, и потому теряли половину своей силы, теперь окрестили, сосредоточились, когда этот мир расплылся в мираж, и уже не было надобности о нем беспокоиться».

«Лучи сознания» — это, конечно же, метафора, сравнение. Но суть дела здесь передана удивительно верно: дивергентное мышление действительно ощущает «не совсем понятный мир», сменяется мышлением конвергентным, сосредоточенным на конкретном предмете размышлений, предмете, избранном из бесгу освещенного лучами сознания мира. «Удача лежит в расширенном сознании», — говаривал Николай Рерих. Тот, главный, предмет размышлений, предмет понимания должен попасть в широкое поле других предметов и обнаружить (обычно это бывает «вдруг») свое сходство или яркий контраст с одним из этих других.

Разобщать Владимира Набокова и Виктора Кина, Георгия Иванова и Леонида Мартынова так же нелепо, как А. Брудного и Л. Шестова и т. д. Расслоение гипертекста эпохи ни к чему кроме разрушения воспоминаний не приведет.

Многое рождалось в эпоху, ныне вытесняемую из социальной памяти. Вот пример. «Один из стахановцев говорил, что для того, чтобы понять, как нужно рубить уголь, нужно раскладывать слой так, как будто ты сам его складывал»¹. Когда не хочешь, чтобы тебя укачивало, качай корабль ногами. И ощущение качки проходит. Это понимание. Укачивает от непонимания. Это и есть непонимание — когда просто мутит от того, что что-то делается — *но не ты* делаешь, а с тобой делают. Недаром у Ивлиева Во² качка кончается, когда Райдер полюбил Джулию, а начинается шторм на вершине непонимания Райдером того, что с ним происходит.

Дело, видимо, в том, что интеллект рвется из поля 2. он в нем не помещается. он хочет вернуться к корням, к детству, к прошлому — в поле 3.

Встретим поле? транспозиция происходит, когда текст создается. Создается автором или в сознании читателя. Как писал Пастернак (об исследователях искусства), «они сочли, что оно может быть разложено, тогда как оно складывается». То, что оно разложено, делимо, — свойство материала, условие постановки опыта. То, что оно *складывается*, — сам опыт, сама деятельность, словом, то, что адекватно.

Разве игра в шахматы (ход и ответный ход) — не модель сцепления реплик? Разве это не вопрос и ответ? Разве игра в ее записи — не текст?

¹ Шкловский В. 40 лет. — М., 1965. — С. 143.

² В «Возвращении в Брайдсхед».

Разумеется, здесь повествование сведено к синтаксису (а оно к нему не сводится). И недаром Эдгар По шахматам предпочитал шашки.

В этой связи вспоминается история об учителе и чудотворце, который, застав своих учеников за игрой, сказал, что не знает ее правил, и они хором предложили научить его играть.

— Погодите, я попытаюсь догадаться... Шаг за шагом, только вперед. Встретил врага — перешагни его. Не заходи в тупик. Дойди до последней черты и станешь свободен, будешь летать из края в край.

— Так это же шашки!

— Это жизнь...

Вопрос об игре имплицитно содержит в себе иной: о последовательности ситуаций жизни.

Ведь если существует язык ситуаций, должны существовать и тексты ситуаций, скрипты со своими механизмами усиления.

Среди них уникально важное место занимают ситуации попарного выбора без объявленных причин.

При попарном выборе могут возникать нетранзитивные отношения.

Транзитивны отношения «выше, чем»: «больше, чем» (или «меньше, чем»); «раньше, чем»; «тяжелее, чем». Вообще, если xRy и yRz истинны, то истинно и xRz .

Но действующее в поле 3 отношение «быть лучше (предпочтительнее), чем» нетранзитивно или, строго говоря, не всегда транзитивно.

Заметим в этой связи, какое большое значение в скриптах имеют именно эти отношения.

Они воспроизводятся и в игровой культуре.

У Эдогавы Рампо упоминается игра в дзянкэмпон¹, сущность которой, если я правильно понял, заключается в следующем. Играющие одновременно выбрасывают (на пальцах) комбинации; тот, кто выбросил «старшую» (или «удачную»), выигрывает. Комбинации эти называются так «бумага», «ножницы» и «камень». При этом возникает типичный для нетранзитивных отношений круг: «ножницы» старше «бумаги» (1), «бумага» старше «камня» (2), «камень» старше «ножниц» (3). Как вы уже обратили внимание, в третьей паре элемент «к» старше элемента «н»; между тем в первой паре элемент «н» старше

¹ Рампо Эдогава. Психологический тест. — М., 1989.

элемента «б», который во второй паре старше «к». Эксперимент показывает, что описание нетранзитивных отношений дается испытуемым с известными затруднениями; напротив, они относительно легко описывают иерархические системы и (весьма любопытный момент!) способны с высокой степенью точности дифференцировать элементы по признаку «выше — ниже» даже в тех случаях, когда подробное описание всей системы им не под силу. Иначе говоря, иерархию элементов им последовательно перечислить трудно (особенно, если элементов больше 9), но когда экспериментатор называет отдельные элементы попарно и просит назвать, какой выше, а какой — ниже, это испытуемым удается хорошо. Эти опыты мы надеемся описать особо. Специального внимания заслуживает характер затруднений, возникающих у испытуемых при описании и анализе отношений, характерных для действующих лиц (актантов) повествовательных текстов.

Большое место в скриптах поля 3 занимают отношения родства. Исторически существенны и специфические типы сходства «если А и Б похожи (носят один и тот же символ и пр.), то они принадлежат к одному роду». Не с этим ли связаны имитации родства в сообществах людей с характерными обращениями «брат», «сестра», «отец»?

Система предпочтений нетранзитивна, а ведь она лежит в основе человеческих отношений, этики, индивидуального сознания.

Между тем нарративность, казалось бы, строится на отношениях типа «раньше — позже». Но это только кажется. Она вся пронизана памятью, полной свободных перестановок.

Конечно, когда начинается повествование, повествователю (он предполагается¹) альтернативы уже известны и параллельно ходу повествования возникает и укрепляется иллюзия, что они известны и читателю.

В жизни же — исторически — чаще всего происходит выбор между прямым продолжением уже известного и предполагаемым, но точно не известным. В сущности, выбор тут иллюзорен, все — шаг в неизвестное, но если имеется правильно выбранное направление, то такие шаги имеют смысл.

Если же отвлечься от деталей, то источник предпочтений (применительно к повествованию или реальному течению событий) объективируется. «Судьба распорядилась», «бросают жребий», «такова уж, видимо, воля божия».

¹ Он даже регулярно появляется в классических рассказах.

Понимание течения событий специфически связано с нетранзитивностью¹.

Если обратиться к сути дела, то перебор возможностей есть часть замысла.

Среди замыслов, реализуемых в текстах художественной литературы, особо видное место занимают ситуации любви.

Причинность царствует во втором поле понимания, где все последовательно и логично.

Любовь потому и «беспричинна», что половой отбор (и это явно) не подчиняется строго доказательной логике поля 2 и (это очень возможно) подчиняется повествовательной логике поля 3. Не потому ли «sex appeal» занимает столь много места в художественной литературе².

Почти такой же динамической силой обладает и тайна, но я еще не могу объяснить — почему. Не исключено, что важнейшая особенность третьего поля состоит в том, что в нем действуют предметы (актанты) с памятью (существо и вещество еще не полностью разделены в подсознании). Нас возмущают измены: это предмет преследует свойство помнить, это самое страшное в поле 3 (манкурты Айматова). И напротив, люди прячутся в воронки (нам кажется, что снаряд обладает памятью), не ставят дважды (подряд) на один номер рулетки, если уже один раз он выиграл, людям кажется, что шарик, запущенный дугообразным движением руки, должен катиться дальше по кругу, — все это ингрессия поля 3 в поле 1. Вмешательство законов повествования в логику жизни, в гипертекст жизни, излагаемый нам на языке событий.

Наша жизнь базируется на удовлетворении потребностей³, а этот процесс строится на предпочтениях. Почти всегда это попарный выбор. Система предпочтений нетранзитивна, а ведь она лежит в основе человеческих отношений, этики, индивидуального сознания.

Итак, перебор возможностей — предпосылка и компонент построения замысла. Л. Толстой писал А. Фету во время работы над

¹ Любопытно, как легко для одной и той же последовательности событий находят повествователи разные причины.

² Понимание повествовательной силы «sex appeal» — это тема специального исследования. В преклонном возрасте Букин переступил некий порог и создал лучшее из всего, что им было когда-либо написано.

³ Но не сводится к этому. Только основывается. Велика разница между основным и главным! Главное — это желания и следование социальной норме.

«Войной и миром»: «Обдумать и передумать все, что может случиться...»

Уму всегда свойственна возможность забегать вперед относительно реальных условий существования. И не только «вперед» в масштабах существования особи, но и «вперед» (т. е. глубже) в масштабе существования вида. Но и в процессе индивидуального существования.

Вот одна из стратегий древнего Китая.

Китай. Средние века. Крестьянская семья.

Пропала кобыла. Сыновья огорчены, а отец: «Может это и к лучшему». Кобыла вернулась с жеребенком! Сыновья в восторге. Отец охлаждает: «А вдруг это к худшему». Жеребенок подрос, сын стал его объезжать и сломал ногу. Да, действительно... Старый китаец поднимает палец: «Не огорчайтесь прежде времени». И точно: началась война, сыновей забрали в армию, но тот, с переломом ноги, остался дома. Женился, внуки пошли...

Будущее есть единственная действительная основа оценки настоящего.

Основа усиления.

Думается, усиление лежит в основе устройства текстов.

Вообще, текст — великий усилитель.

Что на самом деле усиливается?

Ответ, казалось бы, прост: воздействие. Воздействие текста на субъект его понимания.

Но это ответ не простой, а упрощенный.

Текст — это система с конечным числом состояний. Ограничения, налагаемые на это число, носят двоякий характер. Ограничения первого уровня связаны со смыслом, второго уровня — с числом элементов. Дело в том, что текст можно охарактеризовать и как стохастический ряд — ряд, где в качестве любого члена, следующего за данным¹, может с той или иной вероятностью появиться любой из некоторого конечного числа членов, образующих ряд. При этом энтропия текста как системы достигает максимума, когда вероятность появления любого члена после данного одинакова для всех членов ряда.

Чем крепче структура текста, тем меньше его энтропия.

Чем больше смысл текста, тем больше он выходит за пределы содержания.

¹ «Данным» — значит, и нулевым: иначе говоря, любой член ряда может быть и первым, и последним.

Чем лучше человек понимает текст, тем больше ему кажется, что для него этот текст написан.

Всущности, А. К. Буров рассматривал архитектурное сооружение как текст, когда писал, что в нем как бы содержатся три масштаба. Первый — это амплитуда сооружения, она больше самого сооружения: колонны ордера, уходящие (в нашем мысленном восприятии) в землю, прорывающие своей опорной реакцией архитрав и уходящие вверх. Второй масштаб равен самому объему сооружения, и к нему приведен главный масштаб моделировки тектонических деталей (капители и проч.) Третий масштаб соразмерен человеку (25 см — ступени Парфенона, 10–11 см — ступени храмов Рима и т. п.)¹.

Первый масштаб принадлежит смыслу текста, выходящему за пределы его содержания. Второй масштаб характеризует структуру текста, изоморфизм элементов, расположенных на различных ее ярусах. Третий масштаб порожден *обращенностью* феноменов культуры к человеку. И вот этого — третьего — масштаба у текста Вселенной нет.

Но человеку хочется, чтобы он был.

Отсюда антропный принцип.

Никакого строгого обоснования у него нет.

Но собственно человеческое, если хотите читательское, — есть.

Когда человек читает книгу или смотрит видеоленту, он испытывает ощущение, что это было написано (или показано) для него. Раз он это в состоянии понять — значит, и для него.

Антропный принцип продиктован именно этим чувством, корни которого погружены в бессознательное.

Бессознательное отделено от сознательного барьером, и архетипическое, встретив на пути вверх, в сознание, эту преграду, включает механизм проекции. Благодаря проекции то, что содержится в бессознательном, воспринимается сознанием как нечто, существующее во вне, иными словами — как нечто объективное. И вот таким путем бессознательное приходит в сознание, не пробивая барьер, а минув его.

Это относится не только к художественному творчеству (что общезвестно), но и к творчеству научному, вообще к любому творчеству. Креативное начало личности на ранних стадиях своего становления сливается с проективным.

¹ См.: Буров А. К. Об архитектуре. — М., 1960.

Но ведь и понимание креативно. Это другой уровень креативности, но он существует.

Креативность присуща человеческой природе.

Усиление присуще тексту как реальности.

Усиление выражается в возможном переходе от одного компонента конструкции текста к другому.

Что же при этом происходит?

Происходит концентрация ожидания.

Усиление неожиданно. А. К. Жолковский даже утверждает, что оно «производит магическое впечатление».

Но по существу все неожиданное ново, а значит, информационно.

Усиливается движение. Направленное движение. А что такое направление? Интерпретационно оно равняется смыслу.

Усиливается смысл.

Разумеется, отношение к субъекту, воздействие на него — все это есть. Имеет место.

Но где это место?

Над этим стоит задуматься.

Классический пример усиления в шахматной игре — вилка. Более сложный — комбинация.

Но ведь все, что происходит на доске, имеет отношение к королю.

Сущность игры непосредственно связана с его существованием.

Можно видеть в нем бессильную фигуру.

А можно — генеральный штаб.

Командующего.

Себя.

Ведь если снимут короля — игра проиграна.

Здесь — высшее игровое воплощение единства категорий «я» и «значение».

В отношении к этому единству и существует усиление. Ведь и шахматная вилка существует в отношении к ходу игры.

К этой концентрации ожидания.

К числу основных модификаций Большого ожидания принадлежит и жизнь.

В игре она моделируется. Она сжата в пространстве и во времени.

Усиление можно ощутить, мысленно перемещаясь в пространстве возможностей.

Это игра, это понимание текста.

И жизнь.

Но реальное перемещение в пространстве возможностей — иное.

Минуты усиления в жизни — считанные. За всю жизнь Рихард Вагнер написал 60 часов музыки.

Но *все* минуты, часы, годы жизни существуют в отношении к живущему.

Это он делает первые шаги, идет, проходит.

Решающих шагов немного.

Но они невозможны без предшествующих и последующих.

И мысленных — совершенных в уме.

Прежде чем двинуться дальше

Б. Прежде чем двинуться дальше, уточним сказанное ранее, если вы не против. У меня к вам есть вопросы.

А. Я не против. И догадываюсь, о чем вы хотите меня спросить.

Б. Великий усилитель в вашем понимании — текст. По исходной метафоре *textus* — сплетение, ткань. Вы утверждаете, что сплетение слов, событий, ситуаций может порождать усиление?

А. Утверждаю. А что тут нового?

Б. Я не об этом спрашиваю. Я знаю, что тут вы не одиноки — Илья Пригожин, в сущности, говорит то же самое. Меня другое занимает. Не чувствуете ли вы, что стоите на топкой, затягивающей в прошлое почве?

А. Не чувствую. При чем тут прошлое?

Б. При том, что вы целиком принадлежите письменной культуре. А, как говорил Лотман, «письменная культура тяготеет к тому, чтобы рассматривать созданный Богом или Природой мир как Текст и стремиться прочесть сообщение, в нем заключенное. Поэтому главный смысл ищется в письменном Тексте — сакральном или научном — и экстраполируется затем на ландшафт. С этой точки зрения смысл Природы раскрывается лишь «письменному человеку». Человек этот ищет в Природе законов, а не примет. Интерес к приметам расценивается как предрассудок, будущее стремятся определить из прошлого, а не на основании гаданий и предвещаний»¹. Вы согласны?

¹ Лотман Ю. М. Несколько мыслей о типологии культур // Языки культуры и проблемы периодичности. — М., 1987. — С. 10.

А. Не целиком. Тенденция искать нечто в гаданиях, предвещаниях, снах неистребима. Она в глубине психики человека, она глубже позднейшего «культурного слоя». Если вам известен закон природы, вы к проявлениям того, как он действует, относитесь как к предвещаниям того, что будет дальше.

Б. Позвольте, вы преувеличиваете.

А. Ничуть. Законы природы нам затем и нужны, чтобы предвидеть будущее.

Б. Не только затем.

А. Но главным образом. Если же вдуматься в сказанное Юрием Михайловичем Лотманом, то я соглашусь только с тем, что аналогия «мир» — «текст» продуктивна.

Но текст есть форма *существования* мира. У мира есть, и это естественно, *сущность*. Здесь возможны аналогии с языком.

Б. Объяснитесь.

А. Охотно. Само течение событий подобно тексту. Под событиями мы будем понимать факты, имеющие значение. Когда мы участвуем в течении событий (на самом деле или мысленно), они обращаются в ситуации. Когда человек говорит или думает о мире, он обращается к языку слов. Таким образом, язык есть как бы сущность, а не фундация бытия.

Б. А существование — просто реализация возможностей языка? И чем больше мы узнаем о мире, тем больше фактов приобретает для нас значение и мы можем прочесть все больше и больше?

А. Я бы возразил против «прочесть».

Как раз в отличие от того, что мне приписывали (неоднократно уже приписывали), я *вижу* реальный мир как текст, а не текст — как мир. Не только прочесть — услышать, увидеть, понять...

Б. Хорошо. Я пока не спорю. Но в чем тогда функции текста? Обычного, речевого, знакового, составляющего часть культуры?

А. Сжато об этом можно сказать так.

Исследуя культуру, мы исследуем значение знаков, вещей и поступков: в культуре мир не только то, что он *есть*, но и то, что он *значит*. Высший уровень значения — ценность.

Текст способен транслировать ценности культуры от человека к человеку и от поколения к поколению.

Смысл текста может быть назван на архетипический каркас.

Культура включает бесконечное множество текстов; но природа текстов такова, что число составляющих их семиотических элементов ограничено. Объясняется это тем, что текст — продукт существ-

ования общения и его компонент, а общению свойственна самовоспроизводимость. Общение строится на повторении отдельных его звеньев, способных нести неповторяющийся смысл.

Культура опосредует отношения людей друг к другу, обществу и природе; мир культуры имеет своей инфраструктурой язык; пространство и закрепление норм и отношений, представленных в культуре, происходит через текст.

Тексты — это способ существования языка. Способ освещения реальности человеческим сознанием. Способ выражения мысли.

Б. Но это относится только к текстам культуры.

А. Да, только к ним. Реальность бесконечно шире культуры.

Б. Но вы уподобляете ее тексту.

А. Да не «уподобляю», она и правда — текст.

Б. И вы видите в ней языки — язык событий, язык ситуаций... Если вас послушать — получается, мы внутри парадокса находимся.

А. Я не понял — о каком парадоксе говорите?

Б. О «Покрытом».

А. Не знаю.

Б. Или об «Электре». Это все равно.

А. Расскажите.

Б. Я отниму у вас время. Но — извольте.

Среди парадоксов, которые традиция приписывает Эвбулиду, заслуженно знаменит «Критянин» и незаслуженно забыт «Покрытый».

Формулировка его приблизительно такова.

Я знаю человека А, но не знаю, что рядом со мной, скрыв лицо покрывалом, стоит именно он. Меня спрашивают: «Знаешь ли ты А?» Мой утвердительный ответ является истинным и одновременно ложным, ибо *я не знаю*, что за человек стоит рядом. Если бы он сбросил покрывало, я мог бы сказать, что всего лишь *не узнаю* его.

В несколько ином варианте эта же ситуация отражена в парадоксе «Электра». На вопрос, знает ли она Ореста, Электра может ответить утвердительно или отрицательно, что в обоих случаях оспоримо. Она знает, что Орест ее брат. Она не знает, что вошедший к ней человек — Орест.

Ситуация фиксирует противоречие между существованием истинного знания о предмете и опознанием истинного существования предмета. Иначе говоря, могут ли почитаться истинными знания о предмете, если их нельзя привести в соответствие с данным предметом?

Отождествляя наши знания о некотором предмете с данным конкретным предметом, мы тем самым уже изменяем, углубляем их. Вполне очевидно, что конкретное применение знаний о предмете требует узнавания предмета, и не удивительно, что с эвристической точки зрения узнавание является важным компонентом индивидуальной реализации возможностей личности.

С этой точки зрения представляет интерес и парадокс «Покрытый». Эвристическая роль этого парадокса заключается в том, что он ставит перед исследователем вопрос: «Достаточно ли наши знания о сущности явления для того, чтобы узнать о его существовании, то есть опознать данное явление среди иных?»

Зачастую постановка этого вопроса психологически оправдана. Именно в эвристическом аспекте конкретизирует парадокс «Покрытый» одна из новелл Честертона, сюжет которой развивается так. Всех поражает поведение некоего почтенного профессора: уже несколько дней он молчит, а на попытки вступить с ним в контакт отвечает странными телодвижениями. Складывается впечатление, что он психически болен. Но один из окружающих догадывается, что странные телодвижения профессора — это изобретенный им самим язык — «язык танца». Заметив, что его сумели понять, профессор торжествует: он вполне здоров, он хотел экспериментально проверить, способны ли его понять, если язык, которым он пользуется, предстает перед людьми как нечто новое и чуждое? Иными словами, профессор ставил эксперимент, и окружающие участвовали в нем в качестве испытуемых.

Отвлекаясь от сюжетных деталей, продиктованных спецификой литературной формы, отметим, что изображаемая Честертоном ситуация имеет основой легко воспроизводимый опыт с использованием искусственного — «лабораторного» — языка (существуют и применяются несколько подобных методик). И вопрос «как опознать язык?» звучит не столь парадоксально в XX в., когда изучаются перспективы контакта, существуют проекты поиска инопланетных цивилизаций, конструируются языки для общения с ними («линкос» Ганса Фрейденшталя). Анализ проблемы опознавательных признаков языка затрагивает, в частности, семантическую сторону коммуникативного процесса. Так, для того, чтобы опознать язык профессора, достаточно убедиться, что последовательность определенных компонентов его поведения имеет значение, то есть служит для передачи информации окружающим. При таком чисто операциональном определении *значение*, по существу, отождеств-

вляется с коммуникативным назначением данной последовательности компонентов поведения.

А. И вы хотите сказать, что я предлагаю опознавательный что ли подход к языку событий и языку ситуаций. Нет. "Die Bedeutung ist der Gebrauch" («Значение есть употребление») — это правило применимо только к речевым текстам, мне кажется. Понятие «языка событий», понятие «языка ситуаций» не предполагает прямо, что кто-то с нами разговаривает посредством событий, хотя и не исключает такую возможность. Не знаю.

Б. Это смело сказано: «не знаю». Не каждый в этом признается. Но я хочу поставить перед вами иную задачу.

Представим обратную ситуацию. Дана последовательность материальных объектов, относительно которых достоверно известно, что они принадлежат определенному (естественному) языку. Как опознать, значима ли данная последовательность? Опознаваемо ли значение? Иначе говоря, как ответить на вопрос: «Способна ли данная последовательность элементов языка служить для передачи информации?»

Значения знаков должны сохраняться в памяти коммуниканта, для которого значение есть свойство знака передавать информацию; при этом значение само по себе избыточно, поскольку коммуниканту оно известно. Так как объем памяти коммуникантов так или иначе ограничен, в коммуникативном процессе повторно воспроизводятся тождественные семиотические элементы и тождественные отношения между ними. Их можно описать как семиотическую систему, реализуемую в целях передачи информации, то есть язык.

Как семиотические системы, так и коммуниканты могут быть различны. Вообще говоря, в роли коммуниканта можно представить и компьютер, с соответствующей программой, и некоторое гипотетическое «существо», подобное Океану, описанному в «Солярисе» Станислава Лема. Последний случай любопытен в том отношении, что позволяет обсуждать абстрактно возможную модель коммуниканта, для которого ограничения памяти существенны в меньшей степени, чем для человека, или даже несущественны — если принять гипотезу Лефевра, например. Ограничения памяти коммуникантов из животного мира довольно резко сказываются на этих «языках» (у пчел, муравьев, обезьян), где знаки строго однозначно соответствуют объектам (ситуациям) и число этих объектов (ситуаций) невелико. Напротив, в естественных языках человеческого общества слова многозначны; с помощью конечного числа слов естественный язык способен описывать бесконечно большое количество событий и

ситуаций. Заслуживает внимания предположение, согласно которому в памяти индивида фиксируется не дискретное множество значений отдельных слов, а семантическая система данного языка, которая как бы очерчивает границы возможного употребления каждого слова. Семантическая система является интерсубъективной, общей для всех или для части носителей данного языка и позволяет им оперировать словами со смысловой точностью, достаточной для взаимного понимания.

А. Минуту. Так об этом Косериу говорил?

Б. Когда упоминал о системе турецкого языка? Да, об этом.

Но я хочу предложить вашему вниманию следующую гипотезу.

Можно допустить, что конкретное значение, в котором употребляется слово, есть функция интерсубъективной семантической системы естественного языка. Потенциальные возможности семантических систем исключительно велики. Хотя и очевидно, что не все грамматически правильные выражения осмыслены, нет таких грамматически правильных выражений, которые не будут осмыслены никогда. Напротив, только коммуникативная практика носителей языка способна дать ответ на вопрос, значимо ли некоторое конкретное высказывание, имеет ли оно смысл. Растущую роль в коммуникативной практике играет терминологическая лексика. Ее сфера стремительно расширяется, семантизируя обороты типа «слепое пятно», «тупым путем» и десятки тысяч им подобных.

А. К этому и сводится ваша гипотеза?

Б. Нет. Она может быть сформулирована более строго.

Допустимо, что все языковые выражения и синтагматически выделяемые элементы выражений можно описать как комплексы «минимальных знаков» (модем, в терминологии Мартине¹). Подразделим эти комплексы на: 1) грамматически возможные, 2) семантически возможные² и 3) совмещенные, то есть и грамматически, и семантически возможные. Такие совмещенные грамматически правильные и осмысленные комплексы знаков представляют собой традиционный объект лингвистического анализа. Семантически возможны, то есть могут быть осмыслены, комплексы знаков, кото-

¹ См.: Мартине А. Основы общей лингвистики // Новое в лингвистике. — Вып. 3. — М., 1963. — С. 378 — 379.

² Думается, Н. Хомский был прав, утверждая, что понятие «грамматически правильный» не имеет ничего общего с понятием «осмысленный» (См.: Хомский Н. Синтаксические структуры // Новое в лингвистике. — Вып. 2. — М., 1962. — С. 419.)

рые не отклоняются от грамматической нормы. Нет такого выражения, которое было бы понято только потому, что оно грамматически неверно построено.

А. Не совсем вас понял.

Б. Вы потому меня и не поняли, что невозможно представить себе дискурс, осмысленный только потому, что он грамматически неверно построен.

А. (призадумавшись). Да, пожалуй...

Б. Есть, конечно, осмысленные высказывания, деформированные вследствие плохого знания языка. Но это именно деформации. Напротив, грамматически правильные, но не осмысленные комплексы знаков испытуемый образует без особых затруднений. Ничего удивительного в этом нет, число грамматически возможных комплексов неопределенно велико, к тому же список минимальных знаков каждого данного естественного языка является открытым. Есть, следовательно, основания считать, что:

1) естественным языкам имманентна способность образовывать комплексы минимальных знаков;

2) для каждого данного языка возможны грамматические комплексы, не совмещенные с семантическими.

Обобщая сказанное, можно прийти к выводу, что в процессе коммуникативной реализации функции языка семантические комплексы налагают вероятностные ограничения на грамматические, совмещаясь с ними. Статистическая природа этой закономерности отражает взаимозависимость, существующую между коммуникацией и семантикой.

А. Если я правильно вас понял, в языке постоянно появляются вновь осмысленные комплексы минимальных знаков. Скажем, слово «сеголетка» раньше не имело значения, а теперь имеет.

Б. Я бы даже сказал, что язык именно так и осваивается детьми, именно так зарождается его коммуникативное употребление. Корней Чуковский обращал внимание на неологизмы детей (скажем, на вопрос «всколькиром?») и приводил их в качестве примеров детского творчества. Да, детское мышление обладает неизмеримо большей творческой силой, чем вы в состоянии это представить! Дети изобретают неологизмы — это верно. Но они изобретают и многие вполне обычные слова естественного языка, они семантизируют грамматически возможные комплексы монем!

А. Вы думаете, что дети часть «правильных» слов, которыми они начинают пользоваться, не услышали от взрослых, а придумали сами?

Б. Да. Из наблюдений над детьми я могу с известной степенью уверенности утверждать, что дети создают не только неологизмы, но и отдельные слова родного языка, которые вряд ли слышали от взрослых. Надо оговорить, что это утверждение требует подтверждения в дальнейших наблюдениях.

А. Весьма заинтересованный тем, что вы рассказали, хочу немедленно отметить, что язык в наиболее общем смысле, язык событий и язык ситуаций, отличается от естественных языков человеческого общества тем, что смысл имеет место на самом деле, а не произвольно приносится в мир людьми.

Б. Это ваша точка зрения. Как вам известно, многие мыслители полагают, что человек вносит в мир смысл.

А. Да, мне это известно. Знаю, известно и то, что спор о смысле не будет решен на страницах книг. Но я убежден, что жить надо так, как если бы (als ob) мир обладал смыслом своего существования.

Б. Философия — и это все читатели знают — всегда распадается на две генеральные части: в первой говорится о мире и человеке, а вот вторая содержит советы — как человеку жить в этом мире.

А. Предположим. Ну и что?

Б. Ваше мнение о смысле относится к первой части или ко второй?

А. Ко второй.

Б. То есть, попросту говоря, вы считаете, что идея о существовании смысла мира, Большого смысла, помогает жить?

А. Я несколько в этом не сомневаюсь.

Б. И это единственный довод в пользу существования большого смысла?

А. Нет, не единственный. Смысл, словно бы спонтанно возникающий в человеческой голове, в сознании, есть равноправная часть смысла, существующего реально, существующего в иных, гораздо больших, вселенских, масштабах.

Значение метафоры

Познавательное значение метафоры связано с тем, что она включает в себе «шаг в процессе *понимания*»¹.

Это едва ли не решающий шаг.

¹ Сери Дж. Р. Метафора // Теория метафоры. — М., 1990. — С. 315.

В завершение «Фауста» звучат таинственные слова:

Alles Vergängliche
Ist nur ein Gleichnis.

(«Фауст», строки 12104–12105)

Их переводят по-разному. Например:

Все мимолетное —
только подобье.

Ближе всех к Гете Б. Пастернак, переводивший так:

Все быстротечное —
Символ, сравненье.

Дословный перевод, по-видимому, таков:

Все преходящее —
только метафора.

Быть может, все, что существует, — поток метафор сущности.

И текст — форма упорядочения метафор.

Метафора — исходная точка текста.

Потому что с метафоры начинается усиление.

Но почему именно с нее, с метафоры?

Ортега-и-Гассет объясняет это так. «Универсальное отношение между субъектом и объектом — отношение осознания — можно постигнуть, только уподобив его какому-нибудь другому отношению между объектами. В результате такого уподобления мы получим метафору»¹. А раз текст есть продукт (и средство) осознания, то с метафорой он неразъединим.

Это убедительно.

И все же идея Гете, как мне представляется, глубже: реальность метафорична в силу самого своего существования.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Две великие метафоры // Теория метафоры. — М., 1990. — С. 77. Не могу умолчать о том, что не все мне ясно в этой замечательной работе. В ней сознание характеризуется как объект, присутствующий во всех других объектах, «нечто вроде красной нити, которой отсечены все телеграммы английского королевского флота». (Там же. С. 76.) Я знаю, что красная нить вплетена во все канаты такелажу на королевском военно-морском флоте, но при чем тут телеграммы, повить не могу. Клясь.

Разумеется, это не более, чем мое понимание «Фауста» — можно понимать его и по-другому.

Зачем?

Но зачем, все-таки, человеку усиление?

В разнообразных формах оно пронизывает его жизнь и деятельность — это несомненно. Более того, существуют сферы деятельности, ориентированные на усиление, немыслимые без него.

Возможно, это объясняется следующим кардинально важным обстоятельством.

Продолжительность существования каждого вида имеет свои ограничения, связанные, в частности, с морфологической сложностью особей, этот вид составляющих. Это относится и к неоантропу — человеку современному, ему отводят еще 40–50 тысяч лет существования — это относительно немного. «Неоантроп силой вырвал эстафетную палочку культуры из ослабевших рук своего предшественника — неандертальца и вознес ее на такую высоту, где ему и самому уже не хватает дыхания»¹.

Это верно.

Дыхания не хватает.

Затем, вероятно, и необходимо усиление, чтобы удержаться на высоте.

И передать эстафету?

Но кому?

¹ Назаретян А. П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры (сикретистика социального развития). — М., 1995. — С. 142.

НОВЫЙ СВЕТ

Все увидели вещи в новом свете
и никак не могли понять,
закат это или заря нового дня.

Гильберт К. Честертон

Сознание входит в реальность

Сознание входит в реальность двояко: как ее часть (субъективная реальность) и как отношение к ней. Когда речь заходит об отношении к действительности, природной и социальной, ее чаще всего именуют «объективной реальностью». Но сознание может включать в себя и отношение к субъективной реальности тоже — такое отношение именуют «рефлексией».

Как часть реальности сознание нередко именовали «духом» — термин, который сторонники материалистических взглядов рассматривали как обозначение некоторого объекта критики. Собственно, и термин «психика» тоже безоговорочным признанием не пользовался, но считался более приемлемым.

Древнесврейское *«руах»*, как и древнегреческое *«рпейта»*, *«анема»* означали и «дух», и «воздух в движении», «ветер». Смысловая взаимосвязь значений имеет метафорическую природу и исторически основывается на том, что:

1) дух человеческий недоступен органам чувств, но существует, и смелый его существование не вызывает;

2) *«рпейта»* также и воздух — без воздуха не способно жить тело, как не способно оно жить без души; заметим близость слов *«анема»* — душа и *«анема»* — ветер.

3) ветер невидим, но способен вызывать вполне ощутимое движение плотных тел — надувать паруса, раскачивать деревья; так и дух человеческий, никак не видимый, способен направлять движения тела;

4) ветер свободен, «веет, где хочет», возникает вне очевидной причины, зачастую неожиданно: напрашивается аналогия с актами свободной воли индивида.

Обратите внимание на то, что существование духа предстает здесь как нечто неоспоримое.

Невидим он, но что ж с того — не все нам видимо на свете.

Существует, впрочем, убеждение, распространившееся еще в доисторические (возможно) времена, что душа человека есть его невидимый двойник. Не исключено, что подобное представление

явилось результатом феномена фантомных болей: известно, что, лишившись конечности, человек зачастую испытывает чувство боли в уже не существующих физически частях тела.

Широко распространенным было и понимание сновидений как ночных странствий души. Метафора «душа — ночная бабочка (*psyche*)» отражает архетипическую структуру аналогий между сном и смертью.

В сущности, и современное понимание психики и сознания описывается речевыми средствами, также метафорическими по происхождению: какое бы конкретное значение не приписывалось «освещению», «отражению», «глубине» психики, ясно, что употребление этих и многих других слов носило (а частью и носит) переносный характер и связано с тем, что реификация (мысленное уподобление вещам) способствует пониманию.

Обсудим прежде всего вопрос о том, что такое сознание.

Сознание — это форма существования нашего «я», и выражается оно в *отношении*. Сознание, иначе говоря, находит выражение в отношении индивидуального «я» к тому, что есть, может или могло быть. Часто утверждают, что сознание — это «отражение» окружающего мира, но сознание к отражению никак не сводится, отражение — это определенный уровень его структуры, функциональный слой, но не более; скорее уж, сознание — это освещение внешнего мира, а мышление — проникновение, погружение во внутренний и внешний мир.

«Сознание освещает полосу соединенных только светом отрезков, как прожектор освещает кусок облака, море, кусок берега, лес...»¹

«Соединенных только светом!» Это правильно. Светом понимания того, *что* в мире происходит.

Мы движемся в пространстве возможностей, и условие движения — взгляд вперед.

«Сознание — свет, бьющий наружу, сознание освещает нам дорогу, чтоб не споткнуться. Сознание — это зажженные фары впереди идущего паровоза»².

Можно оценить соотношение *являться — значить* как фундаментальное для человеческого сознания.

Мир явлен нашему сознанию. На уровне отражения представлены явления. Но благодаря речевому, знаковому началу, формирующему наше мышление, мир освещен, значим, наполняется смыслом.

¹ Шкловский В. Семантика путешествия. — М., 1991. — С. 192.

² Пастернак Б. Собр. соч. В 6 т. — Т. 3. — М., 1990. — С. 69.

То, что мир *является*, свидетельствует о том, что мы живы.
 То, что мир *значим*, свидетельствует о том, что мы мыслим.

Посудите сами: когда вы видите, что в комнату входит ваш отец, или, выразимся точнее, когда вы понимаете, что входящий в комнату человек — это ваш отец, вы на самом деле придаете определенное значение образу входящего. Этот образ как бы освещается вашим сознанием, обретая значение. Можно даже сказать, что внешний мир воспринимается нами через посредство фрагментов мира внутреннего (таких, как ощущения, представления и др.). При этом смысловое освещение и взаимосвязь этих фрагментов зависят от конкретного языка, которым пользуется в процессе общения данный индивид. Даже само подразделение на фрагменты частично зависит от языка. Например, такую очевидную для римлянина часть лица, как *glabella*¹, вы замечаете лишь в том случае, если изучали анатомию с ее традиционно принятой латинской терминологией. Философы очень любят обсуждать вопрос о соотношении внутреннего и внешнего мира, но мы им заниматься сейчас не будем, а коснемся некоторых других употребляемых далее терминов.

Мышление — это просто упорядоченное, направленное, движущееся к некоторой цели сознание. Как удачно заметил некогда Г. П. Щедровицкий, сознание ассоциативно, а мышление знает, где что лежит. Мышление как бы вытекает из самой ассоциативной сущности сознания (по формуле Цигена, в основе понятия лежит ассоциация представлений, ассоциация понятий — в основе суждения, а ассоциация суждений составляет основу умозаключения).

Соответственно память — это ступенное, неподвижное, оседающее на дно психики сознание (его можно вновь привести в движение, и это — воспоминание).

Ряд психологов утверждает, что понимание есть участие мышления в деятельности. Не вдаваясь в анализ этой формулировки, отметим, что понимание есть превращение психики в сознание. Неупорядоченное превращение такого рода — это сповидение (поэтому содержание его всегда кажется во сне понятным, хотя зачастую или даже всегда абсурдно).

Психика способна превращаться в силу; потенциальное превращение такого рода — мотив, актуальное — воля. Воля есть кинетическая реализация мотива.

¹ *Glabella* — это небольшая площадочка на лбу, где возникают вертикальные морщинки, когда человек сдвигает брови.

Итак, сознание представляет собой «освещенную» часть психики (недаром И. П. Павлов связывал сознание с образом «освещенного пятна»). Бессознательное — «неосвещенная» часть психики. Оно обогащается, но не развивается, оно структурировано, но не ассоциативно: его структура способна генерировать ассоциации в сознании, но в бессознательном ассоциаций нет. Бессознательное иногда словно просвечивает сквозь барьер (в норме непреодолимо отделяющий его от сознания), когда сквозь один ясно сознаваемый образ начинает просвечивать другой.

Барьер становится частично проницаемым под патофизиологическим на него воздействием (бред при повышенной температуре и т. п.). Но бессознательное может экстернализироваться и попасть в сферу сознания как бы извне.

Пока речь шла об индивидуальном сознании.

Сознание возникает у людей в процессе их общения с другими людьми (например, в процессе общения детей с родителями). Но общение требует средств и представляет собой не только механизм порождения сознания: общение по природе своей есть взаимопереход индивидуального и общественного сознания.

Общественное сознание есть сознание общественных групп, малых (например, семья) или больших (например, племя).

Но вернемся к сознанию как таковому. Итак, это существование «я», и выражается оно в отношении; например, экологическое сознание выражается в определенном рода отношении к природе, а именно в понимании своего существования как части природы (живой природы, говоря конкретнее).

Экологическое сознание сложилось исторически, и динамика его развития многое может сказать о том, что менялось, а что оставалось неизменным в духовном мире человека. Так, Луго был убежден, что леса — враги цивилизации, современное же массовое сознание скорее склонно видеть в лесах жертву цивилизации.

В относительно недавнем прошлом тема «торжества над природой» доминировала, сейчас она обществом не приветствуется, хотя и продолжает жить в замаскированном виде («торжество над расстояниями» и т. п.)

В то же время полусознанное ощущение близости к животному миру (прежде всего к млекопитающим) составляет важную часть психической жизни ребенка, как в далёком прошлом, так и в настоящем. Метафорическое воплощение красоты движений видится в поведении хищников семейства кошачьих, а картина Роя «Опас-

ность на ступеньках» (1928 г., Музей современного искусства, Нью-Йорк) вызывает зрителя непроизвольное ощущение тревоги, хотя ничего ужасного на полотне не изображено: змея ползет со ступенек лестницы на паркет, и это все. Но картина сразу напоминает нам о том, что у многих народов нашей планеты звуковой сигнал тишины «тсс» — подражание змеиному шипению (наблюдение К. Сагана).

Зачатки экологического мышления сложились в примитивном предысторическом обществе — обществе, в котором родословия заменяют историю. В ту пору истории в сознании еще не было. Были только родственные связи, и они значили многое.

В этом обществе зародились основы экологического сознания: тотем и табу. Отношение родства с природой, жесткие воспрещения определенных отношений и форм поведения занимали важное место в сознании наших пращуров. Я уже имел случай описать¹ три аспекта сознания: прецедентное, интердиктивное и юстициальное. Они имеются и у сознания экологического. Прецедентное сознание выражает тенденцию следования примеру («я поступаю так, как поступают другие»), в интердиктивном сознании представлены воспрещения (прямой потомок табу), а юстициальный аспект сознания аксиологичен в непосредственной и смутной форме (*это* справедливо и хорошо, а *то* — несправедливо и нехорошо).

Во всех этих аспектах сознание представлено как осознание ответственности. Ответственность есть то, от чего человеческое «я» на всем протяжении своего индивидуального и исторического существования стремится освободиться. Вся сущность экологической (и только ли экологической?) проблематики к этому и сводится. Прецедентное экологическое сознание содержит и мотив самооправдания (человек осознает значение своего поступка, перелая ответственность за него на других, совершавших его в прошлом). Интердиктивное экологическое сознание строится на осознании и распространении некоторых воспрещений, которые в совокупности создают ограничения, последовательно образующие контур системы безопасного поведения. Юстициальное сознание опирается на мотивы, основанные на интенции самосохранения «я» («сохраняй природу, чтобы она тебя сохранила»).

Учитывая, что человек — это в сущности философская фикция, ибо в действительности существуют люди, то есть мужчины и

¹ Брудный А. Природа и культура: великое противостояние // Общественные науки и современность. — 1966. — № 4.

женщины, не следует забывать, что нынешнее отношение к природе в основном сложилось в эпоху патриархата. Если задаться вопросом, кому мы обязаны своим появлением на свет; кто прекрасен, но в сущности беззащитен; кого мы не ценим и кем пренебрегаем, пользуясь, однако, всяким удобным случаем, чтобы удовлетворить свои потребности; кто когда-нибудь отомстит нам за легкомыслие и непонимание того, что значит связь с нею, то очевидным кажется ответ: это Женщина. Но на самом деле это Природа.

Ясно, что здесь подсказанные личностным подсознанием мотивы сочетаются с отношением, сложившимся в обществе исторически. Это прекрасно сформулировано в «Распаде атома» Георгия Иванова: «Точка зрения может быть только мужская. Женской точки зрения не существует. Она тело и отраженный свет. Но вот ты вобрала мой свет и ушла. И весь мой свет ушел от меня»¹. Но ведь то же произойдет с человечеством, если природное, естественное заменится искусственным, созданным обществом и в его целях (как бы оно не прикрывалось словами о «благах человека»). Экологическое сознание стремится преодолеть антропоцентрический подход к действительности. Но если сознание это не более чем существование нашего «я», то может ли оно стать неантропоцентрическим? Ответ на этот вопрос даст будущее и, скорее всего, ближайшее будущее.

Человеку дано измениться или исчезнуть. Попытки изменить общество бесполезны, во всяком случае, неэффективны. Сможет ли человек изменить себя?

Это зависит от природы. Ведь природа человека — это часть природы как таковой, всей природы. Это зависит от того, необходимо ли природе экологическое сознание, присущее одному из не слишком совершенных ее творений — человеку.

Вернемся к метафоре «женщина — природа». Г. Иванову казалось (как вы только что прочли), что женщина — это «отраженный свет», Армандо Вердильоне — что «женщины-объекта нет, за исключением женщины-экрана»². Но это почти одно и то же — если мы примем точку зрения, согласно которой сознание как бы освещает реальность. Однако есть суждения более категоричные: по мнению Ж. Лакана, «женщины не существует». Это очень по-французски. Сразу вспоминается Петрюс Борель: «Молодежи больше нет». Или Король-Солнце: «Нет более Пиренеев».

¹ Иванов Г. Собр. соч. — Т. 2 — М., 1994. — С. 10.

² Вердильоне А. Мое ремесло. — СПб., 1993. — С. 36.

Есть и молодежь, и Пиренейский хребет. Существуют и женщина, и природа. Но сказанное о них свидетельствует, что существует и сознание.

На том уровне, на котором они *являются* нашему сознанию. Пиренейские горы ничуть не изменились оттого, что на престоле в Мадриде оказался представитель Бурбонской династии. Но *значение* Пиренеев от этого изменилось — они надолго перестали служить символом преграды между государственными интересами Испании и Франции.

И Борель, когда он отвечал на вопрос Пого: «Где же молодежь?», имел в виду, что значение этого слова за недолгий срок стало иным.

Изменилось и значение родства с природой. Первоначально в сознании человека не было места для представления о «равнодушной природе» — она была богатой, грозной, иногда милосердной. Постепенно люди начали понимать, что «небо и земля не обладают человеколюбием и ко всем существам относятся как к травам и тварям»¹. «Обидно, но правда», — говорят одни. «Неправда», — возражают другие. Чувство родства, однако, не исчезает.

Родство — это зависимость (которая не всегда осознается как взаимная). Первоначальное родственное чувство человека к природе было чувством зависимости и соответственно страха перед ней. В дальнейшем чувство страха меркло и возникала иллюзия независимости от природы, даже власти над ней. К чему это привело, известно. Ныне, на третьем этапе развития экологического сознания, наше родство с природой осознано, и чувство страха перед ее стихийной силой сменилось страхом за нее, пониманием не односторонней, а взаимной зависимости в системе «человек — природа».

Наряду с осознанием значения родства сознание включает, и это несомненно, осознание значения ценностей и святынь.

Заметим сразу, что тема эта социальная, прямо связанная с тем, что человек живет в мире продуктов труда и творчества, хотя отношение к продукту в основном положительно, отношение к труду, к тому, кто трудится, амбивалентно. Понимание того, что труд — тяжел, реализация его продуктов — проблема, переносится и на творчество. Естественно, значение творчества для индивида отличается от значения монотонного физического труда. И тем не менее вопрос

¹ Последние два иероглифа (травы, твари) могут читаться и как «собаки из союмы» — чучела, которые играют свою роль в обрядах, а потом сжигаются (См.: *Ляо Цзы // Древнекитайская философия*. — Т. 1. — М., 1972. — С. 116, 312.)

об участии творца никогда не был решен и, возможно, никогда не будет решен. «Можно восхищаться творениями Фидия, но при этом отнюдь не желать стать Фидием»: ценится *продукты*, а не создатель. Тема бедности создателя ценностей культуры — вечная тема.

Что же они собой представляют — ценности?

Понятие «ценность», в сущности, принадлежит к роду таких понятий, как «начало», «конец», «следствие», «причина» — «изначальных» понятий. Для многих из них характерна энтантиосемия — свойство отдельных слов иметь амбивалентное значение. Например, слово «исходный» может быть употреблено как в значении «начальный», так и в значении «конечный»¹.

Ценность — исходное, изначальное понятие; то, что *ценится*, ставится выше другого. Оно нетранзитивно: ценное, ценность выше того, что ей предшествует. И только.

Надо сказать, что в сознании верующего существует транзитивная иерархия ценностей типа: *ценное* — *еще более ценное* — *святое*.

Так могут быть расставлены ценности религиозной культуры, но вне этого, освященного традицией и отсутствием логики, мира, то есть на самом деле ценности нетранзитивны.

Предпочтение. Одно предпочитают другому. И это главное. Это все.

Как показал Альберт Камю, ценность — это то, что *психологически* имеет тенденцию к обращению в эталон, то есть в общеправило. Это едва ли не определяющий, во всяком случае постоянный, признак ценностей.

Часть ценностей культуры носит собственно исторический характер; здесь большую роль играет традиция. Многие ценности материальной культуры считаются ценностями только потому, что это мнение идет из прошлого: такова традиция. В гипотетическом мире материальных ценностей, где такой традиции не существовало бы, многие предметы, пришедшие из древности, никакой ценности не имели бы.

Современники не в состоянии понять подлинные ценности искусства.

В забытой новелле Николая Никитина «Потерянный Рембрандт» живо изображен художник середины 20-х годов, одаренный необы-

¹ Именно в этом смысле говорят врачи об исходных, завершающих формах некоторых хронических заболеваний.

чайным талантом. Он за несколько лет осваивает сложные технологии живописного мастерства, проходит коридорами и лестницами стилей, становится супрематистом — черный квадрат на загрунтованном холсте! «Здесь караулила смерть. Он отшатнулся к Рембрандту». Он пишет на старой доске замечательную вещь — врач у беременной женщины. И начинается полудетективная история с игорным домом, проигрышем, Агафоном Бержере (это Фаберже), который покупает за невысокую цену картину неопризнанного гения, бежит с ней в Финляндию, международная экспертиза признает Рембрандта подлинным... «Что поделаешь! В мире циркулирует не менее трехсот фальшивых Рембрандтов».

— Но это же моя работа!

— Кто выплывает золото ради тебя?

Это великая тема. Джон Стэйнбек говорил: «Если плюнуть льву в пасть, он станет ручным». Сегодня в пасть льва бросают грант. На символе едва ли самой престижной в России премии «Триумф» написано «Логоваз». Чего стесняться.

Редко когда говорят об условности понятия «ценность»: это понятие, созданное традицией, формирующейся на протяжении короткого отрезка времени.

В одном из скандальных фильмов Якопетти я видел, как работает Иво Клейн, тогда молодой человек с безумными глазами, который буквально прижимает забрызганных улыграмарином натурщиц к холстам, — впечатление шарлатанства. Спустя десять лет на респектабельной выставке я увидел эти голубые отпечатки обнаженных тел и группу замороженных зрителей, которым была глубоко безразлична техника работы Иво Клейна: их восхищал конечный результат. И он того заслуживал, вот что удивительно: голубые объемные призраки были изящны, беззащитны, незакончены — причем ясно чувствовалось, что незаконченность эта составляет главную часть замысла. Реальность словно просвечивала сквозь холст, а не отпечатывалась на нем.

В семантическом пространстве культуры есть место, попадая в которое, вещь/идея становится ценностью. Как и все семантическое пространство, этот локус существует только во времени. Поэтому всякая культурная ценность есть ценность, транслируемая во времени, и обладает потенциалом тенденции обращения в традицию.

Святыни определяются как ценности, которые сакральны. Сакральные формы поведения — формы приобщения к таким ценностям. Тут существует два подхода.

Дионисийский подход: оргиастический; придает высшее значение имитации определенных мифологических процессов; само участие в этих сценах приобретает возвышенное значение. Позднейшая церковь, порвавшая с язычеством, не отказалась от дионисийской традиции целиком. Вспомните о мистериях. Это не только зрелище. Мистерии живы как формы приобщения к святыням веры: не случайно в мистерии участвуют не профессиональные актеры, а верующие.

Главная проблема (и она разрешается в мистерии) состоит в том, чтобы приобщиться к мифу, существующему вне времени, что бы о нем ни говорилось в отдельных текстах. То, о чем свидетельствует миф, «все еще происходит». Фильм Антониони «Фотоувеличение» (Blow up) именно об этом.

Аполлонический подход. Аполлоническая традиция — иная форма приобщения к культуре: не через непосредственное движение, танец, как в дионисийской традиции, а через музыку: сложную мелодическую структуру, текст, понимание текста: слушают ратисода, исполняющего определенные строки. И получают от этого «аполлоническое наслаждение».

Массовая культура пытается синтезировать дионисийское и аполлоническое начало, превращая оргии в зрелища. Впрочем, концерты рок-музыкантов есть оргии в переносном (и не всегда в переносном) смысле слова.

Ценности средних веков — это ценности запрета. Всякая религия интердиктивна: она налагает запрещения, требует отречения, выполнения определенных правил, бывает, что и лишения определенных телесных частей. Запрещенное имеет тенденцию обращаться в запретный плод. Его ценность определяется интердикцией. Интердикт занимает важное место и в школьной субкультуре. Субкультура воспрещений есть институт создания ценностей. Тоталитарное общество с его высокой культурой запрета породило уйму ложных ценностей, от которых постимперское общество не в силах освободиться и поныне.

Ныне сложился третий подход — *постмодернистский*, основанный на полном отрицании запретов (недаром лозунг «запрещать запрещается» обрел такое значение в «Движении 22 марта», которое началось мартовским вечером в Нантерре и через два месяца вылилось на парижские улицы майской революцией 1968 года).

Основанный на тотальном отрицании воспрещения, постмодернизм включает как приемы деконструкцию и рекомбинацию.

В. Шкловский говорил: «Не развенчиваем, а развинчиваем», но то был принцип «высокого модерна». Завершенный модерн имеет иной девиз: собрать нечто новое из того, что создано человечеством.

Еще раз подчеркнем, что в субкультуре образования святыни занимают особое место.

Первичная святыня — это тело. Патриархальная культура создает святыню из женского тела, поскольку самоидентификация мужчины практически недостижима (ведь нельзя самого себя поместить в тот же самый локус).

На Ближнем Востоке святыне тела противостоит святыня духа, запретившая какие-либо изображения человеческого тела.

Святыни и ценности существуют во времени.

Ценности, как антропологические, так и собственно духовные, отвлеченные от тела, существуют в пространстве возможностей, которое и есть пространство культуры: многое не осуществлено, но возможно. Есть локусы, ниши, обладающие свойством придавать значение тому, что туда попадает, и это относится к мыслям, намерениям тоже. Амьель определял движение как огрубевшую, уплотнившуюся мысль.

Ценности движения есть одновременно ценности поступка, решения, наблюдения, проникновения в реальность. Они способны принести ощущение удовлетворения. Если поступок принес удовлетворение, он был осмыслен; если не принес — бессмыслен, так говорит нам подсознание. И не все, что оно говорит, бессмысленно.

Существенно, что ценности искусства прекрасны, что между объектами, какими они являются индивиду, и тем, что они для него *значат*, пролегает дистанция; и что красота уменьшает или снимает расстояние между «является» и «значит».

Как это происходит, строго говоря, никто не знает.

Применительно к продуктам десятой музы, музы Технэ — музы мастерства, эту дистанцию снимает целесообразность: она отвечает на вопрос «зачем?» то, что нам является, каково его значение? Но красота не отвечает на вопрос «зачем?». Она самодостаточна. Становится понятно, почему Кант увидел в ней «целесообразность без цели».

Искусство рассчитано на непосредственное его восприятие, соблюдение норм морали должно дать правильный ответ на классический вопрос «а что потом?». Мораль призвана гарантировать, что «потом» ничего плохого не будет. Практика, правда, свидетельствует, что соблюдение норм морали, гарантируя от плохого, не приносит ничего хорошего.

Мораль существует именно как долг. Искусство требует наличных — в виде непосредственного смыслового восприятия: картины надо смотреть, книги читать, музыку слушать. Вне прямого контакта с произведениями, с продуктами человеческого творчества в памяти остается только их значение, а образ постепенно стирается, слабеет.

Обломки метода

Методу западная философия издавна поклоняется.
Способ *найти* истину обратился в *истину*.
Это и неудивительно, средства всегда обращаются в цели.

На робкий роковой вопрос
Отвечает философ этот,
Почесывая бледный нос,
Что истина, что правда... — метод¹.

Вера в метод пошатнулась, но осталась.

Что касается метода, то он, некогда монолитный, ныне утратил уважение эпигонов, быстро отрекшихся от диалектики, а заодно и от немецкого языка, равно как и от соответствующей терминологии. Метод был раздроблен ударами действительности — что подлазешь: «история философствует молотом», учил Ницше, и был прав.

В. Матизен, человек грубый, но мыслящий, описал не так давно свое понимание происходящего с методом². Я уже говорил, что он распался и, учитывая матизеновскую классификацию, могу теперь показать, на что, на какие элементы, — на подходы к предмету, причем бывает, что они и совмещаются.

Культурно-исторический подход (в отличие от того, что понимал под ним Л. С. Выготский) выродился в простое погружение, в диахронический контекст, причем часто результаты погружения сводимы к одной, правда, бессмертной строчке:

А ведь раньше лучше было...

¹ *Белый А. Соч.* — Т. 1. — М., 1990. — С. 178. «Бледный нос» почесывал Б. А. Фокс и обрел, таким образом, некоторое бессмертие. Ведь это форма условного бессмертия — сноски.

² См. его интервью в ИК. — 1995 — № 6. — С. 52. Я не хочу повторять, что можно прочесть в журнале, и не повторяю, но исходную точку назвать должен. Он писал о критике — но она отразила происходящее в мире анализа, если такой мир еще существует.

Культурно-синхронический подход сводится к соотносению предмета изучения с явлениями, современными ему, в чем-то аналогичными или противостоящими, образующими фон. Смысл при этом не выявляется почти что никогда. Но функция сознания — осветить предмет — срабатывает, и иногда эффективно.

Социальный подход выводит предмет анализа из мира культурных ассоциаций и прижимает, придавливает его к фактам общественной жизни, которые чаще всего получают при этом аксиологическое освещение, они обязательно выступают как хорошие (реже) или плохие (чаще).

Для читателя уже очевидно, что социальный подход близок к этическому. Нормы этические (как и многие иные) при этом расщеплены и привязаны к интересам групп, небольших, влиятельных, не столько в силу традиции, сколько в силу связи с каким-то источником материальных средств.

Ныне возник подход, который именуют «генерационным». Сущность этого подхода выражается в отвержении опыта и взглядов тех, кто представляет прошлое, то есть недавнее прошлое.

Символический подход, близкий к психоаналитическому, строится на попытке извлечь метафизический смысл предмета из сопоставления его с другими, произвольно, но довольно эффектно подобранными. При этом присутствуют ссылки на классиков психоанализа или аналитической психологии.

Подход структурный, исполненный уважения к классикам отечественного формализма, тартуской школе и пр. и ориентированный на анализ текстов.

Подход диалектический, существующий по крайней мере в трех формах:

- 1) традиционной, частично дискредитированной нашим широко известным прошлым;
- 2) новогегельянской, представленной, например, Славосем Жижексом;
- 3) позднемарксистской (где от марксистской диалектики осталась небольшая, но неистребимо сильная часть), представленной отдельными яркими именами (как Мераб Мамардашвили, например).

Особое место здесь занимают московские методологи школы Г. П. Щедровицкого, систематологи, научные рационалисты и пр. Работы многих из них вполне добротны, но из некоторого (неприятного мне) гиперкритицизма упоминаются представителями других направлений редко.

Перечень этот можно продолжать до бесконечности, дробя его на все более мелкие элементы.

Сущность же происходящего едва ли не сводится именно к дроблению подходов на все менее отличающиеся друг от друга, но все же отличающиеся. Знамение ли это времени? Не знаю.

Неоспоримо, впрочем, что найдется (или уже нашелся) философ или историк, который усмотрит в происходящем в мире теории соответствия с социально-политической реальностью 90-х годов. Будет ли он прав? Не знаю. Во всяком случае — не полностью. Не забуду, как Казимеж Брандыс, ныне, кажется, подзабытый (а зря), рассказывал, какое для поляка наслаждение высказывать свою точку зрения — даже не столько иметь, сколько высказывать. Думается, сказанное им касалось не только поляков.

Свобода высказывать свою точку зрения быстро обращается в свободу от школы. Эпигонство порождается давлением — хотя бы общественного мнения, а ведь его уже нет.

Метафора как стимул мышления

У каждого складывается (и с течением времени меняется) индивидуальное представление о мире и его смысле, неважно — правильное или нет. В исходной точке оно опирается на чувственно-конкретный образ мира, но это именно исходная точка. Мир, каким он дан нам в чувственном восприятии, неполоп, довольно хаотичен, но включает постоянно повторяющиеся события, и их повторение само по себе значит уже так много. Оно придает миру какую-то устойчивость.

Определения законов природы всегда начинаются с того, что это связи повторяющиеся. И общественные установления, имеющие силу закона, обладают этой силой потому, что они повторяются, исполняются людьми. Магия повторения сковывает сознание. У Пушкина расчетливый Германн не испытывает и тени сомнения, что прощание старухи повторится и в третий раз, хотя первые два выигрыша могли оказаться случайными совпадениями. Честертон тонко подметил, что Макбет поверил трем ведьмам, хотя первая сказала то, что он знал и сам, а третья — то, что зависело только от него самого.

Законы и предсказания сами по себе никак не свидетельствуют о смысловой и постижимой структуре мира. А человек паделает мир

именно смыслом существования, концептом реальности. И себя, естественно, — тоже. Как часть существующего. Концепт этот достаточно удален от исходной точки: он служит конфигуратором индивидуального описания мира, которое создается посредством языка, причем, как правильно полагают Г. Курманова и Н. Багдасарова, такое описание с необходимостью метафорично. Сразу скажу, что «описание мира» есть абстракция потенциальной осуществимости (если воспользоваться термином А. Ессина-Вольпина).

Что это означает?

В данном случае это означает, что «своего» систематизированного и полного описания мира в памяти индивида нет: он его никогда не составлял, но по мере необходимости, вызванной целью, вопросом, интенцией к самовыражению, «вызовом» (challenge) общества или конкретной группы, такое описание реализуется — как если бы оно заранее имело место. Его элементы есть в тезаурусе, то есть в систематизированном наборе идей, ключевых слов и выражений, его основу составляет концептуальный архетип. Проще говоря (если об этом вообще можно говорить просто), в первооснове индивидуального описания мира лежит метафора-платформа. Она обеспечивает стилистическое единство тотального текста, который составляет все высказывания и все действия человека — данного, неповторимого, конкретного. В тотальный текст вмонтированы тексты традиционной семантики (в смысле, предложенном Ю. Шрейдером и мной в 70-е годы). В огромном большинстве случаев сказанное и сделанное каждым представляет собой элементы совокупного текста жизни с расплывчатым множеством авторов и включенных в него событий и ситуаций.

Коснемся некоторых из действенных метафор реальности.

Одна из них — это министерство проб и ошибок.

«Природа не делится на разум без остатка», — говорил Пете.

Возможность ошибки — величайшая по своему масштабу из всех человеческих возможностей. Нет человека, который не ошибался бы, хотя есть множество ошибок, которые еще не совершены.

Откуда они берутся?

«Из самой природы человека», — отвечает Артур Кестлер.

Он говорил, что мечтает об инструменте, который позволил бы распределить все формы социального поведения, о приборе, подобном спектро스코пу. Благодаря социоспектроскопу мы увидели бы пропущенный через дифракционную решетку, раскинутый радужной спектр всех возможных воззрений на мир.

Многообразие человеческих отношений к жизни и к миру стало бы зримым, и потому — более понятным.

На одном крае спектра (конечно, инфракрасном) мы увидели бы Комиссара. Он верит только в силу приходящих извне перемен и твердо убежден, что все беды рода человеческого могут и будут излечены Революцией, то есть радикальным изменением формы производства и способа распределения его продуктов; что Цель в соответствии с этим оправдывает употребление любых средств, включая ложь, предательство, смерть; что логическое мышление неопгрешимо; что Вселенная — огромный часовой механизм, в котором множество однажды запущенных атомов движутся по заранее определенным траекториям.

На этом крае спектра самая низкая частота, излучение наиболее прерывистое, теплота наибольшая.

На противоположном крае спектра, где частота самая высокая и где волны настолько коротки, что они, холодные, бесцветные и растпывчатые, человеческому глазу почти не заметны, погружен в ультрафиолет Йог. Он, пожалуй, сравнит Вселенную с музыкальной шкатулкой или прудом, в котором разводят рыбу. Он уверен, что конечная Цель незрима и нам доступны только средства. Йог всегда стремится воздержаться от насилия и, шире, — от действия. По его мнению, порядок вещей нельзя изменить к лучшему внешним воздействием; на это способно индивидуальное внутреннее усилие. Йог убежден, что человек — только одинокая частица и что каждого из нас связывает с миром некое подобие невидимой пуповины. Творческие силы людей, их доброта и настойчивость существуют только благодаря жизненным сокам, которые приносит эта невидимая пуповина. Подлинная задача человека состоит в том, чтобы устранииться от действия, способного прервать течение жизненных соков.

В пространстве между Йогом и Комиссаром гаснут цвета этих крайностей. Чем ближе мы к середине, тем цвета становятся мягче. Это пространство общения.

Сказать, что требуется синтез — синтез святого и революционера — легко. Но его еще никогда не удалось достичь. В том, что оба эти элемента не соединимы, одна из причин того, что История неоднократно обращалась в хаос. Эмоциональная энергия Комиссара устремлена на отношение «личность — общество», а у Йога — на отношение «личность — абсолют».

Все старания изменить методами Комиссара человеческую природу (от восстания Спартака) завершались провалом. Причины

этих неудач можно было бы описать как антиномии. Кестлер говорит о двух антиномиях: одна — это Антиномия Спирали, вторая — Антиномия Пропasti.

Вершина Утопии находится на необозримой высоте Спирали. Все время, пока вы будете взбираться на далекую вершину, она останется скрытой от вашего взгляда. Блуждающие массы, оказавшись на этом пути, по фатальному закону инерции, сбивают с пути собственных вождей, а потом отправляются за ними: так все движение уходит по касательной в Неведомое. Так завершались многие революции. Они ускоряли движение масс, их инерция превращалась в центробежную силу.

Антиномия Пропasti есть Антиномия средств и целей. Или средства подчинены цели, или наоборот. Как только вы подчинили средства цели, Антиномия Пропasti унесет вас вниз, на крыльях здравого рассудка. Второй вид Пропasti всем хорошо известен: гильотина — в Париже, Гороховая, 2 — в Петрограде; Лубянка — в Москве; Андрaшкi, 60 — в Будапеште.

В определенной исторической атмосфере начинается всеобщее переселение с одного края к другому, миграции, сильные, словно пассаты над океаном. Общее перемещение к инфракрасному краю спектра — одна из характерных черт XIX века. С некоторых пор обстоятельства XX века стали благоприятствовать противоположному направлению. Кестлер считал, что все мы путешествуем более или менее осознанно и даже более или менее свободно к ультрафиолетовому краю спектра.

Не понимая подлинной причины наших странствий, мы направляемся к другому краю спектра, твердо желая дойти до конца. Что же, тех, кто легко сам от себя отказался, ветер перенесет на другую сторону спектра, когда он это всегда делает с увядшей листвою.

Способны ли те, кто прервал отношения с собственным прошлым, снова приспособиться к реальности? Каждый из нас наблюдал, как отдельные личности с почти обезьяньей ловкостью перемещались с одного края на другой. Они отдаются и слабому дуновению ветра, который легко срывает их с тонких стебельков, кружит и несет на другой берег, хотя их речи и не похожи на шелест увядшей листвы.

В смутные времена, когда происходит переоценка ценностей, все ищет ее причину.

Если у нас нет возможности определить общую причину, то единственное, что остается, попытаться найти общий знаменатель множеству причин.

В кризисные дни Веймарской республики, когда и коммунисты, и нацисты имели больше шансов на победу, чем уже устанный режим, Эрнст Юнгер придумал фразеологизм «антиматериалистическая ностальгия масс»¹. По мнению Кестлера, общий знаменатель настроений второй половины XX века можно было бы определить как «антиматериалистическую ностальгию». В 30-е годы в Германии проявилась аллергия на поверхностный оптимизм, немилосердный рационализм, кичливую самоуверенность и прометейскую позу XIX века; людей привлекали мистицизм, иррациональные этические ценности и мрачные средние века. Все эти движения, видимо, происходят в ритме маятника.

Кестлер утверждал, что колебания маятника в психологическом спектре полностью соответствуют ритмическим сменам бодрствования и сна у любого индивидуума.

Допустимо, что за каждой готической эпохой следует свой ренессанс. Наша цивилизация больна, это очевидно. Смертельно или нет — покажет будущее. Но есть один симптом болезни, на котором стоит задержать внимание читателя.

Достижения науки XX века вне всякого сомнения велики. Плоды научно-технической революции зрими; одни ее результаты с поразительной быстротой воплотились в массовом производстве, другие приобрели угрожающее самому существованию человечества значение. Но одновременно усложнилось концептуальное содержание научных дисциплин, многие теории и гипотезы настолько далеко ушли в своей сложности от общеобразовательного минимума естественнонаучных знаний, что многое приходится принимать на веру даже образованному человеку.

И именно здесь и возникает тот зазор, то «пространство допущения», в которое проникают болезненное воображение, ложь, нетрадиционная религиозность. В ее расплывчатых рамках находят место отдельные, хотя и характерные признаки религиозной веры; принадлежность к какой-то одной исторически сложившейся конфессии при этом не выражена. Более того, от сторонников нетрадиционной рыночной религиозности можно услышать слова о вере в могущество науки, которая на современном уровне своего развития уже отошла от плоского атеизма и чуть ли не подтверждает своим авторитетом самые невероятные домыслы относительно природы,

¹ Он был мастер на такие обороты речи: общеизвестная «тотальная мобилизация» (totale Mobilmachung) тоже принадлежит ему.

общества, происхождения человека, истории общества, космоса и элементарных частиц.

Есть немало людей, верящих в то, что после смерти личность продолжает духовную жизнь; что космические тела прямо и непосредственно влияют на судьбу человека; что существуют люди, способные мысленно повлиять на самочувствие и поступки других людей; что существуют роковые биоритмы, под воздействием которых люди могут терпеть неудачи и даже погибать в определенные дни и часы; что на Земле в далеком прошлом уже существовала и затем погибла цивилизация; что с таинственно светящихся лентельных аппаратов осуществляется наблюдение и даже контроль за нашей планетой и ее населением; что Иисус и двенадцать апостолов были членами одного космического экипажа; что на Земле, а особенно в морях и океанах существуют роковые места, в которых жизни людей угрожает особая опасность; что раздвоенная вилочкой ветка или металлическая рамка способны указывать источники и месторождения полезных ископаемых; что в размахе и ориентации египетских пирамид закодирован опыт жрецов, обладавших в далеком прошлом огромными познаниями; что в Гималайских горах живут представители древней религии — мудрецы, которые общались и общаются с крупнейшими историческими личностями; что биополе окружает каждого; что воздействие биополя является мощным средством лечения; что существуют духовные вампиры, высасывающие психическую энергию людей... Этот список можно было бы свободно продолжать. Следовало бы особо отметить, что все приводимые в нем примеры заимствованы со страниц широко известных изданий. Но к чему? Ведь уже практически не осталось периодических изданий, где не печаталось бы что-либо подобное.

Конечно, вера в посмертное существование духов и в возможность общения с ними, убеждение в магической силе заклинаний, в преобразующем внутренни мир значении медитаций привлекли широкие масштабы именно в последние десятилетия.

«Почти ежедневно слышится с экрана мистическая терминология: космизм, выходы в астрал, путешествия в галактиках, встречи с инопланетянами, микрокосм, микротеос и проч. Уже раздаются голоса о синтезе всякой духовности, и модное слово «плюрализм» употребляют в сочетании со словом «духовный». Уже стараются привлечь к плюралистической духовности Православие, где место Христа Спасителя будет рядом с телемагом, восточным гуру и

гуманоидом из летающей тарелки»¹, — заметил внимательный богослов, когда РМП (как вежливо именуют «религиозно-мистические предрассудки») хлынули волной.

Ну, а как быть? Разве вера не допускает существование феноменов, о которых так много говорят и пишут?

Допускает, но интерпретирует их по-своему.

«Явления духовных существ в нашем материальном мире известны давно. Много о них говорится в Священном писании. Не связанные конкретной физической оболочкой духовные существа могут принимать самый различный вид, но всегда тот, который люди в меру их развития готовы воспринять. Так, в сороковые годы нашего века, когда человечество уже психологически было подготовлено к межзвездным полетам и встречам с «марсианами», появились первые НЛО. Как ни захватывающи рассказы об их появлении, как ни головокружительны перспективы «контактов», но сами НЛО и их «пилоты» — все те же древние лукавые существа, которые морочили головы нашим предкам в виде уродцев с рожками и с копытцами, а теперь являются их просвещенным потомкам во всеоружии «последних достижений межпланетной космической техники»².

Идея, конечно, соблазнительно проста. В девяностые годы нашего века «существа с рожками и копытцами», конечно же, могли обрести и несколько иной облик. Но ведь главное не вид, а деятельность, не так ли?

Именно так.

«Другого рода мистические явления и демонстрации являет собой и «полтергейст», когда на глазах милиции, ученых и общественности бесы разводят такое хулиганство, что просто совестно становится за растерянных «исследователей» с высокими учеными степенями, которые до сих пор не могут понять, что над ними попросту издеваются!»³

Спекуляция «высокими учеными степенями» воистину имеет место. Вот кто над носителями этих ученых степеней издевается — вопрос другой.

Предполагается, что верующие люди — люди убежденные.

Убеждение — это не столько знание истины, сколько преданность ей, феномен психологический и политический. «Одна убеж-

¹ Шевкунов Г. Не участвуйте в делах тьмы // Журнал Московской патриархии. — 1989. — № 12. — С. 46.

² Там же.

³ Там же.

денность может уничтожить другую, мысль уничтожить другую мысль не способна. Она уничтожает ее наличие, но не возможность»¹. Многие дискуссии порождены явным отсутствием мысли и попытками подменить ее убежденностью. Такие попытки в прошлом неизменно приносили успех.

А почему? А потому что убеждения интересуют власть имущих с той же точки зрения, с какой пьяницу интересует уличный фонарь: как опора, но отнюдь не как источник света.

А бывает ситуации, когда нужен не источник света, а источник тьмы. И тут убеждения неукоснительно исполняют свои функции.

Или прав Владимир Набоков?

Не доверяйся соблазнам дороги большой
Или снам, освященным веками,
Я остался безбожником с волевой душой
В этом мире, кишачем богами.
Но однажды, пласты разуменья дробя,
Погружаясь в свое ключевое,
Я увидел, как в зеркале, мир и себя.
И другое, другое, другое!

Другое!

Вот в чем дело.

В его существовании.

В великой возможности. Той, о которой говорил Паскаль: если Бога нет, бессмысленно богоульствовать, если Он есть — тем более не стоит.

Но пусть это только возможность.

Надо ли верить в Бога?

Вопрос этот каждый решает для себя сам. Но поскольку эта книга о возможностях, она должна ответить и на вопрос «зачем эта возможность?».

Н. Каретников рассказывал притчу, примечательную тем, что ничего в ней придуманного нет, притчу о двух великих кинорежиссерах. Они итальянцы: Феллини и Антониони. Феллини любил Джульетту Мазину, и они были неизменно преданы друг другу; Антониони любил Моннику Витти, но они разошлись.

Феллини был человеком верующим, Антониони — нет. Однажды у Феллини спросили, как он относится к Антониони.

¹ Валери П. Об искусстве. — М., 1976. — С. 159.

— Как к великому мастеру, — отвечал Феллини. — Я нетерпеливо жду каждого нового его фильма. Мне кажется, мы делаем одно дело, правда, ему в два раза тяжелее, чем мне.

— Но почему?

— Он работает один, а я вдвоём.

— Вы говорите про Джульетту Мазину?

— Нет, я говорю про Господа Бога.

Мир твёрд

Все частное, единичное, есть на самом деле общее, увиденное изнутри из своего внутреннего мира, со своей индивидуальной человеческой позиции. Общее может быть выражено словами — но не все общее. Есть события и чувства, которые мы испытываем, и понимаем, *что* мы испытываем, но объяснить испытанное и понятое не можем. Сказанное не будет внятно.

И вот, Людвиг Витгенштейн предпринимает попытку разъединить то, что можно выразить словами, с тем, что есть, но выражено быть не может. Эта попытка имеет особое обоснование: у Витгенштейна мощный ум логика. Он в состоянии исполнить такое «проектное задание» (а жизнь — это проект), которое другим не под силу. Он способен увидеть общее в мире, мышлении и языке, признавая при этом, что в мире есть нечто, лишь показывающее себя, и *это* — мистическое, не поддающееся логическому объяснению. Субъекту *это* мистическое дано. Субъекту, не его разуму, если разум есть способность оперировать с понятиями так, что мир — точнее, его часть, его слой, его структура — становится объяснимым. Но есть экзистенциальное понимание (*existential Verstehen*), для которого логики никак недостаточно, она даже мещает. Поэтому, согласно Витгенштейну, об этом понимании следует молчать.

Может быть, просто его нет? Нет, оно есть. Согласно Витгенштейну, существование мира, Бога, судьбы — в сущности, одно и то же. Верить в Бога — то же, что и понимать вопрос о смысле жизни. Бог — это смысл жизни («*ein fester Burg ist unser Gott*» — «Бог наша твердая крепость»)¹.

Как бы ни отличался реальный мир от воображаемого, между ними есть общее. Это нечто твердое (*feste*). Это *hard*, в том значении,

¹ Это слова из гимна реформатов, и Витгенштейн их, конечно, знал.

что мир, Бог, судьба и то, что соединяет их с миром сознания, неустрашимы (в смысле, который придавал этому слову Ницше). Конечно, всякие выдумки, ложь, небрежности, ошибки — все это не «твердое», не hard. Это мягкое, изменчивое, это soft. Можно даже сказать, что все неподлинное (uneigentlich), все, что Хайдеггер соединяет, связывает с «Кто-то» (Man), все это смутное, неверное, тягучее, затягивающее есть soft, общее для многих и многих soft, а для некоторых — так даже «зыбучий фундамент мира».

Преодолевая его, творец обращает изменчивое в твердое, soft — в подобие hard.

Как это происходит?

Это происходит путем обращения воображаемого в твердо существующее в равномоном реальном мире повествования, мире рассказанного.

Это, само собой разумеется, не только и не обязательно переданное словесно. Это может быть кино и нечто, созданное цифровой игрой.

Мир, твердый, действительный, дан субъекту как кинофильм (над подобной метафорой размышлял еще Бергсон). Но наше существование в мире — это существование вместе с другими и соответственно это Mitwelt — «Вместемир» (по Хайдеггеру), а язык, соединяющий нас с другими людьми, это Zwischenwelt — «Междумир» (по Вайстерберу). В то же время, как сказано в «Белой обезьяне», написанной еще в эпоху немого кино, «мир полон необычайных тайн, каждый хранит их про себя — и нет у них ни субтитров, ни крупных планов»¹.

Да, мир создан не для того, чтобы его понимали. Но воля к пониманию существует. Она может опереться на ряд положений, которые можно изложить в тезисной форме, в манере Витгенштейна — она воспроизводима.

Тезисы о реальности

1. Мир реален.

1.1. Реально все, что существует.

1.1.1. Реальность, существующая и в пространстве и во времени, объективна.

¹ Голсуорси Дж. Сага о Форсайтах // БВЛ Серия 3. — Т. 146. — М., 1973. — С. 148.

8. «Возможность каждого единичного, — говорит Витгенштейн, — открывает нам нечто (*gibt uns einen Aufschluss*) о сути Мира» (3.3421). Ясно, что суть мира (а это общее) видна изнутри единичного, существующего как возможность.

8.1. Витгенштейн учит, что и логическое место, и геометрическое место — для того, **что** могло бы существовать, попади оно в это место (см. 3.411). «Место» (Ort) — исключительно важный термин. Он говорит нам о том, что мир структурирен. В нем как бы очерчены границы для всего возможного; а границы есть черты, проведенные в мыслимом пространстве и создающие пространство возможностей.

8.2. Вся сложность описания мира состоит в том, что невозможное есть, по Витгенштейну, как бы и невозможное.

8.2.1. Это надо понимать так: невозможно помыслить работающий вечный двигатель: если бы я мысленно представил себе весь процесс его работы, то такой двигатель мог бы и осуществиться, его можно было бы и сделать.

9. Тайна же мира не в том, что его можно понять: в этом всего лишь тайна человека. Тайна мира в том, что он существует. Возможно, в этом — тайна Бога, но о чем невозможно говорить, о том следует молчать.

Интеллект работает по принципу «понять — значит упростить». Это означает только одно: он — инструмент для проникновения в сущность, а сущность проще существования: сложность в том, как она скрыта.

Но действительно ли познание сущности — это понимание? Это вопрос, над которым философы размышляют не одну сотню лет. Сегодня можно довольно уверенно утверждать, что упрощение создает очень удобные иллюзии понимания. Возьмем египетские подходы, мышление в стиле «не что иное, как»: человек — не что иное, как машина; мозг — не что иное, как компьютер; политика — не что иное, как концентрированная экономика и т. д. Но это не основательно. Упростить — это компонент понимания как структуры, это фаза понимания как структуры, это компрессия возможностей, которыми оперирует понимание. Но ведь понимание, в смысле Гейзенберга, это еще и адаптация нового к совокупности наличного, это размещение ранее неизвестного в системе уже известного: вот для этого упрощение и требуется. Как вы, конечно, помните, «одним животным дана привычка приподнимать покрывало Изиды: люди не смеют». Философ противопоставлял Медузе —

Истине Майю — Ложь. Иллюзию. Фикцию. Человек уходит от действительности в мир фикций. Но возможность — вот что не действительность и не ложь.

Иначе говоря, проблема состоит в человеке, в его существовании. А в XX веке сложились вполне конкретные представления о человеке. Бертольд Брехт сказал о них со всей ясностью. «У нас поднимают страшный шум и все из-за человека. А человек ведь ничего не значит. Если меньше двухсот человек — вообще не о чем говорить. Конечно, могут быть и другие мнения. Могут, и что? Пока человек спокоен, у него спокойно могут быть и два мнения, и три, и все разные». Это в «Mann ist Mann»¹ сказано точно. И ничего тут неосознанного, бессознательного нет. В сознании многих людей эти мысли занимают свое место. Ф. М. Достоевский, правда, полагал, что «слишком сознавать — это болезнь, настоящая полная болезнь». Но все-таки я крепко убежден, что не только слишком много сознания, но даже и всякое сознание — болезнь. Я стою на том»². Если с тех пор и минуло много лет, то полного опровержения этой мысли они не принесли, и ныне существует точка зрения, согласно которой жизнь — это информационная материя болезни. Тогда, разумеется, Ф. М. Достоевский (или, точнее, его герои) прав — ведь связь сознания и жизни всерьез никто опровергать не станет.

Понимание сродни творчеству, оно включает в себе поиск нового и к выбору из уже известных вариантов не сводится. «В процессе поисков и открытия существенно нового человек имеет дело с неизвестным» — в этом А. В. Брушлинский совершенно прав. Часто интеллект уподобляется плотине со шлюзами, фильтру, пропускающему негативацию. Действительно, наличное знание, тезаурус выступает в этой функции. Но интеллект и тезаурус совпадают отнюдь не полностью. Называя человеческий интеллект работающим знанием, мы определяем его правильно, но отнюдь не исчерпывающим образом. Все дело в том, как это знание работает. Интеллект есть реализуемая способность понимать, и сущность его, как нам представляется, заключается в том, что он ищет образующую тенденцию в развитии вещей и мысленно достраивает картину мира.

¹ Переводят это заглавие по-разному. Мне представляется убедительным такой вариант: «Что тот, что этот».

² Достоевский Ф. М. Записки из подполья // Полн. собр. соч. — Т. 3. — СПб., 1905. — С. 318.

Одной из фаз понимания, позволившей проводить аналогию «фильм — интеллект», является отсев возможных вариантов. Это важная фаза, но на самом деле к одному только отсеку возможностей интеллектуальная деятельность не сводится. Зачастую сложность проблемы заключается в том, что многие возможности просто не входят в поле зрения индивида, он о них ничего не знает и не представляет их себе. Существенно создание возможностей и путь к ним открывает метафора. Она представляется необходимой составной частью творческого мышления вообще и основой инвенции — той единицей нерасчлененной продукции интеллекта, которая предшествует раздвоению, бифуркации творчества на искусство и науку. Заметим, что исследование способности индивида *сравнивать* является весьма перспективным способом погружения в сущность человеческого интеллекта. Это связано отнюдь не только с собственно «художественной», но и с «научной» стороной интеллекта. На уровне инвенции они не расчленены, а в скрытом виде эта фаза интеллектуальной деятельности продолжает существовать и на новых, последующих фазах работы интеллекта: любопытно, что в процессе исторического развития знания исходные метафоры не прекращают своего действия.

Существует классификация, основанная на допущении, что мы знаем, что такое интеллект, и отождествляем его с разумом. «После того, как мы договорились, что нам известно, что такое интеллект (= разум), попробуем создать типологию окрестных возможностей»¹. Возможности эти совершенно гипотетичны, разумеется.

1. Суперинтеллект — разум, превосходящий человеческий настолько, насколько интеллект человека превосходит интеллект обезьяны.

2. Парантеллект — разум, возникший естественным путем, но генетически не имеющий отношения к человеку: разум всерьезных обитателей иных планет, вращающихся вокруг иных центральных светил, или, скажем, разум обитателей морских глубин.

3. Ортоинтеллект (или квазинтеллект) — интеллект, вторичный по отношению к человеческому, возникающий как запланированный продукт научно-технического прогресса — искусственный интеллект, предмет «достаточно слепых»² дискуссий.

¹ См.: После взрыва. Крутой стол // Наука и религия. — 1986. — № 12. — С. 46.

² Там же.

Человек силен своим сознанием. Опасность для человека, очевидно, возникает тогда, когда "сознание" искусственного интеллекта будет мощным¹.

Что же, опасным станет носитель искусственного интеллекта?

Или опасным станет знание, которое принесет с собой этот суперинтеллект?

На эти вопросы, надо надеяться, ответит будущее.

Основное и главное

Это не идентичные понятия.

Корнет А. А. Игнатьев сдавал вступительные экзамены в Академию Генерального штаба. Экзамен по главному, как считалось, военному предмету — тактике — у него принимал профессор Коллюбакин.

Одни считали его выжившим из ума, а другие видели в нем носителя глубокой военной мысли.

— Вы мне просто ответьте: в чем заключается идея, которую нужно помнить, выставляя сторожевое охранение?

И пока офицер не поймет, что от сторожевого охранения прежде всего требуется перехватить все пути и доступы к охраняемой части со стороны противника, то есть что надо исходить не от своего бивака, а от расположения неприятеля, Коллюбакин не успокаивался...

У Игнатьева он спросил:

— Для чего назначается общий резерв?

Четкого ответа на этот вопрос в учебнике не было. Автор как бы стремился сохранить за общим резервом значение некоего запаса боевых сил на всякий неопределенный случай. Пока корнет размышлял, профессор снова спросил:

— А помните Бауцен? Какая часть представляла у Наполеона в этом сражении общий резерв?

Игнатьев помнил обстоятельства сражения при Бауцене и сразу назвал имя прославленного маршала: Ней.

— Ну, так что же?

Ней, находившийся в начале сражения вне поля действий, был введен со своим корпусом в нужный момент, и это решило победу.

¹ Ботвинник М. М. О кибернетической цели игры. — М, 1975. — С. 27.

— Общий резерв, — ответил корнет, — предназначается для нанесения главного удара.

Профессор отпустил его без дальнейших вопросов, поставив двенадцать¹.

Балла выше двенадцати не было.

Здесь примечателен ход мыслей экзаменуемого. В учебнике точное назначение общего резерва не определено. Экзаменатор подсказывает: Бауцен. Общим резервом тогда командует Мишель Ней. Ней *не может* командовать запасом сил на всякий неопределенный случай. И действительно при Бауцене его части решают судьбу сражения. Следовательно, общий резерв предназначен для нанесения главного удара.

Основное превращается в главное.

Основное — иметь общий резерв.

Черчилль после первых немецких ударов по французской армии в 1940 г. прилетел на своем «Фламинго» во Францию, чтобы спросить главнокомандующего Гамелена: где общий резерв?

Тот пожал плечами:

— Его нет.

И Черчиллю все стало ясно. Битва французами проиграна.

В сложившейся ситуации главным было остановить продвижение немецких войск.

Но не было основного: мобильного резерва.

Все это частные примеры, предназначены они для того, чтобы вы уяснили: основное — то, без чего не осуществимо главное.

Дифференцировать эти понятия не только желательно, но и необходимо.

Основное — это производство. Главное — его продукт. В марксистской трактовке основное заслоняю собою главное, продукты производства, изменяющие качество жизни и самый образ жизни людей, отступали на задний план.

Основное — то общее, что объединяет людей, обращая их в человечество.

Главное — то индивидуальное, личностное, что отличает людей друг от друга.

¹ См.: *Ипатьев А.А. Пятьдесят лет в строю.* — Т. I. — М., 1950. — С. 127–129.

КАРУСЕЛЬ ИСТОРИИ

Так повернем истории карусель,
Как сказал Жан-Жак Руссель!
— Не Руссель, товарищ, а Руссо!
Хорошо. В таком случае колесо.

Михаил Вольгин

История: что это такое?

Что следует понимать под термином «история»?

История — это бинарный термин, то есть он имеет два значения. Под «историей» подразумевается:

- 1) реальный процесс существования человечества от донисторических времен до настоящего времени;
- 2) наука, изучающая этот процесс.

А поскольку наукам учат, под историей подразумевают также учебную дисциплину.

Эта наука сложилась на основе изучения вещественных продуктов человеческой деятельности и анализа повествований, т. е. рассказов реальных лиц и сообщений о реальных фактах. Таким рассказам часто сопутствовала оценка событий.

На этой основе возникло представление о смысле происшедшего с людьми.

Один из персонажей Олдоса Хаксли, alter ego автора, говорит о себе (с должной самоиронией): «Я должен быть недостаточно цивилизован и предпочитаю смысл. Потому, если мне нужна философия истории, я обращаюсь к психологам»¹.

А почему именно к психологам?

Надо думать, не только потому, что исторический процесс включает в себя мысли и поступки людей и даже состоит из них, но еще и потому, что исторические факты с неизбежностью порождают собственные оценки. Так они влияют на сознание людей. Люди неравнодушны к фактам.

В особенности — к историческим.

Беда (но не вина) истории состоит в том, что она не в силах отказаться от оценок. А «урок, преподносимый нам интеллектуальным развитием человечества, ясен: науки оказывались плодотворными и, следовательно, в конечном счете — практически полезными в той мере, в какой они сознательно отходили от древнего антропоцентризма в понимании добра и зла. Мы сегодня посмеялись бы над химиком, вздумавшим отделить злые газы, вроде хлора, от добрых,

¹ Хаксли О. Через много лет // ИЛ — 1993. — № 4. — С. 162.

вроде кислорода. И хотя химия в начале своего развития принимала такую классификацию, застрянь она на этом, — она бы очень мало преуспела в изучении веществ¹. Но история имеет дело не с веществами, а с существами.

М. Блок, автор труда, из которого вы прочли здесь выдержку, завершил свое завещание словами: «Я умираю, как и жил, добрым французом». В 1944 г. он был задержан сотрудниками немецкой военной контрразведки (абвера) и расстрелян как активный участник движения Сопротивления. Он не считал, что Франция потерпела поражение. Он различал добро и зло. Он был порядочным человеком.

Но является ли человек главной фигурой исторического процесса?

Да. Именно люди делают историю. Здесь имеются в виду не только и не столько исторические личности, сколько особенности и свойства самого человека и мира, в котором он живет.

Что есть история как реальность? История — это движение человечества по стреле времени. Факт существования системы «прошлое — настоящее — будущее» не вызывает сомнений. Проблема состоит лишь в связи между прошлым, настоящим и будущим. От того, какова эта связь (если она есть), зависит, удастся ли людям расширить сферу своих возможностей, продлить существование человечества в обозримом будущем.

Существование человечества есть проявление и следствие его жизнеспособности.

Высокая жизнеспособность человечества издавна определялась четырьмя неравнозначными факторами.

Первый фактор — реализация способности к труду и способности проектировать и использовать его продукты.

Второй фактор — наличие кладеза природных ресурсов, позволяющего черпать энергоносители и находить возобновляемые источники средств к существованию.

Третьим фактором была известная популяционная разобщенность — ведь эпидемия чумы в Европе до XVI века вообще никак не могла повлиять на жизнь миллионов людей, населяющих обе Америки. Отдельные заболевания, которыми страдали жители американского континента, оставались по существу неизвестными в Евразии. А для сотен миллионов жителей Азии оставалась и, к счастью, остается неизведанной сонная болезнь, о ней и понятия не имеют о

¹ Блок. М. Эволюция истории. — М., 1973. — С. 122.

мухе це-це. Десяния Ци Ши-хуан-ди не только никак не затронули жителей тогдашней Европы, но по существу остались для них совершенно неизвестными.

И, наконец, четвертый фактор. Это базисный фактор — способность человека к самовоспроизведению, половой отбор, производство человека человеком. Это первооснова, вне которой несущественны и все остальные. И напротив, все остальные так или иначе способны повлиять на нее.

Если принять эту концепцию, человечество сейчас переживает переломный момент. Значение четырех факторов может сменить знак на противоположный.

Первый фактор включает способность проектировать и создавать орудия защиты и нападения. Он обратился в способность создавать абсолютное оружие, оружие, угрожающее самому существованию человечества. Есть надежда, что оружие это не будет пущено в ход. Но это надежда. Только надежда.

Второй фактор всегда был связан с опасностями экологического порядка. Теперь уже ясно, что у кладеза природы оказалось двойное дно. Но экологическая опасность, когда она осознана, может быть и снижена. Бесспорно, уголь и нефть не возобновляются в недрах нашей планеты по мере того, как эти вещества добывают. Атомная энергия опасна как таковая — ошибки в ее использовании чреваты роковыми последствиями, а людям свойственно ошибаться. Но есть надежда на водородные двигатели, энергостанции, использующие энергию Солнца, морских приливов, естественной разницы температур.

Значение третьего фактора изменяется на наших глазах. Отчаянные попытки сохранить те или иные формы разобщенности, уничтожать людей по этническому или классовому признакам, воздвигать идеологические, религиозные, политические и этнопсихологические барьеры — все это было в XX веке и оказалось безрезультатным.

Вообще в XX веке человечество поспешно повторило пройденное. От рабства до попыток заглянуть в будущее, в золотой век. Танки и военные грузовики проехали по искоженным некогда дорогам. Будет ли этот процесс продолжаться или он уже приостановился? Ведь наступление XXI века, 2001 год — рубеж условный.

На смену разобщенности приходит рост масштабов информационного контакта. Нельзя исключить, что контакт этот сможет принести и известную пользу. Его значение следует оценивать с осторожностью.

Четвертый фактор продолжает существовать как иррациональный и неуправляемый. Необходимость управлять им, тактично име-

нуемая «планированием смыс», не является общепризнанной. Я повидал самых разнообразных сторонников вмешательства в процесс полового отбора — от маниакальных адептов евгеники до общительных индусов и сдержанных китайцев — и слушал их вполне рациональные доводы со смешанным чувством. Я не мог избавиться от ощущения, что разум тут проникает в сферу, ему не подвластную, и одновременно понимал, что современные попытки регулировать рождаемость представляют собой необходимую, хотя и не самую важную часть движения в будущее. Разум не может руководить этим процессом. И никто не может. Но он в этом участвует.

Попытки оценить влияние разума на историю зачастую связаны с употреблением таких фразеологизмов, как, например «уроки истории», «исторические ошибки». Если признать, что «исторические ошибки» действительно имеют место, то приходится согласиться и с тем, что многие исторические ошибки повторяются. Причем с такой частотой, что возникает вопрос: «А ошибки ли это?»

Государственные, этнические, экономические, религиозные и многие иные аспекты исторического процесса не должны заслонять главного содержания истории. Главное содержание истории — это судьбы людей, и, лишь поняв, что нет ничего выше человека, его жизни, его интересов, его детей, продолжающих его личное существование, можно понять, в чем заключается смысл истории.

История: от прошлого к будущему

Историю определяют по-разному, но все сходится в одном: история — это прошлое. Хорошо, пусть. А что такое прошлое?

Хорхе Луис Борхес был убежден, что есть материя, из которой сделано время, и эта материя называется прошлое.

Известные основания для подобного утверждения как будто бы имеются.

Стоит нам попристальнее взглянуть в течение времени, попытаться его на мгновение приостановить — и оно тотчас же обращается в прошлое. Фауст попытался это сделать — остановить мгновение — и тут же сам стал прошлым.

Этим не стоит заниматься.

Мефистофель его предупреждал.

Но отсюда не вытекает, что время состоит из прошлого.

Наоборот.

Борхес не прав.

Возможно, время сделано из таинственного, равномерно движущегося вещества, которое называется *будущее*. Оно непрозрачно, подобно туману. В нем проступают очертания отдельных событий, они придут, но когда? Будущее скрадывает расстояния, как туман скрадывает звук. Время! Стоит к нему присмотреться, прикоснуться, попробовать замедлить его течение — и оно исчезнет, превратится в то, чего нет: в прошлое.

Прошлое нельзя изменить именно потому, что его нет, но это и придает ему силу власти над нашими душами. Они не могут противостоять тому, чего не в состоянии изменить. А прошлое в этом смысле не менее неизменно, чем законы природы.

Но законы есть, а прошлого нет.

Власть прошлого — власть следов того, что было, следов, уносимых нашей памятью в будущее, уносимых потоком времени вместе с нами. Но это только следы.

Следы того, чего нет. Но они образуют нас, наше «я», например.

А будущее есть. В тот момент, когда у моего «я» не станет более будущего, мое существование прекратится: я умру.

Если бы власть будущего над нашими душами превзошла власть прошлого, существование человечества стало бы иным. Но этого нет. Кассандре¹ было дано прорицать верно, но безвластно: ей не верили.

Согласно Гегелю, всемирная история начинается «лишь с того времени, когда она является еще только возможностью в себе...»².

В себе, *an sich*, существует и возможность власти будущего. Если считать важнейшим признаком разума его способность заглядывать в предстоящее, то надо лишь сделать людей участниками существования разумной системы.

Сложность задачи, как оказалось, в том, что система эта (ее можно запрограммировать) состоит в конечном счете из людей.

Одно из предлагаемых революционерами и реформаторами решений задачи афористически ясно сформулировано Эрихом Кестнером: «Сначала надо создать разумную систему, а уж люди к ней приспособятся»³. Попытка была, результат очевиден, но сил нет разобраться — то ли система была неразумна, то ли люди ее к себе приспособили. Скорее всего — и то, и другое. Сейчас мы адапти-

¹ О символике этого образа см.: Философия свободного духа: О романе Чингиза Айтматова «Тайга Кассандры». — М., 1996.

² Гегель. Соч. — Т. VIII. — М., 1939. — С. 57.

³ Кестнер Э. Фабрика. — М., 1990. — С. 62.

руемся (или, скорее, нас адаптируют) к системе, не претендующей на полную разумность, и это вселяет некоторую надежду.

Ушедшая в прошлое система, которая не уставала вызывать к прогрессу и разуму, на деле отделялась от разума с каждым годом своего существования. И это было одной из главных причин того, что она пыталась оставить на страницах истории все больше «белых пятен», а потом треснула, как полярная льдина, — и ее обломки все дальше отплывают друг от друга.

Нет сомнения, пресловутые «белые пятна» истории — это обесцвеченные кровавые. И вот, есть люди, которые хотят вернуть им прежний цвет, окрасив их свежей кровью.

Все утешают себя тем, что опасных экстремистов немного. Это так. Но понятие «немного» исторически относительно. Представитель взглядов, которые разделяют 4–12% активного (принимающего участие в выборах) населения, будучи допущен к постоянному участию в работе средств массовой информации, уже в состоянии заметно повлиять на неустойчивые в своих убеждениях массы.

Опасны и те, кто планомерно перекрашивает прошлое, и не помышляя об исторической объективности. Как заметил Ф. Лустич, в нашу¹ культуру уверенно вошли «люди с тяжелыми, как кованые сапоги, говорящими фамилиями»². Их фамилии — рэзузы, правдюки, семиряги — то ли написаны на заборах, то ли списаны с них. То, что они проделывают (или пытаются проделывать) с прошлым, если не хуже, то во всяком случае, опаснее лжи.

Можно ли бороться с пороками прошлого, используя порочные методы? По всей вероятности, нельзя. И само обращение к прошлому — какую цель оно преследует?

Эжен Ионеско говорит: «Все литераторы и почти все драматурги изобличают зло, несправедливость, отчужденность, болезни вчерашнего дня. Они закрывают глаза на сегодняшнее зло. А прошлое зло больше изобличать нечего... Так можно лишь скрыть новые болезни, новую несправедливость, новое мошенничество»³. Великий драматург прав. Это про нас.

¹ Речь идет о постимперской культуре, в которой российская еще занимает видное место.

² Лустич Ф. Между рыбой и мясом // ПГ. — 1996. — 11 октября.

³ Ионеско Э. Небесный исход // Исорос. — М., 1991. — С. 94. Хочу обратить внимание читателя на то, что Э. Ионеско мнит о «Небесном исходе»: «Это пьеса красивая, правдивая и сильная» (Ионеско Э. Противоядия. — М., 1992. — С. 282.)

Миф

Литтону Стрэчи казалось совершенно очевидным, что история представляет собой соединение нагроможденных фактов. Если же они соединены искусственно, то они имеют так же мало общего с историей, как масло и петрушка с яичницей.

Если придерживаться этой точки зрения, то главное заключается в соединении фактов. Но где они соединены? В уме историка? В уме современника? В действительности, которой уже нет?

Есть, понятное дело, предания. Это особый предмет анализа, который в основе своей зависит от повествователя (он же иногда и свидетель) и от трансляции, от пассирования текста через индивидов, принадлежащих к разным поколениям.

История — в исходной точке — предание.

Оно существует в словесной форме.

Как учил Фридрих Шлегель¹, слово — это магический жезл, способный заколдовать или расколдовать мир.

Разумеется, это функция не слова, но текста. Первоначально это текст мифа, и миф из истории не исчез.

Николай Бердяев утверждал это совершенно определенно: «История — не объективный исторический факт, история — это миф. Миф не представляет, однако, нечто вымышленное, но действительность, другую действительность, которая отличается от так называемого эмпирического факта...». То, что никто не наблюдал, но все знают. То, чего никогда не было, но всегда будет. Истина мифа. Истина факта. Они расходятся по формам своего существования, но они существуют.

Истина мифа — в его смысле. Притча есть просто наиболее доступное выражение мифологического. «Притча не становится небывлицей оттого, что в ней описаны события, которых никогда не было»².

¹ Вот кому не везет. В свое время Борис Пастернак написал:

Однажды Гегель ненароком
И, всоряпно, наугад
Назвал историка пророком.
Предсказывающим нагад.

Историка так назвал Шлегель. Но Пастернак — поэт уважасмый (и заслуженно), а потому афоризм «остался в устах» Гегеля: для русского читателя, разумеется.

² Шюр Б. Полное собрание пьес. — Т. 5. — Л., 1980. — С. 382–383.

В этом суть концептуального мира возможного. Концептуальный мир возможного имеет отношение к миру действительному, но это отношение отличается сложностью. Иными словами, действительные свойства отражены в сущности мифа, который придаст им иную форму существования.

И они воздействуют на мысли, деятельность, поведение.

Миф — всегда рассказ о том, что было (в этом субстанция мифа). Это рассказ о творении. О том, что случилось *на самом деле* и *в первый раз*. О том, что случилось при участии сверхъестественных сил и существ. Миф — образец для деятельности: зная миф, можно управлять вещами, а если миф разыграть, то станешь и современником его protagonists. По Брониславу Малиновскому, миф — «это не праздный рассказ, но работающая активная сила»¹.

Первоначальные, исходные исторические персонажи — персонажи если и не мифологические и сказочные, то включенные в воспроизводимые архетипические ситуации. Но и драконы — сказочные существа. И Мирча Элиаде приводит такой любопытный факт. Дьедоннэ де Гозон, третий великий магистр иоаннитов с Родоса, прославился тем, что убил дракона. Произошло наделение магистра атрибутами св. Георгия. Де Гозон был наделен биографией, из которой невозможно было изъять битву с чудовищем. Наделение произошло не сразу, два века спустя.

Остров Родос, иоанниты, де Гозон — все это реально. Но вот дракон — часть рассказанной, не подлинной истории. И только.

Читателю может показаться просто невероятной наивность средневековых историков, утверждавших, что дракон существовал на самом деле и на самом деле был убит воинственным иоаннитом. Но все не просто, все становится слегка искаженным, заколдованным там, куда пришел архетип.

Согласно Юнгу, в структуре личности присутствует тень, и борьба с мрачной тенью способна подвигнуть человека на подвиг, на творчество (вспомните есенинского «Черного человека»). Напряженность Большого ожидания будит архетипы коллективного бессознательного. Архетипически борьба с тенью порождает в культуре Запада миф о змееборце (или драконоборце). Странным образом возникают драконоборцы там, где у них нет культурно-исторической ниши (так, в эпосе «Манас» дракон окрашен в традиционно восточные — благожелательные — тона, скульптурное решение иное).

¹ Malmowski B. Magic, science and religion. — N.Y., 1955. — P. 101.

А монумент, изваянный недавно Церетели и установленный на Поклонной горе? Дракон, поверженный копьеносным Георгием, словно распался на пропорциональные части. Удивительно, как дракон распался на куски, — копьём такого и чудотворец свершить не может.

Но ещё более удивительно, что никто не обратил внимания на отсутствие меча и ножен. Думается, более свежего доказательства иррациональности архетипических моделей и найти трудно.

Миф впечатляет и в иной, также иррационализирующей историю, форме.

Она пробуждает движение, охватывающее массы. Это форма смутная, тревожная. Именно поэтому — живая.

Туман, костер, бессонница
Морочат эскадрон...

Мне эти строки представляются близкими к гениальности. Эдуард Багрицкий (недаром есть и сейчас те, кто остро, искренне его ненавидит) чувствовал природу конницы тех страшных лет: туман, костер, бессонница и морок, неосуществимая мечта, туманящая головы десятков и сотен тысяч тех, кто поверил во всемогущество революции, в новое переселение народов, в «Даёшь Европу!»¹.

Алексей Эйсер писал тогда:

Толпа подавит издох глубокий.
И оборвется женский плач,
Когда, надут свирепю щёка,
Поход сыграет штаб-трубач.

Легко вонзятся в небо пикви,
Чуть заскрежещут стремена.
И кто-то двинет жестом длинным
Твой, Россия, племена.

Ушла в прошлое, а значит — в историю, мечта «выгнать из норы рыжую лису, прекрасную финикийку, злую Европу». Кажется, и охоту на лис в Европе вскоре воспретят. Но была ли та Европа — прекрасная, злая? История говорит, что была.

¹ Есть дипломированные авторы, считающие «даёшь» революционным цезаризмом, но это просто «Do Yes!» в произношении русских моряков, и пришло оно в морской язык вместе с «Есть!» («Yes!»).

Конница обратилась в скизание, в призрак. У Кина это почти галлюцинация: «В неверном тумане шли туманные полки, скрипела кожа на седлах, тлели цыгарки, и здесь, на этих завороченных улицах, он слышал, как звякают кубанские шашки о стремяна. Кони, кони, веселые кони, развсаянные в небо, в дым!»¹. Возможно, это было началом саги о коннице.

Кин погиб. Тот, кто погубил его и сотни тысяч других, сказал в 1947 г. на одном исключительном совещании², что гражданская война была войной конницы против пехоты, вторая мировая — войной моторов, а третья мировая война будет войной умов.

Советский Союз ее проиграл и распался. Умы были. Но не они вели игру. Быть может, окажись они за столом истории, все пошло бы по-иному. Но это был бы уже не тот Советский Союз, в котором мы жили, и помним — как.

Кин, разумеется не историк. Он репортер, эссеист, на какую-то долю возможностей осуществившийся писатель. Но истории той войны писал и он. Гражданская война — часть гражданской истории, психологической истории, истории людей. «Подлинную историю человека пишет не историк, а художник. Ни Солоньев, ни Моммзен не могут написать доктора Фауста, дон Кихота, Ивана Карамазова, Платона Каратаева, а именно эти люди — суть люди, творящие материал для Нибуров и Ключевских»³.

Фактическая история движется в ином пространстве, усеянном точно датированными событиями. Точно датированными — да, но это единственное, что в их описании точно. Помните, у Чаплина: произведения искусства содержат больше истинных фактов и их деталей, чем исторические трактаты. И правда. Художественная литература и кино говорят о том, что происходило во «внутренней истории», а у нас свои истины, не менее истинные (хотя и относительные, конечно), чем фиксированные «историей внешней». Что же это за истины? Это истины повествования, и они требуют гениальных повествователей.

«Блуждающие токи истории оплавливают душу, мучают, несут. Создается кружащая голову высота собственного существования...

¹ Кин В. Потустороню. — Чита, 1957. — С. 162.

² Сообщено вице-президентом Российской Академии наук Н. П. Лавровым, который подробно рассказал мне о дискуссии, происходившей на совещании, касалась она проблем университетского образования.

³ Горький М. Литературное наследство. — Т. 70. — С. 482.

Предметом изображения, как в эпосе Томаса Манна «Иосиф и его братья», становится некоторая страна по имени время, ее ландшафты, где, как за горами иные горы, ясны за временами иные времена, мягкие отроги незапамятного прошлого и встающего в бесконечной дали будущего. При том, что это одна страна. И звук отдельной жизни, раздавшись однажды, навсегда подхватывается эхом гор, возвращается, живет и множится, так что новая жизнь всегда есть в то же время диалог с этим живым эхом, которым полна вся сфера времени¹.

Как это точно сказано. Живое эхо, которым полно время. — не звукли это рога Мерлина?

Я размышлял об этом у кубического камня, на котором Юнг высек слова алхимика Виллиамовы: «Этот камень не обращен для профанов и потому еще более ценен для посвященных». Затем ему показалось (он всегда исходил из того, что ему *показалось*), что высек на другой грани камня напоминает глаз. И он высек гнома с фонарем в руках (способным освещать глубины, отражаясь в них, как звезда). То был провидец, способный спускаться в страну снов. На третьей грани были высечены слова алхимика: «Я один, но я всюду» ... и еще несколько строк. Четвертая грань была пустой, нагретой августовским солнцем, ее хотелось погладить. Юнг решил высечь на ней клич Мерлина. Люди его слышат, но не понимают.

Вот она — история. Тайна Меркурия, тайна понимания — аналог тайны Мерлина.

Все это заняло меня чрезвычайно, я вернулся к третьей грани и стал читать дальше: «Меня выловили из глубины и, быть может, я упал туда с неба».

Величественно и смешно.

Из памяти выглянули и замелькали строчки У. Смита:

Вот я — я как-никак звезда,
А видишь сам, лечу сюда.
Лечу с космических высот
Сюда, к земным болотам,
В надежде лет через пятьсот
(Конечно, если повезет)
Стать маленьким Енотом!

Стихи эти оказались вполне уместны далее на камне было выбито: «Я и дитя, и старец».

¹ Соловьева И., Шиткова В. Четырнадцать сезонов. — М, 1981. — С. 209.

Происходило все это на даче Юнга в Боллингене, в «самом безобразном доме на свете», как сказал мне о даче своего отца старый архитектор Франц Юнг:

Красотой этот дом и правда не отличался, он какой-то хаотичный, не «закономерный», плохо спланированный, одним словом, обладающий всеми признаками настоящей обывательской жизни.

Фрейд, которого упрекнули за беспорядок на письменном столе, возразил: «Для меня это исторически сложившийся порядок».

Дом в Боллингене так и сложился — исторически. Были достройки, пристройки. В семье участок считался просто несчастливым: «Не смей там строить, там мертвецы», — заявила Агата Юнг. Отец, в глубине души считавший очаровательную Агату психопатической личностью, на эти заявления внимания не обратил. Мертвец, однако, нашелся, причем с перебитой пулей костью. Полиция в Швейцарии незаметна, но, когда надо, вырастает словно из-под земли. Что было делать? Юнг объявил скелет наследием войны, прогремевшей поблизости в 1799 г., и отсалютовал праху «суворовского солдата» тремя выстрелами. Он установил и надгробную плиту с соответствующей надписью.

Надгробие выглядело, скорее, декоративно. И вообще вся эта история не свидетельствовала о некрофильских тенденциях его самосознания¹, хотя о чем-то и напоминала — читаном-перечитанном... Пробуя сосредоточиться, я пошел к озеру. ...Какую-то пьесу фон Хорвигта?.. Хохвельдера! «Невиновный» Фрица Хохвельдера².

Я уже стоял на берегу. В теплой воде купались и брызгались молодые люди. Вдали висел воздушный шар, над озером парил моноплан, сдвигались облака, плеск волн становился все слышнее. Вдруг из воды выпрыгнула девушка лет восемнадцати в цветном купальнике и вышла на берег. Я обомлел — Агата! И спросил у стоящих на берегу: «Агата?».

«Профессор говорит, что ты похож на тепю Агату!» — со смехом закричали они девушке. И та улыбнулась с неудовольствием. Видимо, у Агаты в семье сохранилась репутация ведьмы.

Юнг оставляет впечатление человека, который недавно вышел из дома и присел где-то на берегу — подумать.

¹ Эрих Фромм их все же усмотрел. (См.: *Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности*. — М., 1994.)

² *Хохвельдер Ф. Пьесы*. — М., 1974. — С. 45–130. В дальнейшем я нашел справки и с удивлением узнал, что Хохвельдер тридцать с лишним лет прожил в Цюрихе. Конечно, он знал эту историю.

Он не из романов, не из сказаний, которые он знал и понимал так хорошо. Он не мифологичен — и вне архетипа мудрого старца: он фигура историческая. В сущности — живая. Даже не из мемуаров современников. О себе и своих снах он рассказал сам¹.

Повествование

Приводимый далее случай довольно известен. Заключение в лондонский Тауэр Уолтер Рэлей работал, как обычно, над вторым томом «Всемирной истории», когда услышал во дворе какую-то бурную ссору. Он подошел к окну, посмотрел и снова изылся за свой труд, в уверенности, что запомнил все подробности ссоры. Заговорив о ней на следующее утро со свидетелем и даже участником происшествия, он был потрясен: их наблюдения расходились во всем. Насколько же труднее установить истинный ход отдаленных событий, если люди ошибаются в том, что видят собственными глазами. Рэлей предал «Всемирную историю» огню.

Если бы современные авторы многочисленных мемуаров о недавних событиях следовали примеру великого человека², мы имели бы о недавнем прошлом более скудное, но, вероятно, и более верное представление.

Мемуары не всегда представляют собой переработку дневников, то есть записей, приближенных во времени к событиям. Причинная связь событий ускользает от свидетелей. «Единственные причины, для которых психология свидетельства отмечает наибольшую частоту недостоверности, это самые ближайшие во времени события»³. Что касается интимных пружин человеческих судеб, перемен в мышлении или в образе чувств, в технике, в социальной или экономической структуре, то свидетели, которых мы об этом спрашиваем, нисколько не подвержены слабостям моментального восприятия. По счастливому единству, которое предвидел уже Вольтер, самое глубокое в истории — это также и самое в ней достоверное³. Будучи склонным к скепсису по складу ума, я все же полагаю, что Марк Блок в данном случае близок к истине.

¹ Впрочем, всё ли и правду ли — вопрос. На одном его сне мы особо остановимся в дальнейшем.

² Думається, Уолтер Рэлей может быть назван так с не меньшим правом, чем Фрэнсис Дрейк.

³ Блок М. Апология истории. — М., 1973. — С. 58.

Повествователь в истории всегда удвоен. Это повествователь о событиях и переживаниях (свидетель и участник), и повествователь об историческом процессе, пусть даже о недолговечном его отрезке, то есть в собственном смысле слова историк. Это жанр non-fiction, повествование о том, что было. Литературно-художественный текст, выполненный в жанре fiction, например, роман, в принципе допускает господство автора над содержанием, включает вымысел, в классическом случае содержание вообще вымышленно. На то и роман.

Но все не так просто. В известной уже читателю повелле Кекки Даруваллы в парадоксальной литературной форме ставит серьезную проблему. Известно, что литература пишет о людях, которые *могли* существовать, и событиях, которые *могли* происходить так, как о них написано. И она это признает — что только *могли*.

Сражение при Ватерлоо могло происходить так, как написано о нем в «Пармской обители», а при Бородино — как описывается в «Войне и мире». Люди, подобные Базарову, могли существовать и существовали, а у Джона Сильвера был не лишённый обаяния реальный прототип. Все это литература признает. История же, будучи не менее, но и не более достоверной, претендует на то, что все происходило так, как написано историком.

Но это не лишает исторической ценности тексты художественно-литературные. Или художественные фильмы.

«Когда я думаю, до какой степени искажаются события даже самого недавнего прошлого, я начинаю весьма скептически относиться к истории как таковой. Между тем поэтическая интерпретация истории создает общее представление об эпохе. Я бы сказал, что произведения искусства содержат гораздо больше истинных фактов и подробностей, чем исторические трактаты»¹. Это мысль замечательная. В сущности, Чаплин говорит вот что: возможные факты и подробности значат для понимания истории не меньше, чем описанные в качестве действительных.

И с этим трудно не согласиться. Ведь и среди удостоверенных мемуаристами фактов немало искаженных и придуманных. А под пером исторического романиста (о чем писал Ю. Тынянов) возникают догадки более верные, чем пристрастные суждения историков.

Бывает, разумеется, что романист увлечен мифотворчеством. Мифы увлекают читателей, что так способствует сбыту романов — романов Дюма, например.

¹ Чаплин Ч. Моя биография. — М., 1966. — С. 321.

Утверждают, что повествователь невольно обращает мир в миф, в структуру, где царствуют имена собственные.

Арамиса звали Рэнс д'Эрбле. Я имею в виду Арамиса, созданного Дюма¹. Как это получилось, что Дюма был вынужден назвать его имя? К нему обращается герцогиня де Лонгвиль. Мы знаем о том, что Арамиса любит женщины, но в общении с любовницей он показан один-единственный раз. И мы единственный раз слышим, как его называют по имени.

Но романы Дюма, из которых миллионы (если не сотни миллионов) людей черпают представление об исторических событиях, — не более, чем легкомысленный мифологизированный и поэтому увлекательный пересказ уже известного, рассказанного. Обратимся к первичному рассказу.

Пусть наш предмет — «восприятие некоторого сообщения и знание, которое нам это сообщение дает». Многое зависит от конкретной формы, в которой знание представлено в тексте.

Со школьных лет нам известен молодой казак из пушкинской «Полтавы», в напике которого зашит

Докос на гетмана-злодея
Царю Петру от Кочубея.

Лапидарность Пушкина, как всегда, удивительна — вся суть дела изложена или, если хотите, уложена в шесть—восемь слов.

Но казака не было.

Был бедный странник, которого пригласила к себе и накормила жена Кочубея.

Странник выходит, поужинав, «она же вышла за ним из шатра и, взяв его за руку, пошла с ним по саду и учала гетмана Ивана Степановича Мазепу бранить: бездельник-де, он, блядши сын и беззаконник, ее родную, а свою крестную дочь, зазвав к себе в гости, изнасиловал блудом.. Можно ль тебе, Никанору, в тайном слове верить? И он, Никанор, сказал: «верь!»». Она поверила, и Никанор передал сообщение, которое касалось политических, а не личных планов гетмана, в Москву². Но нескрываемая личная неприязнь к Мазепе привела Кочубея на плаху: его информацию оценили как оговор.

¹ «Подлинный», исторический, Арамис звался Арамиц (испанец). Портос — Исак де Порто, д'Артаньяна звали Шарлем. В романе Дюма имен у них нет.

² См.: *Новомосковский П.* Слово и дело государевы. Материалы // Известия Томского университета. — Кн. 36. — Томск. 1910.

Знание о действительности может находиться в непосредственной зависимости от понимания речевого сообщения; вполне очевидно, что очень многое зависит здесь от правильного выбора лексических единиц. Вот пример: «... при докладах мы внимательно следили за формулировками. Само собой, у нас установилось правило никогда не докладывать непроверенные или сомнительные факты. А их бывало достаточно. В донесениях, например, часто фигурировали фразы: "Войска ворвались в пункт Н.", "Наши войска заняли (или удерживают) окраину пункта Х" и тому подобные неточные формулировки. А Антонов (первый заместитель начальника генштаба. — А.Б.) в таких случаях докладывал: "Наши войска *ведут бои* за пункт Н (или Х)", так как на опыте не раз убеждался, что это наиболее точная характеристика действительного положения на фронте»¹.

Точная характеристика действительного положения — существенное требование к текстам военного, политического, исторического содержания, хотя каждый из нас знает, как редко оно соблюдается. В то же время отношение «текст — действительность» зачастую подразумевает описание возможностей. Знание, которое приобретает читатель из литературно-художественных текстов, неразделимо с их сущностной стороной, а «сущность всякого художественного произведения состоит в организмом процессе его выявления из возможности бытия в действительность бытия»². И естественно, что тексты этого рода переменны — не только в понимании, но и в существовании. Представление о «каноническом» исходном варианте — позднейшее, возникающее на том историческом этапе развития культуры, когда нестабильность системы «коммуникатор — текст» начинает угрожать самому существованию текста, и на динамику системы начинают накладываться ограничения — заинтересованные лица и социум как групповой субъект понимания. Но первоначально таких ограничений не существовало. Вот что пишет о мифе К. Леви-Стросс: «Достоверной версии, копии или искаженными вариантами которой являются другие варианты, не существует. Все варианты входят в миф»³.

И не следует представлять себе это явление связанным только со спецификой онтологии системы, с устной речью, в которой миф

¹ Штеменко С. Генерал армии Алексей Антонов // Подполковцы и военачальники Великой Отечественной войны. — М., 1971. — С. 24.

² Белицкий В.Г. Собр. соч. — Т. 3. — М., 1970. — С. 84.

³ Леви-Стросс К. Структурная антропология. — М., 1983. — С. 195.

начинает жить и живет. Да, устная речь вариабельна, изменчива по самой своей природе. Но поправляли и неречевые тексты, существующие только в стабильном техническом воспроизведении. Да, делалось это. «Человек у проекционного аппарата был немножечко народным певцом, сказителем... он мог как аэд строфы «Илиады» или дедушка, рассказывающий внукам старую сказку, по своей воле переставлять, убавлять и даже увеличивать число кадров: как в песнях и в сказках, в ранних кинолентах была возможность их контаминировать, вводить в одну полюбившиеся подробности из другой (специалисты вам скажут: старые немые ленты, если они сохранились в нескольких экземплярах, непременно разнятся между собой, и дело тут отнюдь не в степени износа)»¹. Киномеханик в роли соавтора может показаться смешным. Но разве наша память не делает с фильмом того же? И только ли с фильмом? А если с миром?

Понимание конкретных исторических последовательностей и повествований преимущественно связано с нарративным полем понимания.

Но в повествовательном художественном творчестве доминируют элементы возможного, даже когда имена собственные принадлежат исторической реальности. Например, действительный Владимир Старицкий был умерщвлен при иных, нежели в сценарии (и фильме) Эйзенштейна, обстоятельствах: в фильме Старицкий гибнет в ситуации, напоминающей убийство конюшего Федорова. Но только ли вымысел показанное в «Иване Грозном»? Нет. «Это не выдуманно. — писал В. Шкловский, — это не соединение вымыслов, но это вымышленное соединение возможностей»².

Понимание в поле доказательных суждений иное. Не потому, что в нем эффективно используется математический аппарат: понимание текстов математических имеет немало общего с пониманием текстов естественно языковых. И не потому, что строго доказательное знание пренебрегает возможностями: это не так. Существуют дисциплины (и собственно тексты), предметом которых служат именно возможности: квантовая механика — это наука о «свойствах и поведении возможностей»³. Доказательное знание есть результат особого рода деятельности познающего субъекта⁴, а научное знание

¹ Соловьева И., Шитова В. Четыредесятъ сеансов. — М., 1981. — С. 211.

² Шкловский В. Эйзенштейн. — М. 1973. — С. 253.

³ Грязнов Б. С. Теория и её объект. — М. 1973 — С. 50.

⁴ Шотдрев В. С. Научное познание как деятельность. — М., 1984. — С. 6.

традиционно рассматривается как особо достоверный вид доказательного знания.

Повествовательный текст имеет опорой тезаурус.

«Дайте мне перо и бумагу — и я сочиню вам учебник истории или священный текст, подобный Корану и Ведам... По каким признакам невежда или ребенок узнают, что я их обманиваю?»¹

Да, откуда? Ведь действительность не более чем вероятна и возможности лжи в коридоре вероятности едва ли не беспредельны.

Говоря о «непредвиденных результатах» публикации рассказов Роберта Льюиса Стивенсона в переводе на язык самоа, Р. Олдингтон отмечает: «Самоанцы не делали различия между библейскими легендами, беллетристкой, то есть заведомым вымыслом, и историей как таковой. Король Апсамы (острова Гилберта. — А. Б.) не поверил, что капитан Кук существовал на свете, поскольку о нем не упоминалось в Библии»². Для короля было реально в прошлом только то, о чем повествуется. Реальности царративного, повествовательного поля неистребимы, как неистребимо понимание, как неразрушима его структура.

Повествовательная форма глубоко специфична: она лучше запоминается, легче транслируется от поколения к поколению, имеет широкую коммуникативную перспективу. Но в чем именно состоит ее внутренняя специфика? Быть может, ответ на это даст баллада, быть может — немое кино, а может быть — структура понимания повествовательных текстов.

А может быть история.

Мурасаки, прославленная потомками как романистка, ставила литературное повествование рядом с историческим повествованием. А ведь было это на рубеже X и XI веков, хэйанская эпоха была богата событиями, и фрейлина императорского двора ощущала себя прикосновенной к истории; одним словом, она знала, о чем говорила.

Знала Мурасаки и другое: чтобы ее поняли, надо заглядывать во «внутреннее строение жизни».

Лев Толстой мучился желанием сделать что-то для других. И вот что он сказал Е. А. Берсу: «Мне хочется быть понятым другими. Исто-

¹ Вазери П. Об искусстве. — М., 1976. — С. 191.

² Олдингтон Р. Стивенсон. — М., 1973. — С. 328. Воображаемое прошлое есть то, чему можно научиться, что, что должно изучать. Обращение текстов, описывающих возможности, в компонент действительности представляется темой, обладающей огромной исторической важностью.

рики описывают неверно и внешне, а надо для того, чтобы понять, угадать внутреннее строение жизни»¹.

Для того, чтобы его поняли, повествователь должен узнать, угадать, постичь внутреннее строение жизни, не всегда доступное историку.

Что же представляет собой история? Как говорит Владимир Левашов (я приведу обширную выдержку — это очень содержательно), «в самом слове "история" мы слышим как бы два смысла. причем совершенно противоположных. Это эволюция, сама историческая практика, движение в будущее; одновременно это также взгляд в прошлое, движение вспять времени для установления причинно-следственных связей. Это история как понимание — то, на чем базируется историческая наука.

Но все дело в том, что историческая практика всякий раз меняет образ прошлого. И сам исторический процесс выступает как перманентная динамическая балансировка прошлого и будущего — в точке настоящего. Это точка вне времени...»².

Можно сказать, настоящее, из которого мы заглядываем в прошлое, есть иллюзорная вечность. Мы пытаемся стать по отношению к истории во внешнюю позицию, а что является внешним по отношению к истории, как не вечность? Вечность — это пространство всех возможностей³.

«Чтобы перемещаться в таком пространстве, переводя реальность из состояния потенциального (или, как сказал бы Хайдеггер, сокрытости) в состояние актуальности и присутствия, необходимо владеть особой технологией... Это и есть движение из пространства вечности во время, в историю, в которой нужно родиться, чтобы ее понять. Путешественник, навигатор здесь неизбежно находится как бы сразу в двух пространствах, между вечностью и историей»⁴.

¹ Берс Г.А. Воспоминания о графе Л. Н. Толстом. — Смоленск, 1984. — С. 49.

² Левашов Вл. История как машина времени // ИК. — 1995. — № 2. — С. 74.

³ Путешествие доктора Фауста не знает конца. «Много это или мало — вечность? Для человеческой короткой жизни — очень много; для жадного сердца — слишком мало; но для души, запродавшей черту, год и вечность все равно ничто» (Камюс В. Собр. соч. — Т. 1. — М., 1968. — С. 165). Напомним, что в принятой нами системе метафор здесь говорится о том, что желание жить сейчас и сжесскудно сильное желание жить вечно. А для нигилиста абстрактного, отвлеченного от жизни, вечность — ничто.

⁴ Левашов Вл. История как машина времени // ИК. — 1995. — № 2. — С. 74–75.

Любопытно, как путешественник в пространстве возможностей затем выступает в качестве повествователя (вспомните в этой связи штурмана Уильяма Дампира — незадачливого пирата, но одаренного рассказчика).

Существование повествовательно. Вот почему наука, столь поднаторевшая в описании структур, любит сущность. Не процесс, а его причины. Не сюжет, а эпилог. Не игру, а счет. Одним словом, — выводы. А игра, ориентированная природой своей на существование, вся состоит из задержек по пути к выигрышу, проигрышу — к результату. Даже портрет — это процесс. Это из него, это из картины, из живописи, а не из фотографии выросло кино. Кино — это чистый случай существования, и когда зачинатели его постоянно упирали на то, что кино необходимо движение, action, они, по сути дела, хотели, чтобы в фильме было показано существование в его наиболее очевидной и доступной зрителю форме.

Но и за тысячи лет до того, как возникло кино, люди чувствовали: чтобы понять жизнь, надо обратиться к повествованию.

Это адекватная существованию форма.

Она раскрывает двери в смысл.

В удивительно наглядной форме подтверждает, что существование превышает сущности, ситуации существования выше тех, кто существует, басня. Главное — в осуществлении ситуации, главное в том, чтобы в ней участвовать. Тот, кто живет — участвует. В ситуациях существования, в скриптах могут участвовать львы и мыши, а не люди. Это все равно. Мы угадываем в них людей.

На самом деле это очень жестокий закон, хотя басни учат добру, учат (помимо собственно эпического смысла) любить зверей, видеть в них меньших братьев. Детям не видно то, что лишь со временем начинают понимать взрослые: жизнь превышает всех живущих, для нее главное одно — чтобы она продолжалась. Это жестоко, но неизбежно: таков закон.

Любопытно, что по-настоящему понимают это те, кого носителями высшей мудрости как-то не считают, я имею в виду спортсменов. Они очень быстро начинают осознавать, что такое существование команды, что в любой игре на их место придут другие, и вот они — на скамейке запасных. Игра продолжается, команда существует. Это главное.

Игра учит и другому — что основное заключается в играх, что надо в каждом периоде (тайме, соревновании, сезоне) доказывать свою неповторимость. Только тогда ты будешь в команде, будешь играть.

Жизни требуются неповторимые. Это условие участия в половом отборе, условие участия в продолжении жизни, условие участия в игре.

Это основное условие существования истории.

Требуется вчера

В стихотворении Иосифа Бродского «Вечер. Развалины геометрии» есть простые слова:

Требуется вчера...

Почти то же, что «требуется история».

Но это для человечества.

Для индивида же, для существа, вырастающего в историю, уходящего вместе с ней, открывается вдруг (это всегда происходит *вдруг*) главная функция «вчера». Для чего оно требуется.

Оказывается, все вчера

Нам сзади освещали путь к могиле.

Это говорит Макбет. Говорит король, который убивал, чтобы стать королем и им оставаться. Убийства помогают, но, как свидетельствует исторический опыт, помогают недолго, и вот смерть надвинулась, хотя еще вчера казалась далекой, невероятной.

И он, понимая, что огарок его жизни догорел, внезапно обретает новое знание:

Оказывается...

Но не только в этом обретенное, *последнее* знание: он начинает понимать, что вот — жизнь его уже *рассказана*, и это... Глупый рассказ.

Да почему?

Да потому (и это прозрение), что история его жизни рассказана глупцом (a tale be told by an idiot), то есть жизнь есть повествование, и у него есть автор, персонажи, слушатели, читатели.

Три позиции возможны по отношению к тексту: позиция автора, позиция персонажа и позиция читателя. Или зрителя, если это текст пьесы.

А о той пьесе, в которой мы все играем, у Альфреда Уайтхеда сказано так: «Верховным автором пьесы является Он»¹.

22 сентября 1939 г. Лев Троцкий писал в Койоакане: «Господа дипломаты, как и простые смертные, предпочитают обычно *правдоподобные* предсказания *верным* предсказаниям. Между тем в нашу сумасшедшую эпоху верные предсказания чаще всего неправдоподобны»². Это относится не только к дипломатическим или даже обыкновенным для простых смертных ситуациям. Непредсказуемой оказалась и судьба повествователя. Он писал книгу, не зная, что главный герой читает ее — и очень внимательно (И. В. Сталин получал от преданных агентов копии все новых и новых страниц). Он был о себе иного мнения, чем автор, и знал, как прервать повествование.

Оно было прервано. Текст остановился навсегда.

Как удивительна эта смена позиций. Персонаж берет на себя функции читателя, перемещается из третьей позиции во вторую. Но содержание текста его решительно не устраивает. Во второй позиции он в силах прервать смысловое восприятие текста, захлопнуть книгу, сбросить ее со стола. Но существование текста как процесс не прерывается, текст — продукт работы автора, а тот продолжает занимать первую позицию, продолжает писать. Тогда читатель перемещается в первую позицию, сталкивая с нее автора.

Только тогда существование текста останавливается. Больше он расти не будет.

Желание читателя чаще бывает противоположным: он хочет продолжения остановившегося текста. Что же, в условиях рынка воля покупателя значит очень многое. Одна бездарность сочиняет продолжение «Унесенных ветром», другая — «Войны и мира», третья — «Трех мушкетеров». Читатель платит.

Но воля читателя это не все. Он не может взять субъектов X, Y, Z и обратить их соответственно в Маргарэт Митчелл, Льва Толстого и Александра Дюма.

Банк³ в силах повлиять и на десятки и сотни тысяч тех, кто находится в позиции читателя. Впрочем, он и с авторами может многое сделать — например, обратить автора «Апельсинов из Марокко» в того, кем В. Аксенов стал сегодня.

¹ Уайтхед А. Избранные работы по философии. — М., 1990. — С. 242.

² Троцкий Л. Иосиф Сталин Опыт характеристики // Автора — 1990. — № 4. — С. 30.

³ О метафоре банка подробно сказано в следующей главе.

Банк очень силен.

Но я не разделяю взглядов тех, кто считает его всемогущим. У Джорджа Сороса, например, были для этого значительные основания, более значительные, чем у кого-либо. Однако он с определенной долей иронии описывает наступление «золотого века капитализма»¹.

Личность. Группа. Свобода

Для человека с его неизбежной мечтой о машине времени, о возможности заглянуть в будущее или изменить прошлое (хотя это разом лишило бы существование смысла) история выступает как противница.

Человек каждой своей частицей связан с историей, с окружающей исторической реальностью, это касается не только его телесного существа, но и интеллектуального или духовного: мысли его включают частицы знаний, полученных от других; его прошлое оказывает на него влияние, это означает, что прошлое других людей также оказывает на других (и на всех) влияние.

Действительность изменяется, возможно, что и по свойственным ей законам. Изменить прошлое нельзя. Действительность же изменить можно. Можно «вписаться» в действительность, неосознанно, частично ее изменяя, — такова суть адаптации. Можно преобразовывать действительность, осознавая цели своих действий, — в этом суть практической деятельности.

Ряд исследователей полагает, что поведение есть в своей основе «отрицательная свобода», свобода *от* тех или иных сковывающих помех; деятельность личности имеет своей основой «положительную свободу», свободу *для* осуществления тех или иных конкретных целей. Ни одна закономерность, которой подчинено поведение, при этом не исчезает целиком. Но одно дело — избавиться от тех или иных существенных для жизнедеятельности препятствий; другое — избавиться от них для того, чтобы осуществить достаточно отдаленную цель. Адаптация предполагает в качестве цели то, что служит лишь средством и условием для практической деятельности.

Исходя из некоторых положений концепции В. П. Зинченко, можно предположить, что адаптация — это фундаментальное для

¹ Сорос Дж. Алхимия финансов. — М., 1996. — С. 29.

физиолога (и патофизиолога) понятие — теряет свою доминирующую роль, когда мы переходим к рассмотрению высших уровней деятельности организма или, точнее, когда от организма, от индивида как части рода, от личности как части общества мы переходим к человеку. Различие здесь принципиальное, а заключается оно вот в чем. Адаптация есть в принципе несвобода. Адаптация — это даже не понимание необходимости, а ее усвоение. И поведение в основе своей и составляет именно усвоение необходимости. перевод ее с языка ситуаций на язык организма, индивида, личности. Понимание же, включая перевод, к деятельности не сводится. Понять — значит войти в существование человека как части мира. Существование человека как целого это переход от жизнедеятельности организма к деятельности личности. Это процесс, который включает цели организма, тела как основные, но не главные. «Быть радикальным, — писал когда-то К. Маркс, — значит понять вещь в ее корне. Но корнем является для человека сам человек»¹.

В этом основа радикальной психологии.

Говорят, что человек состоит из того, что он есть. Нет, он состоит из того, что у него есть, и того, чего у него нет. Так учит Ортега-и-Гассет, и учит правильно.

Разумеется, человек может и не знать, чего у него нет. Андре Мальро писал по этому поводу: «Мне приписали фразу одного моего персонажа: "Человек — это то, что он делает". Так оно, конечно, и есть, и персонаж говорил это в ответ на реплику другого персонажа: "Что такое человек? Жалкая кучка секретов (надне его души. — А. Б.)". Сплетня придает дешевый блеск тому, чего мы ожидаем от иррационального, и при помощи психологии подсознательного мы с готовностью перемешали то, что человек скрывает — и что зачастую достойно лишь жалости, с тем, что он носит в себе, сам об этом не ведая»². Здесь А. Мальро обходит молчанием важное соображение о том, что с каждым случается то, что с ним должно случиться.

История последовательна, и если даже она бессмысленна, как утверждают некоторые, то во всяком случае не бессвязна.

Есть люди, которые эти связи улавливают хорошо и вообще понимают, что происходит. Это о них А. Зиновьев заметил: тем, кто понимает систему, в ней труднее существовать. Утверждение это прозвучало в телепередаче (1996 г.), но объяснения смуща-

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 1. — С. 422.

² Мальро А. Зеркало лжиба. — М., 1989. — С. 163.

ный логик не предложил. Наверное, это связано с тем, что в XX веке «мулрецы были столь обычным явлением, что дураки ценились чуть ли не на вес золота — толпы народа ходили за ними по улицам, их баловали, холили, оберегали как зеницу ока, назначали на высшие государственные посты...»¹.

Сказано это было давным-давно, в начале века, но вот что можно услышать сегодня, когда век кончается, включив телевизор и увидев на экране совещание каких-то высоких чинов:

— Ну, что вы на это скажете, майор?

— Это подтверждает давние мои подозрения, сэр!

— Вот как. Надеюсь, вы не откажетесь ими поделиться?

— Так точно, сэр. Мне кажется, этот план подтверждает, что у кого-то наверху в мозгах не все в порядке.

Когда майора выставили и все стали его ругать, генерал задумчиво сказал:

— Конечно, он городит ересь, но в его словах что-то есть...²

Заметьте, я недаром ссылаюсь на видеоленту, ведь «Наполеон из пригорода» — произведение классическое, элитариос. А вот видеофильм — это уже факт массовой культуры, здесь тривиализировано то, что раньше казалось парадоксом, остротой, британским юмором...

Свифт в «Битве книг» писал, что «если мы рассмотрим величайшие деяния, совершенные в истории отдельными личностями, например, основание новых государств силою оружия, развитие новых философских систем, создание и распространение новых религий, то найдем, что виновниками всего этого были люди, здравый смысл которых был поврежден»³.

При этом возможности у них, по нынешним масштабам, были не столь уж велики — ни ядерным оружием, ни нефтяными источниками, ни средствами массовой коммуникации упомянутые Свифтом герои исторического процесса не располагали.

У существования мира цели нет, ее никто не ставил. Современный школьник проникается убеждением, что применительно к изучению природы вопрос о цели бессмыслен. Рассматривая природу как неисчерпаемо сложную систему, мы стремимся узнать, как она устроена, и этого достаточно.

¹ Честертон Г. К. Наполеон из пригорода. — Л., 1925. — С. 14.

² Это из фильма «Dirty Dozen», видеокопией и выходными данными которого я, к сожалению, не располагаю.

³ Цит. по: Муравьев В. Джонатан Свифт. — М., 1968. — С. 68.

Позитивное научное знание предполагает именно такой подход и может гордиться полученными результатами. Мощь человека они усилили неизмеримо. В этой связи я позволю себе сослаться на беседу с С. С. Брюхоненко¹, который еще сорок с лишним лет назад весьма убедительно показал, что свобода индивида прямо зависит от технических средств, которыми он может располагать, и именно поэтому свобода человека неминуемо обратится в угрозу для существования человечества. Мысль о том, что индивид сможет угрожать существованию целой популяции, тогда казалась странной, позже маловероятной, но сейчас она уже и маловероятной не кажется.

Индивид может быть очень опасен. И не только потому, что он безумец или злодей по натуре (есть такие), не только потому, что он утратил критическое отношение к своим мыслям и поступкам, а потому, что он может располагать неконтролируемыми возможностями. Тут и здравый смысл — не гарантия.

Есть, конечно, надежда на малые группы.

Утверждают, что малые группы могут иметь преимущества и с генетической точки зрения. Когда перечисляют наиболее творческие периоды человеческой истории, неизменно упоминаются Иерусалим VIII века до нашей эры, Афины V века до нашей эры, Флоренция XIV века нашей эры. И в каждом случае мы имеем город, численность населения которого по нынешним меркам совсем не велика; а площадь города — и вовсе мала. А напряжение большого ожидания, видно, было очень велико. Какая концентрация духовных сил достигалась за сто с небольшим лет! Причем людей с высоким образованием (пусть даже не в нынешнем понимании этого слова) в этих городах было маловато.

Есть малые группы и в больших городах. Лишь, героиня пьесы Понтера Вайзенборна «Нелегалы» (дело происходит в памятном человечеству 1942 году) говорит: «В Берлине 4 миллиона жителей. Из них 3 миллиона думать не привыкли. Остается 1 миллион. Из него 900 тысяч трусят, преклоняются, аплодируют, нажимаются. Остается 100 тысяч. Из них 90 тысяч политикой не интересуются и вообще слишком заняты. Остается 10 тысяч. 9 тысяч из них уже погибли. Осталась 1000. Тысяча решительных людей на весь Берлин. Из них 993 я не знаю. Остается 7. Это наша группа»².

¹ Ленинская премия, присужденная, разумеется, посмертно, не добавила популярности имени этого замечательного ученого.

² Weisenborn G. Die Illegalen. — Berlin, 1946. — P. 32.

Эти семеро рисковали жизнью — и не по пустякам.

Есть, конечно, надежда на большие группы. Например, на человечество.

«Индивидуально каждый человек во всех своих действиях — сие, еде, размышлениях — руководствуется велениями разума. Но в целом человечество изменчиво, склонно к мистицизму, избалованно и в общем довольно симпатично. Люди суть люди, но Человек есть женщина»¹.

Вполне допустимо, что возможности женщины в социальных структурах и процессах реализованы еще недостаточно, а эти возможности более адекватны самой природе человечества, чем мы предполагаем.

И здесь есть шанс.

Ребенок — больше человек, чем взрослые, и это, конечно же, результат общения его с первой (и главной) женщиной его жизни. Потом он вырастет, войдет в Человечество целиком, станет личностью.

«Все европейцы верят в Личность — богиню, явно сохраняющую архаичные черты принадлежности к неразвитому первобытному сознанию, где каждый имеет своего особого божка, умиливает его остатками пицци или наказывает в зависимости от собственных удач или неудач. Личность — богиня иррациональная. Ни одному европейцу не удалось внятно и понятно объяснить другим европейцам, что она такое, кто ее родители, каким навыкам она покровительствует, хотя до недавнего времени, когда в Европе господствовало христианство, в личности находили черты фамильного сходства с Богом-отцом, искру божественного и вечного в человеке. К первобытному непрофессиональному сознанию личность близка и в том отношении, что она явно связана с тотемизмом. Как дикари говорят: я — попугай, я — выдра, я — крокодил, так европеец твердит: я — личность. Это его тотем.

... Но хотя ничего кроме бед, неприятностей, несчастий, позора или надутого тщеславия европеец не получает от личности, без нее он вообще перестает чувствовать себя человеком...»²

Кажется, слишком уж критичен по отношению к европейскому пониманию личности был остроумный М. К. Петров. Но согласиться, что многое тут подмечено точно. Великая сила — личность, и вели-

¹ *Честертон Г. К.* Наполеон из пригорода. — Л., 1925. — С. 14.

² *Петров М. К.* Язык, знак, культура. — М., 1991. — С. 135.

чайшая она ценность. Только правильно в Библии сказано: «Не сотвори себе кумира». Так заповедал нам Господь Бог. Не надо делать кумира и из личности.

Из общества тоже не надо. Так из чего же?

Да не из чего. Не из кого. «Не сотвори себе кумира». Будь самим собой.

Оставайся собой.

Роковые самолеты

Таких — кто оставался собой — было немного.

Но они были.

Они любят историю, и им хочется ее творить. Но им предназначена роль персонажей, и они исчезают, когда соответствующая часть текста завершена. Когда наступает конец главы.

До конца остаются собой летчики. Отнюдь не редко и не случайно у них желание пересесть с кресла пилота за стол писателя или даже в кресло президента.

Вспоминаю, как беседовал с одним видным дипломатом имперской эпохи — он работал послом в некоторых странах «социалистической ориентации», как тогда выражались. Зашла речь о тех, кто руководит независимыми странами Азии и Ближнего Востока.

— В сущности, — сказал посол, — все они летчики. Часть — по профессии и все — по темпераменту. Или по характеру. По типу, одним словом.

— А наши — дипломаты то есть?

— Переводчики.

Достаточно было раз увидеть сирийского президента Хафеза Асада и российского министра иностранных дел Козырева, чтобы разговор не забылся.

Почему летчики? Самолет делает из пилота лидера. Это частное проявление общего правила.

«Оружие делает человека храбрее. Лошадь обращает его в кавалериста. Вещи делают из человека то, что он из них делает»,¹ — писал В. Б. Шкловский в «Zoo». Он приближался к пониманию того кардинального для XX века факта, что при определенных условиях

¹ Шкловский В. Сетимистальное путешествие. Приложение. — М., 1990. — С. 288. Там же: «Больше всего меняет человека машина». (С. 284.)

плоды производства влияют на человека больше, нежели само производство; результаты производства значат для общества больше, чем средства производства. В этом — ключ к переоценке социальной философии Маркса.

Современному читателю трудно представить себе, какое значительное место в пространстве социальных возможностей в 1915–1945 гг. занимала авиация. Достаточно сказать, что силовые структуры Германской национал-социалистической рабочей партии, проложившие ей путь к власти, — эсэсовцы и штурмовики — были подразделены и наименованы по образцу боевых порядков военной авиации¹.

В 30-е годы XX века летчики безраздельно владели той клеточкой в структуре реальности, которую в 60–70-е годы заняли космонавты. Ум, бесстрашие, высокий профессионализм, готовность пойти на риск и сделать то, что еще никто и никогда не делал, — все эти качества воплощались в летчиках. Их имена были у всех на слуху, если не на устах. Линдберг, Чкалов, Эрхардт, Бальбо, Мельдерс... О Линдберге заговорили как о будущем президенте США — но Рузвельт не терпел соперников и вытеснил его с политической арены. Эмелин Эрхардт просто исчезла во время дальнего перелета. Итало Бальбо сбил в тылу собственные зенитки — трагическая ошибка. Вернер Мельдерс — немецкий ас — был сбит немецкими же зенитчиками в глубоком тылу — трагическая ошибка.

Среди тех, кто нам назван, Чкалов занимает место совершенно особое. Хотя для разведок и авиаконструкторов всего мира Валерий Чкалов — всего лишь шеф-пилот завода № 156, у него существует иная известность. Его личная популярность быстро перерастает в политическую. Его перелеты приобретают символическое значение. Он дает «путевку в жизнь» наиболее перспективным самолетам. В мире, где господствует пропаганда, он один из немногих непреувеличенных и непридуманных персонажей современной мифологии. Слово «неподдельно» казалось специально изобретенным для того, чтобы характеризовать то, что он делал, — и его самого.

Он *такой*. Он говорит И. В. Сталину правду — значит, он ему предан. Он показывается на людях с Е. Гладун-Хаятиной, а проще — с Женей Ежовой — значит, ему с ней интересно. Он появляется в НКВД и требует освобождения кого-то из бесчисленных арестованных — значит, этот человек не виноват.

¹ SA (Sturmabteilung) — штурмовые отряды (СА) и SS (Schutzstaffel) — охранные отряды (СС).

Это называется харизмой. И В. П. Чкалов наделен ею в полной мере.

И в эпоху грандиозных, не имеющих себе равных в истории фальсификаций ему делают конфиденциальное предложение возглавить НКВД. Сделать такое предложение может только один человек, и он его делает. Разумеется, это не лишит НКВД ореола устрашения, но вернет деятельности этого учреждения хотя бы минимальный авторитет. Ибо авторитет и устрашение — вещи разные.

В. П. Чкалов соглашается. Он лишь пытается оттянуть вступление в страшную должность: прежде он должен вернуть авторитет советской авиации, авторитет, основательно подорванный в небе Испании истребителями Вилли Мессершмитта. Новый истребитель Н. Н. Поликарпова превзойдет Мессершмитт Me-109. И вот тогда...

12 декабря 1938 г. летчик-испытатель Валерий Павлович Чкалов ознакомился с актом о допуске к первому вылету и полетным заданием. Ведущий инженер доложил, что испытываемый истребитель И-180 и его мотор И-88 осмотрены и исправны. В. П. Чкалов подтвердил, что условия исполнения задания ему известны, неизвестно только, как поведет себя в воздухе машина. При этом он сравнил первый полет с родами, которые могут закончиться кесаревым сечением. Инженер, видимо, не понял В. П. Чкалова. Тот сказал ему: «Видю, ты толком не знаешь, как рожают бабы», надел парашют и в сопровождении главного конструктора Николая Николаевича Поликарпова направился к самолету, обошел его и, сказав Поликарпову: «красавец», забрался на крыло и сел в кабину. Затем он включил мотор, проверил движение элеронов, рулей высоты и руля поворотов, поднял вверх левую руку в летной перчатке с крагами и показал большой палец, что было условным знаком: «порядок!». В 13.13 Чкалов отрулил от стоянки летной испытательной станции к дальнему от нее углу аэродрома, чтобы разбег самолета прошел по диагонали летного поля.

Двигатель уже был запущен на полную мощность, когда в главные ворота аэродрома на большой скорости въехали три легковые машины и блокировали взлет, причем одна из них затормозила в непосредственной близости от носовой части истребителя. Из нее вылез и взобрался на крыло военный в кожаном пальто с петлицами НКВД со знаками различия комбрига. Удерживая самолет на месте тормозами, Чкалов прибавил обороты, решив, по-видимому, сбросить комбрига НКВД с крыла воздушной струей от винта. Так

как это не удалось, Чкалов убавил обороты. Комбриг сообщил ему, что «тов. Сталин запрещает ему вылет ввиду неисправности самолета». В. П. Чкалов выразил удивление и готовность незамедлительно исполнить приказание. Через 1–2 минуты, когда он начал рулить к ангару, мотор истребителя внезапно и произвольно остановился.

При тщательном осмотре было установлено, что переломился недавно переделанный и специально утолщенный трос, управляющий дроссельной заслонкой карбюратора (в полете это угрожало аппаратурой).

Возвращаясь домой, Валерий Павлович Чкалов зашел к своему другу — военному летчику и писателю Георгию Байдукову, который работал в это время совместно со сценаристом. Узнав о поломке самолета (о вмешательстве НКВД Чкалов умалчивал), Г. Байдуков возмущался. «Валерий взглянул на моего гостя, встал и спокойно сказал: — Ничего ты не смыслишь!»¹. Затем он провел ладонью по горлу и, по-видимому, почувствовал, что надо пояснить этот жест, так как прибавил: «Вот так необходим новый истребитель».

Здесь все в высшей степени многозначительно — и умолчание, и жест, и взгляд.

Следующий вылет был назначен на 15 декабря 1938 г. Ознакомившись с актом о готовности самолета к вылету, составленным 14 декабря с приложением дефектной ведомости, В. П. Чкалов читать последнюю не стал, заметив при этом: «Это все равно, что показать жепуху перед всматриванием анатомическое строение невесты с перечислением всех отклонений от идеала».

Перед вылетом к испытателю подошел Н. Н. Поликарпов и довольно долго беседовал с ним.

Перед полетом механик 25 минут проверял работу мотора.

В 12.58 И-180, весивший более двух тонн, легко оторвался от земли и круто ушел вверх. На высоте 600 метров самолет пошел вдоль границ Центрального аэродрома. В это время завершал полет на бомбардировщике ЦКБ-26 летчик-испытатель Константин Коккички. Истребитель Чкалова приблизился к нему и покачал крыльями, что означало «посмотри на меня». Коккички увидел, как Чкалов поднял левую руку в летной перчатке, с большим пальцем вверх.

Время, отпущенное полетным заданием истекло, и И-180 сделал разворот. В тот момент, когда машина легла на крыло, мотор издал громкий хлопок, стал работать с перебоями и вскоре смолк. До

¹ Байдуков Г. Чкалов. — М., 1991. — С. 301.

посадочной площадки оставалось 900 метров. Самолет стал терять высоту. Приняв решение сделать вынужденную посадку, Чкалов повел его к намеченному участку, свободному от построек. У фонаря кабины имелась сдвижная часть. Чкалов сдвинул ее назад, открыв тем самым кабину. Через несколько секунд это его погубило. Истребитель задел столб — и летчика выбило из машины. Его тело описало короткую дугу. Пилот ударился головой о торец штабеля из дюймовых металлических прутьев. При этом был поврежден дыхательный центр мозга, и Чкалов вскоре перестал дышать.

Следствие быстро установило виновных: это нарком оборонной промышленности, начальник главного управления авиационной промышленности, директор завода, главный конструктор (Н. Н. Полнкарпов), его заместитель. Нарком (М. М. Каганович, брат могущественного Л. М. Кагановича) стреляет себе в висок. Остальные исчезают в лагерях. Кроме главного конструктора. Он получает звание Героя Социалистического Труда (тогда их можно было пересчитать по пальцам) и Сталинскую премию I степени, с заданием довести истребитель до серийного выпуска.

«Однако И-180 оказался невезучим и, даже больше того, роковым самолетом»¹. Его история изложена А. С. Яковлевым кратко и неточно, хотя единственно точное слово — «роковой» — нашел именно он. Более подробно об И-180 рассказано у П. М. Стефановского². Детализированно — у В. Б. Шаврова³. Примечательна публикация Н. Добрухи⁴. Я имел возможность побеседовать и с некоторыми выдающимися авиаторами середины века, а также ознакомиться с архивными документами. И могу лишь повторить слова Карела Чапека: «Прошлое вовсе не так понятно, как мне представлялось... Оно совсем неоднолико. В минувшем творились такие невообразимые, немыслимые дела. Мне иногда кажется, будто я стою на краю почти неведомого мира; кое-что для себя я открыл, а остальное уходит куда-то в бесконечность, в такие дали, о которых я и не подозревал, не имел представления... И

¹ Яковлев А. С. Цель жизни: Записки авиаконструктора. — Изд. 5-е, перераб. и доп. — М., 1987. — С. 220.

² Стефановский П. М. Триста неизвестных. — М., 1968.

³ Шавров В. Б. История конструкций самолетов в СССР (1938–1950): Материалы к истории самолетостроения. — М., 1978.

⁴ Добруха Н. Валерий Чкалов: история взлета и смерти // КП. — 1994. — 14 декабря.

надо считать великим милосердием то заблуждение, будто наше прошлое нам известно: известно лишь немного, а все остальное... Большую часть прошлого нам следовало бы пережить заново¹.

Решение не трогать Н. Н. Поликарпова казалось оправданным: у самолета была перспектива, война была на носу. 5 тысяч² И-180 могли спасти положение, и И-180 был доработан. Его стали испытывать, и в мае 1939 г. произошла катастрофа: «летчик Томас Сузи с высоты 10 000 м с работающим двигателем пошел вниз до земли почти вертикально. По всем обстоятельствам было высказано предположение, что летчик (сравнительно пожилого возраста) умер в воздухе (сердечный приступ) и самолет не был причиной аварии. Во всяком случае, это не отразилось на выпуске почти в то же время следующего варианта»³.

Но все было не так просто. Дело в том, что летчик выбросился с парашютом. Парашют не раскрылся. Илл Сузи умер в воздухе и не успел раскрыть парашют?

Следующий вариант испытывал С. Супрун — пилот, которым восхищался Эрнст Хейнкель (а на него трудно было угодить). Самолет перевернулся на посадке «из-за конструктивного недостатка шасси».

Следующий экземпляр разбился на госиспытаниях (летчик успел выпрыгнуть, и на этот раз парашют раскрылся).

Н. Н. Поликарпов превратил И-180 в И-185. «По оценке НИИ ВВС это был истребитель, превосходивший все истребители мира 1942 г.»⁴ Как это проверить? Это война, проверить можно. Самолет прошел дополнительные испытания непосредственно на фронте и показал явное превосходство над истребителями Мессершмидта. Более того, он превосходил и истребитель Курта Танка, на один из которых (Фокке-Вульф Та-152) был очень, даже странно похож. «Летные качества опытного экземпляра И-185 были исключительные... Шла подготовка его серийного производства. Однако при подготовке испытаний на дальность произошла катастрофа от совершенно случайной причины, не зависевшей от конструкции и летных качеств самолета (засорился жиклер карбюратора)»⁵. Двигатель остановился на малой высоте, самолет врезался в ангар и сгорел.

¹ Чанек К. Собр. соч. — Т. I. — М., 1974. — С. 218.

² По расчетам А. Ротенберга, заместителя главного конструктора.

³ Шафров В. Г. История конструкций самолетов в СССР (1938–1950). — С. 58.

⁴ Там же. — С. 63.

⁵ Там же.

Вверху И-180, внизу И-185. Воплощенное ожидание взлета. Моторы еще молчат, винты не вращаются. Пьетон сказал об идее: «она летит или гибнет» — и, это, мне чудится, могло быть сказано про самолет. Он — метафора идеи. А идеи живут за счет людей — их силы, крови, жизни. И это не только идеи политические и религиозные. Любые. Технические в том числе.

Пилот погиб. Н. Н. Поликарпов снова получил Сталинскую премию I степени.

О каких «испытаниях на дальность» тут идет речь?

16 февраля 1943 г. И. В. Сталин прочел письмо Н. Н. Поликарпова об И-185 и «заинтересовался дальностью полета этого истребителя, заметив, что одна скорость без необходимой дальности еще мало о чем говорит. Мы (Шахурин и Яковлев. — А.Б.) назвали цифру дальности.

— Проверено в полете?

— Нет, дальность еще не проверена в полете. Это расчетные данные.

— Я словам не верю. Сперва проверьте в полете дальность, а потом будем решать, как быть с этой машиной. Сейчас решать рано. И отложил письмо в сторону»¹.

Исподолго.

Вот после этого разбился последний И-185.

30 июля 1944 г. Н. Н. Поликарпов умер в возрасте 52 лет после непродолжительной болезни. В его честь был переименован учебный самолет, прославленный своей надежностью. Работы его конструкторского бюро были свернуты и более не возобновлялись.

Смерть В. П. Чкалова не представлялась его современникам случайной. Слухи о том, что самолет разбился в результате диверсионного акта, распространились широко. И. В. Чкалов сообщает, что на скромном обелиске в Ванкувере, воздвигнутом в память перелета его отца через Северный полюс на американский континент, после фамилии Чкалова указано: «убит 15 декабря 1938». Но это ни о чем еще, конечно, не говорит.

Через содержание документов 1939–1940 гг. красной нитью тянется тема воспреещения полетов на И-180 — воспреещения, которое было нарушено. Из приказа № 070 «О мерах по предотвращению аварийности в частях ВВС РККА» от 4 июля 1939 г. явствует, что нарушил его не кто иной, как В. П. Чкалов. Трудно сегодня оценить степень доверия современников к этому абсурдному утверждению: летчик-испытатель не может сам отдать приказ о вылете и выписать себе полетный лист.

Не менее трудно установить, как ассоциировался в сознании современников с гибелью В. П. Чкалова факт практически одновременного (12.12.1938 г.) исчезновения второй харизматической

¹ Яковлев А. С. Цель жизни. — С. 273.

фигуры тех лет — Михаила Кольцова¹: вопрос о дате его смерти нельзя считать проясненным до конца.

Заслуживает внимания исследователя и то обстоятельство, что «роковые самолеты» словно бы были призваны снова и снова подтверждать: В. П. Чкалов не мог не погибнуть. Возможно, был и человек, которому требовались такие подтверждения.

Я пишу про это потому, что разделяю точку зрения Исайи Берлина: надо рисовать «портрет ситуации», а не се «рентгеноснимок» — в портрете схвачено уникальное, а рентген отбрасывает все, кроме общего². В портрете — существование, на рентгеноплёнке — сущность, диагностическое значение рентгена неоспоримо, но сводима ли история к диагностике?

Вся эта история крепко, узлом привязана к проблеме существования. В человеке, в его теле и душе спрятано нечто *свое*, настолько внутреннее, что он и сам этого не видел, не знает. Можно, разумеется, заглядывать внутрь, в сущность. Ганс Касторп смотрит на рентгенограмму своих легких и впервые в жизни понимает, что умрет. Наверное, заглянув в ментограмму своей психики (будут же такие, хотя и не скоро), человек испытает сходное чувство. Сущность! Пусть существование абсурдно, ведь оно ведет в никуда, в смерть, но оно — живое, бесконечно изменчивое, полное ожидания, это вам скажет любой портрет. Иногда про это говорит и снимок. Но он — лишь моментальный срез существования. А рентгеноснимок по самой своей специфике схематичен, намечает контуры сущности, устойчивость которой велика, очень велика. Если взять историю на рентген, мы увидим экономику, право, границы, начерченные и стертые на географических картах, одним словом, все, кроме людей. Споры нет, все это необходимо для понимания прошлого — и статистические таблицы, и пробитые черепа, но вот все свидетельства налицо и перед нами возник «чужой и далекий мир, давно закончивший свое существование, замкнувшийся, объясненный и неподвижный. Какое желание мог он возбуждать? Его хотелось нарисовать»³. Это именно и следует сделать, нарисовать

¹ Сравните с датой первого вылета И-180, когда в полете должен был оборваться тросик дроссельной заслонки.

² Berlin I. The Concept of Scientific History // History and Theory. — 1960 — V. 1. — № 1. — P. 18–19.

³ Пастернак Б. Л. Замечания к переводам из Шекспира // Зарубежная поэзия в переводах Б. Л. Пастернака. — М., 1990. — С. 558.

портрет ситуации. мир прошлого перестанет быть замкнувшимся и объясненным.

Этим я не хочу полностью исключить тему рока. Текст истории не может быть произвольно перекроеным его персонажами. Мифология устроена (или построена) таким образом, что и Юпитер не властен над роком.

В коллективном бессознательном народов рок выступает как сила неодолимая. Но для одних народов это сила величественная. Для других — лишь трагическая. В «повседневной жизни цемцы не раз мысленно обращались к древнему понятию рока. Судьба, управляемая неумолимым роком, была для них не только несчастным случаем, но и величественным событием, которое повергало в метафизический ужас всех терпящих и всех свидетелей чужих невзгод»¹.

В российском массовом сознании трагическое — это случайное, а потому неизбежное («трагически погиб...»), вызывающее чувство отчаяния, досады, стремления начать все сначала. В Евразии текст истории читают по-иному, чем в Западной Европе.

Автономия действующих лиц достаточно широка. В тексте истории есть место и роковому повторению случайных событий, и умыслу. Действующие лица — живые люди. И весь ход истории заставляет задуматься над тем, является ли противопоставление души и тела (шире — сознания и материи) очевидным и логически оправданным. А если это псевдопротивопоставление? Джон Дони ошибался, утверждая:

Тела — не мы, но наш порядок.

Нет, мы.

И прав был Леонид Мартынов, когда писал:

О люди,
Ваши темные дела
Я вижу. Но волнуюсь не за души,
А лишь за неповищные тела —
Ведь это все же не спящие туши!
Я знаю:
Тело не за свой позор
Заплатит кровью, чистой и горячей.
Плутует разум — хитрый резонер,

¹ Кракауэр Э. Психологическая история немецкого кино: От Каппари до Гитлера. — М., 1977. — С. 93.

Вступая в сделки с честью и удачей.
Но коли так, за что же, о, за что ж, —
Ответьте, объясните мне причину! —
Вам не в сознание всаживают нож,
А между ребер — в сердце или в спину?
Я смерти не особенно боюсь.
Она не раз в глаза мои глядела.
Но все же я испытываю грусть
Не за себя, а именно за тело.

Вопрос поставлен верно: почему не в сознание, а в сердце? Ведь сознание не менее реально, чем сердце. Они расположены на разных полюсах реальности, но отсюда не следует, что они противостоят друг другу. Проблема исключительно в том, что легче «достать ножом»¹.

Но вот зачем «достать ножом», револьверной или пулеметной пулей, миной, атомной бомбой?

Неужели люди не могут без этого жить?

Они столь несовершенны как индивиды?

Они отрицательно влияют друг на друга, объединяясь в группы?

Они создают такие организационно опасные формы территориального существования, что насилие и войны становятся неизбежностью? Государства с их публичной властью, армиями, полицией — может быть, это все из-за них?

Или все зависит от того, что в обществе становится реальностью различные формы понимания мира, которые находят выражение в идеях, системах идей, в идеологиях?

Идеология

Идеология возникает исторически — и термин этот исторически молод. Идеология, например — патриотическая идеология, обязана своим существованием человеческим интересам, интересам групп. Так, патриотические интересы присущи большим группам людей, обладающих языковой и территориальной общностью.

¹ По выражению А. Вознесенского. Это из «Аннабель Ли»:

Жизнь достала ножом до сердечного клапана,

Девальпировки соловья.

Но палски в Адибию на дубу нацаравана

Твоя кличка — Аннабель Ли.

Что же такое патриотизм? Общеизвестно, что под этим словом (греческим по происхождению) подразумевают преданность родной стране и готовность содействовать реализации ее интересов.

Патриотизм — одну из наиболее сложных и загадочных явлений социальной жизни. Он глубинно связан с историей народа, его культурой и находит выражение в гордости за свою страну и свой народ¹.

Исторически патриотизм проявился в том, что жители городов гордились своей культурой, торговлей, местными богами. В дальнейшем получили распространение отождествление страны с главным городом (Римом, Парижем, Афинами). Впрочем, в XX веке к такому отождествлению относились уже иронически.

Выдающийся итальянский публицист Минно Манасари был совершенно прав, когда писал: «Посредственный или плохой художник может быть ярым патриотом, а своими картинами вредить репутации нации, к которой принадлежит. И наоборот, великолепный художник может и не выглядеть патриотом в своих высказываниях, но своей работой он на деле увеличивает славу и силу родной страны».

И правда: многие люди, восхвалявшие свою нацию, на деле ее ничем не прославили, в то время как скромный труженик или видный ученый, не выступающие на митингах националистической оппозиции или на страницах сугубо патриотической прессы, делают для своей родины куда больше, чем ура-патриоты. Более того, в разных странах и в разное время были люди, которые на словах всячески прославляли родину и нацию, а на деле грабили и хулили ее подлинную опору. О «патриотизме» таких людей Сэмюэль Джонсон (это было давно) сказал: «Патриотизм — последнее прибежище негодяев». И Лев Толстой с удовольствием приводил его слова в «Круте чтения».

Разумеется, патриотизм в мире, где меняются границы и приоритеты, приобретает размытый характер. М. Е. Салтыков-Щедрин, остроумный и сдкий, еще в прошлом веке размышлял, какую следует любить Россию — с Нахичеванью или без Нахичевани? (Теперь скажи бы: с Чечней или без Чечни?) И если границы того, что называют «родной страной», могут изменяться, не лучше ли найти в ней нечто неизменное, чему можно верить сердце без колебаний? Это неиз-

¹ Есть, конечно, и другие подходы к понятию «патриотизм». Так, Л. Фейхтвангер, рисуя подчеркнутую объективную картину жизни человечества, отмечал, что люди нередко вступают в конфликты «потому, что родились в разных местах земной поверхности» (Фейхтвангер Л. Собр. соч. — Т. 3. — М., 1964. — С. 225).

менное, говорит Салтыков-Щедрин, всем хорошо известно: это начальство. Таким образом, самый «присмлемый» патриот — тот, кто любит начальство. В нем и воплощается отечество.

Современный русский писатель Александр Мелихов согласен даже с тем, что «патриотом уже можно считать того, кто любит хоть какие-то частные проявления своего отечества и понимает при этом, что при исчезновении целого исчезнет и дорогая ему часть»¹. Сказано витиевато, а смысл прост: надо хоть что-то любить в своем отечестве.

Вероятно, все согласится с тем, что новая идеология, складывающаяся в нашем обществе, должна носить патриотический характер. Но что же мешает новой идеологии проявиться и укрепиться?

Здесь можно назвать три фактора.

Первый фактор обозначен и подробно описан Ричардом Пайпсом, влиятельным социологом. Он считает, что процесс «атомизации» в бывших социалистических странах еще не только не кончился, но, наоборот, только начался. Пример Югославии показывает, что распад будет идти и дальше. По мнению Р. Пайпса, процесс этот имеет место в политической, но в большей мере — в духовной сфере общества, в прошлом монолитного. С крушением коллективизма начались процессы, привязывающие человека к семье², к роду, а не к партиям и государствам. Не вдаваясь в оценку соображений Пайпса и Хантингтона, а тем более — их гипотетических выводов, констатируем, что они подметили реальную тенденцию. Может быть, она не разрасталась бы без некоторой внешней поддержки. Но это вопрос другой. Важно, что есть такая тенденция. И нам тут есть над чем подумать. Ведь патриотизм выражается в чувстве привязанности к стране, а не только определенной ее местности или части, к народу, а не к роду, хотя одно и не исключает другое.

Второй фактор заключается в том, что период социализма по своему значению и месту в исторической памяти неоднозначен, противоречив. Тут в неявной форме стоит вопрос, которым задается сейчас едва ли не каждый мыслящий человек. Это вопрос о цене переходного периода. И не входит ли в эту цену лишение людей того, чем они могли обладать в условиях государственно-монополистического

¹ Огонек. — 1996. — № 32. — С. 45.

² Вот, например, что пишет обозреватель журнала авторитетного, с традицией: «Теперь каждый за себя, как говорил пашка Табаки, и некому сказать: «Мы одной кровью — ты и я», только своим собственным детям. Мир сузился до размеров семьи» (Семенов А. Новая общность // ЗС. — 1997. — № 6. — С. 6).

социализма? Да, он был жесток, при нем тупо преследовали все свободное, оригинальное, исконно национальное — до языка включительно. Но с ликвидацией тоталитарного прошлого и обретением свободы и прав человека «новый ренессанс» пока не наступает. Упущено что-то очень важное, необходимое и надо постараться понять — что?

Третий фактор состоит в том, что национал-патриотические силы не проявили себя как культурно мощное и политически конструктивное начало, по крайней мере — в России, на Украине и в Белоруссии.

Эти три фактора способны расшатать три опоры патриотизма: государственно-политическую, социально-экономическую, национально-культурную.

Подлинный патриотизм не обязательно носит связанные с войной или с антиколониальной политикой черты. Но в XX веке патриотизм действительно часто определялся вооруженной борьбой за независимость того или иного государства. В то же время главный ресурс патриотизма — искренняя любовь к родной земле и культуре — чаще всего эксплуатировался в чисто политических целях. Это стало постепенно вызывать критическое отношение к официальной поддержке патриотизма. Патриотизм — по существу явление исторически позитивное. Однако в свое время он как бы узурпировался представителями военных кругов: не случайно ведь появился термин «военно-патриотическое воспитание».

Сущность патриотизма напрямую связана с людьми и территорией.

Постепенно любовь к родной земле стала доминирующим признаком патриотизма, причем господствующие в обществе круги, образующие в государстве главную силу, стали связывать любовь к родине с любовью к государству. Марксисты ортодоксального толка (К. Каутский, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, М. Н. Покровский) исходили из того, что патриотизм есть «форма классового самосохранения», и связывали это с понятием «нация», хотя возник патриотизм значительно раньше «нации» в собственном смысле термина и был началом, объединяющим различные общественные слои, что никак нельзя отрицать. Это исторический факт.

Существеннейший признак патриотизма — любовь к родной земле — экологизируется, и это повсеместное явление.

«Труд, отечество, семья» — все это произрастает на родной почве. Разумно, что правительство не выступает в роли экспонента «запад-

ных» или «восточных» идей: оно должно ясно обозначить роль государства как защитника земли, культуры, семьи и прежде всего детей.

Но в конце концов, патриотизм — это аспект определенной идеологии.

«Идеологии живучи. В разных обличьях они умеют пережить свою смерть»¹, — говорил молодой Людвиг Маркузе в 1935 г. Тогда живучесть идеологий изумляла. Казалось, недавно еще, по завершении первой мировой войны, *всем* стало ясно, что идеология есть инструмент воздействия на поведение масс. Но нет, *не всем!*

С тех пор идеологии проявляли свою силу не раз, на смену одной приходила другая, и все они пользовались официальной поддержкой. Именно здесь, в нашей небольшой стране, входившей тогда в СССР и образованной, строго говоря, как его часть, была предложена формула $3\text{д}=\text{Д}$ (демилитаризация + децентрализация + деидеологизация = Демократизация). Ее подхватили, она имела успех, она сработала... и была забыта. Не прошло и десяти лет, как новым независимым государствам потребовались и должная степень внутренней централизации, и государственная идеология. Потребуется, я уверен, и должный уровень обороноспособности — ситуация заставляет задуматься над этим всерьез. Но коснемся идеологии и ее возможностей — ведь сегодня отсутствие идеологии ощущается столь же отчетливо, как десять лет назад ощущался ее пресс.

Чувствую, что идеологии как-то не хватает, возникло недавно. Сейчас как раз десятилетие пресловутой перестройки, и все, возможно, не забыли, что поначалу было совершенно иное чувство — чувство чрезмерного изобилия идеологических требований и запретов. Все хотели от них избавиться, даже партийные «идеологины» не возражали. Говорю «идеологины» потому, что было такое неписаное правило — доверять соответствующие посты в райкомах и горкомах женщинам, чтобы и они участвовали в руководстве. И в то же время ничего не изменяли. Идеологию нельзя было изменить. Она была твердая.

Но все, что слишком твердое, — слишком хрупкое. Партийная идеология хрустнула и сломалась. Маркс к этому отношения не имел. «Научная идеология» — этот термин его бы, скорей всего, насмешил. Он считал, что идеология вообще отражает мир искаженно. В перевернутом виде.

¹ Маркузе Л. Выступление на Международном Конгрессе писателей в защиту культуры // Встреча на Эбро. — М., 1989. — С. 196.

Но с тех пор прошло много лет, все увидели, что идеология — большая сила.

Это сила, которая ведет в одном направлении, отстраняя, отталкивая другие. Это сила системы идей, которую поддерживают люди.

Поддерживают? Но почему? Потому что их так учили? Потому что других взглядов они просто не знают? Или потому что им действительно нравятся эти идеи, эти взгляды?

Вот суть вопроса о государственной идеологии.

Вообще-то в демократическом обществе идеологии, которую насаждало бы государство, не должны быть. Ее там и не бывает. Конкурируют различные системы идей.

Но в острых критических ситуациях государство всегда ищет идеологической поддержки: идеология — сила, которой нельзя пренебрегать.

В то же время идеология, как и рынок, который тоже большая сила, требует очень осторожного обращения, умелого, точного. Рынку нас уже показал, на что он способен, когда с ним неумело обращаются. Он выходит из берегов. Становится выгоднее торговать, нежели работать. И идеология, которую поддерживает государство, тоже может стать средством, стесняющим свободу слова и мысли.

Но ведь и свобода слова не должна быть безбрежна. Она не должна обращаться в свободу лжи.

Для государства существенны идеи, которые помогут обществу стать управляемым, упорядоченным, контролируемым. Общество в свою очередь считает, что в сфере духовной жизни оно вполне способно к самоуправлению и самоорганизации. Определенная проблема тут, конечно, возникает. Ее можно углубить и сделать неразрешимой, а можно и разрешить.

Государство должно задавать границы, за которые не должны выходить ни программы политических партий, ни, быть может, даже дискуссии на политические темы. О каких границах идет речь? А о тех, о которых все вспоминают в дни Победы. Пусть солдаты наши воскали не за оципанного николаевского орла, ненароком залетевшего вновь в Кремль, не за трехцветный флаг (был такой флаг у РОА в 1944-м), но Победа все-таки была. Победа над фашизмом. А потому фашистской идеологии у нас не место, ей должны быть поставлены преграды, и покрепче, чем в России, где бурлят волны шовинизма. Не надо закрывать на это глаза. Все мыслящие люди за *идеологию свободы* — свободы мысли и слова; *идеологию равенства* — равенства стартовых возможностей для всех (а уж кто дальше продвиг-

нется — это должно зависеть только от него самого), идеологию братства, наконец. Это очень важное слово — «братство», оно выражает ощущение родства (не то, что дружба — друзья могут и расстаться, а от родства не уйти). Если братство останется только словом, брошенным на ветер словом, — это грозит бедой. Если оно воплотится в жизнь, мы выживем.

Осуществимо ли это? Как вы понимаете, идеал потому и является идеалом, что в действительности его нет. И если он хоть частично входит в действительность — это уже очень хорошо. Но действительность переходного периода отличается тем, что люди и цены играют в ней гораздо большую роль, чем идеи и законы.

Г. Дж. Уэллс говорил, что идея, которая не входит в систему, ничего не стоит. Идея обретает значение, начинает влиять, когда она связана с другими идеями, занимает среди них должное место.

Хороших идей много, но поодиночке они мало что значат, скользят по поверхности сознания — и только.

Идеи в связке — как альпинисты: они поддерживают друг друга и движутся к цели.

Но, конечно, одной системностью значение идеологии не определяется. Главное в идеологии состоит в том, что она выражает стремления и чаяния общественных групп. Больших общественных групп! И к имущественным интересам они не сводимы. Политические, культурные, социальные интересы могут найти общий идеологический знаменатель. Но для этого они должны быть осознаны людьми, массами людей.

Бесспорно и то, что многое из того, что об идеологии говорят и пишут, — лишь пожелания. Осуществимы ли они в обществе, переживающем нелегкие дни, в обществе, где обостряются социальные противоречия, где пожилые люди так плохо обеспечены, а молодые зачастую не в силах найти себя? Сейчас потребность в осознании общих ценностей очень велика. Мы часто склонны привязывать их к той или иной религии. Но религия при всей ее исключительной важности не исчерпывает собой содержание духовной жизни общества.

В отличие от идеологических догм прошлого, идеология современности может быть направлена не на запрещение тех или иных идей, а на свободное развитие мысли, культуры, экономики в обществе, где все заинтересованы в том, чтобы поддерживать друг друга.

Скажут: общество взаимоподдержки — это идеал.

Да. Это идеал. Но мы вправе формулировать наши идеалы, обсуждать их, идти к ним, надеясь, что они осуществимы.

Когда стало обсуждаться идеологическое состояние российской духовной жизни в период президентских выборов, авторитетный критик Н. Сиринья дала ей такую характеристику: «Это инстинктивное стремление голого короля прикрыться чем-то за секунду до разоблачения. Свидетельство — увы — полного краха, которым закончился идеологический и духовный переворот, начавшийся в стране десять лет назад»¹.

В Кыргызстане столь пессимистических оценок нет по простой причине: демократическое общество само по себе является серьезным достижением и его надо сохранять и защищать. В России дело иное. «В России у власти сейчас маргиналы, люди, развивавшиеся вне культурной среды, не имеющие серьезной профессиональной и общеобразовательной подготовки. Появившись на политической арене в результате самозарождения политиков внутри самых разных социальных групп тоталитарного общества, они полагают, что возможно и самозарождение гениев вне научной среды — где-нибудь в котельной, дворницкой или «на досках»². Именно гениев. У нас вообще, когда хотят похвалить кого-нибудь, говорят «гений». И почти никогда — «мастер». Это весьма показательно, поскольку гений — он сам по себе гений, а мастером можно стать, лишь находясь среди других, лишь соответствуя профессиональным требованиям, которые предъявляют человеку профессиональное сообщество, корпорация»³. Корпорация предъявляет требования не только к знаниям, но и к взглядам.

Источник современной идеологии следует искать в интересах, сгличивающих людей не только в этнические, но и в профессиональные сообщества. Термин «специализм» придумали специалисты. Способны ли они осознать общность своих интересов и прийти к общности взглядов — покажет будущее.

История — это прошлое, которое горит и светится в огне нынешнего дня⁴. И вот есть люди, для которых прошлое обращается в гигантскую лампу накаливания: только в ее лучах, только в свете прошлого видят они настоящее и будущее. Между тем у будущего свои приметы.

¹ См.: ИК. — 1996. — № 2. — С. 22.

² Имеется в виду полузабытый ныне Н. Куртвиш и его театр «На досках».

³ Шунгарин Дм. Идеологическая конверсия и ее жертвы // ИК. — 1992. — 30 января.

⁴ Логично не «политика сегодняшнего дня, опровергнутая в прошлом», как учил М. Н. Покровский.

Они носят знаковый характер.

Если мы (следуя Э. Верону) будем рассматривать идеологию как систему правил, фундационирующих в процессе воспроизводства сообщений, то она сблизится с правилами социальных игр — в той мере, в какой эти игры семиотичны, знаковы.

Сила знаковых систем огромна. На них зиждилось мифоздание прошлого.

«Мифоздание — это в известном смысле перевернутое мироздание. То, что в последнем считалось надстройкой, приобретает значение базиса, а то, что называлось базисом, оказывается совершенно призрачной надстройкой. В этом смысле Днепротэс для страны Советов прежде всего — знамя и символ, а уж во вторую очередь — источник электроэнергии и объект хозяйственной деятельности. Словом, идеологические установки выглядят более материальной, физической реальностью, нежели средства производства вкупе с товарным потреблением»¹.

Кому же требовалось мифоздание?

Оно было идеологической конструкцией, созданной в интересах «того, что называется политической партией, — сплоченной общественной силы, действующей по одному лозунгу, по одной программе, под представительством одного или нескольких признанных вождей, имеющей целью изменить общественный или политический строй страны, если можно, в пределах законности, а если нельзя, то подготавливая переворот»².

Имя в сноске говорит больше, чем страница рассуждений. Так четко, так ясно, так *по-русски* определяет политическую партию отец российского либерализма профессор Военно-юридической академии К. Д. Кавелин, и писалось это, когда будущий Николай Ленин³ был еще приговешишкой — в 1879 г.

Вот когда все это уже складывалось в российском общественном сознании — либеральные и многознающие люди отлично представляли себе, что такое политическая партия в российском ее понимании.

Отсюда все и пришло.

И ушло.

¹ Богомолов Ю. Краткий конспект длинной истории советского кино. 20–70-е годы // ИК — № 11. — С. 19.

² Кавелин К. Д. Наш умственный строй. — М., 1989. — С. 347.

³ Подлинный псевдоним В. И. Ульянова.

Белый слон

Если Витгенштейн прав, и мир есть то, что в нем *происходит*, естественны предположения относительно автора, персонажей и зрителей происходящего.

В тоталитарном государстве сограждане видят в правителе автора, себя считают персонажами (и исправно играют свои роли), а извне за происходящим наблюдают недоумевающие, смеющиеся, возмущенные, но всегда заинтересованные зрители. Тоталитаризм потому и тяготеет всегда к формам закрытого общества, что зрители (туристы, журналисты) ему не нужны (невольно вспоминаются непроизвольные смешки, которые вызвала в зале реплика старого вождя каннибалов: «А нам свидетелей не нужно!»¹).

Этот политизированный пример отвечает общей тональности главы, на самом деле триединство автор — персонаж — читатель (зритель, слушатель) архетипично, идет из глубин, в которых только еще зарождалось представление обо всем происходящем с людьми.

И вот в игре, где участники (персонажи) налицо, налицо и зрители, вызывающим образом отсутствует автор. Все идет само. Невежество. Бессознательно возникает ощущение, что Автор есть, что мы просто не знаем его замысла, но Он нас знает — и мы вызываем к нему.

И зрители, и персонажи.

Я несколько утрирую, но побудительная сила игры и риска очень велика и обращает субъекта к трансцендентальному субъекту, обращает бессознательно, но — обращает.

«Когда-то Эйзенштейн говорил: если бы наши драматурги достигли такого совершенства, чтобы могли держать людей простейшим действием девяносто минут и чтобы те смотрели фильм так, как смотрят, когда по полю гоняют мяч, они были бы гениальны. Лучшая драматургия — это футбольный матч. Люди смотрят и не встают»². Почему же это происходит? Проще ответить: потому, что финал неизвестен. Но более обобщенным (и более правильным) ответом было бы: *это игра*.

Но позвольте — играют и на сцене, играют и актеры. Вне всякого сомнения. Но спортивные игры воспринимаются совершенно по-

¹ Человек из плутыда. Мосфильм, 1961. Реж. Э. Рязанов, сценарий Л. Г. Зорина, в ролях С. Юрский, Л. Гурченко, А. Палазов, Ю. Яковлев.

² См. Ролан М. Возвращаясь к «монтажу аттракционов» // Кинематограф сегодняя. — М., 1967. — С. 64.

ному: если на театральной сцене происходит то, что выстроено в уме автора заранее, уже известно актерам и должно быть неизвестно только зрителю, то на стадионе идет игра, скрипт которой складывается на наших глазах; ход ее соответственно непредсказуем¹ и для игроков, и для зрителей.

В неравной мере. Кто же способен больше понять в игре: те, кто играют, или те, кто смотрят?

«Вот, наконец, мы подошли к тому, чем можем воспользоваться, конечно же, не для определения философии, а для оправдания настоящего труда, где перемешаны философия, история и всякого рода интересные случаи»².

Сказанное Мерло-Понти — и про эту книгу, ведь она тоже в защиту философии.

В античной Греции были зрители спортивных состязаний, которые «внимательно всматривались». Дословно они определялись как «теоретики», то есть не азартные, а всматривающиеся; то, чем они занимались, и было «теорией», а результат занятий теорией бывал феноменален — он позволял предвидеть ход и результаты игры.

Теоретик мог увидеть пространство возможностей и движение в нем лучше, яснее, чем практик. Это было началом нескончаемого спора: он неразрешим, но в нем нельзя не участвовать.

Игры бывают не только на арене. И не только на сцене.

«Игры есть игры для взрослых только, когда им присуща беспощадная серьезность. Относительные ценности приобретают реальность в меру давления среды, выносившей их в своем сознании. Заведомые пустяки становились атрибутом чести, заведомые условности оплачивались дуэлями или пулей в лоб. Сила давления среды определяется теми благами, которые среда может дать живущему по ее законам, тем ущербом, который она может нанести. Это реальность»³.

Произнесено решающее слово: *реальность*. Это реальность.

¹ Именно ход. Когда играют две команды, одна из которых заведомо сильнее, финал с высокой вероятностью предсказуем: исход, но не ход. Так (давно это было), в игре футбольной сборной Северной Кореи с очень сильной тогда португальской командой счет в первом тайме был уже 3:0, второй тайм северокорейцы проиграли вчистую, сборная Португалии победила с общим счетом 4:3. Но был же этот момент, который ничего не изменил и который никто предугадать не мог!

² Мерло-Понти М. В защиту философии. — М., 1996. — С. 167.

³ Гинзбург Л. Человек за письменным столом. — Л., 1989. — С. 265.

Пространство возможностей, ступенное на арене, сцене, доске, отлнчнмо от течения событий в «жнзненном пространстве», но неразъединнмо с ннм. Переход между ннми существует.

Андрей Вороннн, герой «Града обреченного» в таннственном Красном здании¹ нграет в жнвые шахматы с геннальным стратегом.

Фнгуры стоят, как нм полагаается, на доске (нлн, точнее, на ннкрустнрованном столнке) — н вдоль стен зала, глядя на нграющих.

Онн мнстнчески совмещены в двух познциях — на доске н у стены, н в обеих познциях онн жнвы.

«Две пешкн стоялн друг протнв друга, лоб в лоб, онн могли коснуться друг друга, могли обменнться ннчего не значащнми словами, могли просто тихо горднться собою, горднться тем, что вот онн, простые пешкн, обозначнлн собою ту главную ось, вокруг которой будет теперь разворачнваться нгра. Но онн ннчего не могли сделать друг другу, онн были нейтральны друг к другу, онн были в разных боевых нмереннях...» Так н должно быть согласно правилам нгры.

Андрей нграет свонми близкнми друзьнми н смотрнт уже «не на своих, а на тех, кем распорнжался его сопернк. Там почти не было знакомых лнц, какне-то неожнданно ннтелнлнсного вида люди в штатском, с бородами, в пенсне, в старомодных галстухах н жнлетках, какне-то воснпые в непрнвычной форме, с многочнсленными ромбамн в пеклнцах, прн орденах, прнвнченнх на муаровые подкладкн.»

Откуда он набрал таких, — с нскоторым уднвлннем подумал Андрей.

Нгра развертывается. Предложен ферзевоу гамбнт с ннезбежной в этом случае жертвой. «Кто это? Краснвое бледное лнцо, вдонновенное н в то же время отталкнвающее какнм-то высокомернем, голубоватое пенсне, нзнщная вьющаяся борода, черная копна волос над светлым лбом — Андрей нкогда раннше не вндел этого человека н не мог сказать, кто он, но был он, по-внднмому, важной персонау, потому что властно н кратко разговарнвал с крнвоногнм мужнчком в бурке, а тот только шевелнл усами, шевелнл желваками на скулах н все отводнл в сторону слегка раскосые глаза, словно огромная днкая копка перед уверенным укротнтелем». Тот, в бурке, — командарм Первой Конной, бледный человек в пенсне — преседатель Реввоенсовета республики.

¹ Снмволнчен лн цвет этого четырехэтажного кнрнчного дома — вопрос сложный. «А чем желтый дом хуже любого белого нлн красного дома?» (А. П. Чехов. Полн собр. соч. н ннсем — Т. 12. — М., 1956. — С. 238).

Ферзевой гамбит принят.

«И Андрей сшил с доски белую пешку и поставил на ее место свою, черную, и в то же мгновение увидел, как дикая кошка в бурке вдруг впервые в жизни излягнула укротителю прямо в глаза и оскалила в шлогодней ухмылке желтые прокуренные клыки. И сейчас же какой-то смуглый, оливково-смуглый, не по-русски, не по-европейски даже выглядящий человек скользнул между рядами к голубому пенсне, взмахнул огромной ржавой лопатой, и пенсне голубой молнией брызнуло в сторону, а человек с бледным лицом великого трибуна и несостоявшегося тирана слабо ахнул, ноги его подломились, и небольшое ладное тело покатилося по выпцрбленным древним ступеням, расклеванным от тронического солнца, пачкаясь в белой пыли и ярко-красной липкой крови»¹.

Рамон Меркадер выполнил приказ.

Игра продолжается. Угрозу позиции Андрея Воронина создаст белый слон: «одно-единственное промедление, и белый слон вырвется на оперативный простор — он давно уже мечтает вырваться на оперативный простор, этот высокий статный красавец, украшенный созвездиями орденов, значков, ромбов, нашивок, гордый красавец с ледяными глазами и духлыми, как у юноши, губами, гордость молодой армии, гордость молодой страны, преуспевающий соперник таких же высокомерных, усыпанных орденами, значками, нашивками гордцов западной военной науки».

Среди первых пяти маршалов молодой армии этот — самый молодой. Четырехмоторные бомбардировщики, колесно-гусеничные танки, воздушно-десантные дивизии выдвигают РИКА на первое место в мире — в 1936 г. Воронину удалось показать великому танкисту, что дальше ему не пройти. «И великий танкист понял это, и заблестевшие было глаза его слова сощипо прикрылись красивыми тяжелыми веками, но он забыл, видимо, как точно так же забыл и вдруг каким-то страшным внутренним озарением понял Андрей, что здесь все решают не они — не пешки и слоны, и даже не ладьи и не ферзи. И чуть маленькая безволосая рука медленно поднялась над доской...»

И происходит то, что потрясло некогда нас: мир а дорожку поминутно тулупыный лист книги, на котором рукою ее автора зелеными

¹ Все сказанное пишется в систему образов, а не фактов — все условно, трансформировано, подвешено сознанием авторов. Реальность была точно организованной и злобещей — не ржавая лопата, а «малый ледоруб алашника» мелькнул тогда в воздухе. Это пишет организатор операции «Утка» он знает. (См. Судоплатов; И Спецоперации. — М., 1997. — С. 120)

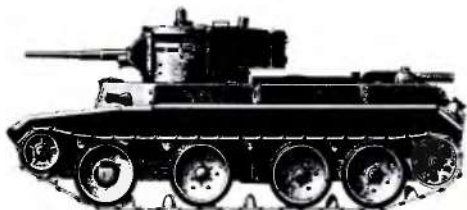
чернилами (тогда авторучки писали по преимуществу зелеными чернилами) было косо начертано: «The History stopped in 1936» («История остановилась в 1936»).

Да, было такое ощущение. И у многих — ощущение страха, недоумения, непонимания того, что происходит. Первое предложение «Логико-философского трактата» гласит: «Мир есть все, что происходит»¹. С 1936 г. мир стал терять имманентно ему присущее (в глазах марксистов) качество понятности.

«Андрей взглянул на великого танкиста и увидел в его серых прозрачных глазах тот же ужас и тягостное недоумение, которое ощущал и сам. Танкист, часто мигая, смотрел на гениального стратега и ничего не понимал. Он привык мыслить в категориях передвижений в пространстве огромных машинных и человеческих масс, он, в своей наивности и простодушии, привык считать, что все и навсегда решат его бронированные армады, уверенно прущие через чужие земли, и многомоторные, набитые бомбами и парашютистами, летающие крепости, плывущие в облаках над чужими землями, он сделал все возможное для того, чтобы эта ясная мечта могла быть реализована в любой необходимый момент... Конечно, он позволял себе иногда известные сомнения в том, что гениальный стратег так уж гениален и сумеет однозначно определить этот необходимый момент и необходимые направления бронированных ударов, и все же он ни в какую не понимал (и так и не успел понять), как можно было принести в жертву именно его, такого талантливого, такого неутомимого и непобедимого, как можно было принести в жертву все то, что было создано такими трудами и усилиями...»

Конец. Он принесен в жертву истории. Не исключено, что движение в пространстве возможностей происходит на основе не известных еще нам принципов и один из них сработал, вызвал социальный психоз 1937–1938 гг. и в несколько месяцев уничтожил руководство самой мощной в ту пору армии в мире. Принцип этот, вероятно, состоит в сохранении разнообразия исторически (и этнически) определенных социальных единиц. Если бы он не сработал, история стала бы иной. Великий танкист и весь генштаб уничтожены. Позднейшие исследователи видят на страницах протоколов бурые пятна, и экспертиза подтверждает, что это пятна крови.

¹ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат // Работы по философии. Ч. 1. — М., 1994. — С. 5 (Первый вариант перевода: «Мир есть все, что имеет место» — действительно менее удачен)

Ударом на удар. Теоретик контрудара маршал М. Н. Тухачевский не сомневался в том, что Германия совершит нападение на СССР и возлагал большие надежды на колесно-гусеничные танки с противопульным бронированием. В основу их конструкции была положена закупленная у Дж. У. Кристи разработка «М.1931». Танки БТ-5 и БТ-7 (на рисунке) шли на гусеницах по пересеченной местности и на колесах — по шоссе, достигая при этом скорости 52–90 км/час. Предполагалось, что противнику будет нанесен решительный контрудар, БТ помчатся по бетонированным автострадам Германии, провяжут ее правым флангом — через Пруссию, левым — через Баварию, и гигантские каски сомкнутся у Рейна, в восставшем Рурском бассейне.

Ничего принципиально неисполнимого в этом замысле нет. Но БТ суждено было показать себя не на автострадах — в монгольских степях, а Тухачевскому не довелось сразиться с теоретиком танкового удара Гейнцем Гудерианом. Будущее никогда не приходит таким, каким его ожидают. БТ-5 стоит на постаменте где-то у озера Буур-Нур.

Неосуществившимся возможностям редко ставят памятники, но в данном случае это произошло.

Метафизика игры

Теперь — еще раз — мы передаем слово А и Б. Теперь они обсуждают метафизику игры.

Но раньше напомним читателю слова Шиллера: «Человек играет только тогда, когда он в полном смысле слова человек, и он бывает вполне человеком, только когда играет».

А. пишет статью. Б. подходит и заглядывает через плечо.

Б. «Метафизика игры»... Почему метафизика?

А. Потому что после физики.

Б. Не понял.

А. Я еще не закончил. Не мешайте, ради Бога. Возьмите британскую энциклопедию и посмотрите.

Б. И посмотрю! (Берет толстый том.) «Мета та физика...» ... действительно, по расположению этого рода трудов в сочинениях Аристотеля. Под физикой подразумевалось учение о предметном природном мире. Названия для трудов, следующих далее... так... подобрать не удалось, и они были названы просто «после физики», по смысл сводится к тому, что есть науки, изучающие...

А. Нет, я вижу, дописать не удастся. Разрешите... (забирает книгу). Есть науки, изучающие предметы и идущие от отдельных явлений к их общему смыслу — так сказать, от периферии к центру. А есть учения, идущие от центра к периферии, от смысла — к множеству предметов. И это — метафизические учения.

Б. То-то не любим мы метафизику! Периферия вообще центр не любит, а если уж он что объяснять возьмется — пицца пропало.

А. Милый друг, вы воистину наш современник. Аналогии впечатляющие, но ни к чему они здесь. Нет, не учение тыщу проповедовать. Просто речь у меня идет о смысле, общем смысле того, что именуется игрой. Не об отдельных каких-то играх, но об Игре. С большой буквы.

Б. Если б я и вправду хотел вам мешать и плоско шутить, то сказал бы, что только одну Игру с большой буквы знаю — городок в России.

А. Да ну? Вот не слышал!

Б. Тем не менее есть такой. Но будем серьезнее. Ведь я действительно сомневаюсь, что есть общее между вошшо-спортивными играми, покером, игрой актеров, игрой в классики, когда дети прыгают на одной ноге по расчерченному асфальту... (берет у А. Рукопись, проглядывает ее). Да, я вижу вы и про это пишете...

А. Естественно.

Б. (*читает вслух*) «...и когда у Эдварда Радзинского один из его великодушных и жалких героев восклицает: "Я любил ее, между нами была игра!", а у Киплинга старый разведчик говорит Киму: "Ты играешь в большую игру"»... Позвольте, вот уж совсем разные вещи. Ну ничего общего. Только слово «игра» и совпадает.

А. Вы думаете?

Б. Я уверен. Что имеется в виду у Радзинского, я понимаю очень хорошо. В народе «игрой» называют плотскую любовь в том ее варианте, когда она увлекает обоих ее участников и доставляет им наслаждение, которое они искренне разделяют. Вариант не такой уж распространённый, но это к слову. А у Киплинга речь идет о том, что разведка — это сложнейшая форма деятельности, основанная на взаимодействии и борьбе двух тайных команд, где роли и личности участников меняются. Где одному узнать другого — это спастись, а то и проиграть, погибнуть... Да и мало ли еще значений у слова «игра»? Сегодня я читал в газете об игре на фондовой бирже...

А. На бирже надо играть, утверждают, что это увлекательно. Впрочем, говорил я как-то с синьором Р, и он сказал мне, что выигрывает на бирже. «Да, — сказал я, — но, значит, кто-то проигрывает!» — «Но есть же безумцы», — спокойно ответил Р.

Б. Это вселяет надежду. Я чувствую себя душевно вполне-полностью здоровым... Но к делу.

А. Хорошо, к делу. Пояснения ваши я принимаю целиком. Они помогут осветить игру именно метафизически — со стороны смысла ее существования. Ю. М. Лотман, великий семиотик...

Б. Кажется, я видел его на телеэкране. Он читал проповедь... как неудачно, мертвенно это выражение! Он произнес слово и о нравственности, читал лекцию о русской культуре. Внушительный, страшно напоминающий Эйпштейна и доброго провинциального доктора одновременно. Вы его упомянули?

А. Да. Он видит в игре род деятельности, в котором главное — процесс, а не продукт. В этом, по Лотману, суть игры. И сказанное нами о том, что народ называет игрой эротическую сторону¹ семейных отношений, отлично это подтверждает. Ведь природа построила отношения между полами так, что процесс здесь привлекает беско-

¹ Психологи исследуют эту игру достаточно тщательно, см., например, Harnish R., Abbey A., De Bono K. Toward an Understanding of the Sex Game: The Effects of Gender and Self-Monitoring on Perceptions of Sexuality and Likability in Initial Interactions//Journal of Applied Social Psychology. 1990. — V. 20. — № 16. — P. 1333–1344.

нечто сильнее, чем продукт. Не столь уж много запланированных и своевременно ожидаемых чад катают мамы в колясочках по улицам. Большая часть из них возникла как нечто неизбежное и в то же время случайное. В знаменитой «Love story» Эрика Сигела очень точно показано, что когда Оливер Баррет и Дженин захотели ребенка, и это никак не выходило, первоначальное непередаваемое ощущение исчезло. («Может быть, лучше утром, милый?» — и момент плана уже бросал свой ответ туда, где света быть не должно). В «Сексплозии» Лема рисуется ситуация, в которой эротический, именно игровой момент любви внезапно у всего человечества исчез, хотя способность к деторождению полностью сохранилась. И тогда же все, кроме японцев, вообще перестали этим регулярно заниматься...

Б. Почему кроме японцев?

А. Этот народ знает, что такое долг перед нацией и империей, другим это уже недоступно. Все стали видеть в этом нечто неприличное и тяжелое, хотя необходимость понимали... Исчезла игра — вот последствия.

Ким, точнее, Кимбол О'Хара, как истинный ирландец и настоящий игрок, считал сребреники наименее важным элементом игры. Главное — это ни с чем не сравнимое наслаждение, которое заключается в том, чтобы стать другим и победить риска.

Б. погодите. Здесь чувствуется что-то особое — мы об этом не говорили совсем.

А. Не говорили. Риск. Вот что накрепко связывает игру, играющих и действительность.

Б. Не улавливаю. Давайте обсудим подробнее — при чем тут риск?

А. Видите ли, моя гипотеза состоит в том, что игра способна создавать особый мир, который временно, в силу принятых участниками игры условий и по мере исполнения ее правил, становится таким же значимым, как действительный. Это модель отношений и действий, совершаемых в реальном мире. Это модель происходящих в нем событий — вспомните азартные игры и роль в них случая...

Б. Тут дело не только в моделировании роли случая. Акутагава писал, что борьба со случайностью, то есть с Богом, полна мистического величия. Тут случай — это рок, непреодолимая и непредсказуемая сила.

А. Вы коснулись главного. Игра создает не только модель мира — она включает меня в этот мир. Вы поняли? Я становлюсь частью этой действующей модели, моя деятельность — двигатель модели, я — в ней.

Б. Риск? При чем тут риск?

А. Я же пытаюсь объяснить, а вы меня все время перебиваете.

Б. Хорошо, не буду. Но ответов на вопросы — *зачем игра и почему рисковую* — я не получил, и есть ли они в вашей рукописи, я так и не понял.

А. Отвечаю. Функций игры несколько. Видов игры — много. Но назову функцию тренинга как одну из существенных для многих видов игры.

Б. Маневры, спорт — вы про это? Я вчера прочел шведский анекдот: на маневрах десантники прыгают с парашютом, вот уже последний у люка, и вдруг инструктор как завопит:

— Десантник Пэрсон! Вы с ума сошли? Вы без парашюта!

— Ну и что? Это учения, а не война!

А. Это и есть ответ. Если бы не было той необходимой доли риска, которая заключена в прыжке, тренирующей роли маневры не сыграли бы.

Б. Не все же с парашютами прыгают.

А. Генерал Драгомиров когда-то предлагал на каждых сто холостых патронов на маневрах вкладывать один боевой. Тогда, считал он, маневры станут настоящей школой.

Б. Нет, это уже не игра.

А. Как сказать! Дуэль тоже игра. Просто в нашей культуре это в высшей степени опасная игра, а, например, французская дуэль по традиции не столь рискованна, как русская. Впрочем, я не оправдываю и не защищаю идеи Драгомирова. Важно другое. Мир игры должен быть сцеплен с миром реальным. Есть в технике такое понятие — сцепной вес. У паровоза большой сцепной вес. Он удерживает этот гигантский механизм, эту махину на рельсах. И он может тянуть за собой состав. Сцепной вес игры — риск. Он прочно соединяет игру с жизнью.

Б. Вавилонская лотерея?

А. Вы мне про общество рыночной экономики рассказываете?

Б. Конечно, Борхес все утрировал и заострил, но наше общество впало в застой сразу, как исчез риск, и безумно летело вперед (сейчас это отрицают по нравственным соображениям, но это правда), когда гибли в ангилотерее тысячи и сотни тысяч. Путь, о котором говорил Черчилль, — путь от сохи до водородной бомбы — был пройден за поразительно короткий срок, ибо ангилотерея работала во всю силу, это было царство риска. Риска для всех: «Это такие органы, что и у меня обыск могут сделать», — спокойно сказал Сталин взбешенному

Орджоникидзе: «Год назад я мог арестовать весь ваш пленум!» — бросил Ягода, когда его испустили. «Год уже прошел», — негромко ответил Сталин. Царство риска, лишенное, казалось бы, смысла, но способное вызвать и напряжение сил и породить фатализм и взлет интеллекта...

А. Даже так?

Б. Да. Я же историк, как вы знаете, и вот — это заинтересовало бы специалиста по семиотике — не мог разобраться в знаке, нанесенном на хвостовое оперение одного из лучших самолетов конца 20-х годов... собственно, уже в начале 30-х годов он испытывался. Очень странный знак, не звезда, не цифра, как было положено. Визуаль какой-то... Потом выяснил. Это была монограмма ВТ — внутренняя тюрьма. Его и проэкспировали там¹, во внутренней тюрьме Особого государственного политического управления — и его руководитель сфотографировался вместе с заключенными в изоляторе. Он был доволен...

А. Прошу вас, не надо больше об этом.

Б. Почему же? Апологету риска это наверное любопытно. Ладно, я не буду больше вас перебивать. Скажу только, что роль риска вы преувеличили, и очень сильно.

А. Пугают ваши истории. Если же вернуться к игре, и надо, надо вернуться, то я не слишком уж преувеличиваю. Дело в том, что существует класс игр, в которых смертельная опасность имитируется. Вы даже и не догадываетесь, как это распространено — в религиях, в театре, в кинематографии, кровь льют и пьют...

Б. Пьют?

А. Конечно же, это имитация — пьют вино, однако это должно напомнить о действительно пролитой крови... А классик? В одном «Гамлете» шесть трупов. Но самое важное — это наблюдательное участие. Десятки тысяч... Что я говорю... — сотни тысяч людей смотрели, как гладиаторы убивают друг друга, и смотрят, как быку убивает матadora...

Б. Что же, и смотреть нельзя?

А. Я именно хочу сказать, что функцию двигателя здесь выполняют те, кто включен в систему игры на уровне наблюдения.

¹ Не исключено, что вы уже догадались, кто его проэкспировал — Н.П. Поликарпов. Потом он вышел на свободу, сконструировал И-15, И-16, И-153 и стал «королем потребителей». Что было потом, вы уже знаете.

Б. Если я правильно понял, имитация риска здесь тоже привязывает мир игры к действительному миру? А риск в рыночной системе экономики вводится как игровой стимул участия? А поэтому есть возможность разбогатеть внезапно, сильно — это встроено в правила игры?

А. Это выигрывает.

Б. Хорошо, но зачем вообще этот игровой мир, зачем игра?

А. Игра создает равномоцный действительному мир. Не равный ему по гигантским размерам и разнообразию. Но по значению он — в силу принятых условий — не слабее для тех, кто играет. Вот, собственно, в этом и суть.

Б. То есть — вы меня поправите, если что не так — как самый что ни на есть действительный мир нас бьет, вознаграждает, радуется, печалит, обманывает, ошеломляет, так и игра...

А. Перебую, не перечисляйте. Да. Но и еще есть нечто, не знаю даже, говорить ли вам, — не поймете...

Б. Почему это?

А. Вы обиделись. Я не хотел сказать ничего, что задевало бы вас лично. Но просто у вас склад ума такой. Ладно, скажу. Игра — есть такое предположение — это способ существования иного мира, и при этом только лишь один из таких способов. Есть и другие способы. Есть и тот мир.

Б. Я все-таки, простите, не понял. Вы считаете возможным существование иного мира? Мира, в который мы уходим после смерти? Я думаю, что это прежде всего бездоказательно.

А. Что это значит — бездоказательно?

Б. Это значит, что мы не располагаем доказательствами существования иного мира, и любые разговоры о нем — это пустая, наводящая тоску игра ума.

А. Ну почему же «наводящая тоску»? И о каких доказательствах вы ведете речь?

Б. Не об умозрительных. Это вопрос факта. Вам что — кто-нибудь рассказывал о том мире?

А. Я отвечу вам притчей. В утробе матери один близнец спрашивает другого: «А что будет потом? Неужели и правда есть иной мир?». Другой отвечает: «Маловероятно. Во всяком случае никто оттуда не возвращался».

Б. И вы хотите сказать...

А. Хочу сказать.

Из дневника

Читаю бестселлер даровитого Виктора Пелевина¹: в увлекательном романе Чапаев представлен как перевоплощение будды Анагамы. Любопытно, как выделяется Чапаев среди мифологизированных фигур минувшей эпохи. Легко приписать это мифогенной силе кино; но мифологизация началась до того, как был снят фильм братьев Васильевых.

Перелистал дневник, быстро нашел запись о том, как мы с Д. были у М. Г. Газае-Раппопорта, известного кибернетика, он угощал нас кофе с ликерами и демонстрировал раритеты.

Среди них был ничем не примечательный номер «Правды» за 6 февраля 1926 г. № 30 (3259). Неброский заголовок маленькой заметки: «Арест убийцы Чапаева». Я пробежал глазами текст: «Пенза. Местным ГПУ арестован колчаковский офицер... Трофимов-Мирский (инициалы стерлись на сгибе газетного листа), убивший в 1919 году попавшего в плен пользовавшегося легендарной славой начальника дивизии В. И. Чапаева. Последнее время бывший контрразведчик скрывался в Пензе, где работал в артели инвалидов».

Как и положено, самым таинственным в мифе была смерть героя. Газетная заметка, впрочем, возбуждала чувство доверия.

Но я искал не эту запись — другую, искал, листал... Нашел: она была без даты, под литерой N.

Мысленно я представил себе N. Седючий, с жесткой щеточкой усов и слегка асимметричным лицом, он возник передо мной, словно в зеркале. Он говорил о том, что и И. В. Сталин и Адольф Гитлер несомненно знали одну оккультную...

— Увольте.

— Вы не верите в эзотерическое знание?

— Не только не верю, но и слышать о нем не хочу.

N посмотрел на меня с упрёком, и я сдаюсь: говорите, что с вами поделаетесь, говорите. Бог весть, зачем я вас слушаю...

— Итак, вы знаете, что террор, развязанный вождями двух великих держав, имел вполне отчетливые иррациональные черты. Гитлер уничтожал не только своих политических противников — рохфрон-

¹ Пелевин В. Чапаев и Пустота. — М., 1998. Автор не обременен излишней образованностью: у Чапаева на висках имеются «лапасты» (с. 101), он «поднимает пост» (с. 102), стихотворные тексты подразделяются на «категории» и т. п. Но дар повествователя у Пелевина есть.

товцев, сторонников «Черного фронта», социал-демократов, оппозиционных офицеров, левых интеллигентов, он решил уничтожить всех инакомыслящих, евреев в первую очередь. И смысла в этом было мало. По большей части их предки много вложили в Германию, это были добропорядочные бюргеры, патриоты Пруссии, Баварии, Германской империи. Первый, кто получил «железный крест» в первую мировую войну, был артиллерийский офицер, еврей. Гейне был величайшим немецким лириком, Габер — величайшим немецким химиком (и, кстати, исключительно много сделавшим для германской армии), об Эйнштейне не приходится и говорить (Гейзенберг говорит о его глубоких швабских корнях). Во время войны привлечение к оборонной работе миллионов репрессированных по национальному признаку могло тоже дать значительный экономический эффект, но нет — их гнали прямо в газовые камеры. Правда, из трупов начали делать мыло, а из женских волос — матрацы для команд подводных лодок, но дальше опытов тут дело не пошло. Толк был разве что от золотых зубов, да и те не удалось употребить для валютных целей. Переплеты и абажуры из человеческой кожи были чистым любительством. Не по-немецки все это было...

— Почему? — перебил я.

— Неэффективно. Бог немца — результат!

Я вспомнил «Присяжения в замке Шпессарт», кулишеты «Важнее всего — результат!», которые пела вся Германия, и не стал возражать.

— Удивительной целостностью поражает и поголовное уничтожение Сталиным людей, которые принесли бы ему огромную пользу во всех отношениях — как военные, изобретатели, организаторы промышленного производства, ученые, учителя, политические пропагандисты. Заключительным актом этой бессмысленной трагедии стало уничтожение единственных в стране людей, способных вылечить смертельно больного диктатора — уничтожение его лечащих врачей. Если это и не произошло в задуманных масштабах, то только потому, что вождь умер раньше, чем осуществлялся его последний и самый безумный — по-видимости — план.

Он перевел дыхание. Я слушал внимательно.

— Вы все это знаете. Знаете и то, что объяснения этих актов носили подчеркнуто абсурдный характер, а то им и вообще не давали никакого объяснения. Вот надо это сделать — и все. Уничтожить. Ликвидировать.

Да зачем?

А затем, что оба вождя были знакомы с эзотерическим учением, согласно которому войны, как и браки, совершаются на небесах. Там

сражаются те, кого туда *послали*. Сражаются и побсждают или проигрывают это сражение в *вышних*. Обычно — в большинстве войн — это сражаются убитые в боях. Эта война была нная, особенная. Здесь в иной мир были посланы миллионы... Сталин, холодный реалист, послал *туда* тех, кто мог выигрывать бои — военных. Гитлер, мистик по натуре, решил отравить *туда* тех, кто был наиболее угоден Верховному главнокомандующему Вселенной, тех, кто когда-то были поименованы избранными... Но потом он понял, что все идет не по-здуманному и сказал: «Я не считаю это решение проблемы полностью эффективным». Он стал убивать фельдмаршалов, генералов, офицеров, но — поздно. Бороться следовало так же, как борются на земле, — оружием. Пусть призрачным, но в том мире призрачно все. Главное происходило *там*, и там принесенные в жертву полководцы выиграли битву, команду мертвыми солдатами. В нашем мире это нашло отражение, грубое, вещественное воплощение. Но спастись в том, вечном мире теней, вождю не удалось. Его должны были вечно спасать от полного исчезновения те, кто спасал ему жизнь в мире живых, — врачи. Но он не успел послать их вперед себя и они не пошли следом. Он исчез. Его вынесли на мандале. Его нет и в могиле, он исчез, и исчезли обе его тени — и вещественная и невисокая.

Он смолк.

— Никогда, — сказал я искренне, — мне не приходилось встречаться с таким бессмысленным объяснением того, что само по себе никакого смысла не имело. Вот пример объяснения подобного подобным, пример того, как образованный и даже умный человек подражает худшим примерам оккультной булварщины, которая скоро захлестнет всю нашу независимую прессу.

— И говорит, как пишет, — заключил N.

Я еще раз упрекнул его, но потом призадумался. Гигантские жертвоприношения составляют неотъемлемую часть истории человеческих цивилизаций. Нам может просто казаться, что они ушли в прошлое. Сейчас их могут называть по-другому, но если признать, что история — это одна и та же пьеса, которую играют каждый раз новые актеры, то многое необъяснимое становится понятным.

Я поговорил с N о разных мелочах, и мы расстались. По дороге домой меня мучали слова «и многое необъяснимое становится понятным», это были не мои, а чьи-то навсегда запомнившиеся слова, но кто их произнес, почему это было сказано?... Я заснул с «Таинственным незнакомцем» в руках, недовольный собой. Вдруг среди

почти меня как обухом ударию, я сел на постели. «Когда вспомнишь, что все мы сумасшедшие, многое необъяснимое становится понятным».

Истории чуждо понятие нормы.

Человечество ее ищет.

Конец истории?

Любые человеческие чувства и мысли бессмертны, пока жизне-способно человечество, пока оно движется в историческом пространстве и времени.

Историческое время и историческое пространство не тождественны физическому или географическому.

Исторически отдаленные годы могут значить больше иных веков. Это хорошо известно и теоретикам исторического процесса, историкам, философам, и историкам, детально знающим те или иные эпохи и периоды в развитии народов и государств.

Хронотоп процесса, в котором складывалась и, кажется, еще продолжает складываться евразийская цивилизация, размещен в историческом пространстве, которое простирается в Восточной Европе, Кавказском регионе, Северной и Центральной Азии. Его историческое время еще предстоит определить. Во всяком случае, недавние исследования показали, что генетическое родство различных по антропологическим, культурно-языковым и иным параметрам народов выражено как будто бы более отчетливо, чем это предполагалось ранее, и это позволяет задуматься над биосоциальными предпосылками процессов, которые стали разворачиваться в исторически гораздо более поздние времена.

Вообще вопрос о механизмах исторического процесса, неминуемо сближающих те или иные этнические, культурные и геополитические образования, изучен еще очень и очень слабо. Сказанное не означает, что их исследовали мало, просто интерпретаторы фактов чаще всего противоречили друг другу. Тем не менее «серийная история», «психоистория» и ряд других направлений научного исследования дают основания надеяться, что анализ истории как процесса сулит ученым многое. С одной стороны, существуют и неизвестные фактические аспекты происходивших в давнем и недавнем прошлом исторических явлений, а с другой — есть очень широкие концептуальные возможности. Если законы истории все-

таки существуют, они надлинчны. Несмотря на то, что роль человека в истории гораздо выше, чем еще недавно было принято полагать, несмотря на то, что воля индивида может направлять судьбы миллионов, есть, по-видимому, такие направления ветвящегося движения истории, которые необратимы.

Вопрос состоит в том, будет ли продолжаться ее движение. На движение истории смотрели по-разному.

Истории зловещий трюм,
Где наши поколения маются,
Откуда наш шурум-бурум
К вершинам жизни поднимается
И там, на девственном снегу
Ложится черным слоем копоти...
Довольно. Больше не могу.
Поставьте к стенке и ухлопайте!¹

Тех, кто смотрит на историю именно таким образом, может успокоить мысль о том, что истории приходит конец. Не человечеству. Истории человечества.

Концепцию, согласно которой история человечества завершается, по традиции, успевшей сложиться очень быстро, связывают с именем Фрэнсиса Фукуямы. Между тем пророческие слова «история прекратила течение свое» начертаны на последней странице «Истории города Глухова». Неужели глупость утратила свое предназначение?²

Отнюдь нет.

Просто там, где нет ума, нет и глупости. Место ума постепенно занимает переработка информации, место глупости — ошибочные решения, место мудрецов — эксперты, место государств — транснациональные корпорации, место искусства и литературы — телевидение, место труда и творчества — работа и торговля. Ф. Фукуяма, правда, признает, что «сохранился высокий и даже все возрастающий уровень насилия на этнической и националистической почве, поскольку эти импульсы не исчерпают себя и в постисторическом мире»³. Но в целом «конец истории печален. Борьба за признание, готовность рисковать жизнью ради чисто абстрактной цели, идеологическая борьба, требующая отваги, воображения и идеализма, —

¹ Стихи Георгия Иванова.

² См.: Лем С. Глупость как движущая сила истории // КП — 1991 — 26 февраля.

³ Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории. — М., 1995. — С. 310.

вместо всего этого — экономический расчет, бесконечные технические проблемы, забота об экологии и удовлетворение изощренных запросов потребителя. В постисторический период нет ни искусства, ни философии; есть лишь тщательно оберегаемый музей человеческой истории. Я ощущаю в самом себе и замечаю в окружающих ностальгию по тому времени, когда история существовала. Какое-то время эта ностальгия все еще будет питать соперничество и конфликт. Признавая неизбежность постисторического мира, я испытываю самые противоречивые чувства к цивилизации, созданной в Европе после 1945 года, с ее североамериканской и азиатской ветвями. Быть может, именно эта перспектива многовековой скуки вынудит историю взять еще один, новый старт?¹

Преувеличений тут немало. А все же главное сказано: риск ради высокой и отвлеченной цели, столкновение идей, требующее мужества и воображения, сейчас отошли в прошлое. Их место занимают проблемы экономические, технологические, в лучшем случае — экологические, и это надолго, если не навсегда. Так полагают те, кто считает, что либеральное государство, может быть даже всемирное, есть потолок политического развития человечества.

«Я, как и Фукуяма, убежден, — говорил Вигторио Хёсле, — что либеральное государство есть высшая форма государства»². У меня же любые высшие формы (и у Гегеля, и у Маркса, и у А. Кожева) вызывают интуитивное чувство недоверия. Ведь высшая форма часто изображалась и интерпретировалась как последняя, как бы не имеющая исторического продолжения.

Между тем история заключена не только в том, что кончилось, но и в том, что продолжает существовать.

В истории многое исчезающее на юридическом и социально-экономическом уровне продолжается. Живет в людях.

Любая раскрытая тайна — это история. любая объясненная тайна — наука.

Задача естествоиспытателя — открыть то, что уже существовало давным-давно и будет существовать бесконечно долго.

Задача историка — раскрыть, найти то, что уже не существует. Узнать нечто о том, чего уже нет.

Задача философа — раскрыть природу осуществимого.

¹ Фукуяма Ф. Конец истории? // Философия истории. — М., 1995. — С. 310.

² Хёсле В. Абсолютный рационализм и современный кризис // ВФ. — 1990. — № 11. — С. 107.

И то, чего уже нет, и то, что только еще будет, — не более чем возможность.

В сущности, Фукуяма, ставит вопрос о самопроизвольном ограничении исторически осуществимого, ограничении искусственным, вызванном подсознательным страхом перед неконтролируемыми возможностями индивидов и малых групп. Он предполагает, что в обществе, построенном по принципу удовлетворения «изоцентричных запросов потребителя» и тщательной охраны памятников культуры прошлого, произойдет вытеснение возможностей, угрожающих иллюзии всеобщего благосостояния.

Там, где кризис реален и еще не преодолен, подобного рода иллюзии выглядят достаточно отвлеченными от действительности.

Результаты приобщения к цивилизованному миру задают новые стандарты качества жизни и одновременно несколько разочаровывают.

В 1934 г. Павел Антокольский писал:

Спорт, реклама, бандитизм и деньги
И повсюду скука. Но не та,
От которой байронисты-дезиды
Зло кривили тонкие уста,
А другая — грубая, как похоть,
Виснутая в ресторанный лязг.

Все очень похоже. Ничего не изменилось. Правда, тогда телевидения не было. А сегодня? Включите телевизор: спорт, реклама, бандитизм и деньги. И повсюду скука.

Да, повсюду. И по ту сторону экрана, и по эту.

Заметьте, и Фукуяма это чувствует. И даже полагает, что в угрозе скуки таится возможность нового старта истории.

Кто знает?

Может быть, она и вправду завершается — старая история человечества, история, которой нас учили, история, в которой мы жили.

Не знаю, как вам,

А мне паскучили тарарам
Этих побед и поражений.
Мне жаль кони! Мне жаль любви!
И на манер средневековой
Ложатся под ноги мои
Литы след, оставленный подковой¹.

¹ Стихи Б. Ахмадулиной.

Это великий символ — подкова, недаром о ней говорят, что она приносит счастье. Подкова — *media*, средство и посредник между живым существом и веществом, по которому пролегла дорога, протянулся путь.

Не такова ли культура?

Отношение человека к человеку опосредовано языком, отношение человека к предмету труда — орудием труда, отношение человека к товару — торговцем. Даже отношение человека к Богу бывает опосредовано священнослужителем. В культуре отношение опредмечивается. Культура опосредует, это ее способ существования.

Она раздвигается.

Предмет остается. Способ его изготовления, применения уходит в будущее. Самое кратковременное здесь — жизнь, подкова способна пережить и коня и всадника. Но пути не исчезают. На них остаются, отпечатки, следы.

Историк рассматривает следы и руины. Он понимает: от прошлого остаются одни обломки.

Говорят, что из них и складывается история.

Верно ли это?

Это смотря какие обломки.

Михаил Бакунин говорил, что от свободы нельзя отломить ни кусочка: она вся в этом кусочке оказывается.

Но ведь и от правды ничего нельзя отламывать: она вся окажется спрятанной в этом обломке.

Но как бы ни прятали обломки того, что осталось от происшедшего на самом деле, они все равно остаются и их находят.

Вот из таких обломков прошлого и складывается настоящая история, правдивое повествование о том, что было.

Новая эпоха?

Глава Итальянского астрологического центра Серена Фолья говорит, что, когда люди счастливы, они редко обращаются к астрологам, полагая, что в них нет нужды. Но сейчас на интерес к астрологии влияет то обстоятельство, что наступает конец определенной эпохи. И не просто конец второго тысячелетия. «Как всем известно, скоро завершится эпоха Рыб. В самом деле, около 2000 года начнется эпоха Водолея, которая в свою очередь продлится два

тысячелетия. Каждая эпоха является двенадцатой частью большого космического года (24 тысячи лет) и считается, что каждая эпоха выражает ценности соответствующего астрологического символа. Эпоха Рыб, в последние годы которой мы живем теперь, была христианской эпохой. Небесполезно вспомнить, что Иисус называл себя ловцом человеков, что апостолы были рыбаками, что рыбы были символом, служившим первым христианам для того, чтобы они могли узнавать друг друга¹.

Эта эпоха кончается.

В эту эпоху слово «суд» имело значение особое. Вывести нечто значительное из мира возможного в мир действительного в состоянии только Бог или природа (зачатие, рождение, смерть). Одни утверждают волю божью, другие — законы природы, но какой-то силе всегда приписывается этот сакраментальный переход. Общество берет на себя смелость устанавливать истину и переводить возможное в реальное путем суда. Суд — это процесс, в котором по воле людей решается, что справедливо, а что нет². Тайный смысл раннего христианства заключался в полном отвержении суда человеческого, рассказывалось о том, как люди судят сына Божьего, присваивая себе полномочия Бога; между тем единственный настоящий суд есть суд божий.

Сравните это с тем, как индустриальное общество стремится присваивать себе полномочия природы; природа чаще всего знает лучше.

Вечность человеческой несправедливости показана в крепко сделанной повелю Гарри Кильворта «Пошли на Голгофу»³. В далеком будущем туристические поездки совершаются с целью осмотра природных и исторических достопримечательностей — все, как и

¹ Выступление С. Фолы по туристскому телевидению приводится по примечательной работе Цецилии Кип (*Fun It. Своими глазами* // ВЛ — 1983 — № 12 — С. 105).

² Были некогда судалии, основанные на древнем опыте попытки вопрошать Бога о вине отдельных лиц, но они требовали мирнозрения, целиком основанного на вере, а разум с ней мириться не хотел и не стал. Были разработаны законы, которым должны следовать судьи, подсудимые, все. Но судьи — люди, и многие из них склонны с гавить интересы власть предержащих выше самых разумных законов.

³ *Kilworth G. Let's Go to Golgotha*. Премия конкурса, организованного "Sunday Times". Уэльс остался бы доволен таким развитием темы "Машины времени".

сейчас — но транспортные средства более совершенны. Благодаря машине времени в число привлекательных объектов туризма вошли исторические события. Тур во времени позволяет, например, присутствовать при распятии. Естественно, надо облачиться в одежды жителей древнего Иерусалима, выучить несколько слов по-арамейски и не мешать ходу истории: пусть распинают, раз уж это было. Туристы облачаются, туристы прибывают, они не мешают ходу истории, а даже участвуют в ней, увлеченно поддерживая хоровой вопль «распни его». Они видят все и в должной мере потрясенные возвращаются в свое время. Но один из них потрясен по-настоящему.

Он увидел и он понял: на площади были одни туристы. Иудеи сидели дома. Это туристы вопили «распни его».

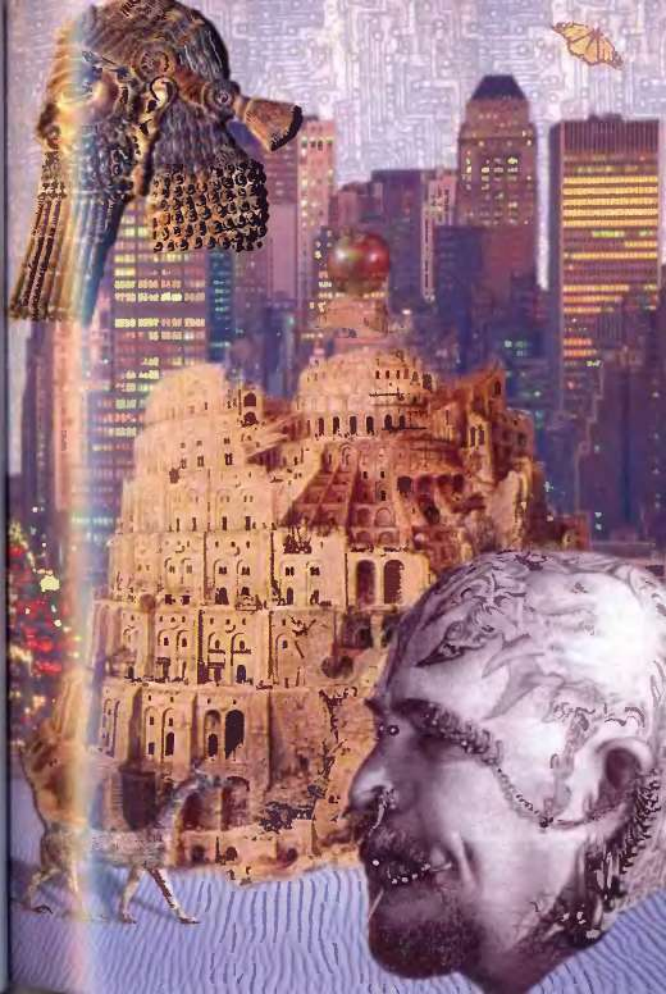
Распятие тем самым становилось вечным.

Сопутствующим всей истории.

Но скорее всего это — излет воображения, порожденного эпохой Рыб.

А наступает новая эпоха. Можно считать, что и Водолея. Неважно, как она называется.

Важно, что — новая.

ВАВИЛОН

И вот что начертано:
МЕНЕ, МЕНЕ, ТЕКЕЛ, УПАРСИН.
Вот и значение слов:
МЕНЕ — исчислил Бог царство твое
и положил конец ему;
ТЕКЕЛ — ты взвешен на весах
и найден очень легким;
ПЕРЕС — разделено царство твое...

Книга пророка Даниила

Исходная точка

Мне уже случалось писать о том, что вся европейская культура не более, чем плод самосознания бывших провинций Римской империи, и пылеющая Европа с ее утилитаризмом, превосходными дорогами, гигантскими стадионами, кровопролитием на окраинах, умением копить и покупать по-римски провинциальна¹.

Из Рима пришла и осталась в провинциях личная стенопись: кто-то выражал неуважение к муниципальным властям, гладиатор писал на стене: «Genesis — великая книга»², ревнивец нацарапывал: «Застал! Я застал ее...».

Все это можно прочесть на стенах в Геркулануме и Помпее.

За тысячи лет изменилась техника стенописи — теперь работают маркерами и пульверизаторами с краской.

Римская традиция оказалась неизгладимой.

Автострада вела в Цюрих и на въезде, пересекая фасад респектабельного здания, пилаторопливо набрызганная черным по серому надпись: «Welkome to Babylon» — «Милости просим в Вавилон».

Цюрих — город, исполненный спокойной уверенности в себе, ничем не напоминал столицу, которая шумела вокруг знаменитой на весь древний мир башни. И все же в центре тихого вечернего Цюриха, где за бемским стеклом светятся аргоновые трубки и прихотливо изогнутая надпись «Джимбо», сияя и манящая, обещает маленькие рыночные чудеса («Вы бросаете 1 франк и выигрываете 100»), я ощутил неясную тревогу. Боковое зрение ловило еще какую-то надпись, и, покосившись, я ее увидел: «Этот город даст тебе все, с чем ты ничего не поделаешь».

Эти поспешно намазанные маркером на стене строчки (где-то между игорным салоном и галантерейным магазином) странно вписывались в картину осеннего города и были даже необходимы.

¹ И не исключено, что самосознание бывших провинций советской империи породит новую (пусть сарказмскую) культуру, в которой роль русского языка будет подобна той, что сыграл когда-то латинский.

² Genesis — библейская Книга бытия.

Я привыкал к Цюриху и все лучше понимал отчаянные размашистые надписи на мощных и безразличных стенах.

Вавилон здесь поминали не по случайной ассоциации. Как раз для внешнего несущественного сходства здесь поводов видно не было.

Но метафора имела право на существование.

Как утверждает Ортега-и-Гассет, универсальное отношение между субъектом и объектом — отношение осознания — можно постичь. Но лишь при одном условии: если мы уподобим это универсальное отношение какому-нибудь другому отношению между объектами. В результате такого уподобления мы получим метафору.

Продолжим мысль великого философа.

Если это универсальное отношение между субъектом и объектом лежит в основе познания, то метафора есть средство усиления познания. Метафора превращает *один* предмет в своего рода линзу, позволяющую рассмотреть *другой* предмет.

Метафора Вавилона выполняла эту функцию хорошо. Как вы помните, в Библии говорится о гордом городе, жители которого решили: «и сделаем себе имя». И стали строить башню. «И сошел Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот <...> что они начали делать, и не отстанут они от того, что задумали делать» (Бытие, II, 1–9). И смеялся Господь языки их...

Да, в Цюрихе французский, немецкий, итальянский, ретророманский имели место на любой банкноте, на улицах слышался английский, я не мог отвести глаз от витражей Шагала... Но шумное беспутство Вавилона отсутствовало, Вавилон был глубже, в душах, за стенами, в замкнутых сейфах, он был сконцентрирован и находился под огромным давлением. Весь город казался фундаментом невидимой башни, которая прилипнула его к земле, сделала абсолютно прочным. небоскребов тут не было. Вверх или не этажи, а кривая роста финансовых возможностей системы.

«И сделаем себе имя», — сказали жители этого города. И сделали. Себе и городу.

Когда-то городов не было, и эти древнейшие, доисторические времена оставили свой след в коллективном бессознательном.

Зарождение и развитие человеческих поселений — непеременимое и закономерное условие развития человечества. Архетип человеческого поселения возникает еще на ранних этапах антропогенеза

в Африке, в регионе Великого разлома, и архетип этот, сложившийся у жителей скалистых мест и открытого ландшафта, оказался поразительно устойчивым. Как отмечал некогда академик П. П. Сушкин, первобытный человек, уже расселившийся по обширным и разнообразным территориям, тысячелетиями жметя к каменистым обрывам, гротам, пещерам. И позднейшие мегалитические сооружения — свидетельства достаточно высокого уже уровня развития культуры — сохраняли в себе черты пещерных условий, перенесенные в новый, изменившийся образ жизни.

Он менялся еще не раз, порождая новые и новые попытки понять причины и формы человеческих поселений. Попытки эти носили первоначально мифологический характер, и тень мифа ложится на последующие, уже вполне рациональные по задачам и замыслу построения теоретиков.

В этом есть свой внутренний смысл: город мифологичен сам по себе, его существование эпично, познание города происходит не только в поле непосредственного восприятия и в поле доказательных суждений, но и в третьем, нарративном. Готический собор — это, как утверждают, видение града небесного, возникшее во Франции на кельтском субстрате, вавилонская башня Этеменанки, математически точно описанная в «Табличке об Эсагиле», неотъемлемы от повествовательного, религиозного представления о городе и мире.

И миф тут логосу не абсолютно противопоставит. «Может ли мир быть познат и объяснен с помощью логоса, я бы сказал, что да», — отвечает на этот вопрос А. М. Пятигорский. И добавляет: «Но только при том условии, что мы можем познать и объяснить сам логос в терминах мифа»¹. Вавилон — это город, но он и миф.

Мегаполис древности, Вавилон, с его полумиллионным населением, знаменитой башней Этеменанки, проспектом Айбуршабом, кварталом Либиль, висячими садами, дворцами, особняками, ресторанами, барменшами (уже существовала такая профессия — «смесительница»), авалсами на командировки, уголовными процессами, бродягами, священниками и мастерами — этот великий город «в VI–IV вв. до нашей эры вообще не имел соперников во всем мире»².

¹ Пятигорский А. М. Мифологические размышления // Языки русской культуры. — М., 1996. — С. 253.

² Гелаский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. — М., 1971. — С. 158.

Две метафоры

Объясняющая сила метафор известна еще с библейских времен. К Вавилону это имеет самое прямое отношение. За превращением Вавилона исторического в Вавилон легендарный уже маячил Вавилон метафорический.

Вавилонское столпотворение, смещение языков — явление характерно рыночное. В «Чуй баины»¹ Молдо Кылыч хорошо показал, как кыргызы, уйгуры, дуңгане, украинцы, русские вовлечены в процесс купли-продажи на большой ярмарке.

Дүңүбүсү дандаяр,
Базар деген жаныбар
Алып жесен дүкөндө,
Өрүк, мейиз, кыгы бар.
Акча болсо аралап,
Ар согулдуң базары бар.
Жесен чыңдап суусатат,
Аппазында мангуу бар.
Дүкөндөрү караса,
Болбой нчем дегенде,
Бүркүртатын мас калар
Бозо менен арак бар.
Колоколүү багы бар,
Көрүп жүрүп караса,
Жалгыз адам жапы жок,
Мындан башка согулдан —
Самагандын баары бар.

Акча болсо колутка,
Басып жүрүп барасың,
Адам десең кой дебейт.
Жылкы десең койдон кой,
Арзан айтып сураган,
Ар уруктан чогулган,
Алып сатар мындан кой.
Күркүртатын түйдүрүп,
Ат бүткөндү чубатар.

Что пожелаешь, найдется
На этом чудном базаре.
Кураги, кашимиш, сахара — полно.
Все прекрасное найдешь,
Если деньги есть в кармане.
У поваров есть манты,
Если велико желание вынуть.
Чтобы стать и пьяным, и буйным, —
Бозо и водка есть.
И телятний сад,
Чтобы отдохнуть усталому.
Если бродить там, увидишь,
Что все о чем мечтаешь,
Тут есть, кроме разве бессмертия.

Если деньги под руками,
Можешь свободно все купить.
Слова тебе никто не скажет.
Лошадей больше, чем баранов.
Народ из разных родов,
Множество перекупщиков
Водят коней, подвязав им хвосты.

¹ Молдо Кылыч. Казалдар. — Фрунзе, 1991. — С. 71–76.

Кен Чүй ага өзүнү,
Кенен болот турбайбы.
Калкы журтун карасаң,
Кымыч элет экен го.
Кара таруу, буудайы,
Бурчак менен журтун
Пул кылууга баарысы.

Как долина Чуй-Ага
Широка, просторна,
Щедра и обильна,
Как густо населена.
Чистое просо, пшеница,
Горох и кукуруза —
Все для того, чтобы делать деньги.

(Перевод М. Джуралова и А. Ч. Какеева)

Видимо, рынок (и деньги) вызывают идеотипичные впечатления у людей, совершенно разных по образу жизни и культуре. Сравните у Б. Брехта:

Все в порядке,
Дело в шиллинге.
Без особого труда,
Если деньги под руками.
Все уладится всегда.

(Перевод В. Стенча)

Торговля осуществлялась в особом — ярмарочном — пространстве. «Пытаясь определить суть ярмарки, литературные источники часто прибегают к воспоминаниям о вавилонском столпотворении или о самом Вавилоне. В памфлете XVII в. так определяется шум, царящий на ярмарке: «Это такой песусветный гам, что поневоле думаешь: вавилонское столпотворение да и только». А почти двести лет спустя молодой английский поэт восторженно воскликнул: «О ярмарка! Ты балаганный Вавилон!»

Эти библейские реминисценции безошибочно характеризуют ярмарку как княжество анархии в царстве развлечений. В этом и таится ее вечная притягательность. Люди всех социальных прослоек и возрастов радуются собственному растворению в этом прибежище ярких красок и резких звуков, где живут уродцы и где можно пережить самые острые ощущения — от страшного испуга до наслаждения невиданными лакомствами. Для взрослых ярмарка — это возвращение в детство, где игры и серьезные дела приравнены друг к другу, где реальное сливается с воображаемым, где случайные желания бесцельно испытывают свои безграничные возможности. Благодаря этому возвращению в детство взрослый человек из всех сил пытается обуздать и подавить хаос, на котором, тем не менее, зиждется цивилизация. Ярмарка — это не свобода, но анархия, чреватая хаосом¹.

¹ Кракауэр Э. Психологическая история немецкого кино: От Калигары до Гитлера. — М., 1977. — С. 79–80.

Ситуация и метафора карнавала, детально изученные М. М. Бахтиным, обладают особым значением потому, что рисуют процесс выхода за пределы сословных, рыночных, вообще иерархических отношений; метафора ярмарки рисует картину локального торжества рыночных отношений.

Итак, существуют две генеральные метафоры.

Между ярмаркой и карнавалом различие принципиальное, хотя и сходство куда как велико. Ярмарка всегда и всюду имеет дело с актом купли-продажи, с особым актом общения, на ярмарке продается все, а значит, веселье и интерес тоже продаются и покупаются, как и любой иной товар. И когда мы приходим на ярмарку, мы оказываемся на территории, где царствует товарный фетишизм, оказываемся в пространстве рынка со свойственной ему специфической формой значения в виде цены (здесь значение обретает измеримую форму). А что такое значение товара, как не форма синтеза правополушарного с левополушарным, синтеза вида, вкуса и запаха — с ценой, соединение интенции, направленной именно на данную вещь, — с тем, что позволяет сравнить ее с любыми другими вещами, с тем, сколько она стоит. В карнавале, как это ярко показал М. М. Бахтин, происходит перестановка *верх — низ*, на ярмарке переставляется *правое — левое*.

Мозг вообще ориентирован на сопоставление вещей по признаку: *далеко — близко, похож — непохож, часто — редко*. Все это аккумулируется в цене.

Рыночная экономика в высшей мере и степени адекватна психологии личности, тонко соответствует ее интенциям, общает компенсировать ее комплексы внефизиологическими, внепсихическими универсально мощными средствами. Все, что недоступно мне как индивиду, все, чего я лишился или лишен, будет дано и возвращено мне в пространстве рынка. Универсальной силе денежного знака подвластны страсть, память, напряженное внимание, забвение, смех. Девушка-лупа, раб-номенклатур, гладиаторы, мимы были доступны для приобретения еще в Древнем Риме. Что-то было далеко, а что-то рядом, кто-то был похож, а кто-то нет, одно встречалось редко, а другое — на любом рынке, и все это компенсировалось и находило четкое, измеримое выражение в цене. Все, что могло быть воспринято и могло обратиться в целостный объект желания, рынок превращал в делимую предметность, доступную подсчету, но благодаря подсчету и доступную субъекту желания.

По все это не везде. В определенном, ограниченном пространстве. В рыночном, а в его крайней форме — ярмарочном пространстве.

Смысл текста возникает отнюдь не при всяких семиотических отношениях, а только при тех, которые выражают или модифицируют исходную оппозицию (отсюда и берутся ее модификации). Причем есть тексты, которые начинаются прямо с основного противопоставления, а есть такие тексты, что с модификаций начинаются. Одни — религиозные, философские (потому и философские, что начинаются с основного), а другие — литературные. В них смысл выражен именно в форме модификаций основного противопоставления. Это не доказательные суждения об основном противопоставлении, а повествования о том, как это противопоставление воплощается в жизнь, модифицируется в форме событий и отношений между людьми.

Иногда с большой полнотой — в романе или повести.

Иногда сжато — в виде притчи.

Иногда еще более конденсированно. В этом их специфика. Смысл заключен в динамике модификаций основной (или исходной) оппозиции. Иногда эта модификация обретает выражение концентрированное.

Отсюда естественно возникает метафора ярмарки.

Выбор

Еще был застой. Еще не было перестройки. Еще не осаждали Белый дом — ни в первый, ни во второй раз. Но какой-то старец на телеэкране уже прыгал и пел:

Все ищут ответа — загадка жизни в чем?
А я плевал на это — я знаю что такое!
Все ищут ответа — быть или не быть?
Плевал я на Гамлета, раз не умест жгть!
Все ищут ответа — где главный идеал?
Пока ответа нету — копите капитал!

Автор песни, вмонтированной в старый видеотип, Ю. Михайлов (Ким) не был пророком. Но песня была о главном. О новом выборе.

У Борхеса есть замечательная притча о том, что в «обычной лотерее» выиграть очень трудно, но и потери (билетик-то денежный!) невелики. И вот, кому-то и когда-то, в древние времена, в Вавилоне пришлось в голову ввести лотерейные правила не только выигрыши,

по и усиленные — штрафные — проигрыши. Риск удвоился, утроился, выигрыши. Всем стало интересно. Число играющих растет. И вот правила меняются. Уже не только денежные, не только вещевые выигрыши. Уже дома и путешествия, земельные участки и яхты — все это можно выиграть. Редко, но — можно. Опасно, но — можно. Уже и невесту. Уже и должность. Уже... А что можно проиграть? А все. Не только все имущество. Можно попасть в сообщество воров и доносчиков. Можно проиграть и жизнь.

И уже нельзя не играть.

Все увлечены.

Все играют, и никто не замечает, что большинство проигрывает. И забыты сами слова «авилонская лотерея».

Осталось слово «жизнь».

Так все живут:

То, о чем я написал, смелее, чем у Борхеса. Идея обращения в модель.

Это, разумеется, не более чем грубо усиленная модель, но — модель действующая.

Социалисты боролись именно против всего этого. И победили. Результат был со временем объявлен порочным. В нем хватало крови и скуки, не хватало товаров, хотя не было и высоких цен. Тоталитарная размеренность и скука не освобождают от очередей.

И выбор был сделан.

Лотерея была избрана решительно и безоговорочно. Как это уже делалось много лет назад. Вслед за выбором пришла вера в удачу.

«Право, иногда певольно подумаешь, что у нас нет ни нравственности, ни безнравственности, а есть удача или неудача»¹. У нас. У кого это «у нас»? А у тех, кто играет.

Лотерея и рулетка — они рядом. Их объединяет азарт. Риск. Человеческая природа, в конце концов. Происхождение человека. Два фактора, которые этот процесс детерминируют: труд и половой отбор. Что касается труда, то все большее право на внимание приобретает радикально-психологическая точка зрения, согласно которой труд создал общество, внутри которого сделал свое дело половой отбор — создал человека. Разумеется, представление о том, что общество возникает едва ли не раньше человека, и во всяком случае — вместе с ним, нуждается в дополнительном обсуждении, но нас в данный момент занимает нечто иное, совершенно иное:

¹ Написано это было 130 лет назад (*Тургенев И. С. Полн. собр. соч. — Т. 7. — М., 1981. — С. 523.*)

отрицание труда, которое вполне возможно в обществе разделенного труда, в обществе, строю которого создает знак.

Строма общества, его соединительная ткань, образована знаками, системами знаков, расширяющими возможности общественного сознания через воздействие знаков на сознание индивидуальное. Среди них особо важное место занимают знаки языка, концентрирующие в себе возможности общения, и денежные знаки, концентрирующие в себе собственные возможности человека.

Присущая деньгам способность концентрировать закономерно порождает возможность концентрироваться — точку, локус, где денег собирается все больше и больше. Теоретики назовут эту точку *концентр*, но мы-то знаем, как она по-настоящему называется: *Банк*. Мы напишем это слово с прописной и курсивом, чтобы пояснить, подчеркнуть его терминологическое значение. Народ, люди отлично знают, что концентры существуют: «Дождь идет там, где мокро», — гласит мудрейшая из тысяч пословиц. Закон Парето это подтверждает.

Но деньги — не просто знаки концентрирующие; это знаки, концентрирующие *возможности*. И, естественно, в гигантской системе, именуемой обществом, есть и локусы, где реализуется крайняя возможность знаков: отрицать то, что они концентрируют. Отрицать труд, если хотите, — общественные отношения и сопутствующий им социальный статус.

Эту точку именуют рулеткой. М. М. Бахтин пишет о ней так: «Люди различных жизненных положений (иерархических), столпившиеся у рулеточного стола, уравниваются как условиями игры, так и перед лицом фортуны, случая. Их поведение за рулеточным столом выпадает из той роли, которую они играют в обычной жизни. Атмосфера игры — атмосфера резких и быстрых смен судьбы, мгновенных подъемов и падений, то есть увенчаний — развенчаний. Ставка подобна кризису: человек ощущает себя как бы на пороге. И время игры — особое время: минута здесь приравняется к годам»¹. То есть своей концентрирующей функции знаки, которые попали в Vortex, вихрь, бушующий за рулеточным столом, отнюдь не утратили: эта функция сосредотачивается здесь на времени. Утраты и увенчания,

¹ Бахтин М. Проблемы поэтики Достоевского. — М., 1979. — С. 200. Появляю, что М. М. Бахтин видит только одну из двух генеральных метафор — метафору карнавала «Природа игры, — пишет он, — карнавальная природа». Это смотрит какой игры! Расплата есть функционально специфическая черта ярмарки, а не карнавала.

подъёмы и развенчания — все это имеет место и в жизни каждого из нас, но все растянуто во времени, иногда невероятно растянуто, и разве что теоретик, соединивший в уме самые значимые события в жизни изучаемой им личности, назовет соединяющий их пунктир *линией судьбы*¹. И только когда эти события сами придвигаются друг к другу, наступают внезапно, мы в нашей, по выражению М. М. Бахтина, «обычной жизни» вспоминаем о существовании непредвиденного и неотвратимого и восклицаем: «Судьба!».

Да, судьба.

«А н д р о м а х а. Я не знаю, что такое судьба.

К а с с а н д р а. Я тебе скажу. Это просто ускоренная форма времени. Это ужасная вещь»².

Итак, ускоренная форма времени. Совершенно точно.

Там, где время ускоряется локально, в одной определенной точке, ему нискогда двигаться. Оно начинает вращаться, обращается в вихрь, в водоворот.

Ясное дело, Банк не может оставить этот вихрь без внимания.

Он там присутствует.

Участие в игре — это «пребывание на пороге, на дуэли, под огнем Банка»³, а рулетка является «социально-технической машиной, подчиненной инстанции Банка»⁴. Какой инстанции? Стратегической инстанции накопления.

Игроки не верят (и никогда не поверят, иначе бы они не были игроками), что, вызывая Банк на дуэль, существуя в противопоставлении ему, веруя в случай, беря реванш у капитала, они ему служат. Все самоощущение игрока решительно против этого протестует. Ибо в сознании игрока рулетка разводит и противопоставляет накопление и обогащение, работу и деньги, становится онтологически несовместимой с миром терпения и труда.

Я ссылаюсь здесь на М. Рыклина не случайно: это автор, который жил, по собственному его признанию, «внутри метафоры» и начал

¹ Термин П. Я. Гальперина, предложенный им, насколько я его помню, для характеристики движения личности в социальном пространстве на протяжении ее индивидуального существования. Сравните в этой связи песенку «Линия пунктира» из альбома «Алиса в стране чудес» В. Высоцкого — самой, быть может, значительной фигуры безвременья, знаменующей собой переход от *поп-культуры к контркультуре*.

² Жироуду Ж. Прованской войны не будет // Л'Эссы. — М., 1981. — С. 3-14.

³ Рыклин М. Русская рулетка // ИСК. — 1995. — № 9. — С. 65.

⁴ Там же.

свою работу в Итаке (штат Нью-Йорк), где понял, что «трудно переоценить значение Банка в американской культуре; можно сказать, что эта инстанция там слишком существенна, чтобы стать объектом осмысления»¹.

Табу. Откуда оно берется?

Экзистенциальный опыт автора не подсказывал ему ответ на этот непростой вопрос, хотя именно там, в Итаке, он понял: «Чем выше потенциальность денег, тем сильнее желание», что может показаться тривиальным, но только тем, кто это не пережил.

Лишь через непосредственное переживание дано осознать, что тривиальное есть синоним эвентуальной доступности (*trivium* — пересечение улиц, первоначально тривиальными звались и женщины, ожидающие свиданий на углу). При высокой потенциальности денег обладание ими порождает желание обладать реальностью: она становится доступнее. Для Банка эта реальность — весь мир. Включая тех, кто его населяет.

А для того, чтобы они стали доступны Банку, они должны вступить в игру с ним.

Все играют в вавилонскую лотерею. Жизнь издавна такова, что время и случай правят всем. Еще Экклезиаст «видел под солнцем, что не проворным достается успешный бег; не храбрым — победа, не мудрым — хлеб, и не у разумных — богатство, и не искусным благо-расположение, но время и случай для всех их» (Экл., 9: 11).

Три тысячи лет спустя Редьярд Киплинг словами своего героя подтверждает: «Не так уж важно, что человек делает; и как делает, тоже неважно. Главное *когда* — надо выбрать психологический момент. Пресса на это не способна; деньги тоже; и смекалка тоже. Много значит удача, остальное — гениальность»².

Все удается тому, кто умеет ждать, это умение Киплинг и называет гениальностью. Не исключено, что из умения ждать, часто равнозначному умению думать, и родилась любовь к мудрости, философия.

Есть, есть основания называть философию «генеральным штабом ожидания». Философы могут (или думают, что могут) задержать течение времени и рассмотреть то, что происходит, под лупой анализа: «в тот момент...».

В русской армии офицеров, окончивших Академию Генерального штаба, прозвали «моментами». За пристрастие к поиску «нуж-

¹ Рыклин М. Русская рулетка // ИК. — 1995. — № 9. — С. 70.

² Киплинг Р. Как голосование признали Землю плоской: Стихотворения. Рассказы // БВЛ. Серия 2. — Т. 118. — М., 1978. — С. 551.

ных моментов»: решение было принято в нужный момент, удар был нанесен в нужный момент и т. п.

Поддразнивали генштабистов зря. Все зависит от того, *когда* наступает испытание сил. «Только то достояние прочно, за которое сполна заплачено», — учит Камю. Добавлю в срок. История человечества — это история расплат.

Философия верна традициям «генерального штаба». Послушаем, что говорит о свободном духе Гегель: «Дух не есть нечто абстрактно-простое, а есть система движений, в которой он различает себя в моментах, но и в самом этом различении остается свободным»¹.

В. П. Зинченко, обсуждая эту мысль, с основанием отмечает, что «осталась непроявленной ключевая для нас мысль о различении человеком себя в моментах. Не ясны ответы на вопросы: что это за моменты? где они хронологически и содержательно находятся?»².

Ответ напрашивается: *в игре* духа.

А собственно, что такое игра?

Движение в пространстве возможностей, ограниченное только набором правил.

Правил не так много.

Много случайностей.

Сосредоточьтесь и вспоминайте — часто ли вы встречали слово «случайность» в Священном писании? Его там вообще нет. И в Коране, если я не ошибаюсь, — тоже.

Но ведь есть случайности.

И есть *игроки*, которые убеждены, что жизнь можно сжать до нескольких часов, равных по значению годам. Время и случай будут править всем, и они выиграют: «Не у *разумных* — богатство».

Игроков таких в общем немного. Почему же М. Рыклин избрал в качестве рабочей метафоры «русскую рулетку»? А потому, что текст его начат в Итаке, а завершен в Москве. В ней сейчас игорных домов больше, чем во всей Европе. Но не это главное. Главное в том, что там восторжествовала Большая Русская Рулетка.

Мы, слава Богу, наблюдали за ней только по телесвидению (хотя не будем преувеличивать зыбкое наше благополучие — бсрженого Бог бержет).

«Под Большой Русской Рулеткой я имею ввиду серию банкротств, исчезновений и ухода в подполье множества акционерных обществ,

¹ Гегель. Соч. — Т. 4. — М., 1959. — С. 175.

² Зинченко В. П. Посох Осипа Манделштама и трубка Мамардашвили: к началу органической психологии. — М., 1997. — С. 127.

банков, товариществ открытого и закрытого типа, коррупцию на всех уровнях и беззащитное декларирование правосудием своего бессилия, наводящее на мысль о сообщничестве. Эта разновидность Рулетки, столь беззащитно проявляющая себя в Москве, в более длительной перспективе работает на накопительскую инстанцию Банка, которую она питает переводимыми за границу деньгами. Можно предвидеть, что общеевропейский контекст будет оказывать на Большую Русскую Рулетку возрастающее дисциплинирующее влияние¹. И ведь как в воду глядел! Оказывает, и самое что ни на есть дисциплинирующее. Игра продолжается, но уже не в рамках «акционерных обществ и товариществ открытого и закрытого типа», а в масштабах правительства огромной страны. Если, конечно, не считать это правительство «товариществом закрытого типа». Почему бы и не считать. Товарищество закрытого типа по игре в Русскую Рулетку. Можно и название предложить. Например «Вавилон».

Конечно, и Банк, и Рулетка выросли из второй витальной системы, обладающей огромными имитационными, симулятивными, символическими возможностями, реализация которых раскачивает индивидуальное человеческое существование между Бытием и небытием.

Имитационная функция пришла к культуре из внутреннего мира человека, которому, как и любому живому существу имманентна тенденция к самовоспроизведению, тенденция преодолеть конечность индивидуального существования.

Иногда говорят, что имитация и симуляция — одно и то же. Если я правильно понял Б. Вулли, это не так. Имитация есть воспроизведение уже существующего, симуляция есть воспроизведение того, что возможно, но реально не существует. Прекрасный пример приводит Славој Жижек. Система депозитов строится на том, что все вкладчики имеют возможность снять деньги со своего счета в Банке, но эта возможность одновременно и полностью никогда не осуществляется, на чем и основано существование Банка, то есть кредитно-финансовой системы.

Иными словами, эта символическая система симулирует реальность, благодаря чему и существует. Так (не знаю, согласится ли со мною Жижек) язык симулирует диапазон того, на что способен говорящий, благодаря чему существует речь. Язык лишь декларирует свою силу; она велика, но он не всемогущ.

Не всемогущ и Банк.

¹ Рыжанин М. Русская рулетка // ИК — 1995. — № 9. — С. 70.

Рынок и счастье

Настоящее решительно не похоже на прошлое, но трудно испытывать ностальгию по прошлому, если вспомнить магазинные прилавки тех лет. Какой-то остроумец назвал их «самой сексуальной вещью в Союзе».

— Почему?

— Они совершенно голые и, подходя к ним, все сильно возбуждаются.

Сейчас много пинут и говорят о вакууме идей, а тогда налицо был вакуум иного, материального, рода. И не следует зарекаться — всегда может наступить тот вакуум, о котором можно сказать словами поэта:

— Хочу омлет!
— Омлетов нету.
— Хочу лангет!
— Лангетов нету.
— Хочу вельвет!
— Вельветов нет.
— Хочу стилет!
— Стилетов нет.
— Хочу колет!
— Колетов нету.
— Хочу жикет!
— Жикетов нету.
— Хочу обед!
— Обедов нет.
— Хочу билет!
— Билетов нет.
— Хочу скелет!
— Скелетов нету.
— Тогда продайте пистолет!
— И пистолетов тоже нет.
— Как, пистолетов тоже нет?
А что сегодня есть в продаже?
— Сегодня есть
В продаже честь.
Сегодня есть
В продаже лось.
Сегодня есть
В продаже месь...

- А счастье, извините, есть?
— Простите, этого товара не держим¹.

Это было написано давно, и с тех пор список товаров, находящихся в продаже, сильно расширился. Честь, лесть и месть из него не исчезли (да и цена на них упала), а вот что касается счастья — остается вопросом, можно ли его купить?

Илья Сельвинский написал в 1931 г. замечательную пьесу «Пао-Пао»². В ней невероятный Пао-Пао ищет счастье:

Я думал найти его в звонких золотцах,
В женской ласке (чисты, не чисты).
Я думал, что это огромное солнце
Личное, как золотые часы³.

В этом все дело. Личное, сияющее, золотое. Вполне доступное в рыночном пространстве: его можно купить.

Но мне представляется, что в продаже его все-таки не бывает (могу и ошибаться).

Счастье обещано, однако же — и в непосредственной связи с организацией цивилизованного рынка.

Сама по себе цивилизованная организация рыночного пространства, непосредственно связанная с защитой прав всех, кто владеет частной собственностью, обещает многое. В частности, и то, о чем совсем недавно писал А. Кабаков. В антиутопии своей он имел в виду идеал, который может осуществиться в России: «...страна — застроенная удобными и красивыми особняками и деловыми небоскребами, покрытая широкими и зеркально гладкими шоссе, стриженными лужайками и чистыми лесами, полная еды, одежды и машин. В этой стране мужчина, прямо взглянувший на красивую женщину, подлежал суду, который чаще всего приговаривал его к смерти в вакуумной камере; в этой стране не вегетарианцев не пускали в рестораны, а за срубленное дерево подвергали изгнанию; для людей белой расы, физически полноценных и гетеросексуальных, была

¹ Н. Богословский приписывает эти стихи М. Хейрало. В текст внесены отдельные уточнения.

² Которую затем нещадно изуродовал, как и «Ульясвигину», я покорнейше прошу читателей не обращать внимания на эти вещи в «Собрании сочинений в шести томах» (ранно как и на «Командарма 2»).

³ См.: Сельвинский И. Пао-Пао. — М., 1933. — С. 129.

введена процентная норма при поступлении в университеты; все религиозные праздники отменены, поскольку задевали чувства атеистов, хотя атеистическая пропаганда запрещалась как задевающая чувства верующих; любые способы регулирования рождаемости осуждались, но секс существовал, только «безопасный», а рождение более трех детей в одной семье преследовалось законом, поскольку нарушало равновесие между человеком и средой и вело к истощению природы; в этой стране самым строгим образом защищалась свобода печати, но компьютер в ЦУОМе, Центре Управления Общественным Мнением, неукоснительно контролировал все источники информации, отсекая любые сведения о том, что происходило на границах и окраинах державы.

Потому что там горели заливаемые стуженным безизном города и деревни, там ракеты разносили в пыль больницы и школы, танки шли по ставшим на их пути людям, там тысячами гибли солдаты официально не воюющей армии и офицеры давно расформированной и проклятой тайной полиции, там был внешний круг Ада, псевдомый для внутренних восьми: для круга скуки, круга лицемерия, круга тупости, круга сытости, круга безнадежности, круга лжи, круга одиночества и круга одиночества¹.

Да — круги ада.

Но ведь там — власть Сатаны.

Откуда взялось Зло, откуда взялся Сатана?

Библия (книга Иезекииля, 28:15, 16) дает на этот вопрос вполне определенный ответ: «Ты совершен был в путях твоих со дня сотворения твоего, доколе не нашлось в тебе беззакония. От обширности торговли твоей внутреннее твое исполнилось неправды, и ты согрешил...». Херувим, о котором это сказано, был низвергнут в преисподнюю, он и есть, по мнению многих теологов, Князь Тьмы.

Не вторгаясь в сферу столь ответственных дискуссий, замечу лишь, что корень греха здесь лежит в чрезмерной «обширности торговли», в выходе за естественное пространство рынка. Может быть, в превращении рынка в ярмарку.

Карнавал как бы отлучает его участников от платы. Ярмарка ее требует. Плати и бери.

Поэтому ярмарка не обещает счастья. «Простите, этого товара не держим...» Карнавал обещает, хоть не надолго, но обещает, ярмарка — нет.

¹ Кабаков А. Последний герой. — М., 1995. — С. 105–106.

Описан эксперимент, в котором испытуемый, вдыхавший окись азота (N_2O)¹ чувствовал, что понимает, в чем смысл жизни, и был счастлив.

Потом это чувство исчезало, он приходил в себя.

Перед очередным экспериментом испытуемому дали бумагу и карандаш. Чтобы он записал, в чем смысл жизни. Всем было интересно.

Испытуемый записал: «Повсюду пахнет нефтью». И пришел в себя. Рассела это насмешило.

Это было давно.

Сегодня это не смешно.

Цена нефти стала широко известна.

Сегодня это звучит как «повсюду пахнет кровью».

В ныне позабытом, а в межвоенную эпоху — знаменитом цикле Р. Роллана «Жан-Кристоф» есть роман «Ярмарка на площади», где вызывающе остро изображена купля-продажа убеждений, совести, творческого дара. И примечательно, что на шумной и процветающей ярмарке Жан-Кристофу чудится запах смерти — «сначала вкрадчивый, а потом упорный».

А «Кабинет доктора Калигари» — великое кинематографическое воплощение силы и угрозы, тающих за ярмарочной торговлей, рекламами, шарлатанством и шутовством². Тема смерти в этом фильме — непридуманная. Наоборот. Респербан-буммель, ярмарочные палатки, убитая девушка — все это было и подсказало будущему сценаристу замысел, который и поныне кажется удивительным.

Хаотично, празднично, увлекательно, азартно, рискованно навязывает ярмарка покупки. Но это отнюдь не карнавал, хотя черты сходства и совпадения есть. Это игра, правила которой распространяются на все, что имеет значение для индивида, в том числе и на то, что имеет основное значение: на жизнь и смерть. При этом убийца — также из ярмарочного балаганного мира, убийство ему заказано и профессиональная деятельность его имеет амбивалентный характер. «Наше счастье устроил киллер»³, — гласит кишированный заголовок в «Комсомольской правде». И далее: «Про таких говорят

¹ Воздействие (N_2O) на психику лежит в основе замысла не столь уж фантастической (насколько мне известно) повести. См.: Успенский Л. $N_2O + X_2$ // Тайна всех тайн. — Л., 1971. — С. 7–81.

² Кабинет доктора Калигари (Германия, 1919) Постановка Р. Визе по оригинальному сценарию К. Майера и Г. Яновича. Художники: Варм, Рерин, Рейман. В главных ролях: К. Фейдт, В. Краус.

³ См.: КП. — 1997. — 12 ноября.

«судьба свела»...». Судьба, как вы догадываетесь, — это киллер с пистолетом Макарова. Далее сообщается, что «доктор Лена» спасла депутата от верной смерти, «потом они полюбили друг друга и Юрий Лужков окрестил их дочь...».

Очень мило.

Позвольте, а где же государство? Куда оно смотрит?

А там, где деньги. Туда оно и смотрит.

Существование государства

Разумеется, всем изучавшим проблему существования памятно различие мыслимого и реального в классическом кантовском примере: сто талеров в голове и сто талеров в кармане — разные вещи. Кто спорит? Разные. Но, как сказано у раннего К. Маркса, это различие не учитывает феномен веры. «Разве не властвовал древний Молох? Разве Аполлон Дельфийский не был действительной силой в жизни греков? Здесь даже критика Канта ничего поделать не может. Если кто-нибудь представляет себе, что обладает сотней талеров, если это представление, если он верит в него — то для него эти сто талеров имеют такое же значение, как сто действительных... Действительные талеры имеют такое же существование, как воображаемые боги. Разве действительный талер существует где-либо кроме представления, правда, общего или, скорее, общественного представления людей?»¹. И, заключим мы, разве смысл употребления денежных знаков не зависит от доверия к правительству, которое их выпустило, от общественного представления о возможностях экономики и силе государственной власти?

Государство — это феномен доверия. Оно убивает (а нам нельзя), оно печатает деньги (а нам нельзя), забирает деньги (что нам тоже не положено). Появились даже преступления, имитирующие деятельность государства: ракет. В его чистом виде ракет заключается в охране жизни и собственности граждан от незаконных посягательства. Правда, за солидную плату. А то те же бандиты, что охраняют, могут и посягнуть.

Некогда П. А. Столыпин призвал государство делать ставку не на «пьяных и слабых», а на сильных. Государство должно стать государством сильных. Тогда оно само станет сильным.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. — М., 1956. — С. 98.

Узнаете знакомую мелодию? Вы наверняка ее слышали: «Чем больше в государстве богатых, тем оно богаче».

А чем больше в нем бедных, тем оно беднее. Не правда ли?

Сопоставление этих суждений позволит вам многое уяснить в аргументации тех, кто призывал нас понять, какую Россию мы потеряли.

И какую вернули.

9 марта 1912 г. Александр Гучков, выступая в Думе по смете Святейшего Синода (который он бесконечно презирал), сказал: «Я слышал, что жизнь — хорошая вещь и замечал, что те, которые достигли больших жизненных благ, менее всего склонны ими поступаться; знаю, что не всегда можно требовать героизма; но есть известный этический минимум, который обязателен для ответственного носителя власти»¹.

Сейчас это как нельзя более актуально звучит.

Призыв П. А. Столыпина делать ставку на сильных заставляет задуматься над тем, доверяют ли сильным? Это коренной вопрос законности, потому что сила, не регулируемая правом, вызывает только страх и протест.

«Только торможение придает системе тел значение механизма», — утверждал академик А. А. Ухтомский. Собственность — это та форма торможения, которая способна придать системе физических и юридических лиц значение экономического механизма. Но чтобы эта способность реализовалась, нужно государство: и физические, и юридические лица в нем подчиняются закону. Он один царит на земле правового государства.

Земля есть мистическая основа существования государства. Государства без территории не бывает. Но вытекает ли отсюда, что земля должна принадлежать государству? «Все партии живут своей мистикой и умирают от своей политики», — говорил Шарль Пети. Это и к государству (государствам) относится.

Что такое государство, в котором мы живем? Его часто называют домом, нашим общим домом. Но тот, кто находится внутри дома, самого дома не видит. Особенность этого заколдованного дома в том, что выйти из него и на него посмотреть можно при условии, что в моей собственности находится хоть одна комната этого дома. Состояние и чувство собственности дает нам и возможность увидеть дом. Стать по отношению к нему во внешнюю позицию.

¹ Гучков А. И. Корабль потерял свой курс. — М., 1991. — С. 11.

Если бы люди могли оптимально (да что там — просто могли) существовать исключительно за счет рыночной экономики, государство отмерло бы еще при капитализме, эта форма существования индустриального общества оттолкнула бы государство в сторону — и еще В. И. Ленин недоумевал, зачем оно нужно и предполагал — для подавления. Но ведь опыт Веймарской республики показывает, что партии могут (за счет промышленно-торговых кругов) содержать частные армии. Вот они бы и подавляли. Нет, государство имеет выкарное значение, оно работает там, где рынок не работает.

Как известно, в начале века на планете было 52 государства, в середине века — 82, сейчас их количество превышает 200, и Кыргызская Республика выступает как одно из проявлений этой глобальной тенденции. Каковы бы ни были ее причины, эта тенденция существует и свидетельствует о том, что человечество продолжает обращаться к государству как к инструменту управления и защиты интересов граждан. Эта форма организации власти в пределах международно признанных границ является исторически оправданной и глубоко связанной с территориальным расселением этносов по материкам планеты. Но насколько эффективно работают государственные механизмы, в какой мере они способствуют человеческому развитию, — этот вопрос решается в каждой стране по-своему. Решение этого вопроса может быть основано на социальной ориентации рыночных отношений. Государство при этом берет на себя защиту прав человека и содействие реализации его возможностей. Государство: 1) поддерживает участие человека в политической и экономической жизни общества, 2) гарантирует частную собственность и содействует личной инициативе, 3) поддерживает устойчивость семейных отношений и охраняет права детей, 4) поддерживает образование и этнокультурное развитие, 5) содействует развитию социального страхования и особо — здравоохранению и пенсионному обеспечению, 6) защищает закон и порядок от любых посягательств, охраняя тем самым личную безопасность граждан.

Государство — это феномен доверия. Это оно, доверие, превращает листки бумаги в нечто равносильное золоту, автомобилю, дому. Наше доверие к бумаге строго определенного формата с темно-графитной лицевой стороной и зеленой спинкой¹.

О деньгах существуют разные мнения. Либерал Джон Б. Пристли, человек по нашим меркам не бедный, говорит, что «деньги — это

¹ Greenbaks — «зеленые спинки» — так называют доллар на сленге. Отсюда и наши «баксы», и «гринты».

слуга, ставший господином»¹. Первоначально, поясняет он, деньги были придуманы для удобства обращения, «как знак, как символ, как что-то вроде железнодорожного билета». Но что произошло? Они вышли из-под контроля. Стали источником власти. «Мы позволяем людям использовать деньги как оружие власти, а это все равно, что позволить им использовать военные корабли и бомбардировщики в личных интересах... Надо отнять у денег их власть. Собственно говоря, личные деньги должны быть просто карманными деньгами. Это единственный род денег, в которые я верю, — карманные деньги. У каждого должны быть карманные деньги, и ни у кого не должно быть никаких других... Карманные деньги — это просто собственные деньги ограниченного действия, их тратят на все, что придет в голову. Вы не можете с их помощью заставить меня работать на вас весь год, держа их, как пистолет у моего виска»².

У Вильяма Шенстоуна (у Пушкина он «Ченстон») есть мысль убедительная именно в условиях рыночной экономики: «Монета — не простой металл, это твоя свобода»³.

Это было в эпоху золота и серебра.

Золото образует переход между двумя витальными системами. «Венецианцы смеялись, когда Марко Поло рассказывал, что в Китае ходят бумажные деньги. На них купишь разве что во сне. Золото не прилипает к шелковистой бумаге»⁴.

Но вот верят тем, кто выпустил деньги.

Хотелось бы, чтобы верили Банку, но государство столь тщательно охраняет его интересы, что верят уже не ему, а государству. Это опасно. Государство может многое, мы это видели, мы это знаем. Пусть оно даже призрак — все равно оно пугает. А как его не бояться?

«Ученые мужи предаются каждодневным умствованиям по поводу упадка нашего общества, ища этому глубокие причины. Такие причины, конечно, есть. Но тех среди нас, кто попроще, зло эпохи задевает своими воплощениями, а не предпосылками. Оно назы-

¹ Парифраз афоризма Фрэнсиса Бэкона.

² *Пустыни* Дж. Б. Избранное. — Т. 1. — М., 1987. — С. 600–601.

³ В. Шенстоун вошел в историю литературы тем, что у него есть общего со «Скупым рыцарем»; а общего — мистифицирующий пушкинский подзаголовок да эта фраза. (См.: *Gregg R. A. Pushkin and Shenstone: The case reopened // Comparative Literature*. — 1965. — № 28. — P. 112.)

⁴ *Мандельштам О. Записные книжки // Вопросы литературы*. — 1968. — № 4. — С. 189.

вается государство, полицейское и бюрократическое. Его распространение во всех странах под разными идеологическими предлогами, оскорбительная безопасность, которую обеспечивают ему механические и психологические средства воздействия, — все это смертельная угроза тому лучшему, что есть в каждом из нас»¹.

Все ли это осознают? Боюсь, что нет, не все.

В тоталитарном государстве ведение дел основано на притеснении народа, при демократии — на пренебрежении к нему. Но притеснение надо давать почувствовать (а то люди просто не поймут, что их притесняют), пренебрежение же надо, наоборот, скрывать (а то люди будут чувствовать, что их интересами пренебрегают). В тоталитарных условиях ощущение притеснения воспринимается как ощущение силы власти, а в демократическом обществе народ, напротив, должен воображать, что с ним считаются.

Отдавая должное рационализму XIX века, В. И. Ленин предложил формулу: «Политика есть концентрированное выражение экономики». Выяснилось, что она неверна. Разве не бывало, что политика стран Содружества только разрушала их экономику? Разве политика Рима не погубила Римскую империю? Политика испокон веков была нацелена на экстенсификацию — на захват новых рабов, новых земель; для политики, наконец, государственная безопасность составляет такую ценность, которая существует во внеэкономических масштабах. Внутренняя связь между экономикой и политикой существует, конечно. Но это сложная, нелинейная зависимость. Часто политика едва ли не вредит подлинному экономическому развитию. Я, разумеется, верю, что представители торгового капитала (Сити), тем более — финансового (Уолл-стрит) влияют на политические процессы. Но еще вопрос, влияет ли торговый капитал положительно на развитие эффективности труда. Ценности политики и ценности экономики не отождествляются даже в том крайнем случае, когда государство обращается в единый промышленно-торговый синдикат — как это было у нас. А ценности индивида строятся на принципе: только то достоинство прочно, за которое сполна заплачено. Заплачено трудом. В конечном счете — жизнью.

Мы ищем подход к сложной, иногда сумбурной, хаотичной действительности. Ее так трудно понять. И не удивительно. Понять можно то, что имеет смысл. Между тем реальность временами просто

¹ Camus A. Essais. — Paris, 1965. — P. 391–392.

абсурдна. И не потому, что ее кто-то намеренно запутывает, — она запутывается сама. Ведь давно уже установилось, что лучше уж дом, построенный по одному слабому проекту, чем один дом по оригинальным проектам пяти архитекторов. В первом доме хоть жить можно, а второй может оказаться вообще ни с чем не сообразным. Не напоминает ли нынешняя ситуация во всем постимперском пространстве второй, недостроенный дом? Именно недостроенный: непонятно, когда и как его достроят. Тут есть над чем задуматься.

Я не отрываюсь от идеи о третьем пути как пути гуманизма, пути решения человеческих проблем при активном участии государственных и неправительственных социальных структур.

Идеи неразделимы с реальными условиями жизни. Конечно, их можно искусственно изымать, помещать в тексты и пересаживать в другие условия — да только вот привыкнут ли они? Тем более, что они должны не только прижиться в ином по характеру мире, но еще и изменять его, причем кардинально изменять. «Четвертая власть» современного мира — пресса, радио, телевидение — обладает силой снимать и переносить идеи. Они даже приобретают видимость жизнеспособных — да только всегда ли они таковы? Увлеченность идеями (ее можно создать) значит очень многое. Но не все. Это большая сила. Но всегда ли она — решающая сила?

Суть дела

Теперь я, ничего не изменяя, расскажу читателю то, что рассказывал людям умным, авторитетным и разным. Разговор шел на совещании в Фонде Горбачева, был застенографирован, собирались все издать, книга получалась толстая, не знаю, вышла ли. Темой разговора была судьба интеллигенции и культуры в переходный (к чему?) период.

Говорухин, Кантор, Толстых, Моисеев, Матизен, Межуев, а в общем человек сорок.

Я рассказывал и сожалел, что нет Лекторского, Шрейдера, Ерасова... Впрочем, они и так знали, что именно я скажу. Знали или догадывались.

— Дорогие коллеги! Моя цель заключается в том, чтобы за короткий отрезок времени, которое отводится каждому из нас, рассказать о тех проблемах, которые мы обсуждаем, и о тех, кто обсуждает эти проблемы, с точки зрения современной или, точнее, радикальной психологии. С этой точки зрения, участники обсуждения (по отно-

шению к которым я никак не могу занять внешнюю позицию, потому что я и сам участник) представляют, конечно, исключительно интересный психологический феномен. Заметьте, например, как мы уговариваем друг друга, что «fair play» на самом деле есть, на самом деле существуют правила, что порядочность, то есть уважение к правилам, как и уважение к уму, на самом деле присуща людям, воспитанным в условиях неприкосновенности частной собственности. Ой ли! Ведь все же отлично знают — подсознательно, но знают, что когда сюда войдет собственник, он вам скажет: раз ты такой умный, что ты такой бедный?

Это что, неправда? Это правда. *(Из зала: «В Англии собственник то же говорит...»)*. Безусловно! «Раз ты такой умный, что ты такой бедный?» — вот вопрос, который будет задан интеллигенту. И как на него ответить?

Парадоксальность ситуации обнажает, в частности, Швейцария. Я бы с этого, наверное, и начал. Вы, Эрик Юрьевич (я обращался к Э. Ю. Соловьеву, автору известной книги «Прошлое толкует нас», и мельком подумал, какое странное у него лицо: профиль мыслителя, анфас ироничного редактора стенгазеты... Он слушал внимательно), наверное, помните в Цюрихе рустованный фундамент банка, на котором грубо намазано фломастером: «Никакой паники на «Титанике», а ниже вторая надпись: «Этот город даст тебе все, с чем ты ничего не поделаешь». Это в сущности два эпитафия к тому, о чем мы все говорим.

«Титаник» мировой цивилизации тонет весь, мы просто оказались на носовой части. У нас была плохо организованная экономика, и то, что с нами происходит, это просто часть мирового кризиса, который на нас сказался очень резко. Мы это видим прежде всего, нам это бросается в глаза. Но «Титаник» тонет весь. И лишь наш комплекс провинциализма подсказывает, что это все происходит только с нами. Нет, не только! Причем ведь многие чувствуют, что процесс этот идет во всем мире, но нам хочется, чтобы он из-за нас пошел, из-за России — вот, мол, Россия погибнет, значит, и весь мир погибнет. Да нет. Просто весь мир тонет, а мы оказались не на задранной вверх корме, а в носовой части корабля, который медленно погружается в воду.

(Гут по залу прошел легкий шумок. Потом у нас была содержательная неформальная дискуссия, и я пояснил, что ни о какой физической гибели человечества тут и речи не было: говорилось о мировой цивилизации как об одной из возможных цивилизаций.

Она гибнет. Ей на смену придет следующая, и история, возможно, возобновит течение свое.)

А кризис, о котором я говорил, — это кризис внутренней жизни человечества, кризис, скорее, внеэкономический, хотя он не исключает и кризисных явлений в собственно экономической сфере. Это кризис, который губит нашу цивилизацию, и порожден он бесцельностью, иррелигиозностью и в сущности безнравственностью современной общественной жизни, в которой выражает себя оскудение субъективной реальности отдельно взятых индивидов.

Теперь в отношении второй надписи. Я имею в виду слова: «Этот город даст тебе все, с чем ты ничего не поделаешь».

Это про рынок. Давайте условимся, что же такое рынок с психологической точки зрения? С психологической точки зрения (я имею в виду точку зрения радикальной психологии) рынок — это определенное пространство, в котором *все* продается и *все* покупается. Это часть живого тела: экономического тела общества. Это пространство не метафизическое, а физически вполне реальное. Как только вы в нем оказываетесь, вы все продаете и вы все покупаете.

Встанем на позицию покупателя.

Есть мужчины, которым в ресторане хочется заказать и официантку; многие возмущались в магазинах, когда им не хотели снять и продать какую-то вещь с витрины (и правильно возмущались — ведь витрина — это часть пространства, где все продается). Или, возьмем, к примеру, девиц, именусмых «моделями», манекенщиц, проще говоря. Они серьезно стимулируют сбыт товара: ведь, покупая платье, которое она демонстрирует, покупают (подсознательно) и ее облик.

Подсознание подсказывает это потому, что в пространстве рынка купить можно всё.

И всё продать.

И когда Иисус изгонял торгующих из храма, ведь он на самом деле изгонял тех, кто выполнял практически необходимые для исполнения культа функции. Зачем они там сидели? Они продавали то, что необходимо для совершения жертвоприношений. Но он изгонял их для того, чтобы показать, что пространство всерьез — это иное, сакральное, пространство.

Нас же пересадили в рыночное пространство, и вот тут зазвучала мелодия, которую мы все слышали. А что это за песня? Нам хотелось бы, чтобы была она на слова Пушкина: «не продается вдохновенье, но можно рукопись продать».

Ах, если бы! В это пространство мы попадаем раньше наших рукописей. Вот в чем дело. Рынок требует не слов Александра Пуш-

кина, а слов Александра Тинякова (это было написано в 25-м году, на гребне нэпа):

Все на месте, все за делом
И торгует всяк собой:
Проститутка — теплым телом,
Я — талантом и душой.

А что, неправда? Тиняков потом спился и просил милостыню, повесив себе на грудь табличку: «Русский поэт». А ведь он просто осознал, в какое попал пространство.

(Надо сказать, что потом, уже в частной беседе, я принял справедливое возражение, что нэп был первым «экономическим чудом» в Европе и обещал стране чрезвычайно много — зря его свернули! Но картина «светлого будущего» рисовалась при этом «китайскими» красками, на что я и указал. Может быть, капитализм под контролем тоталитарного государства и приведет к товарному изобилию — может быть! Но духовный мир людей при этом не обязательно перейдет в ситуацию обогащения. Он может остаться несвободным.)

Теперь, если мы приняли эту точку зрения и поняли, что рынок существовал всегда, когда существовало живое экономическое тело общества, перейдем к капитализму, который вы здесь безбожно отождествляли с рынком. На самом деле капитализм в его классической форме — это такое общество (называйте его, как хотите — дело не в словах), такой экономический строй, то пространство, где производится все, что покупается.

А социализм? Это пространство, где покупается все, что производится.

Принципиально разные вещи.

Как создать первое — понятно. Производите все, что покупается. А как создать второе? Как создать общество, в котором покупается все, что производится? Эта задача была успешно решена государственно-монополистическим социализмом. Я имею в виду, что было создано общество, в котором существовал постоянный лютый дефицит, всегда не хватало чего-то. Иногда и нелегкий дефицит. А когда не хватает, люди невольно бегут покупать все, что продается. Тут уж действительно покупается все, что производится. Недаром Н. И. Бухарин был так быстро, и я бы сказал, безапелляционно, низвергнут с руководящих высот и уничтожен после того, как сказал, что мы живем «в вогнутом зеркале капитализма...»¹.

¹ Бухарин Н. И. Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года. — М; Л, 1928. — С. 4.

И верно: у них кризисы были *перепроизводства*, у нас — *недопроизводства*, у них был избыток рабочей силы, у нас ее хронически не хватало, у них человек раздражался из-за нехватки наличных, у нас — из-за отсутствия товаров. Ничего неясного формула Бухарина не открывала, но всем гражданам тоталитарного государства памятные слова: «И если человек скажет вслух о том, что видят или о чем догадываются все, этот человек умрет». Бухарин не захотел услышать эти слова — и умер.

Государственно-монополистический социализм — это вогнутое зеркало капиталистических отношений.

Это первое, о чем я сейчас хотел сказать. А теперь второе. *То, что* касается непосредственно *того, кто* попадает в рыночное пространство. Про человека. Человек это такое животное (я не хочу сказать, что животные — это люди, но люди — это все-таки животные), которое удивительно хорошо умеет (и в этом, вероятно, его специфика) превращать средства в цель. Ведь в конечном счете мы все время говорим о том, что рынок это не более, чем средство. Это средство перейти к иному уровню благосостояния, культуры, свободы.. Ну, вы слышали все это, зачем повторять.

Но на самом деле человек — продукт полового (а не естественного) отбора, и в нашем обществе действуют в принципе те же механизмы, которые создавали человека и каждодневно создают человечество. И механизмы полового отбора продолжают действовать в обществе потому, что оно складывается из его продуктов. Что я здесь имею в виду? Ведь мы на самом деле — все! — незапланированные дети. Мы появились на свет благодаря тому, что нашим родителям нравилось заниматься тем, благодаря чему мы появились на свет, а вовсе не потому, что они были движимы желанием породить нас в том виде, в котором мы здесь собрались. Средством, порождающим детей на свет, является любовь. Это хорошо и страшно.

Итак, если на самом деле человек превращает средства в цель, а он именно этим и занимается, то что ждет нас — людей, живущих в мире средств, ценящих средства, зачастую выступающих в качестве средств? В. Ю. Царев рассказал очень интересные вещи об экономических процессах, происходивших, в частности, в результате реформы Эрхарда. Это правда. И все, что было им сказано, верно. Я бы, однако, хотел заметить, что здесь есть определенное табу, которое наложено прошлым и по сию пору не преодолено. А разве национал-социалистическая экономика не предшествовала исторически реформе Эрхарда? Разве эту реформу не воплощали в жизнь

люди, знающие на практике и что такое концлагерь, и что такое «фольксваген»? Да что «фольксваген»! Общество «Радость — сила», молодежный «Рабочий фронт», «фольксэмфенгер», который нам неизвестен, но в Германии он существовал и у каждого немца он был. Каждый немец имел такой народный приемник, который работал без каких-либо помех. Два выходных дня женщине в каждые четыре недели по ее личному выбору в силу ее физиологических особенностей. «Зимняя помощь», подарки новорожденным. Я бы мог перечислять этот список чрезвычайно долго, он длинный. Таким отношением к людям был задан вытесняющий демократию определенный подход патерналистски построенного государства к своим гражданам. Оно одновременно давало еще выход агрессивным инстинктам части населения — инстинктам, замещающим нормы демократии. Шовинизм способен ее замещать.

А у нас?

(Я имел в виду СССР)

Можно ли утверждать, что экономика, которая была построена при Сталине, была так уж неэффективна во всех отношениях? Почему все на нее нападают, так ее ругают? Здесь есть своя чисто мистическая сторона. Дело в том, что эта экономика очень эффективна в экстремальных ситуациях. Она требует самоотречения, энтузиазма, аскезы, самопожертвования, наконец. Вот тогда государственно-монополистическая экономика эффективна. Она настолько эффективна, что не воевать, имея такую экономику, просто невозможно. Вот для этого она годится в высшей степени. Она для этого предназначена. И период наивысшего торжества нашей экономики — это период 1941–1945 гг.

Хочу подчеркнуть: не следует полностью исключать вариант осуществления и в постимперском пространстве такой экономикополитической структуры, которая в той или иной форме учитывала бы опыт тоталитарных государств прошлого, и я боюсь (в тот момент я действительно испытал какое-то тоскливое ощущение), и мне кажется, что шансы на реализацию этого варианта на самом деле гораздо выше, чем мы себе это представляем. Впрочем, история с подозрением относится к правдоподобным вариантам развития событий.

Теперь в отношении культуры. Как известно, старое надо охранять, когда у него зубы уже выпали, а молодое надо охранять, пока зубы у него еще не выросли, иначе мы окажемся между двумя челюстями, которые нас перекусят. Вот это точно та позиция, в которой

оказалась наша культура. И у старого еще зубы не выпали и новое очень зубастое. И вот эти две челюсти сжимают нас с двух сторон... да что «нас!», сжимают тело культуры с двух сторон.

Я в душе полагаю, что и культура, и рынок являются двумя необходимыми частями, или органами, общественного тела и в этом смысле неуничтожимо ни то, ни другое. Только и то, и другое должно существовать в определенных формах, иначе говоря, — в каких-то границах. Но сейчас рынок у нас безграничен. И в сущности каждый человек чувствует, что его могут купить. А если кого-то не купили, то это только потому, что не давали настоящую цену. Правда, многие ценят себя очень высоко. Но ведь отсюда же еще не вытекает, что эта цена не будет предложена.

(Я, разумеется, слегка поддразнивал слушателей. Но на следующий день я смотрел телевизор, показывали какой-то польский фильм (Махульского, если не ошибаюсь), и с экрана прозвучал такой диалог:

Один (*возмущенно*). Вы что же, думаете, меня можно купить?

Другой. Да.

Один. Но почему?

Другой. Вы интеллигент.

Меня это насмешило и расстроило, и я пожалел, что не мог привести слушателям этот пример.)

Что же касается культуры, то здесь, по-видимому, встанет вопрос о том, насколько готов торговать своими способностями, своим трудом, в конечном счете — собой тот, кто является ее творцом и носителем. Внутренне каждый из нас не готов, и многие об этом громкогласно заявляли. А кто же нас защитит и поддержит? Мы, конечно, побежим обратно к государству с просьбой: подкормите нас всех, потому что уже ясно, что спонсоры будут оказывать поддержку выборочно — селективно, как выражался коллега Якобсон. Еще как селективно! И будут ли вообще ее оказывать, что тоже большой вопрос. Нет, воззовем к государству. А кого станет оно кормить и охранять? Где у него средства и возможности?

Только то, что может быть продано и куплено, — существует. Таков закон рыночного пространства. Поэтому с таким подозрением отнесется рынок к нашему существованию.

Это о том, что было и есть. А о том, что будет? Этого никто не знает. Я знаю только, что нам следует отказаться от привычки мыслить, только обобщая, погружаясь в сущность. Ведь уже ясно — жизнь «долбит» наше сознание, она действительно «философствует молотом» и с размаху. Она бьет по каждому из нас, вдалбливая:

существование важнее, чем сущность; самое главное — существование, и думать надо об этом; попытки погружаться в сущность уведут от жизни. Если я начну погружаться в женское лицо, даже такое прекрасное (*в зале сидела очень милая особа*), то глубже я найду только череп... Да, он будет твердый, он будет основательный. У него будут все признаки сущности, он не будет таким неверным, таким изменчивым. Бесспорно. Но все-таки я предпочитаю лицо. (*Из зала: «Там виден архетип...»*) Вполне вероятно. Архетип скрыт за многообразием лица, а не за однообразием черепа. Юнг это чувствовал. Я даже считаю, что концепция Юнга — это одна из наиболее перспективных концепций, которая даст возможность не только *объяснять*, но и *понимать*. Объяснить все может каждый из нас. В Берлине мне рассказывали старый анекдот про Хонеккера, к которому приходит Вилли Штоф и говорит: «Знаешь, Эрих, я что-то не могу понять нашу политику...». — «И только-то? — отвечает Хонеккер. — Ладно, Вилли, я тебе сейчас все объясню...». — «Объяснить — это что, объяснить и я могу, а вот понять...» (*Смех и оживление в зале.*)

Это про нас, про нашу действительность — объяснить ее можно, и все мы объясняли ее друг другу и как будто бы поняли, но было ли это на самом деле понимание и можно ли понять абсурд?

Вот тот вопрос, который стоит перед каждым из нас, и я думаю, что на этот вопрос никакого ответа на самом деле нет. (*Я помолчал. Было очень тихо.*)

Мне было лестно ваше внимание. Благодарю.

(Я выступал последним. После перерыва В. И. Толстых предоставил каждому заключительное слово. Для меня это была возможность завершить разговор.)

— Проблемы надо решать, а с парадоксами надо жить. Очень многое из того, о чем мы говорили, это просто плод парадоксальности реальной ситуации, и в этом смысле разрешить ее не под силу разуму. Но то, что ситуация эта дает толчок для развития мысли — объективный факт, и наша двухдневная дискуссия это подтвердила. Это очевидно. Будь у нас в перспективе возможность встретиться еще раз, мы говорили бы о том же, но не то же самое. Вероятно, мы не повторялись бы.

Далее. Я думаю, коллеги обратили внимание на то удивительное лишь на первый взгляд обстоятельство, что, много говоря о культуре, об экономике, о философии и идеологии, мы крайне редко употребляли слова «творчество» и «производство». И это не случайно. (*В. И. Толстых: «Никто, кроме Царева.»*) И Владимир Юрьевич

говорил о производстве в ином, нетрадиционном для нас, контексте: он говорил об элаборации, софистикации и т. п. Раньше производство было бы лейтмотивом, уж не обошлись бы мы без этого. И дело здесь не в употреблении слов. А в том, что мы неосознанно выламываемся из той парадигмы, в которой производству приписывалась некоторая, я бы сказал, мистическая, роль в существовании и жизни общества.

Но задумаемся, о чем мы, собственно, тогда, в недавнем прошлом, говорили? О том, что беременность выше ребенка? Разве производство выше продукта производства? Да нет, конечно. Продукт производства выше производственного процесса. С этой точки зрения, когда говорят, что конь делает из человека всадника, революция делает из него смельчака, газета делает из него глупца, и т. д., речь фактически идет о том, что использование продукта делает с человеком нечто большее, чем участие в процессе его производства. Отсюда — желание приобрести продукт производства, отсюда — тот мир, в котором мы живем.

Почему рынок?

То, в чем люди нуждаются, в общем идентично, то, чего люди хотят, в общем индивидуально. Конечно, то, в чем люди нуждаются (в хлебе, воде, молоке, мясе, в одежде и крыше над головой), лежит в основе их существования. Но в условиях рыночной экономики реализуется способность людей преобразовывать то, в чем они нуждаются, в то, что они хотят. Один хочет подовой хлеб, другой — лепешку; один — сметану, другой — каймак; один — куртку, другой — пиджак. Возможность выбрать товар — суть собственно рыночной экономики. Ее идеал: «за что платишь, то и получаешь: были бы деньги, и у тебя будет всё».

Это идеал исполнения желаний. Деньги выступают как машина исполнения желаний, как возможность, которая конкретизируется, как только ее извлекут из кармана и положат на прилавок. Поэтому рыночная экономика обладает неотразимой привлекательностью. Реализация идеала социализма происходила в другой, грубо извращенной форме: «что получаешь, за то и платишь». Раздражает, когда нет того, что хочется. И за семьдесят лет к этому не привыкли. Не привыкли бы и за сто. Не отвечает это человеческой природе.

И, исходя из особенностей человеческой природы, в рынке следует видеть не столько благо, сколько неизбежность.

Реальные возможности

Сложность постимперской кризисной ситуации определяется переплетением троякого рода кризисных линий: 1) кризис экономический, 2) кризис концептуальный, 3) кризис компетентности. И полностью выйти из экономического кризиса можно только при условии преодоления концептуального кризиса и кризиса компетентности.

Почему?

Потому что человек попадает в пространство рынка *раньше*, чем торгово-промышленные и административные структуры реализуют свой производственный и управленческий потенциал.

Результат налицо.

Мы создали уже систему, в которой перепродавать выгоднее, чем участвовать в производительном труде. На практике это привело к падению производства товаров и (частично) услуг. Можно даже предположить, что психологически эта система (ее называют «переходной») вызвала у широких слоев населения, особенно у молодежи, надежду освободиться от производительного труда. Тем не менее экономическое тело общества выжило и живет: кризис приостановился и стал слабеть.

Если же будут предложены идеи выхода из ситуации, опирающиеся не на мировые цены на товары, а на мировые цены на квалифицированный труд, если будут показаны и доказаны выгоды компетентности, изменится и сама ситуация. Выход из кризиса ускорится.

Но для этого нужны предварительные условия.

Весьма существенными и взаимосвязанными психологическими условиями выхода из кризиса являются: ответственность, доверие; резерв; преодоление разобщения.

В постимперском пространстве эти условия наблюдаются не всегда. Посмотрим на Россию, да и не только на нее.

Надо сказать, что политика стран-доноров, ориентированная не столько на развитие товарного хозяйства, сколько на создание среднего класса, класса предприимчивых, оправдала себя не полностью.

Напротив, средний класс был частично размыт — меньшая его часть вступила на путь подлинного обогащения, а большая часть заметно обеднела.

Несут ли авторитетные международные организации какую-либо ответственность за свои рекомендации? Да никакой: может будет толк, а может и не будет... виноваты всегда те, кому занимали деньги.

Несут ли правительства какую-либо ответственность за свою деятельность? Никакой. Не получится — уйдут в отставку, и все. За хорошее не поощряют, за развал не взыщут. Назначат других чиновников на место прежних. К этому все сводится.

Ясно, что это не повышает доверия к политической и экономической практике тех, кто фактически управляет страной.

А доверие — это залог эффективности управления и самый мощный стимул рыночной экономики. Ибо деньги — это не более чем бумага, и свои финансовые функции бумага эта выполняет только в силу того, что люди доверяют тем, кто эти деньги выпустил.

Резерв — это реальное богатство общества; вообще богатство — это не текущий доход. Резерв — это то, что позволяет избегать эпидемий, народных волнений, оборвать обвальное падение национальной валюты, если опасность такого падения вдруг возникнет.

Опасность таких явлений в их непредсказуемости. Сила государства в том, что оно в состоянии их остановить на самой ранней стадии (потом уже и резерв не поможет).

Важной причиной нынешнего кризиса является также известная внутренняя разобщенность, диссоциация общественных сил и социальных институтов, которые, взаимодействуя, способны ускорить экономический рост. Необходимо не поиск виновных, а поиск способных вывести из кризиса. А это задачи разные. Применительно к Кыргызстану решение второй задачи предполагало открытость влиятельных общественных кругов и руководства республики новым оценкам и гипотезам, взаимную готовность к сотрудничеству: это в той или иной мере произошло и способствовало улучшению ситуации.

При соблюдении этих условий возникали и возможности выхода из кризиса.

На языке теории одна из этих возможностей называется *специализм*. Подразумевается, что затраты на повышение квалификации приводят к повышению эффективности труда. Не производительности (что тоже важно), но эффективности. Эффективный труд — это такой труд, который ориентирован на спрос и соответственно на сбыт товаров и услуг по мировым (или близким к ним) ценам. Поэтому и оплачивается такой труд высоко.

Средний уровень подготовки занятых в производстве в развитых странах растет. Это условие реализации современных технологий. То, что в Японии и Корее условно называют «высшим рабочим образованием», сейчас является условием участия в мировом производственном процессе.

Однако многие против специализма.

Известно, что люди, получившие слабую профессиональную подготовку, чаще стремятся занимать административные (а не собственно производственные) посты; более того, они склонны превращать свой уровень во всеобщий.

Далее, психология перехода к рынку ориентирована на перспективу скорого обогащения меньшинства. И специализм этому меньшинству тоже выгоден, но осознается это не сразу.

В Японии, Германии, Корее он внедрялся в специфических условиях, связанных с диктатом новых социально-экономических норм в условиях оккупации. В постимперском пространстве ситуация иная.

Специализм способен нам помочь, но он требует расходов. Расходов на рост профессиональной квалификации, вообще на образование. Причем все эти расходы оправдывают себя не сразу, а через два, а то и через пять—шесть лет. Этот срок, конечно, велик для небольшой и небогатой страны.

Есть и другие возможности.

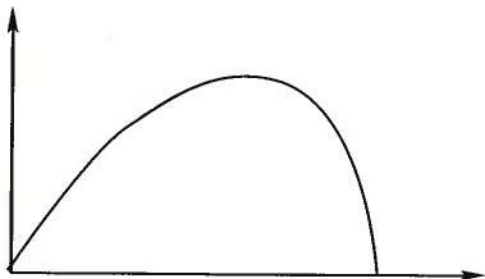
Заслуживает, например, внимания, гипотеза Принди.

Согласно концепции Пьетро Принди, хорошие шансы имеются у тех стран и народов, которые внутренние готовы к возрождению кочевого образа жизни. Предполагается, что развитие средств передвижения и связи заметно сблизит народы, и перемещение рабочей силы, информации и т. д. займет в будущем обществе очень большое место.

Эта и другие (я их опускаю) гипотезы говорят о том, что шансы у Кыргызстана есть. Но все это — в перспективе.

Специализм — это одно из средств выхода из сложившейся ситуации. Чтобы увидеть другие средства (а они есть), надо снять завесу иллюзий, мешающих увидеть то, что есть. Перечислим главнейшие из иллюзий:

1. «Раньше были плохие законы, поэтому их нарушали, надо принимать новые». Допустим. Но тот, кто нарушал законы в прошлом в целях обогащения, будет нарушать их и в будущем с той же целью.

Кривая Лаффера

Артура Лаффера прославилла эта кривая, впервые нарисованная им на бумажной салфетке и перешедшая с нее на страницы солидных экономических трудов. Она показывает, что повышение налоговой ставки сначала работает на рост суммы налоговых поступлений, но затем происходит нечто парадоксальное (и нам знакомое): налоги растут, а денег в казну поступает все меньше. Налоговый пресс подавил на перспективную, легальную экономику слишком сильно — люди стали уходить из нее в теневую, нелегальную, ту, которая налогов вообще не платит. Риск? Да. Но иначе просто смысла нет работать, отвечают деловые люди. Что же делать государству? Снижайте налоги, и у нас станет больше денег, отвечает властям Артур Лаффер. Снижение налогов финансирует само себя. Люди вернутся из тени в свет, в мир, где в обмен на выплаченные налоги они получают твердую уверенность в себе. Она так необходима для дела, для семьи, для человеческой жизни и, оказывается, для государственных финансов.

Тем, кто ими управляет, как правило, нелегко понять, что снижение налоговой ставки способно повысить сумму налоговых поступлений. Но президент Рейган прислушался к теоретикам, утверждавшим, что уверенность в себе и доверие к государству — сродни, и эффект был достигнут.

Разумеется, чрезмерное снижение налогов тоже до добра не доводит. Временное их снижение — одно из средств сбалансировать тень и свет.

Законы — это основное, но главное все-таки в том, чтобы законы исполнялись.

2. «То, что полезно для бюджета, полезно для народного хозяйства». Это не так. Подъем налоговых ставок для бюджета полезен, а для тех, кто работает, бывает и вреден.

3. «Деньги хлынут в рыночную экономику, обретут свою подлинную, устойчивую цену, и все станут жить лучше, культурнее, нравственнее». Это не так. Деньги — это превосходный слуга, но плохой господин. Тут Бэкон прав. Заметим, что те, кто дает нам деньги (займы), выставляют и определенные требования. И не всегда эти требования способствуют росту культуры, здравоохранения, развитию образования. Только кредиты, ориентированные на устойчивое человеческое развитие, способны в этой области сильно помочь. Но и они роста нравственности не гарантируют.

4. «Сейчас происходит первоначальное накопление капитала. Рынок и капитализм — одно и то же». Нет, не одно и то же. Рынок был и в Римской империи, там, правда, больше людьми и скотом торговали, но золотом, землей, вином и сладостями — тоже. Рынок был всегда. А вот первоначальное накопление капитала пришло с производством. И торговый капитал — это другой, непромышленный, непроектировочный капитал.

Если посмотреть на ситуацию без иллюзий, мы увидим следующее.

1. Оправиться от кризиса стране помогут те, кто отвечает за свои действия.

2. Ключ к ситуации — в производстве, а не в торговле. Рынок — руль, а не мотор.

3. Вмешательство государства в экономическую жизнь допустимо, а то и необходимо, когда оно компетентно.

4. Приватизация — лишь одно из средств, которыми можно пользоваться — и пользоваться с осторожностью.

5. У Кыргызской Республики есть будущее. Только собственный труд и экономическое сотрудничество с сильными странами смогут нам помочь.

А что будет мешать?

Иллюзии.

Они не пугают. Но человек без них не может жить.

Дух времени

Согласно Гегелю, все единичные явления какой-то данной эпохи пронизывает объективный дух — его мы и называем «дух времени» (Zeitgeist); он конкретизируется в мыслях и поступках людей. Люди при этом различаются по силе своего погружения в жизнь эпохи, масштабам своего влияния, умению придать своим мыслям и впечатлениям законченное речевое выражение. По Геге:

Дух времени, мой друг, не прост:
Для нас он книга за большой печатью.
Что духом времени слышит,
По существу, дух нескольких господ,
А бытие играет кстати¹.

Утверждают, что дух нашего времени — это дух рынка или, точнее, рыночной экономики. Что же думают (и говорят) по этому поводу несколько действительно умных господ?

А вот что.

Они признают и поддерживают достижения рыночной экономики, основанные на многовековом историческом опыте человечества. Рынок существует издревле, и он эффективен. Отсюда, впрочем, не следует, что никакой иной способ отслеживать и регулировать баланс спроса и предложения изобрести невозможно. До XX века человечество не знало ни авиации, ни радио и телевидения, ни атомной энергии. В социальной сфере изобретения не менее возможны, чем в мире естествознания и техники, просто социум предельно консервативен и любит повторять то, что уже получалось ранее. Но социальные изобретения надо делать и предлагать. Как раз самым замечательным достижением рыночных отношений является свобода конкуренции и частной инициативы: эта свобода распространяется и на мир идей, форм собственности и общественной жизни.

Далее. Рыночные отношения торжествуют в рыночном пространстве. Но оно не слишком удачно стыкуется с другими социальными пространствами — управления, образования, искусства, с пространством сакральным. Там, где стыковка не отлажена (а она может не отлаживаться исторически долго), образуются зоны кри-

¹ Перевод Илья Сельвинского.

минализации, возникают коррупция и другие виды нарушения законности.

Наконец, свобода и демократия способны проявлять себя и в форме социального расслоения общества. Тенденция к расслоению свойственна обществу, именно она побуждает апологетов социальной справедливости вступать в борьбу с частной собственностью и даже с государственным устройством. Никто не знает, безнадежна эта борьба или нет, но все знают, что частная собственность выступает как самая действенная гарантия личной независимости того, кто ею обладает.

В этом скрыты корни величайшего социального парадокса в истории человечества.

Дух времени состоит в том, чтобы смотреть будущему в глаза, не прячась от него в прошлое.

А что нас ждет в будущем?

Вавилон и будущее мира

Раствор, которым схвачены камни этого мира, замешан на крови, в фундаменте мира слишком много костей. Он растет, как Вавилонская башня, — обреченно и вверх.

Но чем завершится строительство этого мира? Неужели новым распадом? Неужели на горизонте вновь будет маячить разрушенная Эсагила?

Неужели это неизбежно?

Ответ на этот вопрос никому, в сущности, неизвестен. Но все его ищут.

И мы с вами тоже.

Глава 7

НИГДЕЯ

Мир без утопии — не что иное,
как варварство.

Жан д'Ормессон

Острова

Утопия — это место, которого нет, остров, на котором расположено будущее.

Возможное будущее.

Оно недаром расположено на острове.

Р. Рамсей был совершенно прав, говоря, что острова «обладают особой притягательной силой... По-видимому, острова привлекают какой-то невыразимой таинственностью, и эта таинственность уходит корнями в далекое прошлое»¹. Вот это (знакомое многим) ощущение невыразимого, таинственного, влекущего порождается не только самим предметом размышлений, но и уже существующим коллективным бессознательным отношением к нему.

Сейчас, правда, острова заменились планетами, причем не Солнечной даже системы.

Но это все равно.

Планеты — острова в пространстве.

Сочинители множества романов и повестей располагают на них утопии. Иногда функцию такого острова берет на себя наша планета, приобретая тем самым некоторую привлекательность.

Я рискну предположить, что читатель знаком или имеет возможность познакомиться среди прочих работ с книгами А. Мортон², Е. Шацкого³, В. А. Чаликовой⁴ и К. Манхейма⁵; излагаемые далее соображения не во всем совпадают с их содержанием, а в чем-то ему и противоречат.

¹ Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. — М., 1977. — С. 90–91. Ср. класс «побуждающих предметов», описанный Куртом Левинном.

² Мортон А. Английская утопия. — М., 1956. Книга написана хорошо, но над ней потрудился переводчик, на всякий случай, имейте в виду, что «Англическое сено» — это на самом деле «Шутовской хоровод» Хаксли.

³ Шацкий Е. Утопия и традиция. — М., 1990. Утопии посвящены, строго говоря, только первые 200 страниц книги.

⁴ Утопия и утопическое мышление / Сост. Чаликова В. А. — М., 1991. (Это антология западной литературы XX в. Отрывки подобраны сообразно вкусу составителя.)

⁵ Манхейм К. Идеология и утопия // Диагноз нашего времени. — М., 1994. (Частью классическая работа К. Манхейма представлена в антологии, составленной В. А. Чаликовой.)

Утопия и человек

Утопия: что это такое? Возможность. Возможность неосуществимая. Кто создает эту возможность? Человеческий разум. Кто не дает ей воплотиться в жизнь? Человеческая природа.

Утопия — это *Нигдея* (в буквальном переводе), она не имеет места, ее нет.

И все же утопия — не просто неосуществимая возможность. Это возможность маниящая. Она представляется зависящей только от человека. Она не противоречит законам природы. Многие утверждали, что не противоречит она и законам общественного развития (если таковые существуют и обладают неумолимостью законов природы). Одним словом, утопия кажется зависящей от совокупной воли тех, кто пожелает ее осуществить.

И ведь в этом желании нет ничего дурного. Утопия представляется современникам прекрасной.

«Утопии, — пишет Роберт Музиль, — примерно равнозначны возможностям; если какая-то возможность не стала действительностью, то это означает только, что обстоятельства, с которыми она в данный момент сплетена, мешают ей это сделать, ведь иначе она была бы просто невозможностью; а если освободить ее от того, что ее связывает, и дать ей развиваться, возникает утопия»¹.

Кажется бы, верно. Но все дело в том, что это за обстоятельства, которые не дают возможности осуществиться?

Они не *вне*.

Они *внутри*.

В человеке.

Мартин Хайдеггер назвал человека существом, о котором мы знаем так много, как никогда раньше, и которое никогда не было такой проблемой, как теперь.

Что же делает его проблемой?

Жан-Поль Сартр попытался объяснить, почему.

Онтологически человек изгнан из общества себе подобных. Другие люди для нас, поясняет Сартр, словно за стеклами телефонной кабины: они говорят, делают жесты (может быть, он даже мне звонит, да меня дома нет, добавит читатель), но ничего не слышно.

Это метафора одиночества и тревоги.

¹ Музиль Р. Человек без свойств. В 2 т. — Т. 1. — М., 1984. — С. 287.

Но что это такое — одиночество? Я могу быть одинок только в том случае, если знаю, если чувствую, что мне необходимы другие.

Общение необходимо — не как источник мысли, а именно как стимул (старинный толковый словарь тактично пояснял, что стимулом называлась «заточенная палочка, побуждавшая вакханок к неистовству»). Неистовство разума выражается в формах совершенно разных — рассуждения об общественном договоре кажутся академическими сравнительно с тем, что говорил Заратустра, но в бумагах Руссо нашли запись: «Thelo, thelo mapenai» («Хочу, да, хочу безумствовать»).

Двенадцать столиков в ныне несуществующем кафе «Ротонда» подарили XX веку Аполлинера, Пикассо, Кокто, Эренбурга, Модильяни, Шагала, Риверу, Дунковского и многих других (я назвал великих, хотя очень люблю бронепоезда Северини, стихи Сальмона, «Танец» Архипенко — все это тоже оттуда).

Сегодня Умберто Эко, автор постмодернистских бестселлеров «Имя розы» и «Маятник Фуко», предлагает возможность всемирной Ротонды, Multimedia Arcade, он хочет изменить общество, в котором мы живем. Утопия? Несомненно. Но муниципалитет Болоньи поддерживает его замысел «Аркады»: за символическую плату человек получает право войти в Сеть (Net), посидеть в кибер-кафе (50 терминалов с обслуживающим персоналом), почитать, увидеть, послать сообщение по электронной почте. Одним словом — вечер во Всемирной паутине.

Общение.

Общение со всем миром.

Заинтересует ли оно людей?

Вот показательные данные. Они, боюсь, не устареют еще много лет.

В 1995 г. социологи провели большое международное исследование: в сорока трех странах (Кыргызстан не входил в их число) они выяснили, чем интересуются люди на досуге. Каждому опрошенному предлагалось оценить степень своего интереса к 19 областям — от политических новостей и научных открытий до кулинарии и мелких домашних поделок.

Последние известия интересуют всех (например, 59% американцев и 46% россиян), затем следуют социальные проблемы (безработица, преступность), на третьем месте — состояние окружающей среды. Так практически повсюду, и это естественно.

Менее естественно следующее.

Россияне вместе с жителями еще немногих стран — чаще всего Аргентины, Чехии и особенно часто Украины — лидируют в своей незаинтересованности следующими темами из предложенных девятнадцати:

жизнь известных и влиятельных людей — 0,
 географические исследования и приключения — 15,
 история различных стран и культур — 21,
 изобретения, технические и потребительские новинки — 27,
 путешествия, поездки — 27,
 археология, древние цивилизации — 32,
 история войн и сражений — 36,
 жизнь первобытных племен — 38,
 космос, звезды, Вселенная — 39,
 научные открытия и теории — 40,
 военная техника — 45,
 самолеты, воздухоплавание — 53.

Положительный баланс заинтересованности связан у россиян со страстью к мелким домашним поделкам, но на первом месте стоит область «необъяснимые явления, оккультизм, НЛО»¹.

Мы задумали провести подобное исследование в Кыргызстане, и начали его. Результаты, надо надеяться, будут интересными.

Мир сегодня слоист и сознание наше движется в нем по Данте — *di gonna in gonna* — от слоя к слою, от собственно личного, домашнего, до сугубо социального. Их много, этих слоев. Среди них особое место занимает инфосфера, образованная циркулирующей в обществе информацией. Инфосфера — проявление и продукт социальных информационных потоков.

Вот пример: ФИДО — бесплатная часть «Интернета». Это напоминает радиолобительство, и в детстве мы коллекционировали QSL-карточки, подтверждающие факт радиоконтакта. Иногда его завершало «88» — пожелание любви. Далее я приведу выдержку из «Аргументов и фактов».

«Действительно, похоже. Только у радиолобителей цель — сам факт связи, здесь же — общение и обмен сведениями. Но самое главное, чего нет у радиолобителей, это эхо-конференции. Они — значительная часть трафика, то есть потока информации. Обсуждается в них все, что представляет хоть малейший интерес. Это

¹ См.: Прусс И. Самая читающая // ЗС. — № 6. — 1997. — С. 79–80. «Из интересного миру россиянам неинтересно практически ничего». (Там же. — С. 80.)

некто вроде большого почтового ящика, куда кидают свои послания ее участники. Очень похоже также на общий котел, вокруг которого сидит с ложками несколько сотен, а то и тысяч человек. Каждый кидает в него свои продукты. А потом все едят. Но в отличие от такой трапезы каждому достается не часть, а весь котел сразу и каждый день. В него можно ничего не кидать, все равно получишь то, что отправили другие».

Быть может, читателя заинтересует маленький фрагмент списка эхо-конференций ФИДО:

DOWN RU. SKYDIVING	Парашиотизм
ESPERANTO. RUS	Все на языке эсперанто
FIDONET. HISTORY	История
MO. JOB	Поиск и предложения работы
MO. TOURISM	Все про туризм
MO. WANTED	Где? Что? Почему?
RU. BEER	Пейте пиво пенное..
RU. BEATLE.CLUB	Клуб любителей
RU. BIBLE	О чем говорит Библия
RU. BABY	Посвящена детям
RU. DUEL. RHYME	Дуэли в стихах
RU. FISHING	Рыбалка и все, что с ней связано
RU. FANTASY	О сказочной, ненаучной фантастике
RU. SEX. ADV	Объявления на тему секса
RU. TOON	Все о мультфильмах
RU. UFO	Неопознанные летающие объекты
RU. VIDEO	Обсуждение всего, связанного с видео
RU. ABOUT LIFE	Разговоры про жизнь
RU. ANEKDOT	Анекдоты
RU. PICKUP	Девушка! Разрешите с Вами познакомиться
RU. CULTURE	Культура и искусство
RUSSIAN. SEX	Обсуждение сексуальных проблем
SU. DACHA	Дачные проблемы и радости
SU. GAME	Компьютерные игры
SU. KITCHEN	Кухня и все, к ней относящееся
SU. KSP	Авторская и самодеятельная песня
SU. ABSOLUTE. TEXT	Совместное литературное творчество
SU. HUMAN. RIGHTS	Права человека
SU. HUMOR	Разные шутки и приколы
SU. CARD. GAME	Карточные игры

HUMOR. FILTERED	Избранные шутки
HOLD SU. HITECH	Высокие технологии
PEPSI	О безалкогольных напитках
PVT. EXCH. BLACK. LOG	О плохих фирмах и товарах
PVT. LAW	Юридические вопросы
PVT. NEWSPAPER	Интересная информация из и для газет
PVT. CAT. CLUB	Разговоры о котах и кошках

Замечу в этой связи, что мультимедийные компьютеры позволяют и рассказать некоторый текст (например, для SU.HUMOR или RU.ANEKDOT) перед микрофоном, и послать фонограмму для всемирного прослушивания.

«Интернета» еще не было, когда В. Шкловский писал: «Телевидение — это возможность другой жизни.

Создается огромная информационная всемирная система, которая оплетает мир. Приходит время массовых коммуникаций. Жизнь удваивается.

Как писали раньше, к примеру, о новостях? Писали, словно поддразнивая читателя. Писали, допустим, о приезде какого-нибудь князя в Москву. И к этому сообщению ухитрялись прибавить больше небыли, чем были.

Или, к примеру, Наполеон. Он не верил, что машина может вязать сеть. Как это возможно, если концы ее снаружи?

Он не верил, потому что не мог увидеть. И сообщение о действительно бывшем казалось неправдоподобным.

А про Чичикова говорили, что это и есть сам Наполеон. Особенно, замечает Гоголь, это было распространено среди старообрядцев. И хотя известно, что мертвых душ не бывает, потому что, как говорится в церкви, душа бессмертна, все равно едет в город Коробочка на неподкованных, спотыкающихся лошадях, чтобы узнать, почему нынче мертвые души.

А теперь мы можем увидеть то, о чем только слышали, перенестись на другой конец света и узнать, почему нынче мертвые души.

Телевидение расширяет наше зрение. Оно связывает нас со всем миром. Человек может быть увиден всем миром. И весь мир увидит его¹.

Это вполне реально. Это будет. Это уже есть.

¹ Шкловский В. Незрелый сон // За 60 лет. — М. 1990. — С. 511.

Гоголь интуитивно понял основной закон рыночного пространства (мы уже о нем говорили) — то, что может быть продано и куплено, существует. «Мертвая душа» — это была записка о том, кого болес нет, закрепленное знаками письменной речи ничто. Но вот его оказалось возможным продать — и ничто вернулось в реальный мир.

Разумеется, мертвые души — это и метафора.

Сегодня с существованием мертвых душ связан не столько скупающий их Чичиков (оказалось возможным приобретать и души, и тела живые), сколько порождающий их Хлестаков. Я имею в виду, что в мире рыночной экономики можно торговать не только правдой, но и ложью. Ложь бывает привлекательна, за нее платят, в нее верят. А потом души освещает «мертвенный свет разуверения». Об этом хорошо сказано у Багрова.

Со снисхождением льви, строго ль —
Итог-таков:
Над миром властвует не Гоголь,
А Хлестаков.

Как мы над ним смеялись хором —
И вы, и я,
А он и впрямь был ревизором —
Небытия.

Он к нам приходит и поныне,
Играют туш.
И он проходит по пустыне
Средь наших душ.

Где эскапели ранние грядки,
Ветвился сад,
И произносите «Всё в порядке.
Я очень рад!».

Такой взгляд на мир покажется вам пессимистическим. Но ведь есть такой взгляд на мир, внешний или внутренний, взгляд человека, которому дали и который это понял. Сможет ли он забыть слова откровенного Генри Миллера: «Наш мир — это ложь на фундаменте из огромного зыбучего страха»¹. И ведь есть чего бояться. Основания к тому в разных странах, в разном возрасте — разные. Сверх всего

¹ Миллер Г. Тропик Рака // ИЛ. — 1990. — № 8. — С. 166.

существует великий страх за других. Как вы помните, Сартр сказал, что «ад — это другие». Ад состоит не только и не столько в том, что они мучают тебя, а в том, что ты мучаешься за них, из-за них.

Утопия обещает освобождение от страха, но в нее еще надо поверить.

Утопия измерялась и измеряется человеческим масштабом.

Появляется перспектива узнать, что же на самом деле интересует человека, что он хочет, кто властвует над миром, пустынен ли наши души.

Интроспекция, локус контроля, уровень притязаний — все это важно, но содержания душевной жизни человека не исчерпывает.

Проект Умберто Эко, если он осуществится повсеместно, позволит нам задуматься над истинным масштабом наших духовных возможностей — в контексте информационного взаимодействия с другими людьми.

Может быть, этот проект и утопичен.

Но не стоит забывать, что особенно зло осмеивают утопии те, кто понял: они изнутри. Те, кто сами по себе не такие, кто мог бы жить в утопии, они — не те, кому она пужна.

Конечно, утопия — это еще и литературный жанр. Но что такое жанр по Бахтину? Это «поле ценностного восприятия мира». Что же служит ценностью для утописта? Новое в жизни человека и общества. Соответственно для тех, кто пишет антиутопии, новое выступает как сила, разрушающая ценности прошлого.

Антиутопии с этой точки зрения интересны особенно — и не только потому, что о зле пишут лучше, чем о добре. Сравните «Ад» и «Чистилище» у Данте с тем, что написано в «Рая». Талант, искренность, мастерство Данте всюду безупречны. Но какие части «Божественной комедии» увлекают — это знают все. Как это много говорит о людях — и о тех, кто горит в аду, и о тех, кто об этом пишет, и главное — о тех, кто читает.

В антиутопиях хорошо чувствуется не только желание отбросить какой-то вариант будущего. Тут иное. Тут обида на неразгаданность будущего. Пьер Мак-Орлан (с его «Ночной Маргариты» начинается, в сущности, наша книга, наше «путешествие Фауста»), обидая как-то с И. Эренбургом, сказал ему, что если человечество просуществует еще несколько тысяч лет, в хищников обратятся и кролики, и даже морковь. «Я никак не мог его утешить. Я только вспомнил о логике: если человечество просуществует еще несколько тысяч лет, не останется больше ни кроликов, ни моркови. Нет, тогда будут только

химические пилюли, геометрия домов и чувств, всеобщее счастье, абстрактные стихи для умалишенных и то развертывание челюстей, которое можно назвать зевотой или же смертью»¹. Осуществление утопии оборачивалось агниптопией. Всеобщего счастья не хотелось: скука, зевота, смерть! А что же, если не скука? Озверевшая морковка? Вzbесившийся заяц?

«Будущее трудно разгадывается, — писал В. Шкловский. — Только в сатире, осмеивая утопию, мы иногда предвидим будущее. Будущее, благодаря своей невероятности, предсказывается, появляется как бы пародийно»².

В начале века будущее пародировать не хотелось.

Люди — творческие люди — были тогда иные.

Была надежда.

Ощущалось, что будущее огромно. Над головой плыла луна, на которой еще никто не побывал. Иногда ее заслоняли цеппелины. Литовские домохозяйки готовили превкусные картофельные «цеппелинчики». В Пекинском университете добродушно поругивали помощника библиотекаря Мао Цзэ-дуна: вместо того, чтобы расставлять книги по полкам, он с утра до вечера читал. Попов изобрел радио, а варшавский доктор Заменгоф — всемирный язык «эсперанто». В камере бакинской тюрьмы этот язык зубрил заключенный Джугашвили — изучение европейских языков казалось ему нестерпимо долгим занятием. С конвейера сошел первый автомобиль Форда. Тот смотрел на часы. Ровно через пять минут сошел второй. «Теперь можно», — сказал Форд, и его стали поздравлять. Ожидания оправдывались. Необычайно алое небо (упал Тунгусский метеорит) казалось обаятым заревом надежды. Да, прав был лейтенант Глан: «Надежда очень странная вещь, да, удивительная это вещь — надежда»³.

Такова была перспектива. Идеал вскоре начал осуществляться. Даже эсер В. Шкловский писал: «Верилось в большевиков».

И еще долго верилось.

Многие верили.

Разве социалистический идеал не высок и не прекрасен? Я не про воплощение с простертой ли рукой или в бронзовых сапогах, я —

¹ Эренбург И. Белый уголь, или Слезы Вертера. — Л., 1928. — С. 75.

² Шкловский В. Эпизистифи — М., 1976. — С. 177.

³ Гиссин К. Избранные произведения. — Т. 2. — М., 1970. — С. 75.

про идеал. Остроумно и точно сказал об этом еще в застойную эпоху Андрей Синявский, осужденный советской властью диссидент: «Западный либерал-индивидуалист или русский интеллигент-скептик в отношении социализма находится примерно в той же позиции, какую занимал римский патриций, умный и культурный, в отношении побеждающего христианства. Он называл веру в распятого Бога варварской и наивной... считал бессмыслицей учение о Троице, непорочном зачатии и воскресении. Но высказать сколько-нибудь серьезные аргументы против идеала Христа было выше его сил... Разве мог он заявить, что Бог, понятый как Любовь и Добро, — это плохо, низко, безобразно? И разве мы можем сказать, что всеобщее счастье, обещанное в коммунистическом будущем, — это плохо?»

Но ведь достижение этого будущего рисовалось как дело политическое. И это все погубило.

Не ищите, учил Макс Вебер, спасения своей души на путях политики, у нее другие задачи, которые решаются только силой.

Народ ощущает свои потребности, но не знает интересов, власть имущие их присваивают. Коммунисты не исключение.

М. Бакунин еще в XIX веке заявлял, что государство, построенное по идеалам Маркса, будет не чем иным, как аристократией мнимых ученых, которые будут править так, словно бы они понимали интересы народа лучше, чем сам народ. И вот ореол учености, пусть мнимой, исчез, а они продолжали править как ни в чем не бывало.

И они были деспоты.

Не всегда злые, но не в этом дело.

Как учил Дидро, деспот не обязательно злодей, он может творить и добро. Но он характеризуется не количеством добрых дел, которые он совершает, и не масштабами зла, какое он причиняет, а исключительно объемом власти, которую присваивает.

Казалось, что власть эта — гарант порядка, чрезмерного, но порядка.

И. Эренбург писал в 1921 г:

Провизку грозный город-улей,
Стекло и сталь безликих сот,
И карнавал среди гулких улиц,
Похожий на военный смотр.
На пустыри ложатся тени
Спиралей будущих времен,
Ярмо обдуманных сравнений.
И рай нового бетон.

Но нет. Все происходит совершенно не так, как задумано, как ожидали. «Этот план покорить весь мир, так хорошо задуманный, выполненный и завершённый, кончается только тем, что утоляет личное желание пяти-шести чудовищ»¹. И чудовищ что-то уже не видно. Разве что личность проснулась.

На территории Новой Атлантиды

Признаки утопии, согласно острому ее критику Ральфу Дарендорфу², в общем таковы: 1) утопия всегда неподвижна, она застыла в своем совершенстве, ее состояние не бывает переходным или временным; 2) в утопии господствует единомыслие; 3) в ней отсутствуют конфликты, нет и того, что мы называем ребеллизмом — нет прорастающих семян бунта; 4) все социальные процессы, происходящие в этом обществе, лишь укрепляют и стабилизируют его структуру; 5) утопическое общество образует замкнутую систему, фактически не связанную ни с одним параллельно существующим обществом.

Утопии далекого прошлого в общем отвечали этим признакам, но про утопии XX века этого уже сказать нельзя. Знаменитая утопия Г. Дж. Уэллса «Облик грядущего» рисует общество, где полного единомыслия нет, есть и прямая попытка бунта. В не менее знаменитой «Гуманности Андромеды» Ефремова есть и конфликт, пусть не социальный, но сопровождающийся гибелью людей.

Утопиям несть числа, но классических утопий немного, и все они не единожды переиздавались. Среди них особое место занимает «Новая Атлантида» Бэкона, находившаяся, как полагают комментаторы, не в Атлантическом, а в Тихом океане³. (Где, впрочем, только не располагали Атлантиду ее незадачливые искатели — даже в Северном море.) Не этим удивительна «Новая Атлантида». Она удивительна высокой степенью осуществимости того, что в ней написано. Удивительна она и тем, что никто не опровергает возможность создать Дом Соломона — некий синтез Рэнд-корпорейшн и Академии наук — и никто ее не реализует, а ведь дело, казалось бы, только в уставном капитале, дальше деньги потекли бы рекой...

¹ Монтезкье Ш. Избранные произведения. — М., 1955. — С. 95.

² Dabrendorf R. Out Utopia/Sociological Theory. — N.Y., 1964.

³ Бэкон Ф. Соч. В 2 т. — Т. 2. — М., 1971.

Дом Соломона заключает в себе идею наделения ученых собственностью, чтобы они могли реализовать свои замыслы и облагодетельствовать страну.

Вот это не всем нравится.

Свифт пародирует Дом Соломона, показывая, что ученые будут сумасбродствовать. В американской фантастике вообще укрепился в свое время образ, обозначаемый аббревиатурой MS — Mad Scientist: безумный (а не то, что сумасбродный) ученый. Как вы помните, М. Бакунин пистет современников перед наукой не разделял, считая, что появится уйма псевдоученых. И он был близок к истине, ведь если ум и нельзя имитировать¹, то научная работа поддается имитации как никакая другая.

Решусь предположить, что дело не в псевдоученых, а именно в настоящих ученых. В том, что им власть и деньги — люди это чувствуют — давать никак нельзя. Они науку чтут. Чтут превыше человечества. Они начнут работать с людьми. А с людьми можно работать по-разному:

Палач не знает отдыха,
Но всё же, черт возьми,
Работа-то на воздухе,
Работа-то с людьми!

Будем считать это мрачной шуткой В. Вишневского, хотя... (увидим в конце главы).

Но ведь полвека назад не принимали всерьез и стихи Л. Мартынова:

Успокойся. Я повил тебя наконец.
В душной комнате мечутся пленники.
Их хотел умертвить твой высокий отец —
Гениальный профессор свеченики.

До этого дело как будто бы не дошло, ограничились стерилизацией.

Принудительные браки остались неосуществленной (утопической?) фантазией. Но вот клонирование? Европарламент воспрещает клонирование людей, ЮНЕСКО его осуждает как «унижающее человеческое достоинство» (решение от 21 октября 1997 г.). А уж в

¹ Иногда можно — молчалимем; вообще ум — это проблема коммуникативной ситуации, обратной связи, харизмы. Особенно — великий ум.

Доме Соломона обязательно попробовали бы что-нибудь подобное. И неизвестно еще, что случилось бы с людьми, их достоинством и Утопией — страной, где этот запроектированный Ф. Бэконом Дом должен был успешно функционировать.

Странное, но чуть ли уже не общераспространенное представление о том, что СССР был «утопией XX века» и еще чем-то в этом же роде утопическим («попытка реализованной утопии»), могло родиться только в сознании посредственных учеников тоталитарной средней, а впрочем, и высшей школы. Как раз слова «утопия» идеологические диктаторы боялись как огня. С одной стороны, и критиковать в привычной (злюбной) форме нельзя, ведь источник социалистических идей утопичен. С другой стороны, она вызывающе неосуществима, постоянно отличается от реальности, она воистину подобна горизонту — линии, которая удаляется от наблюдателя по мере приближения к ней. Нет, лучше уж о ней и не упоминать. О «Новых приключениях Травки», Алоте — воздушном слоненке, я уверен, никто из читателей и не слышал, так тщательно было вычищено из детского сознания коммунистическое будущее. Да и «Туманность Андромеды» ожидал прием, вполне достойный ворот с поблескивающей табличкой: «Осторожно, во дворе злая собака!». Были организованы коллективные письма в редакции, статьи и все, что в таких случаях было положено. Постепенно, однако, выяснилось, что туманность эта далеко за пределами Галактики, — шум стих... Но я и сейчас не могу забыть солидного заведующего кафедрой общественных наук, профессора, который на вопрос, читал ли он «Туманность Андромеды», отвечал: «Нет. А кто такой Андромед?»

При мне дело было.

В структуре современного общественного сознания места для утопии просто нет.

Хайнер Мюллер прав, когда говорит, что стало невозможным представить себе утопию в контексте исторического процесса. Утопия сегодня стоит вне истории или рядом с ней.

Между тем утопии имеют место.

И был сделан поистине акробатический этюд: утопия была переброшена в прошлое. Роль утопии была вручена «России, которую мы потеряли», — дореволюционной.

Контент-анализ показывает, что в 1988–1993 гг. (а шесть лет — это немалый срок в обществе, привыкшем мерить продолжительность своей жизни пятилетками) прошлое занимало на страницах печати заметно большее место, чем будущее. Можно было найти

солидные и широко читаемые газеты и журналы, где материалы, посвященные прошлому, занимали площадь в одиннадцать раз большую, нежели посвященные будущему, и это в дни, когда решалась судьба сверхдержавы. Наступил вакуум будущего, а сознание не терпит пустоты. В него хлынуло прошлое.

Конечно, многое тут зависело от того, что прошлое это долго замалчивали. Но не это главное. Главное в том, что прошлое пытались возратить. Что из этого вышло (в России, например), читатель уже увидел. Увидел он и тех, кому нравится все, что вышло, и возможно, вспомнил мудрые слова Мориса Бэринга: «Если вы хотите узнать, как Господь относится к деньгам, посмотрите на тех, кому он их дает».

Серьезные ученые считали и считают реализацией утопии именно Новый Свет, точнее — США.

«Америка должна была обеспечить всем европейцам исход в идеальный мир — мир, подобный тому, какой был описан сэром Томасом Мором и в котором могли быть решены социальные, политические и религиозные проблемы... Чтобы оценить в полной мере мотивы, которые заставляли европейцев отправляться в Новый Свет, следует принять во внимание, что они делали это не только с целью избежать религиозных преследований, или выразить свое миссионерское рвение, или накопить материальные богатства. Они сделали это еще и в силу существовавших в Европе в течение долгого времени представлений, что Новый Мир (West New World) на Западе может быть Утопией. И угнетенные, и идеалисты Старого Света были убеждены, что свобода, изобилие и благополучие значительно более возможны в Новом Свете, чем в Старом»¹.

И не без оснований. Пространство реальных возможностей здесь было шире, чем в Европе. И то, что сделано было за исторически недолгий срок, впечатляет. Возможности были использованы. Это были геополитические возможности капитала.

Но мы думали (и говорили) об иной, коммунистической, утопии.

Почему коммунистические утопии не осуществились? Первая и главная причина состоит в том, что они должны были осуществляться людьми, а то, что люди — изначально хорошие и желающие друг другу только добра существа, еще никто убедительно не доказал. Да и желая добра друг другу, они осуществляют его зачастую в формах, совершенно не устраивающих ближних. Жизнь любой семьи — неоспоримое тому доказательство. Вторая при-

¹Gester P., Cords N. *Myth in American History*. — Encino (California). — London, 1977.

чина заключается в том, что эти утопии пытались осуществлять локально, а тут уж действительно требуется остров, изоляция от недоверчивого окружения, к которому утопийцы склонны относиться не слишком доброжелательно. Или чрезмерно доброжелательно. Любопытно, что и в «Принципах коммунизма» было записано, что осуществлять переход к нему надо методом *мировой* революции. Требовался остров — в космическом океане. Третья причина была очень хорошо понята еще мудрецами античности: рабы. Рабы тут просто необходимы. В античные времена это казалось даже естественным. Но ведь и В. И. Ленин обмолвился (обмолвился ли?) о том, что для осуществления идеала потребуются тысячи и тысячи «механических рабов».

Использование труда заключенных в тоталитарном государстве никак не является делом злой воли отдельных руководителей. Это вытекает из самой природы тоталитаризма. Фангастика XX века — от Чапека до Шекли — эта тема просто не покидает. Роботы. Вот что необходимо.

Мне даже представляется (и я пытался это доказать), что человек лишь одна из вершин треугольника: *люди — машины — тексты*. Причем треугольник этот растет, расширяется: одна из вершин тянется к сверхчеловеку, другая — к роботу, третья — к голографической утопии.

Впрочем, уже в 20-х годах стало очевидным, что пролетарская утопия от реальности далека. Послушайте ворчуна.

«А я вам мысль приготовил, кхэ, мысль... Теория Маркса о пролетарьяте скоро должна быть забыта, потому что сам пролетарьят должен исчезнуть, — вот такая моя мысль!... — а стало быть, и вся революция ни к чему, ошибка, кхэ, истории. В силу того, да, что еще два-три поколения и пролетарьят исчезнет — в первую очередь в Соединенных Штатах, в Англии, в Германии. Маркс написал свою теорию в эпоху расцвета мышечного труда. Теперь машинный труд заменяет мышцы. Вот такая моя мысль. Скоро около машин останутся одни инженеры, а пролетарьят исчезнет, пролетарьят превратится в одних инженеров. Вот, кхэ, такая моя мысль. А инженер — не пролетарий, потому что, чем человек культурней, тем меньше у него фанаберских потребностей и ему удобнее со всеми материально жить одинаково, уравнивать материальные блага, чтобы освободить мысль, да — вон, англичане, богатые и бедные, одинаково в пиджаках спят¹ и в одинаковых домах живут, в трехэтажных, а у нас

¹ Ворчун имел в виду пижамы.

бывало — сравните купца с мужиком, — купец — вырядается и живет в хоромах. А я могу босиком ходить и от этого хуже не стану. Вы скажите, кхэ, да, эксплуатация останется? — да как останется? — мужика, которого можно эксплуатировать, потому что он, как зверь, — его к машине непустишь, он ее сломает, а она стоит миллионы. Машина дороже того стоит, чтобы при ней пятак с человека экономить, — человек должен машину знать, к машине знающий человек нужен — и вместо прежней сотни всего один. Человека такого будут холить. Пропадет пролетарьят!...»

Так писал в 1929 году Борис Пильняк в повести «Красное дерево», повести, которая вызвала столько нареканий и прямых угроз, — со временем они сбылись. Но ведь вся эта имитация прямой речи, («кхэ», «фанаберские потребности», «пролетарьят») придуманы были не ради пушного реализма, а чтобы лишить эту мысль пугающей серьезности — ведь и впрямь пропадет пролетариат.

Да и что пролетариат. «Красное дерево» можно было изъять, не «Архив Маркса и Энгельса» как-то даже и неудобно. А вот откроет внимательный читатель первый том и увидит: «Пролетарии должны уничтожить труд»¹.

Видите, ни труда, ни пролетариата. Это ли не цель желанная?

Обязательно ли рассматривать утопию как цель? В принципе — нет, не обязательно. Но люди так устроены, что будут стремиться к утопическому идеалу даже в ситуации, которая и не заслуживает того, чтобы ее изображали темными красками. Лучшее — враг хорошего. А утопия претендует на то, что она нечто лучшее, нежели то, что составляет настоящее, реальность².

На то она, утопия, и идеал.

Более того, Хосе Ортега-и-Гассет советует «отдельно сопоставить реалии и отдельно — идеалы времени. То, что есть, и то, что должно быть. Иной подход бессмыслен. Суть идеала в невозможности его осуществить. Его назначение в том, чтобы бесконечно возвышаться над действительностью, и влиять на нее символически, наподобие того, как звезды влияют на корабль. Полярная звезда — не порт, куда можно приплыть, но дальний, нездешний знак, который уточняет курс и дает направление. Излучать идеалы —

¹ Архив Маркса и Энгельса. — Т. I. — С. 245.

² Вообще утопия выполняет не менее пяти функций — прогностическую, литературно-художественную, проскитиную, критическую и дидактическую. См. в этой связи *Kolbiczki W. Przewidywanie przyszłości*. — Warszawa, 1970.

одно из свойств человеческого организма. Нравственными нормами мы наделены, как частями тела, и если одни составляют наш облик, то другие высвечивают его, проецируя, в высь¹. Высь эта — утопическая.

Экополис

Упрски в утопии слышали и я, и профессор Дм. Н. Кавтарадзе: мы много лет работаем над проблемой экополиса, города, который сохранял бы позитивные аспекты урбанизма, погружаясь в природную среду. Здесь сыграли роль реальные жизненные обстоятельства: дачные пояса вокруг городов советской Евразии, Косанги и Арко-санги — городки, выстроенные в Аризоне по проектам Паоло Солеры (Кавтарадзе лично его знал), плеск воды в зрыках Пишпека, где в заросшем коноплей дворе можно было обнаруживать черепа, а на большое дерево к возмущению маленьких птиц вдруг уселся филин. Но идея экополиса имеет достаточно глубокие корни.

Представим себе мир вполне современный. Эпоха постмодернизма. Мегатренд — главная тенденция — сделать жизнь «бесчисленным множеством возможностей»².

В свое время А. Ф. Иоффе размышлял о будущем, где живут «в стеклянных городах и люди связаны необходимостью непосредственного общения. Меня не смущает аналогия. Солнце дает нам возможность развернуть едва затронутое представление о будущем характере нашего существования. Разумеется, это только одна из множества возможностей. Электрификация в состоянии осуществить полное изменение всех элементов жизни и быта — то, что сейчас кажется нам невероятным, станет такой же обыкновенной подробностью быта, как примус или мотоциклет. Кто знает, какая форма здания будет отвечать нашим потребностям, основанным на принципиально иной технической основе, — может быть, маленькие котеджки, окруженные садами?...»³.

¹ *Omega-i-facet* X. Честь и контраст. эссе об Испании // ИЛ — 1993. — № 4. — С. 230.

² *Маякин В. В.* Театр Востока Антонио Арто // Восток—Запад. — М., 1985. — С. 230.

³ Запись выступления А. Ф. Иоффе на диспуте 11.02.1934 г. приводится по: *Каврин В.* Вечерний день. — М., 1982. — С. 84–86.

Все это, само собою разумеется, не могло не произвести на меня впечатления: мы с Дм. Н. Кавтарадзе касались этой проблематики, обсуждая эколопис как особую модель человеческих поселений, а мысли А. Ф. Иоффе, высказанные за сорок лет до начала наших разработок, каким-то краем их касались. Касались они и англутопии, мистерии, если хотите, С. М. Эйзенштейна «Стеклянный дом», замысел которой даже не был известен А. Ф. Иоффе.

Природе не задают вопроса «зачем»? Но нам она этот вопрос задаст. А мы привыкли отвечать на него только обществу.

Мы попытались ответить на вопрос, заданный природой.

Проект «Экополис» и был таким ответом.

Я никоим образом не отрицаю, что определенные элементы утопии в нашей с Дм. Н. Кавтарадзе концепции экополиса присутствовали. Но и в прошлом, и ныне вся совокупность исследований в этой сфере была эффективным отрицанием утопии в ее литературно-идеологическом понимании. Идея экополиса — это идея перехода прогноза в проект и реализации проекта¹. Мы именно стремились к воплощению в реальность и работаем над этим и сегодня, в иных, чем прежде, условиях.

Дом строится по плану, людям хочется построить по плану и город, иногда это получается, но в ретроспективе город эволюционирует и иногда становится удивительно красив².

Эволюция есть процесс, уподобляемый до известной степени выветриванию.

В результате какого-то совпадения случайных моментов выветривания на горе Мань-Пулы-Ньер (у истока Печоры) возникли странные фигуры, напоминающие застывших великанов. Для местного населения они в прошлые века служили предметом религиозного поклонения. На первый взгляд они напоминают работу неведомого скульптора. С научной же точки зрения — это естественный результат относительной прочности слюдяно-кварцитовых сланцев, некогда — сердцевины значительного горного массива.

¹ *Brudny A., Kavtaradze D. Ecopolis: Prognosis turned into Projekt // Social Sciences. — 1984. — № 2 (пер. на нем., франц., японск, исп. и португ. языки). См. также: Брудный А. А., Кавтарадзе Д. Н. Экополис. Введение и проблемы. — Пушкино, 1981.*

² Взаимосвязь урбанизма с развитием цивилизации может быть прослежена на основе модели, которую предложил Дэвид Э. Янг. См.: *Young D. Spatiotemporal Model of Civilization // Behavioral Science. — 1984. — V. 29. — P. 11–126.*

Точно так же флора и фауна могли бы показаться результатом работы неведомого творца, настолько сложна и целесообразна жизнедеятельность растений и животных. С религиозной точки зрения именно благоговейного поклонения заслуживает стройная, исполненная разума и красоты картина живой природы. Но скальпель научной мысли вскрывает покровы существования: в эволюционной сущности своей современная флора и фауна — лишь остаточные формы, которые дошли до нас после миллионов случайных событий, в результате которых гибли или выживали животные и растения.

В городах прошлое зачастую идет на слом, замещается новым строительством, а частью сохраняется и реставрируется, так что недавнее и древнее зачастую разделены в городе дистанцией в несколько метров. Такая исторически сложившаяся упорядоченность городской среды сродни природной, и природные реалии могут закономерно сочетаться с культурно-историческими.

Среди пророков идеи экополиса можно назвать Р. Брэдбери, который в середине века писал: «Наступит день, когда города шире раздвинут свои стены и впустят к себе леса, поля и дикую природу». Это, разумеется, дело будущего. В то же время экополис — замысел как нельзя более современный, причем в реализации его доминируют экологические и социально-психологические аспекты. Превратить городские стены в осознанный предмет постоянного внимания жителей. в их общее дело — не значит ли изменить их образ жизни и образ мыслей в направлении сближения городской и природной среды? Экополис не только в домах, деревьях, улицах, он в душах людей — вот главное.

Движение, направленное на то, чтобы сплечь противопоставление «природа — город», прогрессивно в принципе. Сущность его состоит в том, что свойственное природе бесконечное разнообразие форм может и должно найти воплощение в градостроительстве.

Вот пример. Река есть река, текущая вода. Но форма, выражающая реку, образована берегами. Архитектура — это берега человеческого духа. «Оба Рима (и рабовладельческий, и средневековый) понимали, что, формируя камни в архитектуру, они формировали не камни, а человека, его мироощущение», — говорил А. К. Буров. И как он был прав! Думается, что в этом сущность архитектуры как особого вида искусства, выражающего взаимосвязь между духовной и физической жизнью людей. А ведь взаимосвязь эта нарушалась. Районы массовой застройки были напрочь лишены духовности. И, напротив, в архитектуре репрезентативных зданий она искусственно нагнеталась, подчеркивалась. Один рабочий сказал мне

как-то, что микрорайоны — это строительство, а центр — архитектура. Он не острял, этот строитель, он объяснял положение дел.

Вспоминается карикатура в польском журнале. Отец провожает сына: «Не забывай родного очага!» — говорит он, указывая на одно из тысяч окон в ста одинаковых домах. Ситуация не столько смешная, сколько знакомая. Представление о территориальной родине неразрывно с ее визуальными чертами и особенностями. Многие из них приобретают чисто символическое значение. В собственно идеологическом плане безликость массовой застройки невяно связана с деформацией духовных черт личности, того архетипического каркаса, на котором столь прочно держатся идеологические и культурные ценности духовного мира человека.

Идея эколополиса действительно перешла из прогноза в проект. Успешные исследования проводились в Пуцдино.

На конкурс проектов нового города гидростроителей Камбартинской ГЭС на реке Нарын был представлен (и удостоен впоследствии премии) проект группы В. Гресле, который назывался «Экополис в горах». В проекте В. Гресле и его соавторов эколополис был взят, так сказать, в классическом варианте — как малый город, который не противопоставлен окружающей среде и даже не только вписывается в нее, а срастается с ней. Однако идеи, заложенные в программе «Экополис», идеи сопряженной эволюции природы и общества, в принципе рассчитаны на более широкую реализацию. Экополис — это не только малый город, но и модуль, воспроизводимый в процессе роста городов. И это не город-сад. Об одном из основоположников пейзажного садоводства было некогда сказано: «Он перескочил через садовую изгородь и увидел, что вся природа — сад». Концепция эколополиса берет эту формулировку в обращенном виде: надо найти природу там, где видели (и видят) городской парк. Более того, самой городской среде присущи природные черты — их надо не затушевывать, а выявлять и подчеркивать. Природа не спланирована вся сразу и целиком, и в то же время впечатления хаоса, бессмысленного беспорядка она не оставляет. Это исторически сложившийся порядок, сложный, противоречивый, но не бессвязный: он основан на закономерностях движения и роста. Древний город отличался от деревни не экономически, а политически. В языках далекой древности даже нет слов, которые соответствовали бы современным понятиям «город» и «деревня»¹.

¹ Белявский В. А. Вавилон легендарный и Вавилон исторический. — М., 1971. — С. 158.

Противоречие между городом и деревней, экономическое в своей основе, исторично и преходяще. Оно утратит со временем свое значение.

Противоречие между человеческим поселением и природой ставит перед нами проблему иного рода.

Сущность проблемы состоит в том, чтобы ответить на вопрос: может ли быть *снято* противоречие между человеческим поселением и природой? Противоречие это исчезнуть не может. Но — такова рабочая гипотеза — возможны такой тип человеческих поселений и такая форма отношения к природе, которые включали бы в себя это противоречие в снятом виде — как стимул дальнейшего сопряженного развития системы «город — природа».

А. П. Колмогоров предположил, что структурная организация мозга приближается к тому идеальному типу, который может быть теоретически рассчитан для любой системы автоматов, обменивающихся между собой информацией (они должны быть расположены на поверхности шара и сообщения между ними должны располагаться как на поверхности, так и внутри шара: определенное приближение к этой идеальной модели представляет головной мозг). Вяч. Вс. Иванов отмечал, что сама по себе эта проблема «значительно шире, чем вопрос о геометрии мозга. Сходные принципы обнаруживаются при исследовании человеческих поселений»¹ и ссылаясь в этой связи на идеи Ле Корбюзье. Добавим, что современные представления об идеальной структуре повествовательного текста также позволяют сблизить его смысловое построение с геометрией мозга (смысловая модель текста, выполненная в двух измерениях, представляет весьма близкую аналогию к срезу модели мозга на плоскости и может быть сопоставлена также со схемами «радиально-концентрических форм» города у Корбюзье и идеализированными планами селений некоторых первобытных племен). И эти сопоставления не должны казаться эпатажирующими: смысловой подход к сущности этих различающихся предметов анализа обнаруживает их общность как систем, для существования которых необходима оптимизация связности элементов по двоякого рода принципам: по структурной сложности и по функциональной общности. Соответственно может быть найден такой способ взаимосвязи, который позволял бы соединить и рядоположенные элементы (они соеди-

¹ Иванов Вяч. Вс. Чет и нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. — М., 1978. — С. 19.

няются в комплексы), и комплексы этих элементов по кратчайшему между ними расстоянию.

Исторически соотношение человеческого поселения и природы носило различные и даже странные на современный взгляд формы. Но в них есть черты, достойные самого пристального внимания.

Один из путешественников XIX в. описывает селения индейцев бакири так: «... каждый поселок выглядит как птичник или зверинец. На кровлях сидят попугаи с подрезанными крыльями. по улицам бегают грызуны, мелкие и крупные, даже пройдет ручной тапир и проползет аллигатор... Все это животноводство возникает для забавы в порядке естественного содружества человека с животными»¹.

Эта картина отнюдь не чужда современному экологическому сознанию и способна вызвать не только ностальгическое чувство, но и конструктивно-экологические идеи относительно возможных в принципе форм сопряженного существования человека и природы.

Человеческие поселения и город (в частности и прежде всего) не являются чем-то изначально противостоящим эволюционирующей биосфере. Человек един с биосферой. И город отнюдь не обязательно создает разрыв между человеком и биосферой. Он может создать такой разрыв, мы это знаем, мы это видим. Но он может стать и мощным средством преодоления этого разрыва, мостом. Экополис — это город-мост.

Мост, переброшенный между настоящим и будущим.

Будущее существует

Люди попытались высадиться на острове Утопия. И выяснилось:

Остров маяний пуст,
Но следы босых человеческих ног
На песке прибрежном остались.
И ведут они в сторону моря².

¹ См.: *Богораз-Тан В. Г.* Распространение культуры на Земле. — М.; Л. — 1928. — С. 82.

² *Szymborska W.* Utopia//Poezje. — Warszawa, 1977. — S. 195. Лауреат Нобелевской премии 1996 г. В. Шимборская знаменита как автор стихотворения о смерти «Кот в пустой квартире», которое действительно оставляет неизгладимое впечатление (ИЛ. — 1994. — № 11. — С. 41–42).

Что же? Остров пуст?

Только не навсегда.

Используя, в частности, аргументацию Б. Ф. Скиннера, который знаменит не только как психолог, но и как автор утопии "Уолден-2", я попытаюсь убедить вас, что мы еще причалим к берегу этого острова. И не станем сжигать корабли, что доставили нас к нему. Пусть стоят у причалов.

Утопии представляются неосуществимыми. Но ведь и множество открытий и изобретений казались неосуществимыми. Изобретатели тем и славятся, что осуществили то, чего до них не было.

Пусть плановая экономика, диктатура, устанавливающая жесткие нравственные нормы, отрицающая религию во имя разума, и вообще стремление к построению самого совершенного на земле общества — все это обрушилось. Да, обрушилось. Но потерпели поражение, обрушились и ушли в историю и такие цивилизации, в которых не было ни плановой экономики, ни диктатуры, ни государственного атеизма. Поражение не всегда равнозначно заблуждению. В борьбе с историей поражение терпят все. Даже те, кто утверждают, что защищают историческую справедливость или что идут по проторенным историей путям.

Но что означает победа истории? Не более чем смещение в прошлое *всего*, что организовано и построено людьми. Человек стремится создать нечто более долговечное, нежели его индивидуальное существование, и это ему зачастую удается, но только потому, что существует индивид до смешного недолго. Потом разрушается и то, что казалось ему долговечным. В прошлое уходит все.

Все ли?

Думаю, что нет, хотя мою точку зрения и нельзя назвать в общепринятом смысле слова оптимистической. Мы живем, пока участвуем в существовании реальности, выигрываем или проигрываем. И главное не в том, проиграли мы или нет (на самом деле — нет, не верьте тем, кто говорит: «мы проиграли»; мы просто еще не выиграли). Но даже если мы победили и достигли цели — это в сущности ничего не значит. Время превратит в прах сделанное нами, каким бы оно ни было — великим или малым. Важно не это. Важно, какими мы были. Мужество и страх, мудрость и идиотство — все это значимо и не исчезнет.

Утверждения, согласно которым новые независимые государства, переживая религиозное возрождение, «решительно отвергли» утопический идеал, полностью не соответствуют действительности. Сошлюсь в этой связи на Ислама Каримова — прагматичного и твер-

дого лидера государства, в котором мусульманство имеет достаточно глубокие исторические корни. «Мусульманская культура Мовароуннахра вобрала в себя дух этнической терпимости и открытости, не случайно ее идеалом, запечатленным в трудах Фараби и Ибн Сино был «Идеальный город» — сообщество людей, объединенных не только на религиозной, а и на культурной и нравственной основах. Свобода вероисповедания, закреплённая в нашей Конституции...»¹, — вот такой прямой переход от Идеального города, и слишком уж неожиданным он не кажется.

Не представляется мне убедительным и довольно распространенный взгляд, что утопическая идея — это сугубо «городская» идея, чуждая как земледельцу («деревню создал Бог, город построили люди»), так и кочевнику. Напротив, одна из современных (я имею в виду 90-е годы XX века) утопических идей, смелых и вызывающих интерес, заключается в том, что пространство будущего принадлежит новым кочевникам. Принадлежит эта идея Пьетро Прини, человеку мыслящему, причем, как и подобает почетному профессору римского университета «Сапьенца», мыслящему весьма последовательно. В его глазах антропологическое пространство — это реальность, не аналогичная пространству физико-геометрическому.

Иден Прини близки М. Мерло-Понти, который видел пресловутый «окружающий мир» именно гуманизированным. Знакомый перекресток, цвет и запах родной земли — «всё, что касается нашего личного существования», и есть окружающий мир: формулировка простая и очень емкая. Ссылается Прини и на Жака Моно, который призывает человека проснуться от «тысячелетнего сна» и понять, что он влечёт свое существование на краю Вселенной, не внимающей его музыке, безучастной к его чаяниям, равнодушной к его преступлениям. Вот с этим Прини не согласен. Не согласился бы, вероятно, и Лефевр, полагающий, что мы способны услышать музыку, доносящуюся из глубин Вселенной. Человек — это *Homo viator*, странник, частица Мирового Потока, и цивилизация третьего тысячелетия должна быть и будет цивилизацией кочевников, транскультурной, объединяющей человечество в планетарных масштабах под лозунгом «примирения различий».

Идеям открытого общества номадического будущее никак не противоречит. В культурном, рекреационном плане что может

¹ Каримов И. Узбекистан на пороге XXI века. Угрозы безопасности, условия и гарантии прогресса. — Ташкент, 1997. — С. 138.

быть увлекательнее движения? Но есть у прорицаний Прини и иной аспект, о котором стоит задуматься. В мире постоянно проявляют себя силы, стремящиеся ограничить передвижение людей. Не без затруднений преодолевая таможенные барьеры, разделяя огорчения сотен тысяч людей, вызванные постоянным ростом расходов на передвижение из города в город, из страны в страну, как я могу не задумываться над тем, почему это происходит? Мне рано знакомить читателя с тем, что еще не является систематизированными, определенными выводами. И все же я скажу, что номадическая идея обещает человечеству очень многое, что всеобщая сеть телекоммуникаций будет способствовать контактам, стимулирующим волю к сближению культур; что Прини — утопист, увлеченный успехами сближения европейских стран, а фундаментом цивилизации третьего тысячелетия, как и любой цивилизации, явится реализация экономических интересов. Если того потребует производственный цикл, вдоль гигантских по протяжению магистралей будут возникать чайнатауны, и Восток решительно двинется в сторону Запада, природа обратится в систему национальных парков, архипелаг мегаполисов замедлит свой рост, а эконополисов будет все больше и больше... Но ведь все это не объясняет нам, где проходит *axis mundi* — ось мира.

Проходит эта ось сквозь субъективную реальность человека, сквозь его внутренний мир и уходит в будущее.

Возможно, кто-нибудь предпочел бы прошлое.

Девяносто третий

«Глупец один не изменяется, ибо время не приносит ему развития», — пишет Пушкин. И, быть может, поэтому те, кто не изменяется, так привержены прошлому. Они просто не могут без него жить. Они стремятся его вернуть. Они с увлечением его раскрывают и переделывают. Они клянут тех, кто заглядывал или пытался заглянуть в будущее. Они хотят заново выдумать прошлое и в таком виде его вернуть. Дело здесь в том, что структура понимания относительно стабильна. Вот они и хотят восстановить такое прошлое, которое они понимали. Или: сегодня опереться на традицию, которая пришла из прошлого и образует живую связь с ним. Живую? Да. Ведь мертвый хватает живого — и мертвой хваткой, а живой рвется и раскачивает сомкнутые челюсти прошлого.

Но, предположим, он раскачал и вырвался.

Традиционно считается, что Европа вырвалась из пут феодального прошлого в 1789-м. Восторжествовали (правда, не сразу) свобода, равенство и братство. Недаром Гитлер, когда его спросили, какова его конечная цель, не колеблясь ответил: «Вычеркнуть из истории 1789 год». Заметим в этой связи, что все решительные революционные перемены в жизни общества имеют своей духовной целью захват власти над прошлым. Будущее власть имущим (или, лучше сказать, заимевшим) тоже необходимо, конечно. Но свое существование они хотят продолжить и в прошлое. И из него выйти на власть над будущим.

Поэтому одни стремятся стереть значение королевской власти («Сорок королей создали Францию? Нет, ее создали французы!»), а другие — выгнать из исторической памяти 1789 год.

На мой взгляд, 1789 год страшен только одним.

Тем, что вслед за ним пришел 1793-й.

Это о нем написан «Девяносто третий» Виктора Гюго. Отрывок, который вы прочтете, и о том веке, и о нашем.

Диалог очень значителен.

« — Иными словами, ты требуешь для мужчины и для женщины...

— Равенства.

— Равенства? Что ты говоришь! Два таких различных существа...

— Я сказал «равенство». Я не сказал «тождество».

Сейчас так много говорят о правах женщин и совсем немного — об их реальных возможностях. Ведь и поныне идеал равенства подменяют идеалом тождества.

«Вновь воцарилось молчание, словно два эти ума, метавшие друг в друга молнии, на минуту заключили перемирие. Симурдэн нарушил его первым.

— А ребенок? Кому ты отдашь ребенка?

— Сначала отцу, от которого он зачат, потом матери, которая произвела его на свет, потом учителю, который его воспитает, потом городу, который сделает из него мужа, потом родине — высшей из матерей, потом человечеству — великому родителю.

— Ты ничего не говоришь о Боге.

— Каждая из этих ступеней: отец, мать, учитель, город, родина, человечество — все они — ступени лестницы, ведущей к Богу. Когда человек достигнет верхней ступени лестницы, он придет к Богу. Бог отверзнет перед ним врата, и человек смело войдет в них».

Все это может показаться несколько тривиальным, но Гюго знал французов — и в массе, и как отдельных личностей. Он уже покоился

в могиле, когда разразилась мировая война и французы, при активной поддержке российской армии, отбили германское наступление на Париж. В историю это вошло как «Битва на Марне». В дальнейшем это событие отмечалось в Соборе Парижской Богоматери. Вчитайтесь в текст пригласительного билета на это торжество:

Как участник Марнского сражения Вы приглашаетесь на церемонию прославления Всевышнего, показавшего себя в те дни таким добрым французом.

Архиепископ Парижский

Маршал Фош

Стоило, как видите, напоминать, что у лестницы, ведущей к Богу, есть и верхняя ступенька — человечество. Стоило. И не одним французам.

«Симурдэн махнул рукой, словно желая предостеречь друга.

— Говэн, вернись на землю. Мы хотим осуществить возможное.

— Берегитесь, как бы возможное не стало невозможным.

— Возможное всегда осуществимо.

— Нет, не всегда. Если грубо отшвырнуть утопию, ее можно убить.

Есть ли что-нибудь более хрупкое, чем яйцо?

— Ну, вот ты снова начал мечтать.

— Возможное — это таинственная птица, витающая над нами.

— Значит, нужно ее поймать.

— Но только живую».

Собственно, *вся глава об этом. Даже вся наша книга.*

Жизнь — это трансформация состояния ожидания. Ожидание будущего трансформируется в движение к нему.

Мысли людей обгоняют реальность, но не отрываются от нее, когда они рассматривают реальные возможности.

В течение довольно продолжительного времени считалось, что будущее людей общезвестно и изучать его не стоит. Ну что за будущее у человека? Родится, вырастет, обретет семью, а там, глядишь, и помрет. Конечно, это утрировано, но все это — правда. Молодой Клемансо, который не был еще ни велик, ни знаменит, разговорился как-то с одним мудрым кюре, и тот сразу понял, с кем имеет дело. Он пристально посмотрел на молодого человека и промолвил: «Вы далеко пойдете». — «Не дальше могилы», — ответил Клемансо.

Хоть и это правда, думать об этом как-то не хочется.

То ли дело природа!

Она бессмертна.

Что ж, попытаемся рассмотреть будущее природы. Каждый год распускается листва на деревьях, потом вянет и опадает. Идет снег. Потом он тает. Листья распускаются вновь. Солнце всходит и заходит. Стоит ли изучать все это, ведь, сколько не старайся, вслед за летом придет осень и оттянуть зиму не удастся. Это правильно. Но когда ученые все-таки занялись вопросом, *почему* вслед за днем приходит вечер, а вслед за осенью — зима, выяснилось, что Земля вращается вокруг своей оси и вокруг Солнца; выяснились и многие другие любопытные вещи. Сейчас все это изучают в школе, а тогда кое-кто «попыхал дров на этом деле»... Так тогда говорили о сожжении. Дело это было в христианской Европе судебное, бытовое.

Опасный это был вопрос: «почему?».

Опасный для общества.

И в XX веке во многих странах небезопасно было доискиваться причин ряда социальных явлений. Но по мере того, как общество становится все более открытым, оно становится и все более «социально прозрачным». Можно доискиваться ответов на «почему?».

А вопрос «зачем?» все сильнее тревожит индивида. Зачем он живет? Зачем существует общество? Хочется надеяться, что ответ, предлагаемый утопистами, поможет ответить и на вопрос, зачем существует движение человека и человечества в пространстве возможностей.

Согласно Герману Кану, существуют четыре сферы человеческой активности: в первичную входят сельское хозяйство, вторичная включает обрабатывающую промышленность и строительство, третичная сфера охватывает услуги, транспорт, финансы, управление, а также образование. Человечество постепенно высвобождает время и возможности для четвертичной сферы, в которой разворачивается духовная активность.

Вот главное в истории: по мере движения в будущее все больше времени и сил освобождается для четвертичной сферы.

Но вернемся к нашим собеседникам.

«— Моя мысль проста: всегда вперед. Если бы бог хотел, чтобы человек пятился назад, он поместил бы ему глаза на затылке. Так будем же всегда смотреть в сторону зари, расцвета, рождения. Падение отгнившего поощряет то, что начинает жить. Треск старого рухнувшего дуба — призыв к молодому деревцу. Пусть каждый век

свершит свое деяние, ныне гражданское, завтра просто человеческое. Ныне стоит вопрос о праве, завтра встанет вопрос о заработной плате. Слова "заработная плата" и "право" в конечном счете означают одно и то же. Жизнь человека должна быть оплачена: давая человеку жизнь, бог берет на себя обязательство перед ним; право — это прирожденная плата; заработная плата — это приобретенное право».

Думается, сейчас вы получили ответ на вопрос: живем ли мы в правовом государстве? Живут ли в нем россияне? И многие другие.

Но далее. Обращаясь к своему собеседнику, комиссару Конвента, Говэн продолжает:

«—...Вот в чем разница между нашими двумя утопиями. Вы хотите обязательной для всех казармы, я хочу — школы. Вы мечтаете о человеке-солдате, я мечтаю о человеке-гражданине. Вы хотите, чтобы человек был грозен, а я хочу, чтобы он был мыслителем. Вы основываете республику меча, я хотел бы основать...»

Он помолчал.

— Я хотел бы основать республику духа.

Симурдэн потупился и, глядя на черные плиты пола, спросил:

— А пока что ты хочешь?

— Того, что есть.

— Следовательно, ты оправдываешь настоящий момент?

— Да.

— Почему?

— Потому что это гроза. А гроза всегда знает, что делает. Сжигая один дуб, она оздоравливает весь лес. Цивилизация была покрыта гнойными, заразными язвами; великий ветер несет ей исцеление. Возможно, он не особенно церемонится. Но может ли он действовать иначе? Ведь слишком много надо вымести грязи. Зная, как ужасны миазмы, я понимаю ярость урагана. А впрочем, что мне бури, когда у меня есть компас! Что мне бояться страшных событий, раз моя совесть спокойна!

И он добавил низким торжественным голосом:

— Есть некто, чьей воле нельзя чинить препятствия.

— Кто же это? — спросил Симурдэн.

Говэн указал пальцем ввысь. Симурдэн проследил взглядом его движение, и ему почудилось, что сквозь каменные своды темницы он прозревает звездное небо.

Они снова замолчали.

Наконец Симурдэн сказал:

— Ты чересчур возвышаешь человеческое общество. Я уже говорил тебе — это невозможно, это мечта.

— Это цель. А иначе зачем людям общество? Живите в природе. Будьте дикарями. Танги, на ваш взгляд, рай. Но только в этом раю нет места для мысли. А по мне куда лучше мыслящий ад, нежели безмозглый рай. Да нет, при чем здесь ад! Будем людьми, обществом людей. Возвысимся над природой. Именно так. Если человек ничего не привносит в природу, зачем же выходить из ее лона? Удовлетворитесь тогда работой, как муравьи, и медом, как пчелы. Будьте рабочей пчелой, а не мыслящей владычицей улья. Если вы привносите хоть что-то в природу, вы тем самым возвышаетесь над ней; привносить — значит увеличивать; увеличивать — значит расти. Общество — та же природа, но природа улучшенная. Я хочу того, чего нет у пчел в улье, чего нет у муравьев в муравейнике: мне нужны памятники зодчества, искусство, поэзия, герои, гении. Вечно гнуть спину под бременем тяжелой ноши — неужели таков человеческий закон? Нет, нет и нет, довольно париев, довольно рабов, довольно каторжников, довольно отверженных! Я хочу, чтобы все в человеке стало символом цивилизации и образцом прогресса; для ума я хочу свободы, для сердца — равенства, для души — братства. Нет! Прочь ярмо! Человек создан не для того, чтобы владеть цепи, а чтобы куколка стала бабочкой. Я хочу...

Он остановился. Глаза его блеснули. Губы беззвучно шевелились. Так прошло несколько минут. Симурдэн спросил:

— О чем ты думаешь?

— О будущем, — ответил Говэн.

Тем временем солнце взошло.

В небе занималась заря.

Одновременно с рассветом на плоскогорье Тург появилось нечто странное, неподвижное, загадочное.

Это было какое-то диковинное сооружение, выросшее здесь за ночь.

Его не выстроили, а воздвигли. Силуэт, вырисовывавшийся на фоне неба прямыми и жесткими линиями, издали напоминал букву древнееврейского алфавита или один из египетских иероглифов.

Это сооружение напоминало помост, установленный на четырех столбах. На одном краю помоста были укреплены стоямя еще два столба, соединенные поверху перекладной, к которой был подвешен треугольник, казавшийся черным на фоне утренней зари.

Вы уже поняли. Это гильотина.

ЗАТМЕНИЕ ЗЕМЛИ

Почему же все такие грезы
мерещутся, а не прочие?
Могли еще быть и прочие-с?

Ф. М. Достоевский

Вот — человек
оделся рыцарем — почему?
Почему — именно рыцарем?

М. Горький

Пробуждение

Гильотина, как вы помните, — это машина смерти, один из наиболее знаменитых «плодов просвещения». Век Просвещения завершался активным вторжением техники в жизнь общества. Машина смерти была предложена доктором Жаком Гильотэном из вполне гуманных соображений — он полагал, что она избавит осужденных от излишних мук. Машина проста: треугольный нож скользит в раздвижной дубовой раме и мгновенным ударом отрубает голову человека, которая падает в заранее приготовленную корзину. Утверждали, что корзины в краткую эпоху якобинского террора часто приходилось менять — и не потому, что они сырели от крови, а потому, что прутья оказывались перекусанными... Не знаю уж, правда ли это, но гуманность доброго доктора Гильотэна навсегда осталась под вопросом. Отдаленные потомки его благополучно здравствуют и поныне. Правда, они и сами об этом не знают — в начале XIX века Наполеон разрешил детям Гильотэна принять новые фамилии и скрыть от потомков свое происхождение.

Сегодня модно осуждать якобинский террор, замалчивая, что машина, изобретенная столь одаренным доктором, исправно функционировала при самых разнообразных формах государственного устройства Франции. «Если мы откажемся от гильотины, цивилизация погибнет»¹, — если так не говорили, то во всяком случае так думали.

Эффективность гильотины (в отличие от, скажем, электрического стула) сомнению никогда не подвергалась, но к концу XX века она перестала применяться ввиду возросших сомнений в эффективности смертной казни. Возможно, это один из верных симптомов конца истории: «Какая же история без гильотины?» — спрашивал Сергей Эйзенштейн, и это был вопрос риторический².

Но в эпоху, о которой шла речь в предыдущей главе, история шла еще полным ходом. Считалось и, надо думать, не без основания, что Великая французская революция пробудила народы Европы от вековой спячки. Что же, может быть. Как писал Б. Пастернак «Чело-

¹ *Анто Ж. Маршал П.* — М., 1960. — С. 73.

² *Эйзенштейн С.* Мемуары. — Т. 1. — 1997. — С. 50.

век — это существо драматическое. Человек — это существо пробуждений»¹.

Одно из таких пробуждений мне хотелось бы с вами обсудить. Это пробуждение Жан-Сюфрэнэ Мори², реального современника воображаемых собеседников, придуманных Виктором Гюго.

Аббата Мори знобило, он забылся тяжелым сном. Ему привиделось, что он депутат Конвента и дискутирует с Робеспьером, а это, как всегда, завершается политическими обвинениями и трибуналом. Ему снится грозный Фуке-Тэнвиль, общественный обвинитель³, помост гильотины, удар треугольного ножа по шейным позвонкам...

Он проснулся от удара по шейным позвонкам.

Упала и ударила его палка, на которой держался полог кровати.

Находившаяся рядом женщина (Мори всегда утверждал, что это была его матушка, пришедшая навесстить больного) подтвердила, что он проснулся мгновенно и тотчас рассказал содержание сновидения.

Здесь многое объяснимо. Это типический «страшный сон» или «сон-опасение». Мори действительно знал Робеспьера, был депутатом, но не Конвента, а Национального собрания. Настоящего размаха террора Мори не видел, однако, чувствуя, что «всё к тому идет», под благовидным предлогом удалился в Рим⁴, где и увидел этот страшный сон.

Страшный своим завершением.

Как и все сны, он завершился пробуждением. Но ведь совершенно очевидно, что падение палки, на которой держался полог, — абсолютно случайно, соответственно и разбужен был аббат совершенно случайно и неожиданно.

Между тем весь сон его, точнее, весь скрипт его сновидения, последовательно вел к смерти на гильотине.

Как же так?

¹ Пастернак В. Собр. соч. — Т. 4. — М., 1991. — С. 757.

² На самом деле нам встречалась эта фамилия: ее не замечают или забывают все без исключения читатели «Красного и черного», где она вскользь упоминается (*Стендаль*. Собр. соч. — Т. 1. — М., 1959. — С. 397).

³ Тот, о котором в тюрьме Ла-Форс пели:

Я в амальгаме
Вместе с вами.
Найдет и высветит меня
Фуке-Тэнвиль,
Фуке-Тэнвиль.
Французской нации секира и броня.

⁴ С человеком случается не то, чем ему грозит, а то, чего он боится. Кем только не побывал в дальнейшей своей жизни Мори, даже архиепископом парижским, но в конце концов он оказался в заключении, и именно в Риме!

Как это следует понимать?

Что сон совершается в секунды (или пусть минуты), непосредственно предшествующие пробуждению?

Но ведь движение глазных яблок во время так называемых «быстрых», или REM-снов, ясно свидетельствует об известной продолжительности сновидений.

Или прав тот, одаренный замечательной фантазией, мыслитель (П. Флоренский), который утверждал, что время течет для спящего в обратном направлении?

Иначе говоря, аббат Мори только потому и увидел себя во сне депутатом Конвента, оппонентом Робеспьера и подсудимым Революционного трибунала, что пробуждение его произошло от удара по шее, пробудившего в нем страх перед гильотиной.

Такова легенда №1.

Согласно легенде №2, этот сон увидел историк Альфред Мори, причем опять-таки в Риме. Есть в легенде №2 и женщина, которой Мори тотчас все рассказал, и, конечно, это его матушка, хотя историк не аббат, коим предписано безбрачие.

Само существование двух легенд и их конкуренция позволяют нам ставить под сомнение и достоверность рассказов о сновидениях.

Критическое к ним отношение желательно, если не необходимо. Весьма убедительно обоснована точка зрения Б. Рассела, который утверждал, что никогда нельзя быть полностью уверенным, воспроизвел ли информант свой сон с должной точностью, полнотой и последовательностью (допустимо даже, что искажения неизбежны). Более того, вполне возможно, что на сновидения, их пересказы и интерпретации содержания повлияли концепции, о которых знает психолог и мог знать его информант.

Бертран Рассел в молодости был знаком с японкой, которая видела сны, изложение которых могло украсить любой учебный курс психоанализа. Но известно об этом было лишь по ее рассказам. Вполне возможно, что она действительно видела такие сны и даже на протяжении ряда лет. Но допустимо, что она стала видеть именно такие сны под влиянием прочитанного ею учебника психоанализа и только после того, как она его прочла. Нельзя, однако, исключить, что она видела совершенно другие сны (или вообще их не видела), а рассказывала о соответствующих психоаналитическим толкованиям сновидениях, чтобы привлечь к себе внимание. Варианты эти не равновероятны, но допустимы. Взятые в совокупности, они свидетельствуют о том, как все-таки ненадежен исходный материал, которым располагают аналитики.

И тем не менее материал этот имеет в принципе достоверную основу. Р. О. Якобсон рассказывал, что в дневниках одного чешского поэта XIX века (если не ошибаюсь, — К. Г. Махи) были описаны и некоторые моменты его личной жизни, и сны, в которых эти моменты выступали в закодированной и полностью поддающейся психоаналитическому толкованию форме. Поэт об этом, конечно, догадываться не мог, и вообще записи эти были сделаны чуть ли не до рождения Фрейда. Его влияние было целиком исключено, а сны — сны все-таки снились.

Но и современные концепции признают принципиальную неполноту классического психоанализа и архетипических интерпретаций аналитических психологов. Вопрос о том, зачем же снятся сны, еще далек от общепризнанного решения.

Кошмар

В тяжелый сон проваливается Алексей Турбин. В спальне полутьма. Кто здесь, Боже мой? На мгновение он просыпается, хватает револьвер, целится в портьеру... Фу ты черт, халат.

Засыпает.

«Сцену затягивает туман. Халат на стене внезапно раскрывается, из него выходит Кошмар:

— Голым профилем на ежа не сядешь. Святая Русь — страна деревянная, нищая, а русскому человеку честь — одно только лишнее бремя.

Сцена наполняется гитарным звоном.

— Я бы этого вашего гетмана повесил бы, честное слово.

Вскакивает на грудь Алексею, душит его.

А л е к с е й (во сне). Пусти.

К о ш м а р. Я к вам, Алексей Васильевич, с поклоном от Федора Михайловича Достоевского. Я бы его, ха, ха... повесил бы...»

Вот оно физиологически страшное чувство кошмара — он сел на грудь, он душит. И он реален.

Алексей говорит ему:

— Отойди. Тебя нет. Я вижу тебя во сне. И сейчас проснусь.

К о ш м а р. Ошибаетесь, доктор. Я не сон, а самая подлинная действительность. Да и кто может сказать, что такое сон? Кто? Кто?

А л е к с е й (во сне). Кто? Кто? Кто?

К о ш м а р. Вот то-то. А чтобы доказать всем, что я не сон, я вам скажу, милейший доктор, я превосходно знаю, что с вами будет.

Алексей. Что? Что? Что?»¹

Да, так что же такое сон? И отвечает ли он на вопрос о том, что с нами будет?

Сновидения как таковые с давних пор интересовали философов. Платон, считавший, что какой-то дикий вид желаний таится внутри человека, замечал: «...это-то и обнаруживается в сновидениях»². Ф. Бэкон говорил о всякого рода измышлениях, связанных с толкованием сновидений различными авторами, и сетовал по поводу того, что «этому искусству не дали еще достаточно прочного основания»³. Согласно Канту, «во сне мы часто переносимся в давно прошедшее время...»⁴. По Шопенгауэру, сновидения имеют свою собственную внутреннюю связь⁵.

Дж. У. Дани полагал, что в снах сливаются ближайшее прошлое и ближайшее будущее. Шопенгауэр писал, что жизнь и сны — это страницы одной и той же книги и что читать их по порядку — значит жить, а листать как пополю — значит мечтать (по-немецки это синонимично «видеть сны наяву»).

«Обычно ведь люди видят во сне то, о чем они думают днем»⁶.

Может быть, и лунатики наводили на такую мысль — аптекарь Кастальди, который неумело творил ночью то же, что и днем, не единичен, надо полагать. Но вообще снохождение изучено, как кажется, слабо.

А как, собственно, оценить всю новеллу Геродота о некоем призраке, посещавшем во сне не только Ксеркса, но и его дядю, который уснул на ложе Ксеркса и в одеждах Ксеркса. Речь идет, конечно, о внушенном (Ксерксом) сне, если это не пустая выдумка. Нет, вряд ли это выдумка, а если и выдумка, то не пустая.

Но попытаемся заглянуть в сны человека, который жил и прославился в XX веке. Конечно, киносьемка снов пока невозможна. Но этот человек поглаживал вздрагивающую во сне кошку и, раскрыв тетрадь, записывал, что привиделось ему.

Итак, что видел во сне Михаил Афанасьевич Булгаков? Это нам известно доподлинно. Он про это написал. «Когда заснул, мне прис-

¹ Булгаков М. А. Пьесы 1920-х годов. — М., 1990. — С. 351.

² Платон. Соч. В 3 т. — Т. 3. — М., 1971. — С. 391.

³ Бэкон Ф. Соч. В 2 т. — Т. 1. — М., 1971. — С. 256.

⁴ Кант И. Соч. В 6 т. — Т. 6. — С. 428.

⁵ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. — Т. 1. — М., 1901. — С. 18.

⁶ Геродот. История в девяти книгах. — Л., 1972. — С. 320.

нились юнкера 18-го года. Они шли валом и пели дикую песню. Сны кошки мне неизвестны. Надо полагать, что она видела во сне собак, а может быть, и людей. А это много страшнее»¹.

Неоспоримо. Но страшен бывал во сне и сам сновидец — Михаил Афанасьевич Булгаков.

«... Я отчетливо помню сон, приставившийся в ночь с двадцатого на двадцать первое.

Громадный зал во дворце, и я будто бы иду по залу. В подсвечниках дымно горят свечи, тяжелые, жирные, золотистые. Одет я странно, ноги обтянуты трико, словом, я не в нашем веке, а в пятнадцатом. Иду я по залу, а на поясе у меня кинжал. Вся прелесть сна заключалась не в том, что я явный правитель, а именно в этом кинжале, которого явно боялись придворные, стоящие у дверей. Вино не может опьянить так, как этот кинжал, и, улыбаясь, нет, смеясь во сне, я бесшумно шел к дверям.

Сон был прелестен до такой степени, что, проснувшись, я еще смеялся некоторое время»².

Не исключена традиционная фрейдистская интерпретация ведущего символа этого сновидения. Эта интерпретация возможна, она напрашивается. И одновременно чувствуется, насколько она неглубока. Это сон-надежда. Надежды, говорил Платон, — это сны бодрствующих. А такие сны, как тот, о котором вы только что прочли, — это надежда, просвечивающая сквозь образ мира, явленный во сне. Возможно, я неточно выразился. Мне хотелось сказать следующее.

Что такое сны

Суть вопроса о снах, видимо, в том, что они являются необходимым дополняющим условием существования сознания, которое не сводимо к воспроизведению настоящего, так как человек живет не только в настоящем, а и в прошлом, и в будущем. У нас стало общим местом упоминание о субъективности сна. Это упоминание традиционно, что не означает, что оно верно. Скорее, оно тривиально.

¹ Булгаков М.А. Собр. соч. — Т. 4. — М., 1990. — С. 569.

² Писалось это не для публикации, «тайному другу» (Е. С. Шиловой) и — пранца Мариэтты Чудакова — «фиксирует то погружение в разные слои памяти, чувства, которое и побуждает к творчеству». (Там же. — С. 683.)

Сон транссубъективен. Он выходит за пределы продиктованного действительностью, это именно *возможный мир*.

Он не тождествен миру, что окружает бодрствующего субъекта. Кино и телевидение погружают зрителей в некоторое подобие сна. Но «сны наяву» не всегда требуют экрана. Они представляют собой *частичное* отключение от «бумажного тигра», каковым, по Жан-Полу Долье, является действительность. Здесь имеет место двойная экспозиция иллюзорного характера: на действительность частично накладывается сновидение — как связанная ее часть. При бреде у больных действительность выступает как часть бреда, здесь — наоборот¹.

В этой связи привлекают внимание соображения А. Савинио.

«Для чего нужны сны?» — спрашивает он. А для чего нужны мысли?

«Сны воплощают то, что моя мысль — мысль бодрствующего человека — не в состоянии воплотить».

Разумеемся, сны — не только зримые надежды. Они существуют и в иных ипостасях, которые функционально не менее необходимы.

Они соединяют настоящее с прошлым.

«— А когда дети видят странные сны? — спросила Старлайт. — То они попадают в дремучие леса, где рыскают хищные звери; то кто-то долго гонится за ними, и им едва удастся спастись... Быть может, это в их мозгу оживают воспоминания каких-то давно исчезнувших существ? Что знаем об отношениях между сознанием и материей, сознанием и энергией? Четыре тысячелетия люди ломают себе над этим головы, но и сегодня² известно не более того, что знали еще в Афинах, когда учил Платон и творил Аристотель. Да, развиваются науки и растет могущество человека, но только в строгих рамках: от рождения до смерти. Мы можем подчинить себе и время, и пространство, но одну тайну мы не постигнем никогда: что мы такое, отчего нам дано быть материей, наделенной чувством и волей...

Жизнь и смерть заключены внутри невидимой сферы, которая вечно служит нам пределом. Жизнь не в силах прорваться за этот рубеж; смерть не воляна. Что такое воспоминания, мы сказать не можем. И почему бы мне не верить, что после нашей смерти они уносятся, подобно сеточкам осеившей паутины, витают неведомо где и могут вернуться рано или поздно, сплестаясь с такими же летучими

¹ Ср. отдельных истериков с их чрезвычайно яркими (как сновидения!) галлюцинациями.

² «Сегодня» в книге «Сон» означает утопическое будущее. То есть и там, и тогда не будут знать.

паутинками? Кто взялся бы противоречить мне? Быть может, жизнь с самого своего возникновения вплетает ниточки в ткань воспоминаний. Возможно, нет такой пушинки в прошлом, которая бы не оставила воспоминаний о себе — и они здесь, они нас окружают! Когда-нибудь — как знать — люди научатся ловить эти забытые паутинки, сплетать их нити воедино, пока не восстановят ткань минувшего и жизнь не явится пред ними цельной, единой. Тогда только, пожалуй, и разобьется невидимая сфера...¹

Идея девушки с поэтичным именем Старлайт состоит в том, что сновидение именно транссубъективно.

Замечу, кстати, что Старлайт — «Свет звезды» — напоминает нам об Аэлите. Аэлита — тоже «Свет звезды», правда, «видимый в последний раз». А. Н. Толстой ничего не заимствовал: «Закат Марса», первый вариант знаменитой впоследствии «Аэлиты» был опубликован в 1922–1923 гг. (в журнале «Красная новь»), а «Люди как боги» Уэллса — в 1926 г. И Уэллс «Аэлиты» тогда не читал, разве что Мура Закревская-Будберг ему рассказала... Так или иначе это выводит нас на связь снов и творчества.

Сны и творчество

И. Эйгес был прав, считая, что все произведения Лермонтова «хранят следы его разносторонних устремлений, остроты его ума, влечений к самым разнообразным деятельности, но самым существенным в нем мы признаем то, что он был, как и каждый художник, сновидцем и притом могучим»².

Л. Бунюэль говорил об исключительном по своему историческому значению фильме «Андалузский пес»: «Этот фильм родился в результате встречи двух снов»³.

Сны вызвали к жизни если не многие, то лучшие произведения Л. Стивенсона.

«В это время у Стивенсона возникла привычка “смотреть сны”, оставшаяся на всю жизнь. привычка, насколько нам известно, единственная в своем роде, ведь фантастические видения де-Квинси и

¹ Уэллс Г. Двж. Собр. соч. — Т. 11. — М. 1964. — С. 255.

² Эйгес И. О Лермонтове (к метафизике сновидения) // Аполлон. — 1914. — № 10. — С. 51.

³ Бунюэль Л. Мой последний вздох // Бунюэль о Бунюэле. — М. 1989. — С. 129.

Кольриджа были навязаны опиумом. Как и его отец, Роберт Луис принялся рассказывать себе перед сном всякие истории и обнаружил, что они продолжают и во сне, словно их разыгрывают... человечки, похожие не на "настоящих актеров", а скорее на детей, которые играют в "нашем внутреннем театре". Он запоминал все эти спектакли, часто нарушавшие заданный им сюжет. И тут Луис сообщает такой поразительный факт: "человечки" не только дали ему во сне идею "Доктора Джекила и мистера Хайда", но и разыграли оттуда несколько сцен; они же авторы "Олаллы". "Мы созданы из вещества того же, что наши сны..." (*Шекспир*). Но кто еще, какой писатель брал образы и сюжеты из призрачной бездны снов?!¹.

М. Булгаков — кто же еще. Откуда пришли на сцену герои булгаковских пьес? «Родились эти люди в снах, вышли из снов и прочнейшим образом обосновались в моей келье» — пьесы писались не во сне, разумеется, но их персонажи окружали автора, когда он склонился над письменным столом.

Тут затронут вопрос, обладающий принципиальной важностью. Писатель способен создавать образы, обладающие известными особенностями реальности. Уильям Фолкнер был просто в этом убежден: «Мои герои для меня не более реальны, чем реальный мир, но и не менее реальны. То есть в моем представлении для них тоже есть место в этом мире»². И еще: «Важно одно: создать из чернил и бумаги фигуру, которая вдруг ожила бы, стала на ноги и начала отбрасывать тень»³. Но если принять эту точку зрения, невольно задаешься вопросом: что же произойдет в будущем, которое будет располагать новыми техническими средствами, усиливающими визуальное мышление?

Исходя из теории эволюции жанров, мы могли бы с уверенностью утверждать, что новое (в литературе и искусстве, но и не только) возникает и причется от старого в низших и младших жанрах, а затем растет, занимает доминирующие позиции, занимает социокультурную нишу, уже существующую в пространстве возможностей.

Младший жанр (он еще только формируется) — дигитальное искусство повествования.

Оно вырастет из компьютерных игр, в которые с увлечением играют дети.

¹ *Олдингтон* Р. Стивенсон — М., 1973. — С. 30–31. Далее Олдингтон, правда, оговаривает, что не надо «понимать все это безоговорочно и буквально» (с. 31).

² *Фолкнер* У. Статьи, рецензии, интервью, письма. — М., 1985. — С. 248.

³ Там же. — С. 309.

Когда-то живо обсуждалась одна моя гипотеза о «книгах-перевертышах», как ее называли на факультете психологии МГУ, о книгах, содержание которых могло бы спонтанно и непредсказуемо изменяться — сняли книгу с полки, встряхнули, а абзацы переместились, текст, скрипт стал иным. (Г. Бранстер даже опубликовал занятную миниатюру на эту тему.) Но все в мире идет своим, не поддающимся точному прогнозу путем. Я и сейчас питаю надежду, что идея спонтанно меняющего свое содержание художественного текста осуществится. Хотя бы на дисплее. Сегодня доминирует стремление манипулировать персонажами, вступая с ними в игру. С моей (консервативной, не возражаю) точки зрения, лучше бы дать персонажам существовать, как то и должно, — естественно, спонтанно, случайно. Не знаю, что осуществится и будет доминировать в мире голографических дигитальных игр, виртуальной реальности. «Думая о будущем мира, мы всегда предполагаем, где он окажется, если будет двигаться в том же направлении, в каком, по нашему разумению, движется сейчас. О том же, что мир движется не по прямой, а по кривой, направление которой постоянно меняется, мы не думаем»¹. Это простая и глубокая мысль.

Вот сны идут не по прямой.

По кривой, по кривым.

Затем они и необходимы — сны.

Действительность не всегда тосклива и абсурдна, хотя об этом немало пишут и еще больше говорят.

Иногда мы живем «как бы в ярком сне, где все решения мгновенны, полны кошмарной тоски и тайны»².

В нашем тревожном мире так бывает.

В рационализированном (хотя бы внешне) кафкианском мире тоталитаризма снам не было места, они были враждебны строю, гордившемуся своей рациональностью, их содержание даже не попадало на страницы печати (только лекции, лекции, лекции — «Сон и сновидения», «Бывают ли вещи сны?», «Учение И. П. Павлова о сне» и т. п.).

А в антиутопии Е. Замятина «Мы» сны вообще изгнаны из мира будущего. Но оболыщенный темноглазой заговорщицей герой начинает видеть сны. Он в тревоге: «Раньше я никогда не видел снов. Говорят, у древних это было самое обыкновенное и нормальное — видеть сны. Ну да: ведь и вся жизнь у них была вот такая ужасная карусель...

¹ Витгенштейн Л. Философские работы. — Ч. 1. — М., 1994. — С. 414.

² Грим А. Собр. соч. — Т. 2. — М., 1965. — С. 159.

Но мы-то знаем, что сны — это серьезная психическая болезнь». Здесь замечательно предвидение современной концепции, согласно которой сон — это часть разнообразия мира, необходимая часть (закономерное — часть случайного, бодрствование — часть жизни, только часть!).

Но сон есть часть реальности индивидуального бытия. Именно реальности. Именно о ней идет речь, а не о воспоминаниях о сновидениях. Я хотел бы обратить внимание читателя на примечательную мысль: «Надо помнить факты, а сны... Сны должны на рассвете забываться. Иначе в один прекрасный день мы не сможем заснуть»¹. Это относится и к произведениям искусства. Их надо забывать и «повторять» вновь. Как и у снов, их архетипическая основа ограничена в своей сущности и числе комбинаций.

Сны необходимо забывать.

А произведения искусства? Что же, они вне их непосредственного восприятия помнятся как сны. Забываются. Желание собирать картины, книги, видеоленты не беспочвенно.

Загадка «Силаева»

Есть у Тургенева рассказ, названный по фамилии главного героя (которая может позабавить бишкекского читателя²): «Силаев».

Здесь следует вскользь заметить, что наименования литературных, и не только литературных текстов — очень любопытный и неглубоко еще изученный предмет транслингвистической теории. Вершинное заглавие расположено в точке пересечения трех не полностью совпадающих семантических линий. Во-первых, заглавие ориентировано на читателя, зрителя, слушателя, оно должно привлечь его внимание, ведь он, чаще всего, ничего о содержании книги или пьесы не знает. Название должно бы его привлечь. Надо заметить, что тема читательских предпочтений — это и тема «духа времени», вкусов, интересов. Во-вторых, оно должно выразить наиболее существенное в содержании текста. А третья семантическая линия — линия непосредственного авторского выбора, в которой отражены его личные пристрастия и предубеждения, неповторимое сочетание рациональных и иррациональных элементов психики,

¹ Робинсон С. Жизнь коротка // Интегральное скерцо. — М., 1989. — С. 128.

² В конце XX в. мэром города Бишкека был Б. И. Силаев.

присущих именно ему одному. В теории для вершинного заглавия предложен даже особый термин, заимствованный, как это и положено в литературной теории, насыщенной оксюморонами, анакрузами, анаколуфами и проч. из греческого, — *плинф*¹. Это как бы рама с подписью, в которую вставлен текст.

Есть у *плинфа* уникальная особенность.

Он, конечно, принадлежит тексту.

Но он и вне его — как рама вне картины, но с подписью: афиша!

Плинф читают и те, кто текста не читал.

Он может и даже обязан — в этом одна из его функций — привлечь к тексту внимание.

Примечательны два *плинфа*. В. Рогов² пишет, что «A Farewell to Arms» — заглавие стихотворения английского поэта XVI века Дж. Пила, и оно буквально повторено Хемингуэем. Разумеется, это правда, как правда и то, что *плинфы* существуют в понимании читателя. Может быть, для него «A Farewell to Arms» — это и «прощай оружие» и может быть — «прощайте руки», руки Кэтрин Баркли, обнимавшие лейтенанта Генри, руки Эгнесы К., обнимавшие раненого Хемингуэя. Это один *плинф*. Второй — «По ту сторону» Виктора Кина. Разумеется, сюжет этой повести разворачивается по ту сторону границ Российской Федерации — в Дальневосточной республике³. Но другой (и главный) смысл *плинфа* в том, что герои повести живут по ту сторону добра и зла, по ту сторону «старой морали», которой вовсе не чужд был молодой автор. Он никого не осуждал, понимая, что мы все и надолго очутились «по ту сторону». Он просто привел к одному из комсомольцев убитого ими Жуканова. «Я тоже ранен, заметьте это», — глухо говорит убитый. Во сне они могут говорить. Ведь сон — по ту сторону реальности, где они лежат неподвижно и молча.

Оставим их в прошлом. Оно принадлежит Богу.

Изучая названия пьес великой елизаветинской эпохи (это очень давно, четыреста лет назад!), я обратил внимание на их исключительное разнообразие и даже современность. Посудите сами: «Белая дьяволица», «Эй, на Восток!» — чем не надписи на упаковках видеофильмов 90-х годов XX века.

¹ *Плинф*, строго говоря, включает и невершинные заглавия — наименования глав и даже эпиграфы.

² Рогов В. О переводе заглавий // ИЛ. — 1998. — № 4. — С. 241.

³ Пыле все идет к тому, что государство с подобным названием может вновь появиться на политической карте мира.

Но есть и такие, которые не современны и не исчезли: «Макбет», «Гамлет», «Биттлс», «Франк V» и т. п. Здесь первые два плинфа старые, вторые два — современные.

Но может ли привлечь внимание читателя (зрителя) такое название? Имя человека, о котором он, читатель (зритель), и не знает ничего?

Оказывается, да. Если автор осознанно или полусознанно убежден, что дела и мысли, судьба этого человека наверняка займут внимание, запомнятся, имя главного героя выходит на авансцену. Причем можно с известной долей уверенности утверждать, что судьба эта неординарна. Нередко даже трагична. Перебсрем в уме несколько таких названий — и найдем немало тому подтверждений. Последнее по времени — «Чапаев и Пустота».

У Тургенева именем героя названо не так уж много произведений. Но все они оставили след в истории литературы.

Достойное место среди них занял бы рассказ «Силаев». Но он не окончен.

Как и в случае с «Тайной Эдвина Друдра» Чарльза Диккенса, однозначного ответа на вопрос, как должен был завершиться текст, нет.

Он удивительно интересен, хотя, по началу этого о нем не скажешь. Собрались человек десять и вместо того, чтобы играть в карты, «принялись разговаривать о необыкновенных приключениях и привидениях». Особенно поразителен рассказ г-на Н. Вот он.

К Н. приходит чей-то молодой слуга.

«— Что надо? — спросил я.

— Я к г-ну Н.

— Я г-н Н.

— К вам письмо-с.

— От кого?

Человек помялся и промолвил: «Увидите сами-с». Я взял письмо и вернулся в комнату. Человек вошел вслед за мной в переднюю. Я распечатал письмо — в нем стояло следующее:

«Любезный Н. Умоляю Вас, приходите ко мне сегодня вечером.

Вы можете спасти мне жизнь. Я буду Вас ждать. Прошу Вас как старого товарища — не откажите мне. Ведь Вы не забыли меня?

Преданный Вам Михайло Силаев

P.S. Приходите же непременно, — повторяю — Вы можете спасти мне жизнь. Я в совершенном отчаянии»¹.

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. — Т. II. — М., 1983. — С. 214.

Рассказчик в крайнем смущении. Действительно, он когда-то учился с Силаевым, странным и довольно скучным мальчиком. С тех пор уже несколько лет прошло. Они служат в Петербурге, видятся редко, дружелюбно кивают друг другу, когда встречаются. И вдруг такое письмо. «Денег у него нет, что ли?»

«— Я приду. Скажи, что я приду. Да, вот что, скажи, пожалуйста, — твой хозяин болен?»

— Никак нет-с, — отвечает слуга. — Не болыны-с, а еще хуже-с.

— Что же такое?

— А вот изволите увидеть».

И это, мне кажется, одна из ключевых фраз в тексте.

Итак, рассказчик решается посетить Силаева и находит его лежащим на кровати, с которой тот вскакивает со словами: «Благодарствуйте, как вы добры! Сядьте».

Сказав это, Силаев вновь опустился на кровать. «Он очень похудел с тех пор, как я его видел в последний раз... Он изредка вздыхал, как дитя после плача. Я взял стул и сел подле его кровати. Наступило молчание. Я ждал его первого слова; ему следовало заговорить со мной — он сам это чувствовал и раза два силился начать речь, но не мог. Он не глядел на меня, одной рукой барабанил по стене, другой выдергивал пуговицу из матраса; странная улыбка подергивала его бледные губы. Его как будто била лихорадка.

— Вы меня пригласили, — начал я наконец.

— Да, да, — перебил он меня прерывистым голосом. — Я вас пригласил... по одному делу... но об этом, если вы позволите, после — после. Я теперь, вы видите, не совсем того... Не хотите ли пока чаю? — прибавил он вдруг.

— С удовольствием.

— Капитан, дай нам чаю, — прокричал Силаев. — Вот, видите ли, я... — продолжал он, по-прежнему избегая моего взора и тоскливо повертываясь на кровати. — Я очень вам благодарен за то, что вы пришли. Если б вы не пришли — мне бы не к кому было обратиться. Я никого здесь не знаю. Решительно никого. Я ужасно как-то одинок на земле. То есть, конечно, с другой стороны, меня преследуют..., но я вам все объясню это после.

— Когда хотите, — отвечал я. — Не беспокойтесь.

Я начинал обходиться с ним как с больным.

— Да, да, благодарствуйте. — И он глубоко вздохнул, провел рукой по лицу, достал платок из-под угла узкого матраса, поднес его ко лбу и тотчас уронил его назад через голову — должно быть, сам хорошенько не знал, что он делал.

Вошел Капитон с двумя стаканами чаю, нарезанным лимоном и сухарями на подносе. Когда Силаев стал брать свой стакан, его рука так задрожала вдруг, что старик поскорей пододвинул поднос под звявевшее блюдечко. Силаев справился и поставил стакан подле себя на доску кровати.

— Вы, может быть, пьете чай со сливками? — спросил меня Силаев.

— Нет, с лимоном.

— А то можно послать в лавочку. Здесь есть такая лавочка... Ну можешь идти, Капитон...

Капитон поглядел на меня пристально, чуть-чуть покачал головой и вышел.

Силаев торопливо выпил свой стакан, трепетной рукой положил в стакан ложечку и с веселой улыбкой, словно пришла ему в голову счастливая мысль, спросил меня:

— Скажите, пожалуйста, какого вы мнения о снах?

— Как о снах?

— Да о снах, о том, что видишь во сне. Я не знаю, — продолжал он более медленным голосом, — почему говорят: «Сон. Я это видел во сне». Не все ли равно, что во сне, что наяву? Да и что видишь во сне, что наяву — это трудно сказать. Я, по крайней мере, вижу такие ясные, такие определительные сны, что память о них во мне так же свежа, как и память о том, что я видел наяву; впечатление их так и врежется в меня; я их точно видел, эти сны, действительно видел. Все эти образы так и стоят у меня перед глазами. Например, я видел вчера во сне, что иду куда-то по длинной дороге, обсаженной тополями, — вдали белый дом, и какое-то счастье ждет меня в этом доме. По дороге пыль — и в этой пыли прыгают воробьи. И все — и дорога, и тополи, и воробьи в пыли, и далекий дом — все это я видел, видел и теперь гляжу на это, как на вас...

Силаев говорил очень торопливо.

— В этом нет ничего удивительного, — возразил я, несколько озадаченный предметом разговора, — действительность повторяется во сне — все эти образы вы, верно, когда-нибудь видели, они остались в вашем воображении — и вот они снова выступают перед вами во время сна.

— То есть, вы хотите сказать, что во сне видишь только то, что прежде видел наяву, — но отчего же у меня бывают иногда сны совершенно несбыточные? Например, с неделю тому я видел, как будто я нахожусь на Северном полюсе: крутом ледяная равнина и на ней плавают высокие ледяные горы, голубые, розовые, прозрачные горы

с острыми вершинами, с широкими пластами снега, белого, как неснятое молоко, с сверкающими иглами и зубцами, — в воздухе нестерпимо крутятся бесчисленные блестяки, на небе стоят и по временам вздрагивают багровые, как отблеск далеского пожара, столпы, — и вообразите, с этих гор — на салазках, попарно — катаются белые медведи с венками роз на головах; ведь все это, согласитесь сами, я в действительности видеть никак не мог.

— Да, я с вами согласен, — возразил я с невольной усмешкой.

— Ну, вот видите. Впрочем, — продолжал он, приподнявшись на одном локте и еще ближе пододвинувши ко мне свое бледное и изволнозанное лицо, — я только так заговорил с вами о снах — в виде приготовления: я хотел спросить вас о другом. Я желал бы знать ваше мнение о виденьях.

— Как о виденьях?

— Да, о виденьях — верите ли вы в виденья?

— Нет, не верю... А вы разве верите?

Его губы слегка передернулись.

— Верю. Прежде и я не верил, а теперь верю. Да, я вам скажу, поистине повсришь, когда...

Он остановился и, пристально поглядев на меня, спросил изменившимся голосом:

— Например, позвольте спросить у вас, который час теперь?

Я посмотрел на часы:

— Половина двенадцатого.

— А, прекрасно. Ну вот, я наперед вам говорю: в три четверти 12-го, то есть через четверть часа, эта дверь отворится — так, чуть-чуть — и в комнату войдет черная кошка.

— Черная кошка?

— Вы смеетесь теперь надо мной — я знаю. Но погодите, погодите еще несколько минут — и вы все увидите сами.

— Ну, эта черная кошка войдет, и что же она сделает?

— А! Да она не одна ходит. Это кошка моего дяди — она все впереди его бегает.

— Стало быть, и дядя ваш к вам придет?

— Непременно: он каждую ночь у меня бывает.

— Да позвольте узнать: ваш дядюшка здесь живет, в одном доме с вами?

— Какой живет! Он давно умер — в том-то и штука.

Я глядел на Силаева... «Он сумасшедший!» — подумал я про себя, это теперь ясно.

— Нет, я не сумасшедший, — промолвил он, как будто отвечая на мою мысль. — Нет, я не сумасшедший... — И глаза его как-то странно расширились и засверкали. — Хотя я точно готов согласиться с вами, что все, что я говорю теперь, должно вам показаться чепухой... Да вот слышите, слышите... слышите, — дверь скрипнула, — глядите, глядите — что, нет кошки?

Дверь действительно тихо скрипнула — я быстро обернулся — и вообразите мое изумление, господи, — черная большая кошка вбежала в комнату и осторож-¹.

Вот на этом знаке переноса текст обрывается, ясно, что на следующем листе стояло «но», завершающее слово «осторожно». Но что еще там было написано, мы не знаем. Не сохранился ни этот лист, ни последующие.

И мы остаемся в недоумении. Ведь очевидно, вполне очевидно, что сейчас должно произойти нечто странное и страшное.

Войдет тот, кого Силаев ждет.

Увидит ли его рассказчик, гость Силаева?

Строго говоря, здесь возможны следующие варианты.

Первый вариант. Силаев галлюцинирует. Ему представляется, что вслед за черной кошкой входит его покойный дядюшка. Видение — тема для литературы достаточно традиционная².

Итак, представим себе, что рассказчик с недоумением, а затем и с состраданием слышит реплики Силаева, обращенные в пустоту, и понимает, что это уже было, что это повторяется, что никто кроме кошки и слуги не слушал эти диалоги с воображаемым покойником.

Но к чему тогда этот разговор о снах?

Почему Силаев упоминает, пусть вскользь, но упоминает, что его преследуют?

И, наконец, разговор-то в компании зашел о таинственном, а что загадочного в том, что человек заглянул как-то вечером к своему приятелю школьных лет, а тот, оказалось, тронулся... Нет, не это общал рассказчик слушателям, да и Тургенев — читателям.

Второй вариант. Входит некто, во плоти и крови, беседует с Силаевым, принимающим его за своего покойного дядю. Но человек

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. — Т. II. — М., 1983. — С. 216–219.

² Достаточно напомнить о «Видении Гудескалька» (XII век), автор которого совершенно убежден в том, что видения не только распространены, но и реальны. То есть это не плод расстроенной психики, а некий реальный факт, только реальность его — особая. Вообще жаль, что «Видение Гудескалька» не попало в книгу И. Можейко «1189».

этот — просто сосед. Силаев, если говорить на языке психиатров, просто «выпочил его в бред».

Сосед же либо не желает огорчать бедного больного, либо имеет какие-то виды... Впрочем, какие? Неоднократно подчеркивается, что Силаев небогат, нездоров, в сущности, жалок. Разумеется, не зря введена в текст фигура верного слуги Капитона — уж он как-то вмешался бы в ситуацию заведомого обмана, злоупотребления болезненным состоянием хозяина.

Нет, не то. Хотя Капитон и возлагает какие-то надежды на приход рассказчика в гости к Силаеву: этот момент в экспозиции присутствует.

Третий вариант. Вслед за кошкой является и покойный дядя. И рассказчик его видит, и Силаев. Это маловероятно, но не исключено: в психиатрии известны случаи *folie à deux*, когда двое больных поддерживают друг друга в бредовых вымыслах. Есть и случаи, когда люди видят близкие по содержанию, чаще всего не полностью идентичные, но как бы дополняющие друг друга сны.

Правда, происходит это с людьми по преимуществу близкими, причем открытыми, общительными — эти моменты Тургенев, словно предвидя наши догадки, тщательно исключил. Не таковы Силаев и рассказчик, другие у них отношения. Но все же полностью отвести этот вариант, назовем его позитивистским, нельзя. Рассмотрим, однако, и противоположный ему — мистический.

Предположим — и это уже четвертое предположение, — что Силаеву является (причем регулярно) призрак, привидение. Законы жанра этот вариант не воспрещают: вспомните хотя бы лермонтовский «Штосс». Разумеется, мы будем судить художника (в данном случае Тургенева) по законам, им самим над собою признанным.

И вот этим именно законам четвертая гипотеза не отвечает. Быть может, Силаев поселился на квартире своего покойного дядюшки (это еще что-то объясняло бы, привидения часто описываются как нечто, существующее локально). Но ведь ни о чем подобном как будто бы и речи нет. Насмешная квартира.

Затем, что за уникальное сочетание: живая кошка и потусторонний гость? Такого и от постмодерниста ожидать трудно. Хотя у Тургенева можно найти много неожиданного¹, здесь задумано им было нечто иное.

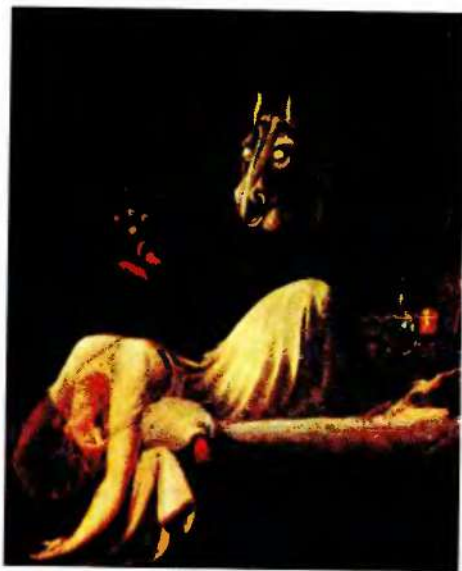
¹ Например, злумы (см. *Якобсон Р. Заумный Тургенев/Работы по поэтике.* — М., 1987. — С. 250–254).

Красота сокращает расстояние между тем, какой вещи является, и тем, что она значит. Дюзи 1931 года — автомобиль конструкции братьев Дюзенберг — был очень красив. Это и роскошь, и средство передвижения. И это символ, символ непредсказуемости. Кто бы мог еще в начале века напорочить, что автомобиль станет всеобщим увлечением человечества, изменит образ жизни миллионов, станет спасением гангстеров, приютом влюбленных, предметом необходимости и средством свободы. Он сближает города и страны, угрожает жизни и атмосфере. Все чаще говорят и пишут, что возможности его совершенствования уже исчерпаны.

Но при этом имеют в виду совершенствование техническое.

Что касается красоты, то ее воплощения изменяются, но не совершенствуются. И античная и современная скульптура прекрасны, но они разные.

Это картина Иоганна Генриха Фюссли «Алптраум» («Ночной кошмар»). Она написана давно, в 1782 г. Но то, что на ней изображено, не уходит из снов. 11 февраля 1914 г. Александр Блок писал:

Как будто ночь на все проклятие простерла,
Сам дьявол сел на грудь

А кыргызы, сотни, тысячи лет, когда мучает кошмар, говорят: «Албар-сты басат» («Бессонница уселась и давит»). Архетипы коллективного бессознательного соединяют людей друг с другом, возможность общего понимания, возможность общих образов есть возможность грядущей общности людей. Сны их уже объединяют. Наступит время, когда объединит их и бодрствующими. И оно, надо надеяться, будет значительное, разнообразнее и легче снов.

Но что же?

Пятый вариант (я отнюдь не настаиваю на нем, я просто предполагаю): Силаев засыпает. Хотя бы на несколько минут. Просыпается и рассказывает об очередном визите покойного дяди. Это периодически повторяющееся сновидение. Вот в нем ничего невозможного нет (хотя и много странного). Возможно и вполне рациональное объяснение: дополнительный условный стимул — кошка. Ее регулярное появление загадочно для засыпающего Силаева, но в нем ничего мистического нет. Добросердечный слуга поит ее перед сном сливками — хозяин пьет перед сном чай со сливками (упоминание о них в рассказе есть), а остатки достаются поздней мохнатой гостье.

Подробный разговор о снах позволяет задуматься о вероятности (пусть она даже и невелика) подобного варианта. Его могло бы завершить пробуждение внезапно заснувшего Силаева.

Не исключен и такой — шестой — вариант: явление покойного дяди не состоялось, Силаев смущен, но и обрадован (а вдруг цепь таинственных визитов оборвалась навсегда?). Доволен и рассказчик, сыгравший «целительную» роль. Он заполночь возвращается домой, укладывается спать... и видит во сне незнакомца, который представится ему дядей его школьного приятеля.

Мне этот вариант кажется увлекательным — заметьте, что он богат возможностями. Мало ли что мог рассказать дядя, недаром Силаев говорил, что его преследуют. Да и дальнейшая история Силаева загадочна и, скорее всего, трагична.

Есть, наконец, седьмой вариант, согласно которому визит к Силаеву и соответствующий диалог о снах, — все это «сон во сне», все это чудится задремавшему рассказчику. Но этот вариант несерьезен, тургеневской манере письма не отвечает и обсуждения поэтому не заслуживает. Но если уж мы обратились к замыслам позднего Тургенева и их реализации, следует заметить, что они не полностью исключают значение таинственного, неясного, загадочного, одним словом, — всего, что сейчас беззастенчиво, но не безуспешно используется авторами рассказов и видеолент, на которые есть спрос на рынке.

Хотелось бы надеяться, что этот раздел наведет читателя на еще одну гипотезу относительно развития и завершения «Силаева». Здесь эта гипотеза по ряду соображений опущена, но можно выразить уверенность, что наводящие соображения не пройдут мимо вашего внимания.

Мы обратимся к попытке научной интерпретации переживаний, которые в прошлом, да и в настоящем, более привлекали внимание литераторов. Но наука ныне не чужается необычного и предлагает свои концепции для его объяснения.

Два взгляда на сновидения

Далее приводятся два примера того, как можно подходить к сновидениям. И примеры эти подобраны так, чтобы вы сами могли их сопоставить или, точнее, противопоставить.

Первый пример — концепция Д. Райбэка¹. Он исходит из допущения, что весь реальный мир — система П-Н-Б (прошлое — настоящее — будущее) — един. Принцип единства мира реализуется в виде «большой голограммы», где все существует вне времени, а время — просто функция сознания.

Мозг индивида представляет собой как бы часть большой голограммы. При определенных условиях у мозга имеется доступ ко всей информации в «большой» голографической системе...

Приблэм признает, что голофотографическая модель трудна для смыслового восприятия: она слишком радикально отличается от нашего понимания вещей, времени и пространства, основанного на здравом смысле.

Д. Райбэк интересовался феноменом «вещих снов» — снами, сбывающимися до мелких подробностей, и в 1978 г. опубликовал результаты исследования (с привлечением 400 респондентов) вопроса о том, в какой мере сбываются сны. Иначе говоря, существуют ли вещие сны. Около 8 процентов опрошенных сообщили, что у них такие сны бывали.

В результате исследования были выявлены отдельные случаи, о которых Д. Райбэк сообщал: «Помимо символических ассоциаций, сны были удивительно подобны действительным событиям почти во всех деталях».

Как правило, реакция культурного сообщества на подобные сообщения бывает скептической. Существование вещих снов, предшествующих событиям, так противоречит традициям нашего образования и подлинным культурным ценностям, что несудиви-

¹ Ryback D. Future Memory as Holographic Process: A Scientific Model for Dreams // Journal of Creative Behavior, 1986. — V. 20. — № 4. — P. 283–295.

тельно, когда такие публикации встречают непонимание или, лучше сказать, недоверие.

Голографическая парадигма, по предположению Д. Райбэка, дает возможность получить более или менее надежную научную модель для объяснения процесса вещего сна. С одной стороны, голографическая парадигма как бы выводит исследователя за пределы картезианской каузальности. Картезианская каузальность формулируется в виде принципа (обычно приписываемого Рене Декарту), согласно которому ничто не может существовать или произойти без причины. Голографическая парадигма открывает перед нами контуры некоего подразумеваемого порядка, в котором все события взаимодействуют.

Что касается мозга, то это означает, что все события воспринимаются «я» как хранимые внутри психики, где-то в ее глубинах, и этот вневременной набор известен как память. Обычно мы знакомы с памятью, возвращающей наше «я» назад во времени, иначе говоря, мы способны вспоминать события, которые уже произошли. Допущение, из которого исходит Д. Райбэк, дает возможность ознакомиться с обратной альтернативой — с «памятью о будущем», или «прекогнитивностью»¹. Приняв, что мозг работает в частотной сфере, которая сама по себе является вневременной, читатель тем самым допустит, что он имеет дело с событиями будущего, в той же мере, в какой и с событиями прошлого. Коль скоро культира, в которой мы воспитаны и мыслим, в целом отрицает эту возможность, то «память о будущем» может проникнуть в сознание только когда наши системы рациональной критической защиты временно отключены. Когда это бывает? Ясное дело, что во сне. Сон поэтому становится потенциальной средой, доступной для «памяти о будущем», поступающей в это время в сознание.

Д. Райбэк, уверенно утверждает, что по крайней мере у 8 процентов населения имеется хотя бы один подтвержденный личный опыт вещего сна. Это предположение можно проверить и подтвердить, взяв случайную выборку индивидов и исследовав у них частоту появления вещих снов. Если бы могли быть опрошены 20 млн. человек, то по крайней мере 1,6 млн. из них утверждали бы, что у них были вещие сны.

¹ Термин этот Райбэк заимствует из надписавшей в свое время много шуму монографии Райна. См.: *Rhine L.B., Pratt L.G. Parapsychology. Frontier Science of the Mind.* — Springfield (Illinois). — 1957.

Но означает ли это, что 8 процентов респондентов *действительно* переживали состояние, именуемое «вещим сном»? Не точнее ли сказать, что 8 (или 1, или 10) процентов *утверждали*, что это так? А правдиво ли это утверждение — вопрос другой. К сожалению, Д. Райбэк его не обсуждает. Между тем это вопрос о том, как в массовом сознании представлена реальность. Я не хочу сказать, что респонденты намеренно лгут. Просто реальность *всегда* искажена в их сознании, но всегда в различной степени. В наибольшей степени при воспроизведении деформируется субъективная реальность. Поэтому к частотным характеристикам «вещих снов» (я не склонен отрицать их существование *in toto*) следует подходить с большей осторожностью, нежели это делает Д. Райбэк.

В массовом сознании существует устойчивая иллюзия «передачи мыслей на расстояние». С борта «Аполлона 14» астронавт Эдгар Митчелл (1971 г.) проводил опыты с психической коммуникацией из космического пространства, которые приобрели несколько анекдотическую известность. И таким опытам несть числа, хотя еще Амброз Бирс понимал, что расстояние тут роли не играет. Тут, вообще говоря, возможны только два варианта. Либо мысль существует только во времени и тогда второе измерение — расстояние — значения просто не имеет. Либо вся парапсихология мистифицирует реальность. Проще всего предположить, что это мистификация (так я и считаю). Но Д. Райбэк предлагает более экзотический вариант: возможно, психической передачи информации на расстоянии не происходит — она возвращается назад во времени.

В соответствии с этой моделью, ответ на вопрос, является ли вещий сон прескогнитивным, таков: он есть результат внутримозговой голографической рефлексии. Информация во сне приходит не от действительного события, а от рефлексии над полем информации о событиях, которые произойдут позже и о которых сновидец узнает самым обычным путем.

Если подобная рефлексия идет назад по линии времени, то для лучшей логической связности надо выделить фактор, который принесет ее в сознание, когда событие все-таки произойдет. Этот фактор имеет отношение к ходу «внутренних часов» организма.

Д. Райбэк вряд ли читал «Евгения Онегина»¹, но очевидно, что он имеет в виду случай, аналогичный тому, о котором говорится в «Евгении Онегине».

¹ Мы не вправе утверждать это категорически: в конце концов, Ryback — в исходном звучании «Рыбак».

Надсь широкий боливар,
 Онегин сдет на бульвар
 И там гуляет на просторе,
 Пока недремлющий бредет
 Не прозвонит ему обед.

Надо полагать (хотя в классическом комментарии Ю. Лотмана этого нет, а комментарий Набокова мне сейчас недоступен), что Онегина просто начинают одолевать борборигмы, выражаясь языком эдвардианской прозы, а проще говоря — он гуляет, пока не проголодается и у него не забурчит в животе. Тонкость тут в том, что даже при рассеянном образе жизни Онегина, чувство голода у него просыпается примерно в одно и то же время, отсюда и сравнение с бредом — часами с репетицией.

Точно также, как мы вспоминаем что-либо в определенное время (например, вспоминаем, что мы голодны), мы можем и «вспоминать с обратным знаком», привнося в сознание частицы голографически отраженного будущего.

Эта гипотетическая модель понимания психического процесса с точки зрения позитивной науки не имеет прочных оснований.

Модель голографически отраженного мира объясняет не хуже, чем какая-либо другая, экстрасенсорную коммуникацию. Отличается она только оригинальностью: в соответствии с этой моделью никакой передачи информации на расстоянии здесь просто нет — только назад во времени.

Исследователи частоты прекогнитивного опыта как функции промежутка времени между вещим сном и действительным событием пришли к выводу, что опыт прекогнитивного восприятия сокращался по мере удаления от действительного события. Это указывает на то, что возможные свойства голографического отображения сходны со свойствами обычной памяти. Оба уменьшаются со временем: память — со временем, направленным вперед, а голографическое отражение — с обратным по направлению временем.

Эта модель согласуется также с гипотезой Тарга, в соответствии с которой любое событие убывает в восприятии со временем, при этом безразлично, направлено ли время вперед или назад, что дает возможность объяснить более частое появление кратковременной прекогнитивности, нежели долговременной. Тарг делает интересное замечание, что значимые события будут порождать более сильные сигналы, создавая возможность более ранней прекогнитивности, чем события менее значимые. Это также согласуется с моделью голографического отображения.

Если есть модель, объясняющая вещие сны, как объяснить тот факт, что они являются такими редкими (как вы помните, случаются лишь у 8 процентов респондентов)? Ответ кроется в том, что люди поступают так, как принято в рамках принципов и правил культуры. Это в особенности касается психологических аспектов поведения.

В той степени, в какой люди не принимают существования вещих снов, они бессознательно избегают и их влияния. Возможно, что для тех, кто верит в реальность прекогнитивных процессов, существует большая вероятность, что сбудется то, что им предсказывают (например, гадая на картах), и наоборот: тем, кто не верит в гадания, они никакой информации не приносят, ибо не сбываются. Обе группы реагируют в соответствии со своими убеждениями. Или, по крайней мере, им так кажется.

По определению, за вещим сном всегда следует событие, предсказанное в этом сне. До того, как подобное событие произошло, существует просто возможность, что сон можно отнести к категории вещих. Вероятно, по мере того, как опыт вещих снов будет признан нашим обществом, возрастет и число сообщений о таких снах, — предположил Д. Райбэк.

Как раз этого не произошло. Российская пресса, да и пресса Кыргызстана не только не опровергает существование вещих снов, но даже публиковала вымышленные материалы, подтверждающие, что такие сны и правда снятся отдельным людям (большинство вещих снов не видит). Но и в обстановке полного торжества свободы слова (тракуемого некоторыми как свобода лжи) число сообщений о вещих снах не выросло. По крайней мере, в Кыргызстане. Число утверждающих, что видели вещие сны, выросло — по нашим данным, с 6 до 11 процентов. В период смены культурных ориентаций и падения авторитета позитивного мышления в группах такой рост нельзя признать значительным.

Есть в мире рыночной экономики научные работники, склонные допускать, что «экстрасенсорные явления» имеют место. При этом они полагают, что существует много людей, которые используют свои ES-возможности в своей повседневной жизни, не осознавая их как таковые. Успешно осуществляющие свои функции менеджеры, например, могут использовать свои ES-способности в принятии деловых решений, но не осознавать этого, думая, что они принимают лишь рациональные решения.

Только дальнейшие эксперименты и статистическая обработка существующих данных и использование их дадут возможность

определить, стоит ли поднимать гипотетическую модель до уровня теории. В настоящее же время модель представляет собой лишь гипотетическую структуру, дающую возможность понять процесс порождения вещей снов.

Д. Райбэк верит, что путем разработки голографической модели «памяти будущего», будет дан новый импульс, направленный на дальнейшие исследования и развитие общей теории.

Но там, где стоит вопрос о *вере*, науке пока делать нечего. Она по другую сторону демаркационной линии.

Теперь обратимся к совершенно иному способу, иной возможности исследовать сны: с позиций психоаналитических. Вас, быть может, удивят такой детальный, словно бы микроскопический, анализ и неожиданно смелые выводы. Но это вытекает из особенностей метода.

На меня произвела большое впечатление работа¹, которая содержала попытку исследовать эмоциональное состояние Юнга в то время, когда он решил лично познакомиться с Фрейдом. Один из выводов, к которым пришел Г. Леман, гласит, что идентификация Юнга с Ницше оказала глубинное влияние на его взаимоотношения с Фрейдом. Леман ставит вопрос: действительно ли Фрейд играл в жизни Юнга такую же роль, какую Рихард Вагнер некогда сыграл для Ницше?

В книге Юнга «Воспоминания, размышления и сны» довольно подробно рассказывается о соображениях научного и профессионального порядка, которые побудили Юнга оказать поддержку рискованному, с официально-академической точки зрения, подходу — психоанализу. О бессознательных побудительных силах там не говорится ничего. В ней только упоминается, как он впервые лично обратился к Фрейду: «Фрейд пригласил меня в гости, и наша первая встреча состоялась в Вене в марте 1907 г.». Это краткое замечание Юнга — «окно» в его подсознание. Нечто существенно важное побудило его установить контакт с Фрейдом.

Юнг послал свою книгу Фрейду, и тот пригласил Юнга к себе — быть может, и для обсуждения сна, который однажды увидел Юнг. В книге он описан как сон приятеля, но Фрейду Юнг сообщил, что это был его собственный сон. Кажется, до Г. Лемана никто не исследовал этот сон с тем, чтобы узнать нечто новое о зарождении достаточно сложных в дальнейшем взаимоотношений Фрейда и Юнга.

¹ *Lehmann H. Jung contra Freud/Nietzsche contra Wagner // International Review of Psychoanalysis. — 1986. — V. 13. Part 2. — P. 201–209.*

Юнг описывает этот сон так: «Я видел, как лошадей поднимали на канатах на большую высоту. Особенно поразила меня одна сильная гнедая лошадь, обвязанная канатами и поднимаемая как упакованный тюк. Внезапно канат оборвался и лошадь упала на дорогу. Я подумал, что она погибла. Но она тотчас же вскочила и усакала, причем волокла за собой тяжелое бревно — я еще удивился, что она могла нести так быстро. Испуганная лошадь неслась так, что это могло стать причиной несчастного случая. Затем появился всадник на небольшом копе и медленно поехал перед испуганной лошастью, которая несколько замедлила свой бег. Я все еще опасался, что лошадь сойдет с всадника, когда подъехал экипаж и с той же скоростью поехал перед всадником, что заставило испуганную лошадь скакать еще медленнее. Тогда я подумал, что все в порядке, опасность миновала». Но вот особая важная деталь: «На мгновение другая, чалая лошадь появилась рядом с гнедой, она волокла за собой то же бревно и скакала вместе с ней. Эта лошадь казалась очень смутно различимой и тотчас же исчезла». Юнг добавляет, что «этот факт и его позднее воспроизведение (сновидец припомнил о нем впоследствии) указывают, что образ второй лошади находился под совершенно особым репрессивным влиянием, а поэтому имеет очень большое значение».

Считая, что сны являются символическими выражениями подавленных комплексов, Юнг приходит к выводу, что здесь имели место комплексы самоутверждения и сексуальности. Но мог ли он правильно интерпретировать сновидение, испытывая одновременно необходимость скрыть, что человек, видевший сон, — это именно он?

Суммируем наиболее важные моменты его интерпретации. Сильная гнедая лошадь представляет того, кто видит сон, — сновидца. Юнг упоминает, что «бревно» — псевдоним смотрящего сон. Подъем лошадей канатами символизирует помощь, для подъема наверх. И Юнг приходит к заключению, что сновидец словно бы выражает презрение к тем, кому необходима помощь, и гордится, что она ему никогда не была нужна. Разрыв канатов и падение на улицу означает крах его карьеры. То, что лошадь не погибла, а усакала, указывает, что карьера еще может возобновиться. Анализ образа скачущей лошади приводит Юнга к рассмотрению «сексуального аспекта сна»: лошадь при этом выступает в роли символа «страстного, импульсивного желания», в сущности идентичного сексуальному влечению. У опасливого сновидца возникает ощущение, что пылкий темперамент может привести его к необдуманным поступкам. А всадник и экипаж, в котором, между прочим, сидят и дети, представляет те

факторы (служебное руководство, жена и ее беременность), которые оказывают сдерживающее влияние на необузданные желания. В дальнейшем Юнг намекал, что содержание сна скрывало события, представляющие исключительно личный интерес. Воспроизводить их в книге он не хотел — право автора!

Знарок деталей биографии Юнга, Г. Леман обратил внимание на то, что снился сон Юнгу между маем 1905 года и февралем 1906 года (время беременности Эммы Юнг), что Юнг помещает этот сон в свою книгу анонимно и, посылая один из первых экземпляров книги в декабре 1906 г. Фрейду, признается в письме, написанном тогда же, что видел этот сон сам, и просит Фрейда о толковании: ему самому трудно понять смысл приснившегося. Нужно прочитать воспоминания Юнга, чтобы понять, какое значение для него имела личная тайна, и оценить то исключительное доверие, которое он оказал Фрейду, рассказав о своем сне. У Юнга в детстве бывали эмоциональные срывы, и еще ребенком он выработал защитную модель поведения, которая служила ему всю жизнь. В основе этого поведения, в сущности, лежало раздвоение личности. Юнг сам пишет о своей «личности № 1» и «личности № 2», которые Винникотт называет соответственно «подлинным „я“» и «исподлинным „я“». Исподлинное первое «я» (№1) позволяло Юнгу успешно вести общепринятый «нормальный образ жизни». Подлинное «я» (№2), которое имело для Юнга гораздо большее значение, сохранялось им в тайне, и это понятно.

В Базельском университете Юнг был студентом, а Ницше — профессором, который был ославлен чудачком. Юнг вспоминал, как его удерживал от чтения Ницше тайный страх, что он мог бы стать похожим на него (по крайней мере, в том, что касалось тайны, которая отделяла его от окружающих). «...Всем казалось очевидным, что он был, или, по крайней мере, считался чудачком, *lusus naturae* — игрой природы, какой бы я не хотел быть ни при каких обстоятельствах. Я боялся, что буду вынужден признать, что я тоже чудак. Конечно, он был профессором, написал такие толстые книги и достиг тем самым невообразимых высот, но он, как и я, был сыном священника...»¹ Когда Юнг в конце концов прочитал «Так говорил Заратустра» («Also sprach Zarathustra»), он был «охвачен энтузиазмом». Он чувствовал, что Заратустра был Фаустом Ницше, его «личностью №2», и его, (Юнга), «личность №2» тоже напоминала Заратустру. «Ницше, — записал Юнг, — сделал ошибку и выпустил

¹ Любопытно, что и Фрейд долго воздерживался от чтения Ницше.

«личность №2» в мир, который ничего в этом не понимал», ошибку, которую Юнг со свойственной ему способностью хранить свои мысли в тайне решил не повторять. «Канатоходец» Ницше, по его собственному выражению, сорвался и пал, потеряв себя. Он не знал, каково в этом мире быть одержимым, он, человек, который в быту бывал и внимательным и осторожным — пока не сошел с ума.

По мнению Г. Лемана, более чем вероятно, что в его сне нашли отображение отдельные идеи и образы из «Заратустры» Ницше. Замену канатоходца на лошадь можно объяснить словами Ницше: «Человек — канат, протянутый между животным и Сверхчеловеком — канат над пропастью». Когда Юнг открыл Фрейд, что это он сам видел сон, то, вероятно, чувствовал, что мог доверить свою «личность № 2» Фрейд, потому что «Фрейд знал и понимал такие вещи».

Письмо Фрейда, в котором он благодарит за книги и дает свой отзыв, затерялось (случайно ли?). Известно лишь, что к просьбе Юнга дать истолкование его сна Фрейд отнесся сдержанно. Опыт клинициста подсказывал ему, что часть информации Юнг почему-то утаил.

Образ испуганной сильной лошади без седока, скачущей и в неизвестном направлении, на психоаналитическом языке представляет собой мощные инстинктивные силы.

Наиболее непонятной (и наиболее существенной) является часть сна со второй, смутно видимой, чалой лошадью. Согласно интерпретации Юнга, вторая лошадь символизирует собой его «жену, которая надела на него ярмо супружества». Маловероятно. Юнг приписывал браку свойство защищать его от собственных импульсивных порывов.

Что же случилось в жизни Юнга в 1905–1906 гг., что заставило его почувствовать, что он теряет контроль над собой?

Леман предположил, что этот сон явился следствием эмоционального смятения, возникшего в результате увлечения С. Н. Шпильрейн. Это подсказывает хронология событий. Сабина Шпильрейн приехала в Бургхельцли в качестве пациентки в августе 1904 г. Она была одной из первых пациенток, которых Юнг лечил психоаналитическим методом. В апреле 1905 г. после лечения, результатом которого Юнг мог гордиться, ей стало лучше и она смогла учиться медицине, о чем мечтала. Письма Юнга к Шпильрейн сохранились у его родственников, ознакомиться с ними мне не удалось, кажется, они и по сей день не опубликованы.

Если бы проблема, с которой столкнулся Юнг, стала известна всем, то его профессиональная карьера в Цюрихе рухнула бы.

(Отсюда и крах карьеры, о котором Юнг упоминает в собственном толковании сна.) Таким образом, смутно различимая убегающая лошадь символизирует собой скорее Сабину Шпильрейн, чем Эмму Юнг, в то время как первая лошадь — самого сновидца.

Учитывая важность идентификации Юнга с Ницше, эпизод со Шпильрейн можно рассматривать и под другим углом зрения. Он переписывался с сестрой Ницше (Элизабет Ферстер). От нее он мог узнать, что Ницше писал «Заратустру», когда был отвергнут Лу Саломе. Как и Сабину Шпильрейн, ее привезла из России в Швейцарию мать. Ницше был представлен ей в Италии, влюбился в нее, предлагал ей стать его ученицей, выйти за него замуж.

Если Юнг знал о Лу Саломе (а он знал), то не выбрал ли он бессознательно Сабину Шпильрейн, чтобы воссоздать некоторые аспекты опыта Ницше? Каротенуто убежден, что один из краеугольных камней психологии Юнга — концепция «anima» и «animus» возникла на основе опыта, полученного Юнгом в результате взаимоотношений с Сабинной Шпильрейн. Обе девушки стали преданными Фрейд и его идеям психоаналитиками — и это не простое совпадение¹.

Обсуждаемое сновидение отличается разнообразием интерпретаций движения в пространстве. Падение лошади происходит сверху вниз. Неясно видимая (вторая) лошадь появляется рядом с первой (убегающей) бок о бок. Из собственных толкований Юнга мы знаем, что перемещение в направлении «верх — низ» означает крах, «вперед — назад» означает управление. Что же означало для него «бок о бок»?

В марте 1907 г. Юнг рассказал Фрейд сон, который видел в Вене. «Я видел, что вы шли около меня, и вы были очень дряхлым стариком». Здесь всплывает эта связь «бок о бок», — с Фрейдом, оставшимся в своем обличье, хотя и измененным старостью. Фрейд стал для Юнга воплощением того, что он позже назвал архетипом «мудрого старца».

Итак, согласно предположению Г. Лемана, вторая, чалая, лошадь, которая стала скакать бок о бок с гнедой лошадью, олицетворяла собой, скорее всего, Сабину Шпильрейн. Здесь существовало влечение, отсюда и расплывчатость образа. Чувствуя, что их взаимоотношения зайдут за пределы допустимого, Юнг рискнул обратиться к Фрейд за помощью.

¹ В 1923 г. С. Н. Шпильрейн по совету З. Фрейда уехала в СССР, где занималась научной работой и клинической практикой. В оккупированном немецкой армией Ростове она попала в концлагерь, где погибла в 1942 г.

В дальнейшем Юнг преодолел опасение, что может разделить судьбу Ницше. Он нашел точку опоры в реальном мире и убедился, что действительно существовал и не был «чистым листом бумаги, кружащимся в ветрах духа, подобно Ницше». Юнг был хорошо знаком с историей Ницше и Вагнера. И, бессознательно идентифицируя себя с Ницше, он наделил Фрейда ролью Вагнера. Как личности Вагнер и Фрейд имели мало общего, но подвижнический характер их работы объединял их образы. Они перешли традиционные границы и оказали глубокое влияние на доминирующие культурные ценности.

Первая книга Ницше — «Рождение трагедии из Духа музыки», с ее ярким предисловием «К Рихарду Вагнеру» — заставила Г. Лемана задуматься, не служит ли ей параллелью первая книга Юнга «Психология Dementia Praecox», где в предисловии он отдает должное «блестящим открытиям Фрейда»? Книга Ницше серьезно повредила его репутации как академического филолога из-за поддержки им Вагнера. Юнг, психиатр в Бургхельцли, перед которым было открыто широкое будущее, также очень рисковал, упоминая имя Фрейда в сугубо положительном контексте — в то время оно вызывало острую критику и плоские насмешки.

Итак, исследование этого сна позволило Г. Леману сделать вывод, что Юнг был озабочен опасностью потери контроля над своим «я»: его охватило смягчение чувств, вызванное влечением к своей пациентке Сабине Шпильрейн. Образы сна могут указывать на идентификацию Юнга с Ницше. Г. Леман прекрасно обосновал, что идентификация с Ницше и его отношением к Лу Саломе и Рихарду Вагнеру отразилась на отношениях Юнга с Шпильрейн и Фрейдом.

Юнг видел в снах живую нить, соединяющую его с прошлым.

И обратите внимание — это были сны-опасения. Но каждому из нас хорошо известно, что страшные сны бывают и в детстве, когда фактический объем переживаний, что бы ни писали об этом психоаналитики, все же невелик.

Сны: реванш подсознания

Сны и правда программируются. Это отвечает морфофункциональной сущности сна. Отвечает и факту его существования. Ведь сны прошли испытание естественным и половым отбором.

Не исключено, что сознание должно иметь постоянный тренинг на малую вероятность. Это создаст смуту и чувствительность к смыслу, и понимание того, что закономерное есть часть случайного. Сознание против этого восстает. Но бессознательное одерживает победу каждую ночь.

Часто сны порождаются опасениями.

Но опасаемся мы того, что не сбудутся наши желания.

Они тоже стремятся занять свое место в мире снов.

Что, собственно, изначально хочется человеку?

Дара прорицания (1); понимания людей, говорящих на любом языке (2); умения читать чужие мысли (3); способности слышать, что говорится, и знать, что происходит за много сотен и тысяч верст (4); способности исцелять недуги (5); искусства не стареть — останавливать возраст (6); понимания зверей и птиц (7); способности оставлять собственное тело и переходить в другое (8); дара укрощать диких зверей одним изгладом (9); силы, заставляющей других людей подчиняться невыраженной силой воле (10).

Эти десять свойств составляют содержание раджа-йоги и одновременно — содержание снов. Снов-желаний.

Каждое явление содержит в себе «зародыш чего-то совершенно другого. Сначала это другое есть только возможность, но эта форма затем снимает себя и превращается в действительность»¹. Возникает вопрос, почему «эта форма... снимает себя»?

У Гейне можно прочесть: «Мой великий учитель, покойный Гегель, сказал мне однажды: "Если бы записаны были все сны, которые видели люди в течение известного периода, то, прочтя это собрание снов, можно было бы составить вполне правильное представление о духе периода"»².

Это многое говорит о снах, которые видел Гегель.

И не только он.

Сон и действительность обладают общностью, и ее выявляет искусство. Честертон пишет об одном из своих персонажей: «Бессмысленно говорить, будто он почувствовал, что все это происходит во сне; нет, на сей раз он ясно почувствовал, что сам угодил в какую-то книгу. Ибо мы, люди, привыкли ко всяким нелепостям, привыкли к вопиющим несообразностям; под их разноголосицу мы засыпаем. Если же случится что-нибудь вполне сообразное с обстоятельствами, мы пробуждаемся...»

¹ Гегель. Соч. — Т. 1. — М., Л., 1929. — С. 246.

² Гейне Г. Собр. соч. — Т. 6. — М., 1983. — С. 257.

Книги пишут, чтобы их понимали. Но мир, если мы даже примем сильный антропный принцип, существует не для того, чтобы его понимал человек.

Надо признать, что из «сильного антропного принципа» косвенно вытекает, что мир доступен пониманию в той мере и степени, в какой человек является его структурным компонентом и порождением. Но вопрос о том, есть ли у «текста мира» автор, остается открытым. Подобного рода подход допустим по отношению к определенному роду предметов анализа, и об этом уже говорилось. Есть основания рассматривать такой подход как продуктивный. Но и не более того.

Применительно к снам вполне отчетливы такие структурные их уровни: первый — совершенно хаотический; второй поток слипшихся обломков смысла (сновидения обоих уровней нередко объединяют в значении термина *monopneiron*); третий — сюжетно организованные, имитирующие смысловые связи сновидения. Такими, вероятно, и были сны Стивенсона и Булгакова.

Применительно к литературе особый интерес вызывает то, что в ней «ряд метафорический» утверждается как существующий до «реального ряда», его вызвавшего.

Иногда это мотивируется в старой традиционной манере романов — сном. Сон — старый слуга романа. «Он служит ему в двух лифрах. Сон-предчувствие, сон-предсказание и часто в то же время подготовка к определенному восприятию будущего события; иногда же сон берется просто как мотивировка фантастики»¹.

Вообще же роль сна в искусстве близка к роли сна в жизни.

«...Люди в целом-то одинаковы, к какой бы нации ни принадлежали. Если что-нибудь перечувствовал ты, будь уверен, что точно это же перечувствует и другой человек в любой точке глобуса. Мудрец гневается, как ты. Директор завода подвержен тому же любовному пламени. Пророк — это ты. И карманный вор — тоже. В этом спасение искусства»². Не только и не столько искусства. Вот в чем дело.

Из общности образа мира следует весьма важный вывод: «Все видят те же сны...»³. На определенном уровне общения (и соответственной глубине понимания) это так.

¹ Шкловский В. О теории прозы. — М., 1929. — С. 210.

² Габрилович Е. Избр. соч. — Т. 2. — М., 1983. — С. 470–471.

³ Там же.

«Сны составляются из кусков, они монтажны, как построения поэзии.

Сон и рисунок на камне — это первое, что удвоило для человека жизнь.

Это не только то, что ощущается, но то, что может ощущаться.

Люdiam надо рукой попробовать камни, начать рисунок, который никогда не кончается, провести рукой по камню.

Сны умеют кончаться, сны умеют соединять разбитые куски увиденного, услышанного. Во сне узнаются первые своеволия, нужные построения. Сны — обрывки человеческих воспоминаний.

Сны — обрывки, предки замыслов поэм и романов¹.

Монтаж начинается со снов. Жизнь не осознается как монтажная. Позабывтый (его не читают) Вяземский писал некогда:

Мне все одно: обратным оком,
В себя я тайно погружусь,
И в этом мире одиноком
Я заперся со всех сторон.
Мне лобо это заточенье,
Я жизнью странной в нем живу:
Действительность в нем сновиденье.
А сны я вижу наяву!

Вещие сны

Из скептической оценки концепции Райбэка не следует, что вещей снов нет.

Вещие сны, конечно, существуют. Вот пример — из воспоминаний Игоря Сикорского.

«Когда мне было что-то около одиннадцати лет — это было в 1900 году, — мне приснился чудесный и удивительный сон. В течение нескольких дней я жил под впечатлением этого сна и до сих пор помню его в мельчайших деталях.

Я шел по узкому, роскошно украшенному коридору. По обеим его сторонам — двери орехового дерева, похожие на те, что ведут в каюты парохода. Пол был покрыт красивым ковром. Крутые электрические светильники, вделанные в потолок, излучали приятный голубоватый свет. Я шел медленно, чувствуя ногами легкую вибра-

¹ Шкловский В. О теории прозы. — М, 1983. — С. 213–214.

цию, и ничуть не был удивлен тем, что она чем-то отличается от вибрации парохода или поезда. Я принимал это как должное, потому что знал, что нахожусь на борту огромного летающего судна. Я подошел к концу коридора и открыл дверь, ведущую в богато украшенную кают-компанию, — и тут я проснулся.

Все кончилось. Похожий на дворец летающий корабль был всего лишь прескрасным плодом воображения. В то время я знал, что человеку пока не удалось создать успешно летающий аппарат, мне говорили, что это считается невозможным...»

Спустя тридцать лет И. Сикорский совершал полет на борту сконструированной им летающей лодки: «Воздух был спокоен, и самолет двигался очень плавно, двигатели гудели на сниженных оборотах. Я в это время находился в переднем салоне и решил посмотреть, что творится в других салонах. Когда я направился в курительный салон, стюарт зажег свет, и я даже замер от удивления. Футах в двадцати впереди я увидел ореховую отделку и элегантный вход в курительный салон. Голубоватые плафоны на потолке излучали яркий и приветливый свет (обычно я бывал слишком занят, чтобы поглядеть, как выглядят салоны при зажженном свете). И сейчас, в первый раз увидев салоны при электрическом освещении, я оценил их элегантность и как бы впервые понял, что они гораздо просторнее, чем во всех других самолетах. Но меня поразила совсем другая мысль. В этот самый момент я понял, что уже когда-то видел все это — длинный проход, голубоватый свет, ореховую отделку стен и дверей, уже когда-то ощущал это плавное движение. Я пытался вспомнить — как, где мог я все это увидеть, и вдруг во всех деталях вспомнил свой сон тридцатилетней давности»¹.

Создатель «Ильи Муромца» был человеком техники, все своего слова он знал.

А вот другой пример. Известно, что на личные судьбы многих кыргызских акынов определенным образом повлияли вещие сны. Саякбай Каралаев рассказывал, что задремав на джайлоо, он увидел во сне три юрты: в первой из них его ожидала Каныксей, угостившая его вареным мясом на золотом блюде, во второй — Айчурек, угощавшая его кумысом из серебряной чаши, а в третьей, самой большой юрте его встретили кырк чоро — сорок дружишек Манаса. Они потребовали, чтобы он пел (сказывал) им эпизоды из «Манаса».

¹ Сикорский И. Сон. Рассказ о крылатых С // Техника — молодежи. — 1989. — № 6. — С. 58.

Саякбай попытался, у него ничего не получилось, тогда ему всыпали в горло просо — и он проснулся. Он сразу попробовал спеть, и у него получилось. С тех пор начался его путь манасчи. Любопытно, что во сне он сразу узнает, кто с ним говорит, о подобного рода снах (иногда в них участвуют вещие старцы, иногда — узнаваемые герои эпоса, ситуации встреч различаются) сказители сообщали и родственникам, и широкому кругу слушателей¹.

И таких примеров можно привести немало.

Есть и удивительная гипотеза о снах-воспоминаниях, отразившихся и в мире мифологии.

Ф. Б. Я. Кейпер приводит отрывок из «Тируваннагам», который содержит выражения, свидетельствующие о непосредственном личном припоминании Бодхисаттвой своего пренатального опыта².

Многие детали и периодизация этого опыта оставляют сильное впечатление: они могут быть сопоставлены с объективными данными, описанными в специальной (медицинской) литературе. Изучая ведийскую мифологию, Кейпер обратился к трудам своего соотечественника М. Литазерта Пеербольте и обнаружил примечательные совпадения собственно мифологического материала с концепцией, согласно которой психика существует в генетически транслируемой форме, что находит последующее отражение в бессознательном — и в снах. Иными словами, психическое состояние свойственно уже половым клеткам, и оно может быть воспроизведено в снах. Яйцо «вышло из яичника и спокойно ожидает, что произойдет дальше»³. Вероятно, это начальная психическая трансформация Большого ожидания. В терминологии Фрейда, это — переживание океанического чувства. Ощущение покачивания, словно зыби на большом водном пространстве, и одновременно ощущение того, что яйцо есть часть этого пространства, часть бесконечности. В снах это чувство предстает в виде пребывания во власти большого водного пространства, а также в форме переживания чувства коллективности, принадлежности к группе, сообществу, роду, множеству движущихся людей.

Некоторые сны, описанные психоаналитиками, указывают на океанические ощущения «качания на волнах». В ранней психоана-

¹ О сне С. Каралаева мне подробно рассказала Е. Кыдырбаева. Пользуюсь случаем выразить ей искреннюю благодарность.

² См. Кейпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. — М., 1986. — С. 130.

³ Там же. — С. 131.

литической литературе это объяснялось как нечто фиксированное зародышем, окруженным амниотической жидкостью; гипотеза о пренатальном¹ сне ведет к заключению, что эти океанические ощущения восходит к состоянию яйца между овуляцией и оплодотворением. Кейпер обратил внимание на параллелизм между этими чувствами и психическим состоянием, которое Майстер Экхарт, виднейший мистик прошлого, описывает следующими словами: «быть столь пустым, каким бывают до существования». Заслуживает внимания и мифологический мотив приковывания горы, дрейфовавшей по водам. Его эквивалентом в пренатальном опыте может быть прикрепление оплодотворенного яйца. Оплодотворение выражено в мифологическом символизме в образах сражения Индры с горой, неудивительно: сперматозонд должен преодолеть известное сопротивление, проникая в яйцо. По-видимому, в снах, связанных с зачатием, иногда воспроизводится в образах этот процесс. Кейпер проводит ряд параллелей между этим процессом и мифологическими эпизодами².

Рабочая гипотеза

Теперь, когда вы убедились, как сложен этот вопрос, я расскажу, что о нем думаю.

Обсудим вопрос о семантике сновидений с позиций, близких аналитической психологии и сейчас определяемых как «радикально-психологические».

Подкупающее своей простотой понимание сна как «небывалой комбинации бывалых впечатлений» в сущности не обладало объясняющей силой. Оно не отвечало на основной вопрос о содержании сновидений, поставленный еще Ф. М. Достоевским: «почему же все такие именно презы мерещутся, а не прочие? Могли еще быть и прочие-с?»³. Действительно, почему снятся именно эти сны, а не иные? Обоснованный ответ на этот вопрос дал Фрейд. Дальнейшая критика его концепции зачастую исходила из вненаучных соображений и в силу этого внимания не заслуживала; это, разумеется, не значит, что

¹ Проще говорить, предположение о том, что до рождения ребенок спит — и с криком просыпается, уже родившись.

² Кейпер Ф. Е. Я. Труды по ведийской мифологии. — М., 1986. — С. 131–134.

³ Достоевский Ф. М. Соч. — Т. 6. — С. 268.

учение Фрейда неопровержимо. В дальнейшем Юнг показал, что сновидения представляют собою не только и даже не столько символизацию подсознания личности, сколько самоизображение бессознательного.

Вопрос о том, почему же снятся сны, причем именно эти, а не какие-либо иные, все еще не получил общепринятого ответа. Правда, в экзистенциальном ключе этот вопрос сопоставляется с проблемой смысла жизни, приравнивается к ней и снимается: абсурд бытия сопоставим с абсурдом сна (действительно, временами разницы мало). Есть и продуктивные попытки описать сновидения психохисторически; хотя они и отличаются известной новизной в плане содержательном, ключ к подобному подходу был определен Ягелем. Но, сликая сны и явь, мы и здесь уходим от вопроса о функциях сна. В. Ротенберг и О. Тихомиров полагают, что сновидения способны снимать невротическую тревогу и тем самым положительно влияют на творческие возможности индивида. Вполне возможно! Но это влияние вторично. Сон — это прежде всего необходимая часть психической жизни как процесса. Для Карела Чапека «сон — это как бы темная и глубокая вода. Она уносит все, о чем мы не знаем и не должны знать. Страшный осадок печали, который образуется в нас, вымывается и уплывает в это безбрежное море подсознания. Наши дурные и трусливые поступки, все наши обыденные и постыдные грехи, унижающие нас глупости и неудачи, секунды лжи и нелюбви, все то, в чем провинились мы, и то, в чем другие виноваты перед нами, — все это тихонько утекает куда-то за пределы сознания. Сон безгранично милосерден: он прощает нас и виновных перед нами.

И вот, — говорит Чапек, — я скажу вам то, что мы называем нашей жизнью, — еще не все, что нами прожито; это лишь часть жизни. Того, чем мы живем, слишком много, больше, чем способен вобрать наш разум. Поэтому мы лишь отбираем из отобранного упрощенное действо; и это сплетение мы называем жизнью. Но сколько мы при этом оставляем в стороне, сколько обходим странных и страшных вещей... У нас не достало бы мочи вынести жизнь, если бы большую часть ее мы не теряли по дороге»¹.

Это очень убедительно. Но здесь сон соотношен с пережитым, с прошлым. Но, на наш взгляд, «странные и страшные вещи» не даром видятся во сне. Такие сновидения могут иметь глубинное и существенное обоснование. Наша точка зрения состоит в том, что способ-

¹ Чапек К. Собр. соч. В 7 т. — Т. 1. — М., 1974. — С. 576.

ность видеть сны прошла через фильтры естественного, полового, и социального отбора лишь потому, что выполняла некоторую жизненно важную функцию. Таковой нам представляется функция прогностическая.

Современные представления о содержании сновидений ориентированы на субъект, его внутренний мир. Даже весьма смелые предположения, что в сновидениях отражен пренатальный опыт (включая состояние яйца между овуляцией и оплодотворением), не выводят содержание снов за пределы субъективной модели. С нашей точки зрения, мир сна — транссубъективный мир, в котором значение и вероятность событий иные, нежели в бодрствующем разуме. Разум, ориентирующийся на наиболее вероятное и закономерное, вполне эффективен при регуляции актуальной деятельности; он обнаруживает ряд слабостей при реконструкции прошлого и не в состоянии строить сколько-нибудь достоверные модели будущего. Объясняется это тем, что будущее исполностью детерминировано настоящим. В сущности то, что мы называем закономерным, есть лишь часть случайного. Поэтому мир сна с необходимостью дополняет явь, он расшатывает неизбежную ригидность логического разума. Тем не менее хаотичность мира сна — кажущаяся, в нем просто другие вероятности.

Мы исходим из предположения, что в подсознании и тем более — в коллективном бессознательном фиксируются лишь те моменты и ситуации, которые имеют определенное значение для обеспечения жизнеспособности индивида, то есть значимые для его будущего. Предания о «вещих снах» (а вне категории предания нет, по Бердяеву, и самой истории) передают эту особенность снов в ее крайнем выражении: предсказующее значение снов — это лишь наиболее яркая форма их значения для продолжения индивидуального существования. Иначе говоря, все, что образует смысл сновидений, готовит индивида к испытаниям бодрствования. При этом сны видят и второе «я» индивида, которое обладает более полным знанием об организме и его возможностях, о личности и подлинных границах ее черт гораздо больше, чем первое бодрствующее или «дневное» эго. Когда при ранних токсикозах беременности происходит символическое отвержение нежеланного плода, это, по нашим наблюдениям, связано с тем, что информация о том, каков пол будущего ребенка, уже поступила в «ночное» (второе) «я». Сны сообщают второму «я» нечто более значимое, чем это способно познать «дневное» эго. Классический психоанализ в терапевтической форме

преодолевал это различие «я»¹. Нам представляется, что анализ сновидений может послужить источником информации о структуре и даже интенциях второго «я», которое функционирует в еще не полностью изученных формах.

Зачем

Валерий Брюсов склонился над столом. Он писал:

Вот я — обязан, окован
 Пристальным взглядом змеи очковой,
 Над былинкой лесная газель:
 Вновь тропу преградила Цель.
 Здесь, в стране исканий,
 Где века грохочут листвою,
 Мысли гонимы — реки,
 И с кимней
 В непостижность водопад роковой,
 Где направо — скалы в грядущее,
 Где налево — пропасть в прошедшее,
 Где ветры, над истиной дующие,
 Кричат как сумасшедшие...
 И всюду —
 Чудо:
 «Почему» превращается странно в «зачем».
 Взглядом змеи очковой
 Я очарован.

Потом он позвал жену и пожаловался на озноб. Та всполошилась, уложила его в постель... Через несколько дней он умер.

Стихи оказались последними.

И, возможно, провидческими.

Конечно, на них лежит и тень бреда.

Но с ним уже случалось такое. Случалось видеть, как трамвай наехал на игуанадона, случалось

... ждать, что в губы кинется казуар,
 Насмешлив и застенчив.

¹ Хотя и интерпретировал его, на наш взгляд, упрощенно и неверно. Юнг обошел вопрос о духе «я» в своем учении по причинам сугубо личным.

Здесь он увидел пространство возможностей, страну исканий, ее карту, которая читается слева направо (пропасть прошлого, скалы будущего), увидел бесконечное течение мысли, услышал шум времени, понял главную проблему науки XX века:

«Почему» превращается странно в «зачем»...

И ведь верно — физиолог объяснит нам, *почему* снятся сны. Конечно, это основное. Но психолог поймет, *зачем* они снятся, — это главное.

И это позволяет выйти на максимально расширенную интерпретацию сна как категории — интерпретацию философскую.

Сон истории

Б. Гройс, следуя, по-видимому, духу «Псевдоморфоз» О. Шпенглера, утверждает, что фрейдовская теория подсознательного не прижилась в России потому, что это именно «западная» идеология.

«Оригинальность русской позиции, о которую разбиваются традиционные психоаналитические стратегии, состоит в том, что Россия вовсе не настаивает на своей «сознательности»¹. Читатель, естественно, сразу вспомнит тютчевское «умом Россию не понять, аршином общим не измерить». Да, продолжает Б. Гройс, да. Потому, что этот аршин — западный. История России — исключительная, иная, внерациональная, это понял еще Чаадаев. Недаром он утверждает, что Россия существует как бы вне истории человечества, а существует лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок.

Россия как сон истории — это идея старая. Еще Виктор Шкловский писал: «Я не социалист, я фрейдовец» и пояснял: «человек спит и слышит, как звонит звонок на парадной. Он знает, что нужно встать и не хочет (скорее, не может. — А.Б.). И вот он придумывает сон и в него вставляет этот звонок, мотивируя его другим способом — например, он во сне может увидеть заутреню»².

И главное.

¹ Гройс Б. Утопия и обмен. — М., 1993. — С. 245.

² Шкловский В. Сентиментальное путешествие. — М., 1990. — С. 76.

«Россия придумала большевиков как сон, как мотивировку бегства и расхищения, большевики же не виноваты в том, что они приснились. А кто звонил? Может быть, Всемирная революция»¹.

Но не все заснули или не все смогли увидеть тот же сон. А вина или беда большевиков в том, что они снались слишком долго.

Есть немало высказываний (мы их опустим), которые ставят российскую историю в особое положение, в особое состояние, в состояние сна. Россия — это сон истории, временами чудесный, временами страшный, иногда смешной, часто странный, всегда абсурдный.

Но подобный взгляд на Россию (нашедший столь полное выражение в «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина) ставит ли ее в какое-то особое положение по отношению к «цивилизованному миру»? Если ознакомиться с текущей публицистикой 90-х годов, может остаться именно такое впечатление, и символическое значение получает известный (и единодушно признанный странным) указ Б. Ельцина о возрождении и развитии фрейдизма в России. Но на самом деле призывы вернуть Россию в лоно цивилизации (в том числе и подобными способами) вряд ли имеют подлинно концептуальное значение.

Ибо сознание российской интеллигенции навсегда расколото на неизбывное влечение к великому Сну, искреннее восхищение его ни с чем не сравнимым своеобразием, и на столь же искреннее стремление к пробуждению, точно выраженное в словах Всеволода Иванова: «...хватить спать. Ибо долги сны похожи на изречение бедняка, к которому ночью залезли воры: “Чего вы, идиоты, ищете здесь ночью, когда и днем здесь ничего найти невозможно”»².

Думается, что не стоит абсолютизировать противопоставление Запад—Россия в культурно-историческом аспекте. В конце концов, Франц Кафка, Уильям Фолкнер и Габриэль Гарсия Маркес рисуют мир, отнюдь не подобный российскому, хотя временами также подобный сну. Нет, противопоставление это не локально. Сон и действительность — эту оппозицию следует брать в ее отношении к существованию: только тогда она обретает фундаментальное значение, что показал Чжуан Цзы в IV веке до нашей эры. Его притча о Чжуан Чжоу вам, по всей вероятности, известна, но, быть может, нам следует прочесть ее вместе и вновь задуматься над ее смыслом.

¹ Шкловский В. Сентиментальное путешествие. — М., 1990. — С. 76.

² Иванов Вс. Сон о Петухе // Пасмурный лист. — М., 1988. — С. 475.

Однажды Чжуан Чжоу уснул и во сне увидел, что он — бабочка. Потом бабочка во сне Чжуан Чжоу уснула и увидела сон, что она — Чжуан Чжоу. Когда Чжуан Чжоу проснулся, он долго не мог понять, кто же он на самом деле — Чжуан Чжоу, которому снится бабочка, или бабочка, которой снится, что она Чжуан Чжоу. Говорят, он до самой смерти так и не смог в этом разобраться. Говорят также, что он не всегда был уверен в том, что вообще проснулся. Говорят еще, что впоследствии он не был так уж уверен в том, что Чжуан Чжоу и бабочка — совсем не одно и то же.

Здесь в метафорической форме ставится вопрос, который не утратил значения и тысячи лет спустя, когда Шекспир писал «Бурю». И он действительно бессмертен, если мы и сегодня продолжаем задумываться над тем, «из какого же «вещества» сделана жизнь? Весь мир состоит теперь из «сна».

— Почему теперь сны на ярмарке?¹.

Да. Здесь и теперь. Мы задаем этот вопрос сегодня и будем задавать его и спустя четыреста лет после премьеры шекспировской «Бури». Ждать осталось недолго, и в обозримом будущем рыночная экономика не исчезнет.

Я констатирую это как факт и ожидаю, что будущее даст ему оценку.

Почему

Почему книгу о пространстве возможностей должна замыкать глава о сновидениях? А потому, что «философия должна жить сарказмами, насмешками, тревогой, борьбой, недоумениями, отчаянием, великими надеждами и разрешать себе созерцание и покой только время от времени, для передышки. И тогда, может быть, ей удастся наряду с реалистическими сновидениями создать сновидения совсем иного порядка, которые имели бы уже ту ценность, что воочию, наглядно показали бы, что общепризнанные сновидения не есть единственно возможные»². Признаюсь, были такие намерения. Собственно, и книга так названа — «Пространство возможностей», чтобы натолкнуть читателя на мысль, что реальность выше, глубже и шире, чем та узкая ее полоска, которая освещена сознанием человека.

¹ Г. Гауфман. Г. Собр. соч. — Т. 5. — М., 1986. — С. 342.

² И. Г. Гауфман. Соч. — Т. 6. — СПб, 1912. — С. 48.

Конец концов

В «Упанишадах» повествуется, как Индра, желая найти и понять себя, обратился к Учителю:

— О Возвышенный, когда я хочу найти себя, я вижу либо свое тело, либо свои мысли. Где же я сам?

— Погруженный в глубокий сон без снов — это ты сам, суший.

Да, понял Индра, только я, ведь при этом, другие люди, вещи и небеса, мои страдания, мысли и даже сны — все исключено. Остался я сам.

Он поблагодарил и ушел.

Но вернулся.

— О Возвышенный! В этом состоянии я сам не знаю о своем «я» и не отличаю его от других. Такое существование подобно несуществованию. Я не вижу в этом никакого блага.

— Вот именно, — сказал Учитель.

Надо видеть сны.

В «Орфее» Кокто сказано: «Одни полагают, что мы Его создали, другие — что Он нас создал, но на самом деле — мы Его сон, его кошмар».

Может быть.

Заключение

МИР – ЭТО ФРЕГАТ

Я надеюсь, что читатель не отложит эту книгу в долгий ящик для высказываний по философским и психологическим вопросам, а пойдет с ней дальше. Здесь многое поставлено на карту.

Макс Вертгеймер

Вы прошли путь, условно соответствующий путешествию доктора Фауста. В «Тюбингенском введении в философию» отмечается, что сравнение пути с подъемом старо, излюбленно, поучительно. А почему? Потому, что чем выше поднимаешься, тем больше устаешь, больше видишь, больше изменяешься — и, оказывается, это в конечном счете путешествие в себя, в великое Домой (das Nachhause).

Вот как получается: поднимался вверх, а погрузился в себя

Так и должно быть. Человеческое «я» столь же реально, сколь и мир, которому человек принадлежит.

И на недоверчивый вопрос: «это философия или взаправду?»¹, можно с чистой совестью ответить: «взаправду».

Но не: «философия».

Вот в каком смысле.

«Вообще вопрос “как это возможно?” и есть метод и одновременно способ существования живой мысли»².

Вот об этом мы с вами и говорили — о том, как это возможно.

Как это возможно, что я существую? В конце XX века декартово *cogito ergo sum* — уже не ответ. В «Картах Декарта» Тимма Ульрихса это показано очень ясно:

Мыслию, и, значит, я существую.

Я существую, и, значит, я мыслию.

Мыслию: «Так, значит, я существую?».

Значит, я существую и мыслию.

(Перевод мой)

Порочный круг. Не в мысли дело. Что-то должно быть еще. Что-то основное.

И вспоминаются слова человека, наделенного большим умом, вкусом, талантом (редкое сочетание), слова, написанные в частном письме, уже поистершемся на сгибах, хранимом в архиве, опубликованном... написанном не для печати, конечно, а чтобы

¹ Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. — Т. 12. — М., 1956. — С. 238.

² Мейерхейс М. К. Как я понимаю философию. — М., 1990. — С. 14.

тронуть любимую девушку — больше некому было ему рассказать о себе.

«Уезжают на север и направляются к югу, восток привлекает многих, между тем как некоторые стремятся к западу. И есть еще такие, о которых ничего неизвестно. Они приходят, говорят прощайте и исчезают. Их след — надорванная страница книги, иногда слово, незабываемое и доброе, и ничего больше.

И о чем мне писать, если не писать все о том же? Неувядаемые дожди, сигнальный свет молний, вечер и пожар, а ночью ваше имя, короткое, как римский меч. Я трогаю ваши пальцы и говорю торопливо и хрипло...»

Люди — странные существа. Одних интересует, кто написал письмо, других — как звали девушку, третьих — как назывался римский меч.

О том, *что* коротко и хрипло Илья Ильф сказал Тасе Лишиной, не спрашивал никто из тех, кому я давал прочесть эти строчки. Наверное, потому, что все это знают.

Все знают, почему люди существуют. В основном они не отличаются от других живых существ.

Хорошо — а живые существа?

Они, как и мы, часть мира.

А почему существует мир?

Мир — это фрегат, говорит Мелвилл в заключении «Белого бушлата», фрегат, который совершает плавание во исполнение тайного приказа, и мы сами являемся хранителями секретного пакета, чье содержание жаждем узнать. В свое время И. А. Лихачев, вдумчиво и осторожно, как умел только он, оспорил мое толкование (и перевод) этой части текста «Бушлата» — и безупречно доказал, что мы не сохраняем секретный пакет как некие тайные стражи, нет, мы храним его как часть самих себя, неизведанную и действующую — или, быть может, только способную к действию, к реализации, то есть существующую как возможность. Вскрыть этот пакет нам не дано, но думать о том, что он скрывает, — наше право и даже долг. Во исполнение долга эта книга и написана.

Я рад, что у вас достало терпения дочитать ее до конца (и не огорчен, если вы сразу заглянули в конец, ведь и это может пробудить желание прочесть книгу с начала).

Итак, пространство возможностей расположено между Есть и Нет, Жизнью и Смертью, Солнцем и Луной, Западом и Востоком.

Между этими противостоящими точками создается мощное силовое поле. Язык становится в нем напряженным, поэтическим.

Солнце ушло на запад,
Я остаюсь с востоком,
медленным и жестоким.
Я остаюсь с багровым,
огненным и кровавым,
Все-таки — трижды правым.
Солнце сюда приходит,
словно на службу. Я же
днем, ночью, вечно
в этом служу пейзаже.

.....
Я ведь тутонский, местный,
Всем хорошо известный.

Стихи Бориса Слуцкого написаны на вечную тему. Ведь «запад есть запад, восток есть восток».

Киплинг допускал, что при определенных условиях это противопоставление может исчезнуть.

Но мир, в котором существуют координаты, мир, в котором каждый из нас выиграл существование и продолжает существовать?

Как это возможно? Неужели тайный приказ содержит только правила игры?

Неоднократно на страницах этой книги возникал образ рулетки или лотереи. При этом несвязно присутствовало допущение, что люди (человек-наблюдатель) хотят участвовать в Большой Игре.

Но что это значит — хотеть участвовать в игре?

Если отвлечься от метафор и сказать прямо (а пора уже, книга кончается), это значит: хотеть жить¹.

А почему хочется жить?

Вероятнее всего, потому что жизнь — редкий выигрыш в лотерее Вселенной.

¹ Как сказал один молодой поэт с непримечательной фамилией Киселев,

Потому что дар пророчества
Не медаль, не заслужить,
Потому что очень хочется
Хоть немного, а познать.

И все с ним согласны. Его уже нет, но мертвые остаются молодыми.

Большой Взрыв — начало существования Вселенной — тоже только часть Большой Игры.

Она происходит в пространстве возможностей.

Пространство возможностей структурировано. Это совокупность и иерархия *мест*. Эти места могут быть заполнены, а могут быть и пусты. Видимо, относительно каждого места можно сказать, что оно *было* пусто. Заполненное в прошлом, оно уже занято, хотя бы реальный предмет давно, и даже очень давно, исчез. Так, мир физических возможностей имел для Большого Взрыва место, и это место занято: Взрыв произошел. Задача физика, изучающего реликтовое излучение, определить, когда и каким образом этот Взрыв произошел.

Для философа существенно, что в момент Взрыва возникли доступные пониманию пространство и время, множество Вселенных, в одной из которых мы возникли и существуем.

Вероятность нашего существования крайне мала¹.

Впрочем, разница между вероятным и крайне маловероятным событием именно в частоте осуществления, а не в сущности, и эта частота всегда проявляется как нечто возможное.

Мы существуем, существуем в мире явлений, которые так много значат — и сами по себе, и для нас.

Утверждая, что существует дистанция между тем, *какой* вещь является человеку, и тем, *что* она для него значит, философ в неявной форме ставит вопрос о том, сколь велика может оказаться эта дистанция.

Она может оказаться очень велика. Именно поэтому существуют различные взгляды на этот вопрос.

Один из взглядов на вопрос состоит в том, что у дистанции имеются две крайние точки. Одна из них — Бог. Он значит для мира и человека безмерно много, но не является человеку и вообще не явлен миру, что бы об этом ни говорили мистики. Он — воплощенное значение. На другом конце дистанции — хаос. В нем воплощена тенденция к переходу в наиболее вероятное состояние. Соответствию в понятии о Боге получает завершенное выражение то, что

¹ Согласимся с Лемом: «В этой лотерее жизнь — один из редчайших выигрышей, а разум (в следующих ее тиражах) — выигрыш еще более редкий» (Лем С. Принцип разрушения как творческий принцип // Природа. — 1987. — № 9 — С. 76).

наименее вероятно с естественнонаучной точки зрения, а во втором начале термодинамики — то, что представляется с этой точки зрения наиболее вероятным, по крайней мере, в перспективе.

Но философская точка зрения не тождественна ни теологической, ни естественнонаучной. Философ вправе предполагать, что возможность первична по отношению к реальности, даже по отношению к реальности человеческой мысли.

Величие человека, может быть, в том и состоит, что он способен понять: пределы возможного всегда выше осознанного. «Убирайтесь, вон, своей отвагой я опрокину расчеты вашей науки», — кричал Михаил V астрологам, и эхо его слов звучит и поныне. В мире есть место науке (астрология тогда считалась наукой), есть место мужеству, есть место возможному.

Собственно, мужество есть твердое осознание живым человеком своего места в мире, в пространстве возможностей. Михаил V был византийским императором и знал свое место.

И ничем в этом смысле он не отличался от других смертных, знающих свое дело. Скажем, от портных.

Правда, для императора свое место и свое дело — одно и то же, а для нас, грешных, знать свое дело — одно, а найти свое место — другое. Тут могут быть различные мнения.

Есть на эту тему притча.

Как и относительно любой притчи, вопрос «где?» относительно нашей притчи смысла не имеет. Это было в Пинипеке, Москве, Париже — все равно. В Париже есть улица Деревянного меча, Кота-Рыболова и даже улица Пруда, который слушает, как капает Дождь. Следовательно, там есть и улица Четырех портных. Один написал на вывеске, что он лучший портной в городе. Второй — что он лучший портной во Франции. Третий — что он лучший в мире. Что было делать четвертому? Ведь и у него была вывеска, без этого нельзя. Он написал на ней: «Лучший портной на этой улице». Мне по вкусу скромная вывеска четвертого. Но на какой из вывесок написана правда — никто не знает. Время прошло, улица осталась.

Прощайте, читатель.

Будет и на нашей улице праздник.

**Список сокращений
в библиографических источниках**

Журналы

- ВЛ — «Вопросы литературы».
ВФ — «Вопросы философии».
ЗС — «Знание — сила».
ИК — «Искусство кино».
ИЛ — «Иностранная литература».

Газеты

- КП — «Комсомольская правда».
НГ — «Независимая газета».

Содержание

Вместо введения. Сизиф и его команда	5–18
Вверх и вниз (6)	
Путешествие доктора Фауста (16)	
Глава 1. Генератор возможностей	20–64
Свой язык (21)	
Большое ожидание (22)	
Мир возможностей и возможные миры (25)	
Шаг назад, два вперед (28)	
Призрак Джонатана Свинфа (33)	
Медный грош (38)	
Денюги (41)	
Две витальные системы (43)	
Информация (46)	
Роза Джэйкса (49)	
Сигнал как факт и метафора (56)	
Глава 2. Стечение возможностей	66–122
Из дневника (67)	
Скрипт. Смысл. Будущее (67)	
Прорицание и предвидение (78)	
Движение в пространстве возможностей (95)	
Различие возможностей (97)	
Проблемы и парадоксы существования (100)	
Семантическое пространство (113)	
Возможности понимания и понимание возможностей (120)	
Глава 3. Великий усилитель	124–158
Об усилении (125)	
Механизм усиления (137)	
Прежде чем двинуться дальше (149)	
Значение метафоры (156)	
Зачем? (158)	

Глава 4. Новый свет 160–190

- Сознание входит в реальность (161)
- Обломки метода (172)
- Метафора как стимул мышления (174)
- Мир твёрд (182)
- Основное и главное (189)

Глава 5. Карусель истории 192–260

- История: что это такое? (193)
- История: от прошлого к будущему (196)
- Миф (199)
- Повествование (205)
- Требуется вчера (213)
- Личность. Группа. Свобода (215)
- Роковые самолёты (220)
- Идеология (230)
- Белый слон (239)
- Метафизика игры (245)
- Из дневника (251)
- Конец истории? (254)
- Новая эпоха? (258)

Глава 6. Вавилон 262–300

- Исходная точка (263)
- Две метафоры (266)
- Выбор (269)
- Рынок и счастье (276)
- Существование государства (280)
- Суть дела (285)
- Почему рынок? (293)
- Реальные возможности (294)
- Дух времени (299)
- Вавилон и будущее мира (300)

Глава 7. Нигдея 302–332

- Острова (303)
- Утопия и человек (304)
- На территории Новой Атлантиды (313)
- Экополис (319)
- Будущее существует (324)
- Девяносто третий (327)

Глава 8. Затмение земли 334–377

- Пробуждение (335)
- Кошмар (338)
- Что такое сны (340)
- Сны и творчество (342)
- Загадка «Силаева» (345)
- Два взгляда на сновидения (354)
- Сны: реванш подсознания (364)
- Вещные сны (367)
- Рабочая гипотеза (370)
- Зачем (373)
- Сон истории (374)
- Почему (376)
- Конец концов (377)

Заключение. Мир — это фрегат 378–383

Список сокращений 384

Арон Абрамович Брудный

Пространство возможностей

Введение в исследование реальности

Редактор Т. К. Песковая

Корректор Л. И. Гарающенко

Художник А. Н. Карпов

Технический редактор Э. К. Гаврина

Подписано в печать 10.02.99 г. Формат 60 × 84 ¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура «Гaramond». Печать офсетная.
24.25 печ. л. + цв. вкл. 0.25 печ. л. Тираж 2000.

Набрано и сверстано в издательском центре
Фонда «Сорос — Кыргызстан»
Отпечатано «Mega Basın», Турция